

Ревекка Абрамовна Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ и НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА в ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009.

В этом документе:

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕНГРИИ К СЕРЕДИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

1. Положение крестьянства
2. Сельскохозяйственное производство
3. Ремесло, цехи, движения подмастерьев
4. Своеобразие капиталистических отношений в Венгрии
5. Политический строй. Соотношение классовых сил
6. Движение за реформы в 30—40-х годах (Иштван Сечени, Лайош Кошут, Михай Танчич, Шандор Петефи, Пал Вашвари)
7. Положение в национальных областях (Хорватия, Сербия – Воеводина, Словакия, Трансильвания, Прикарпатье и Закарпатье)

Глава 2. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

1. Назревание революционного кризиса
2. Мартовская революция в Венгрии
3. Борьба за осуществление мартовских требований
4. Политическое и национально-освободительное движение в областях с инациональным населением
5. Борьба подмастерьев и рабочих за углубление революции

Глава 3. РОСТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В ВЕНГРИИ. АКТИВИЗАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. СЕНТЯБРЬСКИЙ КРИЗИС

1. Первый этап деятельности Государственного собрания
2. Усиление опасности контрреволюционного вторжения. Крушение дипломатических переговоров и соглашений
3. Внутриполитический кризис в сентябре 1848 года

От автора

Изучение революции и национально-освободительной борьбы в Венгрии в 1848—1849 гг., теснейшим образом связанной с буржуазными революциями в других странах Европы, сохраняет свою актуальность до наших дней. На традициях революционной борьбы 1848—1849 гг. выросли поколения деятелей 1919 года, а затем и современное поколение венгерских революционеров.

Великие современники венгерской революции К.Маркс и Ф.Энгельс оставили нам свои высказывания и оценки хода национально-освободительной борьбы, ее деятелей, ее значения.

В то же время события, значение и характер венгерской революции 1848—1849 гг. подвергались бесчисленным фальсификациям на протяжении целого столетия. Буржуазные историки конца XIX—начала XX в. выхолащивали ее революционное содержание, фашистская историография совершенно искажала ее сущность, сводила историю революции к интригам знатных семейств, к борьбе отдельных лиц за власть. Современная буржуазная историография продолжает ту же линию искажения событий, роли народных масс и руководящих деятелей венгерской революции 1848—1849 гг.

Задачи данного исследования — на основе марксистско-ленинской методологии проследить и проанализировать ход этой революции, ее движущие силы, роль отдельных классов и деятелей, своеобразие конкретной обстановки, в которой она проходила, причины ее поражения.

В венгерской революции 1848—1849 гг., в условиях двойного, феодального и национального угнетения, в результате слабости торгово-промышленной буржуазии, руководящая роль принадлежала среднепоместному дворянству, вступившему на путь капитализма. Между тем основными движущими силами, содействовавшими углублению революции, были широкие массы крестьянства, ремесленников, рабочих. Выразительницей их чаяний была передовая часть венгерской интеллигенции.

Своеобразие революционной национально-освободительной борьбы в Венгрии заключалось и в особенностях ее развития.

Революция предшествовала десятилетия борьбы за реформы. 20—40-е годы XIX в. в истории Венгрии были временем попыток проведения экономических и политических преобразований, попыток Венгрии ослабить экономический и политический гнет Габсбургов. В этот же период складывались идейные основы борьбы, формировались программы экономического и политического переустройства Венгрии. На политическую арену выходили Иштван Сечени и Лайош Кошут, Михай Танчич, Шандор Петефи и Пал Вашвари.

Экономическая и политическая борьба внутри страны, пример революционных выступлений во Франции, Австрии и Пруссии привели к событиям 15 марта 1848 г., первому революционному натиску венгерского народа против господства Габсбургов.

Венгерский народ чтит день 15 марта как день начала революции, как день активного выступления трудящихся за национальное освобождение.

Буржуазная революция 1848—1849 гг. в Венгрии осталась незавершенной. Тем не менее она дала толчок развитию капитализма, оставила неизгладимый след в идейном развитии венгерского народа, явилась предшественницей революционного движения 1918—1919 гг.

* * *

Автор выражает искреннюю признательность научным сотрудникам сектора новой истории и сектора стран народной демократии Института истории АН СССР, принявшим участие в обсуждении рукописи этой монографии. Глубокую благодарность автор приносит А.Н.Неймарк, оказавшей ценную помощь в работе.

Глава 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕНГРИИ К СЕРЕДИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

1. Положение крестьянства

Венгрия первой половины XIX столетия была аграрной страной. При общей численности населения в 1838 г. примерно в 12,9 млн. человек, около 90% занимались сельским хозяйством и лишь 10% было занято в других отраслях экономики¹.

В отдельных комитетах страны процент чисто сельского населения был еще выше. Исследователь экономической жизни Венгрии статистик того времени Э.Феньеш писал, что не только рыночные пункты и местечки, но также наиболее населенные королевские вольные города², как Дебрецен, Сегед, Сабадка (Суботица), Буда, Шопрон и другие, «представляли собой не что иное, как поселения землепашцев, виноградарей, пастухов, в этом отношении ничем не отличавшиеся от сел»³.

Плотность населения в стране была низкой и в среднем не превышала 2200 жителей на 1 кв. милю⁴, однако на отдельные районы и комитаты приходилась довольно высокая для того времени плотность населения. Так, в Альфельде она составляла 6578 человек.

Население Венгрии отличалось чрезвычайной пестротой своего национального и религиозного состава. Наряду с самой многочисленной национальной группой — мадьярами (свыше 4 млн. человек), в стране проживали значительные массы славянских народностей (словаки, хорваты, сербы, украинцы), много немцев.

В социальном отношении население Венгрии делилось на дворян (617,5 тыс.)⁵, крепостных барщинных крестьян (619,5 тыс.), крепостных крестьян—желлеров (911,8 тыс.)⁶, помещичьих слуг (челяди — около 194 тыс. семей), ремесленников (125,6 тыс.), купцов, служащих, чиновников (несколько десятков тысяч) и пр. Дворянское сословие составляло всего около 5% всего населения страны.

Земля была основой сельскохозяйственного производства. Почти вся земля принадлежала феодалам-помещикам.

При общих размерах культивируемой площади в 46255 тыс. хольдов дворянскому населению принадлежало 32641 тыс. хольдов, или около 69% всей земли;

10 млн. крестьян обрабатывали лишь 11675 тыс. хольдов, т.е. 28%, а вместе с той землей, которой владели немногочисленные небарщинные крестьяне (на основе тех или иных установлений), около 13 млн. хольдов, или 31% всей земли⁷.

Анализ данных по отдельным комитатам рисует картину исключительно высокого удельного веса феодального венгерского дворянства в земельной собственности: так, в комитате Пешт дворянам, составлявшим 2% всего населения комитата, принадлежало почти в 3 раза больше пахотной земли, чем крестьянам⁸. В комитате Мошон соответственно 0,6% населения владели 60% земли; в комитате Эстергом 1,4% населения принадлежали 80% всей земли.

Для Венгрии первой половины XIX столетия характерно не только господство феодального дворянского землевладения, но и исключительная концентрация земельной собственности в руках немногочисленной кучки родовой аристократии — магнатов. Десять крупнейших магнатов Венгрии были собственниками не менее 1/6 части земли всего королевства⁹. Семейству Эстергази принадлежало 19 имений, 60 рыночных пунктов, 414 деревень, 207 сел. Общая земельная собственность Эстергази составляла 720000 хольдов, а его доходы от всей этой собственности — до 1700000 форинтов¹⁰.

Крупным земельным собственником являлась также церковь. Первая официальная статистика, вышедшая в 1895 г., указывала на следующие размеры владений церковной знати: в руках Эстергомского архиепископа находилось 95983 хольда земли, во владениях Надьварадского епископа — 187393, Эстергомского главного капитула — 70 910, Эгерского — 116138 и т.д. В 40—50-е годы XIX столетия, вероятно, было такое же положение, так как за сравнительно короткий срок вряд ли могли произойти какие-либо изменения¹¹.

Небольшой кучке — примерно 168 крупнейшим магнатам — противостояло многочисленное среднее (около 30 тыс. семейств) и мелкое дворянство (свыше 100 тыс. семейств), экономическое положение которых отличалось большой пестротой и разнообразием.

Трудно, хотя бы примерно, определить размер земельной собственности среднего и мелкого дворянства. Несомненно, что значительная часть мелкого дворянства владела лишь небольшими участками, нередко не превышающими полный крестьянский надел. М.Швартнер в своей работе, содержащей статистический материал о Венгрии конца XVIII в., подчеркивает чрезвычайную концентрацию земельной собственности в руках родовой знати и бедственное положение большинства мелкопоместных дворян. «Имеется много дворянских семей, которые довольствовались бы тысячными и даже десятитысячными долями миллионного дохода Эстергази», — пишет Швартнер¹².

О тяжелом экономическом положении большей части мелкого дворянства можно судить уже по одному тому, что оно получило презрительное название «лапотного дворянства», так как эти мелкие дворяне поместий совершенно не имели, жили на крепостных земельных наделах и носили лапти наравне с крестьянами. За свои пашни и виноградники они должны были платить не повинность, а налоги наравне с крестьянами¹³.

Лишенные прочной экономической базы, все более вытесняемые крупным землевладением и родовитой знатью, мелкие дворяне и низшие слои среднепоместного дворянства являлись ядром либеральной оппозиции в Государственном собрании, выступали против централизаторских устремлений венского двора, требовали самостоятельной Венгрии, надеясь в независимой Венгрии поправить свое пошатнувшееся экономическое положение.

Среднее и мелкое дворянство, пишет Иोजеф Реваи, «черпало свой радикализм в своем отчаянии по поводу разрушения своего общественного и экономического базиса»¹⁴.

Положение венгерского крестьянства определялось теми процессами, которые имели место в течение ряда веков. XVII и XVIII вв. были периодами усиления закрепощения. Законодательные распоряжения Марии-Терезии 1707 г. о размежевании (они назывались *Regulatio urbarialis*) фактически закрепили барщину и феодальные повинности, усилили процесс ликвидации общин¹⁵. В Венгрии исторически сложилось деление земель на домениальные и урбариальные. Домениальные земли были в полном распоряжении феодалов.

Положение домениального крестьянства резко отличалось от положения крестьян, сидевших на урбариальных землях¹⁶. Крепостной, живший на домениальной земле, находился в полнейшей зависимости от своего помещика. Помещик мог прогнать его в любое время, отобрав даже жилище. Естественно, что такому крестьянину постоянно угрожала потеря всяких средств к существованию. Он всецело зависел от воли помещика. Урбариальные земли были также подвластны помещику; однако крепостные крестьяне, пользовавшиеся наделом урбариальной земли, являлись основными налогоплательщиками. Поэтому государство несколько охраняло их интересы. Наделы урбариальной земли распределялись помещиками по своему усмотрению. Однако если крестьянин уходил, то помещик должен был поселить на его месте другого. Помещику запрещалось также отнимать у крепостных обрабатываемые ими урбариальные участки.

Закон, принятый Государственным собранием в 1836 г., установил новый порядок определения размеров крестьянских участков. Земля делилась на три, а в некоторых комитатах на четыре класса. У сел первого класса полный участок был равен 24 хольдам, второго — 26, третьего — 28, четвертого — 30 хольдам земли¹⁷. Размеры полного надела колебались в разных комитатах от 16 до 40 хольдов. К наделу полагалось несколько хольдов луга (большей частью на правах общинной земли)¹⁸.

Вместе с тем закон 1836 г. установил целую систему запретов и ограничений для крестьян: параграф 2 шестой статьи этого закона не разрешал, например, крестьянам в комитатах с развитым виноградарством держать корчму, торговать вином. Производство водки из отходов виноделия облагалось платой в пользу помещика. Параграф 3 той же статьи, урезывая пользование лугами и пастбищами для крестьян, совсем лишал права на это желлеров, а параграф 4 запрещал сбор хвороста, резку камыша, ловлю рыбы и т.д.

Девятая часть урожая крепостных должна была по этому закону отдаваться помещику. Этот же закон возлагал на крестьянина целый ряд натуральных повинностей, например, снабжение помещика яйцами, маслом, медом, мясом и т.п.

Статья 7 подтверждала все прежние феодальные законы относительно барщины. Крепостные крестьяне обязаны были отработать за год со своим инвентарем и тяглом на помещичьей земле 52 дня, без тягла — 104 дня. Желлеры, имевшие дом, должны были отработать 18 дней, бездомные — 15 дней барщины¹⁹.

Крепостные, поселенные помещиком на его домене, отбывали барщину на его земле. Крестьянство урбариальное также было обязано работать на помещика; надел служил единицей, определявшей размеры барщины и других повинностей и платежей крестьянина в пользу помещика, государства, церкви. А что собой представляла барщина, ярко рисует Михай Танчич в своих мемуарах. Он сам ходил на барщину (за своего зятя — крепостного) за тридевять земель. Работать надо было от зари до зари, ночью добираться домой. Оговорка закона о включении в барщину времени на дорогу не принималась во внимание: «Гайдук... толковал законы по собственному усмотрению, а непонятливым записывал их на спине ореховой палкой»²⁰.

Крепостной крестьянин в Венгрии в первой половине XIX в. не мог свободно располагать не только своим наделом, но и своей рабочей силой. Земли доменов и крестьянские наделы обрабатывались одними и теми же примитивными орудиями труда, принадлежавшими крестьянам. Естественно, что уровень агротехники в хозяйстве крепостного и помещика почти ничем не отличался.

В начале XIX в. наполеоновские войны, континентальная блокада, истощившие Европу, привели к повышению цен на хлеб. Венгрия получила возможность широкого сбыта зерна в Австрию и другие государства. Спрос на хлеб толкал все более широкий круг помещиков к повышению товарности своего хозяйства. При низком уровне агротехники и барщинном труде повышение товарности сельского хозяйства происходило главным образом за счет расширения всеми способами доменов, увеличения барщины, все большей эксплуатации крепостного крестьянства. Помещики принуждали крепостных к обработке пустошей для использования их в качестве пастбищ или пахотной земли, присваивали себе земли крестьян, всячески принуждали крестьян к обработке доменов.

В связи с естественным ростом населения крестьянские хозяйства постоянно дробились. Многие крестьяне становились желлерами и бездомными батраками. Но в конце XVIII и начале XIX в. процесс дробления усилился. Дьердь Шпира, на основании переписей по комитату Пешт в 1770 г. и в 1828 г., устанавливает, что за 58 лет площадь земель под крестьянскими хозяйствами увеличилась лишь на 4,8%, число же таких хозяйств в 1828 г. составило 47955 против 23985 в 1770 г., т.е. возросло больше чем вдвое²¹. Это приводило, естественно, к росту числа желлеров.

В комитате Тренчен в 1828 г. числилось 10,3 тыс. желлеров, а в 1840 г. — 22,4 тыс., в комитате Гёмёр в 1828 г. — 7 тыс., а в 1840 г. — 18 тыс. В комитатах Арва и Туроц 83 крестьянина имели более чем полный надел, 178 — полные наделы, 667 — больше половины надела, 1030 — 1/2 надела, 5553 — лишь по 1/4 надела и много крестьян еще меньше четверти надела²².

Статистические данные по 1849 г., приведенные Эмбером²³ и другими, говорят о дальнейшем обнищании крестьянства: из 624134 крестьянских семей полным наделом владели 40380, 2/3 надела — 6458, 1/2 надела — 281264, 1/4 надела — 254 160, 1/8 надела — 41872 семей.

Из 913962 желлеров 32120 имели надел и хижину, 773528 — только хижину, а 108314 — ничего не имели. Семей слуг насчитывалось 193905.

К середине XIX в. огромный процент венгерского крестьянства, примерно 40% всего венгерского населения, и свыше 60% всего крестьянства, составляли желлеры.

С развитием торговли и рыночных отношений росла эксплуатация крестьянского труда на барщине. Однако никакое применение барщины не могло довести производительность крепостного труда до уровня труда наемного рабочего. Выдвинутое некоторыми комитатскими собраниями предложение о замене повременной барщины барщиной сдельной (по количеству подлежащей обработке земли) распространения не получило.

В связи с этим уже в первой четверти XIX в. в отдельных богатых помещичьих хозяйствах начали частично привлекаться наемные рабочие²⁴. Свообразным резервом наемной рабочей силы была беднейшая часть желлеров.

Это были первые признаки зарождения в сельском хозяйстве Венгрии капиталистических отношений. В значительной мере этому способствовал и рост налогов и поборов с крестьян.

Кроме всяческих повинностей в пользу помещиков, крестьяне несли многочисленные и разнообразные повинности в пользу церкви и государства. Даже крестьянин-протестант обязан был платить десятину католической церкви. В 1843—1845 гг. сумма уплаченных венгерскими крестьянами прямых налогов с домовладения в казну составила 5453125 форинтов. По военному налогу было уплачено 4395244 форинта; из косвенных налогов по соляной монополии, в основном падающей на крестьян, было собрано 10091725 форинтов²⁵. Особенно тягостным был военный налог, включавший, кроме денежных взносов, обеспечение войска питанием, фуражом, ночлегом, топливом, перевозкой военного имущества и т.д. Даже весьма умеренный представитель венгерской оппозиции, Ференц Деак отмечал, что из всех повинностей для налогоплательщиков наиболее тяжела обязанность обеспечения войска²⁶.

Из сказанного видно, что в Венгрии первой половины XIX в. существовали все три формы феодальной ренты: отработочная, натуральная (девятинная и др.) и денежная, сочетание которых приводило к жесточайшей эксплуатации крестьянства.

С проникновением капиталистических отношений в сельское хозяйство меняется социальная структура самого крестьянства. Появляются богатые крестьяне.

Социальную характеристику деревни первой четверти XIX в. автор Гёргей Берзевици определил следующим образом: «И среди крестьян имеется аристократия. Существуют такие семьи, которые уже давно стали зажиточными и которые, благодаря своему имуществу или связям, имеют значительное влияние и держат в своих руках управление всеми сельскими делами. Зажиточный крестьянин легко умножает свое богатство за счет разорения других...»²⁷ Однако имущественная дифференциация среди крестьянства не изменяла их правового положения. Все крестьяне находились в почти полной зависимости от помещика. В 40-х годах все еще продолжали действовать помещичьи суды. Даже право свободного перехода, столь возвеличенное дворянскими и буржуазными историками, было обставлено такими условиями, которые не давали крестьянину возможности его осуществления²⁸. Сельское хозяйство все больше принаравливалось к нуждам рынка, чем и определялась некоторая специализация сельскохозяйственных культур и животноводства. В отдельных крупных имениях вводилась более интенсивная обработка земель, уделялось внимание техническим культурам, все более значительные суммы тратились на оплату наемного труда²⁹.

Тяжесть феодальных повинностей вызывала все усиливающееся недовольство крестьянства и протесты, доходившие до вооруженной борьбы. Обычно крестьяне требовали уменьшения повинностей. Широко применяли саботаж при выполнении той или другой работы на помещика. Однако выступления крестьян были разрозненными и легко подавлялись помещиками, иногда с помощью солдат.

В 20-х годах участились захваты помещиками крестьянских наделов. Крестьян насильственно выгоняли, а обработанные ими виноградники, выкорчеванные их руками и очищенные ими от кустарников и пней участки переходили в пользование помещиков.

К этим бедам, постигшим крестьянство, прибавилась эпидемия холеры, охватившая в 1830 г. Словакию, Закарпатье, северные комитаты Венгрии. Из полумиллиона заболевших 250 тыс. человек погибли. Противохолерные мероприятия правительства — закрытие границ, карантины, запрещение передвижения ухудшили положение тех крестьян, которые обычно добывали пропитание на отхожих промыслах.

Все это привело к взрыву.

В июле 1831 г. в комитате Земплен началось восстание крестьян. Вскоре оно охватило комитаты Абауй, Шарош, Сепеш, Гёмёр, Берег, Унг, Бихар, Саболч, Сатмар. В восстании участвовало 45 тыс. крестьян 1590 сел Венгрии³⁰.

Во всех районах движение проявлялось в одинаковых формах: крестьяне отказывались от барщины, поджигали помещичьи усадьбы, возвращали себе захваченные помещиками земли, виноградники, делили господский инвентарь, скот, хлеб. В деревне Мадьярижек Земпленского комитата крестьянин Андраш Хартшар призывал к выступлению, провозглашая: «Нет больше господ! Теперь мы сами хозяева!»; другой крестьянин, Андраш Джубак, агитировал: «Не выполняйте барщины, не отдавайте налогов!»³¹ Призывы не подчиняться помещикам, а также попам и комитатским властям характерны и для других районов³². Несмотря на некоторые элементы организации, восстание в целом носило стихийный характер.

Это выступление крестьян, продолжавшееся две недели, было жестоко подавлено солдатами императора, которого крестьяне считали своим защитником.

1 A.Fenyés. Statistik des Königreichs Ungarn. Pest, 1843, 1 Theil, S.59, 112. Необходимо отметить существующие между равными источниками расхождения в оценке численности населения Венгрии, что, конечно, объясняется состоянием как всей статистики, так и демографической статистики Венгрии в исследуемый период.

2 Так назывались в Венгрии города, пользовавшиеся привилегиями, не зависящие от комитатской администрации, а только от короля.

3 A.Fenyés. Op.cit., I Theil, S.112.

4 Статистик Швартнер для 1776 г. дает 1848 человек на кв. милю (миля в Венгрии равна 8,354 м.) M.Schwartner. Statistik des Königreichs Ungarn. Ofen, 1798, S.82.

5 Численность дворян дается здесь включая всех членов их семей, в число крестьян вошли только главы крестьянских дворов. И в данном случае следует учесть также неполноту статистических данных в переписях начала XIX в. и вытекающее отсюда несовпадение итоговых данных. См.Fenyés Elek. Magyarorszag leirasa I. resz. Pesten, 1847, 23, 41—50 old.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

- 6 Так назывались крестьяне, имевшие менее /в надела земли, и безземельные.
- 7 П.Пах. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. Budapestini, 1952, стр.93.
- 8 Hugo Albert Geschichtliche Fragmente und das ungarische Staatswesen neuerer Zeit. II. Leipzig, 1846, S.213.
- 9 H.Ditz. Die ungarische Landwirtschaft. Leipzig, 1867, S.98.
- 10 Ibidem. По утверждению Швартнера (M.Schwartner. Op.cit., S.148), семья Эстергази принадлежала к самым богатым семьям в Европе.
- 11 Andics Erzsebet. Az egyhazi reakcio 1848—1849-ben. — «Forradalom es szabadsagharc 1848—1849». Budapest, 1948, 318 old.
- 12 M.Schwartner. Op.cit, S.148
- 13 A.Fenyés. Op.cit, II Theil. Pest, 1844, S.86.
- 14 Rëvai J. Marxizmus, nepiesseg, magyarsag. Budapest, 1955, 77—78 old.
- 15 Это был закон, регулирующий крестьянские повинности и запрещающий помещику отнимать у крестьян обрабатываемые ими участки.
- 16 Так назывались земли, принадлежавшие королю по Regulatio urbarialis, находившиеся в пользовании крестьян.
- 17 Приводимые данные относятся к комитату Пешт. Spira Gyorgy. A Pest megyei parasztság 1848 elotti retegeződéséhez. — «Századok». Budapest, 1958, 5—6 szam, 630 old. 18 Ibidem.
- 19 «Corpus Juris Hungarici», 1836—1868 evi törvényezések. Kot.7. Budapest, 1896, 30 old. Однако помещики часто не ограничивались установленной законом барщиной, требовали дополнительной работы. Насколько многочисленны и разнообразны были повинности крестьян, видно, например, из того, что краткое перечисление их занимает полстраницы убоистого текста в книге А.Феньеша. «Все тяготы государства несет крестьянин... Он платит военный налог, он заполняет местную кассу, из которой оплачиваются комитатские чиновники, служители..., содержатся арестованные, покрываются расходы Государственного собрания... Кроме того, строит дороги..., содержит в порядке церкви, школьные и казенные здания... и др. Это все помимо девятины помещику и десятины католическому духовенству, какую бы религию крестьянин ни исповедовал!» См. A.Fenyés Op.cit. II. Theil, S.112—113.
- 20 М.Танчич. Мой жизненный путь. М., 1952, стр.45.
- 21 Spira Gyorgy. Op.cit., 642 old.
- 22 П.Пах. Указ.соч., стр.87.
- 23 Ember Gyozo. Magyar parasztnozgalmak 1848-ban. Budapest, 1949, 12 old.
- 24 И.Ачади. История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956, стр.306.
- 25 Merei Gyula. Mezogazdasag es agrartarsadalom Magyarorszagon 1790—1848. Budapest, 1948, 151 old.
- 26 Ibid., 148 old.
- 27 См. «Очерки истории экономической мысли Венгрии» М., 1962, стр.83.
- 28 Крестьянин должен был предварительно уплатить все налоги, выполнить все барщинные повинности, имущество его должно было быть оценено судьей и помещиком, который должен был разрешить ему уход. Другой помещик должен был дать свое согласие на переход к нему. См. И.Ачади. Указ.соч, стр.242, 263; A.Fenyés. Op.cit. II Theil, S.III.
- 29 М.Танчич. Указ.соч., стр.49; Merei Gyula. Op.cit, 42—47 old.
- 30 В комитате Земплен восстало 78 деревень и сельских городов, в Сепеше — 31 деревня, в Шароше — 25, Абауй — 19, Гёмёре — 6. См Tilkovsky Lorant. Az 1831 evi parasztfelkeles. Budapest, 1955, 140 old.
- 31 Ibid., 70 old.
- 32 Ibid, 100 old.

2. Сельскохозяйственное производство

По размерам сельскохозяйственного производства и объему продукции Венгрия первой половины XIX в. стояла на первом месте среди других земель австрийской короны. По некоторым оценкам годовые сборы важнейших зерновых культур выражались в среднем в 60 млн. центнеров³³.

В стране культивировались все виды зерновых — пшеница, рожь, овес, ячмень, гречиха, немного кукурузы, риса и другие, а также ряд технических, кормовых культур.

Наиболее распространенной в стране зерновой культурой в крестьянском хозяйстве была рожь. По сравнению с ней производство пшеницы, как яровой, так и озимой, было невелико. В основном, культура пшеницы была сосредоточена в крупных помещичьих хозяйствах, в особенности поблизости городов и в районах судоходных рек. Это диктовалось, с одной стороны, потребительским спросом городского населения на пшеничный хлеб и, с другой, потребностями экспорта. Посевы пшеницы были особенно распространены в комитатах Торонтал, Серем, Пешт и др.

Большое место в посевах и урожае зерновых занимал овес. Ему также отводилось видное место в экспорте. По имеющимся данным, из 3 млн. мерок экспортируемых в год зерновых овес составлял около 1 млн. мерок (62,5 тыс. т.)³⁴.

Из корнеплодов видное место занимал картофель, не только как продовольственная культура, но как сырье для винокуренной промышленности.

Большое народнохозяйственное значение получило в Венгрии того времени виноградарство. Венгерские вина пользовались известностью далеко за пределами страны. Это в первую очередь относилось к токайскому вину, «королю десертных вин», по утверждениям венгров. Производство токайского вина было распространено в Земпленском комитате вокруг города Токай. Площадь под виноградом составляла здесь свыше 74 тыс. хольдов. Большое распространение получило виноградарство в Серемском комитате — примерно 42—50 тыс. хольдов, в комитате Шопрон — 44 тыс. хольдов, в комитатах Пешт, Пожонь и т.д.

Вино составляло важную часть как внутренней, так и внешней торговли. В 1823—1827 гг. ежегодный экспорт вина выражался в среднем в 432,9 тыс. ведер, из них 332,9 тыс. ведер в австрийские земли, остальные — в другие страны.

Издавна в Венгрии возделывался табак. Общий урожай табака в стране статистик Феньеш оценивает в 400 тыс. центнеров в год (по данным Дитца — 460 тыс.). Главными производителями табака были комитаты Толна, Хевеш и Саболич. Внутреннее потребление в стране составляло примерно 131 тыс. центнеров в год, экспортировалось свыше 300 тыс. центнеров.

В сельскохозяйственной продукции Венгрии заметное место занимало животноводство. На долю Венгрии приходилось 32,3% всего количества лошадей по Австрийской империи, 22,7% — крупного рогатого скота, 31,5% — овец³⁵.

Животноводческие богатства страны, особенно овцеводство, принадлежали, однако, крупному дворянству. Так, князь Эстергази владел 200 тыс. овец, графы Сечени — 80 тыс. овец, графы Кароли — 80 тыс. овец и т.д.

Спрос на шерсть со стороны австрийской промышленности и увеличившийся поэтому экспорт шерсти повлек за собой образование крупных овцеводческих хозяйств. «Имеются такие земли, на которых помещики еще десять лет назад не имели ни одной овцы, а теперь там пасется несколько тысяч овец», — констатировалось в протоколах сейма 1832-1836 гг.³⁶

Венгрия вела значительную торговлю как живым скотом, так и мясом и другими продуктами животноводства.

Некоторое развитие получило к тому времени шелководство, главным образом в имениях крупных земельных собственников: графов Баттьяни и др.

В целом, при низком уровне венгерского сельского хозяйства, оно к середине XIX в. стало давать экспортные излишки, а также послужило базой для развития в стране некоторых видов перерабатывающей промышленности, правда, довольно мелкой и кустарной.

Таким образом, к середине 40-х годов XIX в. в венгерскую деревню уже проникли капиталистические отношения. Энгельс писал: «В Венгрии феодалы все больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер». Венгрия, пишет Энгельс, принадлежит к числу стран, где «исполняется ныне слово пророка: «Готовьте пути господу... Широко раскройте врата и распахните двери мира, чтобы вошел царь славы!». Кто же этот царь славы? Это — буржуа»³⁷.

33 A.Fenyés. Op.cit, II Theil, S.141.

34 M.Schwartner. Op.cit, S.148.

35 F.Schmidt. Statistik des osterreichischen Kaiserstaates. Wien, 1860, S.161—164. Ввиду отсутствия статистических данных о животноводстве Венгрии 40-х годов, мы пользуемся данными за 1857 г., показывающими удельный вес Венгрии во всей Австрийской империи.

36 По сообщению, опубликованному в пожоньской газете в 1839 г. неизвестным автором, граф Эстергази владел стадом в 270 тыс. овцематок и баранов, 6 тыс. ягнят, 4 тыс. баранов-производителей. Ежегодная продукция шерсти составляла 6 тыс. центнеров. A.Fenyés. Op.cit, II Theil, S.200 (В семье Эстергази основной была княжеская ветвь, но была и боковая — графская).

37 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр.468.

3. Ремесло, цехи, движения подмастерьев

Ремесло в Венгрии прошло тот же путь, что и в других европейских странах. Ремесленные цехи давно уже превратились в монопольные иерархии мастеров, охранявших наследственные привилегии и не допускавших в свою среду малосостоятельных подмастерьев. Их строгие нормативы в отношении качества изделий ставили препятствия техническим усовершенствованиям и тормозили дальнейшее развитие производительных сил страны.

Ремесленные цехи стали ареной классовой борьбы. Союзы подмастерьев добивались сокращения рабочего времени, улучшения своих жизненных условий и условий вступления в цех.

Развитие венгерского ремесленного производства имело и свои специфические особенности. Ремесло в Венгрии было теснейшим образом связано с сельским хозяйством. По утверждению Швартнера, «во всех городах Венгрии, не исключая Пешта и Пожоня, население наряду с городским ремеслом занимается сельским хозяйством»³⁸.

В так называемых «сельских городах»³⁹ ремесло было лишь дополнением к сельскому хозяйству. На основе животноводства развивались сыромятно-дубильное, скорняжное, сапожное, портновское, мыловаренное ремесла. Однако занятия ремеслом носили сезонный характер. К весне сырье кончалось и летом в свои права вступало сельское хозяйство.

Совмещение ремесла с сельским хозяйством было настолько распространенным, что часто подмастерья использовались мастером на сельскохозяйственных работах. Часто случалось, что сами мастера с учениками выходили в виноградники, а в мастерской работал один подмастерье.

Между тем в Венгрии неуклонно развивались производительные силы, росло население страны, расширялся медленно, но неудержимо внутренний рынок. Одновременно имел место рост жизненного уровня населения. Швартнер приводит следующие данные о быте горожан: в домах стали отапливать все комнаты, за столом употреблять серебро; в широкое употребление вошли свеча, кофе, сахар, наблюдался рост уюта и удобства в домах⁴⁰.

Ввиду этого росло и количество ремесленников и быстрее, чем население. Об этом говорят следующие цифровые данные:

К 1720 г. население Венгрии с Трансильванией составляло 2,5 млн. человек, в 1785 г. — 7 млн., в 1845 г. — 12 млн. Количество ремесленников повысилось с 7785 человек (в цехах и вне цехов) в 1720 г. до 88422 человек в 1815 г. и 117156 человек⁴¹ в 1839 г. Тем не менее ни количество ремесленников (1 на 89 человек населения), ни качество ремесленного производства не удовлетворяли возросшие потребности страны⁴². Это открывало широкие возможности импорта австрийских товаров. Желая возместить потерю Силезии, Австрия превратила Венгрию в рынок сбыта своих ремесленных изделий.

Развитие ремесла в Венгрии тормозилось консервативностью цеховых мастеров, которые упорно отстаивали устаревшие порядки и вели борьбу с внецеховыми ремесленниками-контарями, с проникновением посредников-купцов в узкозамкнутые взаимоотношения ремесла и рынка. Так, например, в городе Надькарое цехи дубильщиков заявили протест против деятельности купцов — торговцев кожей и потребовали сохранить право торговли кожей исключительно за цехом. Это требование было направлено в Сатмарское комитатское управление, которое на него, однако, ответило отказом на том основании, что цех не сможет удовлетворить потребности рынка⁴³. Точно такой же случай имел место в 1843 г. в Кёсеге⁴⁴. Претензии цехов сохранять за ними монопольное право продажи своих изделий обычно комитатской администрацией отвергались, так как низкий технический уровень цехового производства не удовлетворял потребностей потребителя.

На низком уровне в Венгрии находилось производство орудий труда для большинства ремесленных профессий. Они или привозились из-за границы, или изготовлялись самими ремесленниками для себя. Все попытки венгерских ремесленников усовершенствовать свое производство, ввести технические новшества терпели крах.

Низкий технический уровень затруднял венгерскому ремеслу конкуренцию с импортными и венгерскими фабричными изделиями. Из 90 мастеров-суконщиков в г.Кёсеге в 1848 г. продолжала свое дело только третья часть. Две трети вынуждены были зарабатывать себе на пропитание поденной работой. Такая же картина наблюдалась среди дубильщиков Кёсеге. В начале 30-х годов XIX в. у восьми мастеров работало 20 подмастерьев и несколько учеников. К 1848 г. осталось лишь шесть мастеров и шесть подмастерьев⁴⁵. В г.Кашша (Кошице) в 1848 г. работало ситценабивное предприятие, снабжавшее рынок тканями по ценам, более низким, чем цеховые ремесленники. В комитате Шарош также успешно конкурировали с цеховым ремеслом кожевенный завод, фабрики фаянсовой посуды, суконная фабрика и др.

Конкурентами цехов были также независимые ремесленники — контари, число которых все больше возрастало за счет притока умельцев-крестьян. Крестьяне-желлеры, работавшие при помещичьих усадьбах, также втягивались в ремесло. Оно давало им возможность отработать свои повинности, а безземельные крестьяне, благодаря своей ремесленной профессии, могли получить землю в аренду, право пользования лесом и т.п.

Борьба между цехами и контарями все больше обострялась. Так, в 1848 г. объединенный цех кузнецов, слесарей, столяров, колесников, бочаров, сапожников г.Кёсеге обращался к комитатскому начальству с просьбой запретить кузнецам на хуторах работать «по контарному». Эта просьба не была удовлетворена⁴⁶.

Контарей часто поддерживали цеховые подмастерья, которые в виде протеста против эксплуатации мастеров, шли работать на сторону. Так, 3 ноября 1843 г. в городской совет Секешфехервара поступило заявление о том, что некоторые подмастерья, несмотря на цеховые правила, покинули своих мастеров и стали работать на сторону, требуя при этом поденную плату, в два-три раза большую, чем они получали у мастера⁴⁷. В 1845 г. плотники г.Буды подали жалобу на подмастерьев за их работу на стороне. Документы свидетельствуют о том, что работой на стороне подмастерья хотели добиться у мастеров лучшего к себе отношения и более высокой оплаты своего труда.

Борьба подмастерьев за свои права не находила поддержки у городских советов. Во всех конфликтах между мастерами и подмастерьями взыскания накладывались на подмастерьев.

Постепенно разрушались в цехах старые патриархальные отношения между мастером и подмастерьем. Мастера стремились заменить труд подмастерьев более дешевым трудом учеников-подростков и женщин, а подмастерья становились на путь защиты своих прав путем организации союзов подмастерьев, которые по немецкому образцу назывались «братствами». Эти союзы вырабатывали требования к мастерам, оказывали материальную помощь своим членам. На деятельность этих «братств» накладывались бесчисленные запрещения. Цеховые мастера из г.Кёсеге послали в Наместнический совет проект договора с сапожными подмастерьями, в котором имелся параграф 8 следующего содержания: «Строго запрещается подмастерьям организовывать тайно сборища, отговаривать друг друга от продолжения работы в мастерских, сообща решать вопрос о норме еженедельной оплаты. Те, кто действует против настоящего запрета, будут рассматриваться как бунтовщики и понесут соответствующее законное наказание»⁴⁸.

Классовая борьба между мастерами и подмастерьями проявлялась еще во всевозможных препятствиях, которые чинили мастера подмастерьям в деле получения последними звания мастеров. Во время традиционных путешествий подмастерьев по Европе, их странствий в целях приобретения мастерства, создания своего шедевра как условия перехода в мастера, головка цеха препятствовала их возвращению на родину. Измученные «странники» должны были употребить немало усилий и стараний, пережить бедствия и лишения, чтобы вернуться домой.

Перед лицом все новых трудностей, растущей конкуренции со стороны контарей, а также конкуренции со стороны австрийского мелкого производства, мастера усиливали эксплуатацию подмастерьев, прибегали к ухудшению условий найма, увеличению рабочего дня. Те немногие данные, которые имеются у нас за 30—40-е годы, говорят о прогрессирующем нажиме на подмастерьев, о систематическом снижении заработной платы, ухудшении всех материально-бытовых условий, связывавших подмастерьев с мастером-хозяином. Так, например, средняя дневная оплата труда каменщиков составляла в 1830—1836 гг. 42 крейцера, в 1839—1840 гг. — 36; черепичников — 48 и 36 крейцеров. Исключительно низко оплачивался женский труд: от 18 до 27 крейцеров в день.

Как правило, рабочий день доходил до 12—13 часов, а подчас был значительно больше. Горняки в кермецких каменоломнях работали с четырех часов утра до девяти вечера, черепичники в Пожоне (Братиславе) и Дьёре — с четырех утра до семи вечера. Подмастерья скорняжных мастерских работали до 15 часов в день. Подмастерьев-дубильщиков мастера вынуждали оставаться в мастерской, пока не закончится процесс дубления (примерно 14—15 часов).

Взаимоотношения между мастерами и подмастерьями все более ухудшались, все чаще происходили конфликты из-за пищи и жилья.

Усиливающаяся эксплуатация подмастерьев и учеников в цеховых мастерских и постепенное исчезновение патриархальных взаимоотношений между мастером, с одной стороны, и подмастерьями и учениками — с другой, определяли нарастание резкого антагонизма внутри цеха, и борьба принимала все более открытые формы. Значительным выступлением подмастерьев была демонстрация 1831 г. в Пеште. Для ее подавления было привлечено 5 рот пехоты, взвод конницы и артиллерия⁴⁹.

14 марта 1835 г. подмастерья-обувщики Пешта подали заявление в Наместнический совет, в котором они жаловались на тяжелое материальное положение и требовали улучшения условий своего труда. Этот документ представляет большой интерес. Он ярко характеризует бесправие подмастерьев, вскрывает тяжелые условия их жизни.

Подмастерья требовали обеспечить их постоянной работой не только весной и летом, в период подготовки к ярмаркам, но и осенью и зимой, когда заказы сокращались и мастера стремились освободиться от лишних ртов. Как мастера, так и подмастерья должны заранее предупреждать друг друга об увольнении или уходе с работы. Этим подчеркивалось равенство сторон.

Подмастерья требовали также нормальных жилищных условий — шкафа для хранения одежды, чтобы не бросать свою просыревшую одежду в мастерской; спального ложа, чтобы не спать на сыром полу и не наживать ревматизм. Наконец, подмастерья требовали человеческого к себе отношения⁵⁰.

Но вместе с тем большинство подмастерьев надеялось осуществить свои требования в рамках цехового производства, путем возвращения к прежним патриархальным порядкам. Не уничтожать цехи, а усовершенствовать их — таково было требование подмастерьев.

Вскоре после подачи этого заявления, 19 марта, состоялось большое собрание подмастерьев, на котором присутствовало более 600 человек. Решено было начать забастовку и продолжать ее до тех пор, пока мастера не удовлетворят их требования⁵¹.

А мастера отмалчивались, затягивали ответ. Все же 19 мая 1835 г. они были вынуждены созвать собрание цеха для обсуждения спорных вопросов. На этом собрании присутствовало 700 человек подмастерьев. Здесь снова были высказаны требования, изложенные в мартовском заявлении, причем подмастерья угрожали покинуть город в случае невыполнения их требований⁵².

Это было серьезной угрозой, но мастера пошли по пути проволочек с тем, чтобы выиграть время, а осенью отказали подмастерьям во всех их требованиях. В декабре 1835 г. руководители цеха обувщиков и городские власти сделали совместное заявление о конфликте в цехе обувщиков, в котором было сказано, что на основе старых цеховых правил 1813 г. мастер обязуется выполнить все перечисленные выше материальные требования подмастерьев. В то же время вопрос о предварительном предупреждении подмастерьев в случае увольнения замалчивался; подмастерьям запрещалось организовывать какие-либо общества, союзы, кассы взаимопомощи и т.д.

Такое разрешение конфликта не удовлетворяло подмастерьев, недовольство их не уменьшилось и вскоре нашло выход в новом выступлении. Организаторами его были подмастерья, побывавшие за границей. Это были — Адам Грюнер, выходец из Триеста, Балог, Венцель Вёрёш и др. Созванное ими на 21 февраля⁵³ многочисленное собрание приняло решение о начале забастовки. Подмастерья настаивали на письменном заверении, что все их требования будут претворены в жизнь, в противном случае, заявляли подмастерья, они покинут город. В ответ городские власти предложили им получить паспорта и покинуть Пешт в 24 часа. Около 200 подмастерьев взяли свои паспорта, но оставались в городе, устраивали собрания, избивали штрейкбрехеров и т.д.

Городские власти забили тревогу. Опасаясь дальнейшего расширения движения, Наместнический совет направил в распоряжение городских властей вооруженную силу и дал указание после подавления движения произвести расследование и наказать зачинщиков. 91 участник движения был арестован. Избиения арестованных продолжались несколько дней⁵⁴.

Так закончилась забастовка подмастерьев-обувщиков. Победителями на сей раз оказались мастера. Забастовка продемонстрировала готовность подмастерьев к продолжению борьбы за свои права.

38 M.Schwartner. Op.cit., S.112—113.

39 «Сельский город» (венгр, «mezovaros») — крупное поселение крестьян и ремесленников, всей своей экономикой связанное с сельским хозяйством и имевшее привилегии города.

40 M.Schwartner. Op.cit., S.239.

41 Mërei Gyula. A magyar cehrendszer 1848 előtt. — «Szazadok». Budapest, 1948, 1—4 szam., 65 old.

42 Феньеш подчеркивает, что количество ремесленников возрастало главным образом в сельской местности, в городах же, за иск лючением Пешта и Арада, количество ремесленников почти не менялось, правильно объясняя это ограничениями цеховой системы. В то же время он указывает, что, в отличие от Венгрии, в Австрии 1 ремесленник приходится на 13—15 человек, в Ломбардии — на 8 человек (включая в число ремесленников и подмастерьев и учеников). См. A.Fenyés. Op.cit., II Theil, S.130—131.

43 Merei Gyula. A magyar cehrendszer, 67 old.

44 Ibidem.

45 Merei Gyula. A magyar cehrendszer, 69 old.

46 Ihiri- 68 old.

46 Ibid., 68 old.

47 Ibid., 76 old.

48 Ibid., 78 old.

49 Ibid, 183 old; Nernes Dezso. A munkassag az 1848—1849-es forradalomban. — «Forradalom es szabadsagharc». Budapest, 1948, 275 old.

50 Merei Gyula A magyar cehrendszer, 81—82 old.

51 Ibid , 83—84 old.

52 Ibid., 87 old.

53 Mereigyula. A magyar cehrendszer, 89 old.

54 Ibidem.

4. Своеобразие капиталистических отношений в Венгрии

Особенностью экономического развития Венгрии были замедленные темпы развития капитализма. Накоплению венгерского капитала ставились преграды австрийскими властями при помощи целой системы таможенных правил и государственных налогов. Так, еще в 1786 г. были сняты пошлины на ввозимые в Венгрию австрийские товары. В ответ на соответствующий указ австрийского правительства венгерская королевская канцелярия сообщила, что потери в таможенных доходах не смогут быть возмещены предполагаемым удешевлением товаров, что облегчение ввоза затруднит возможности «конкуренции для венгерских фабрикантов»⁵⁵.

Вывоз венгерских сельскохозяйственных продуктов и сырья встречал значительные трудности в течение всей первой половины XIX в. Вопрос об изменении таможенных тарифов неоднократно обсуждался Государственным собранием Венгрии, однако Австрия продолжала свою политику. Венгерские купцы отстранялись и от внешней торговли⁵⁶.

Однако, несмотря на замедленные темпы развития внутреннего и внешнего товарооборотов, в течение первой половины XIX в. в Венгрии возникали многочисленные торговые центры со значительным количеством крупных торговых фирм, которые вели большие для того времени обороты. Характерно, что с 1828 по 1846 г. число торговцев возросло с 9088 человек до 21512 (+136,7%). Одновременно создавались предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья.

Торговля была сконцентрирована главным образом в руках австрийцев, чехов, армян, евреев, греков. Центром венгерской торговли был город Пешт. Расположенный почти в центре страны, на берегу Дуная, Пешт к этому времени превратился в главный торговый город Венгрии.

По данным 1840 г., в Пеште насчитывалось 112 крупных зарегистрированных оптовых фирм, основной капитал каждой из которых составлял не менее 30 тыс. форинтов. Имелись также 27 других оптовых фирм и 175 гильдейских купцов с основным капиталом каждого не менее 15 тыс. форинтов. Всего в Пеште насчитывалось в 1840 г. 535 купцов⁵⁷.

Крупным торговым городом был также Шопрон, насчитывавший 9 крупных торговых фирм, 42 гильдейских купца, множество лавок⁵⁸.

Значительно расширилась внешняя торговля Венгрии. Уже в 1816—1826 гг. внешний торговый оборот страны выразился в весьма значительной сумме — 816507 тыс. форинтов. Из них импорт составлял 417250 тыс., а экспорт — 399 277 тыс. форинтов⁵⁹.

Благодаря своему географическому положению Венгрия превратилась в довольно оживленный центр транзитной торговли. Венгерские торговые фирмы служили посредниками по транзиту итальянских, турецких и балканских товаров в западноевропейские страны. Важными транзитными центрами были Пешт и Шопрон.

В то же время импортировались во все возрастающем количестве хлопчатобумажные ткани, материалы и сырье для кузнечного дела, льняные, шерстяные и шелковые ткани и др.

Внешнеторговый баланс, несмотря на рост оборота, оставался постоянно пассивным.

Развитие товарного оборота вызывало и развитие транспорта. Из 516 зарегистрированных в 1837 г. кораблей дальнего плавания во всей империи 72 корабля приходятся на Венгрию, а численность ее речного флота составила 1409 крупных и мелких судов общим водоизмещением в 19720 тонн. Организованное в 1820 г. пароходное общество уже в 1830 г. извлекало прибыль также и из венгерского водного сообщения. В 1831 г. были открыты первые пароходные рейсы между Веной и Пештом.

В связи с этим росло судостроительство, центром которого стало предместье Буды — Обуда. В 1831 г. пароходное общество располагало лишь одним пароходом, в 1840 г. — 17, в 1845 г. — 32.

Венгерские судовладельцы объединялись и создавали товарищества. Так в 1844 г. в результате объединения 42 судовладельцев создано Апатинское судовое общество⁶⁰.

Развитие торговли содействовало и развитию железнодорожного транспорта. Первой железной дорогой, работающей, однако, на конной тяге, в Венгрии была линия Пожонь — Надьсомбат — Серед. В 40-х годах были построены железнодорожные линии, имевшие уже паровую тягу, между Пештом и Вацом, Шопроном и Винер-Нейштадтом, Пештом и Солноком.

С развитием торговли возникла необходимость в создании кредитной системы. Первыми финансовыми учреждениями были Пештский Венгерский торговый банк и 30 сберегательных касс, созданных в это десятилетие и игравших роль кредитных учреждений. Самая большая сберкасса находилась в Пеште, сумма вкладов ее составляла 1,85 млн. форинтов⁶¹.

Политика Габсбургов оказывала тормозящее действие на накопление капитала в стране и на рост внутреннего и внешнего рынка, препятствовала развитию производительных сил Венгрии. Вплоть до 1848 г. в Венгрии господствовали покровительственные системы пошлин для Австрии. Однако отмена покровительственных пошлин и введение системы свободной торговли между Австрией и Венгрией все же не устранили бы подчиненного положения Венгрии. Страна нуждалась в такой таможенной системе, которая оградила бы ее от наплыва австрийских товаров и тем самым содействовала бы развитию национальной промышленности. «Венгрии не нужны фабрики. Там каждый человек необходим для земледелия. Венгрии надо держать далеко от всякой промышленной деятельности», — писал Меттерних⁶². В этих словах завязанного реакционера и кровного врага венгерского народа выражалась вся политика Австрии в отношении промышленного развития Венгрии.

В результате экономической зависимости от Австрии, господства феодальных отношений и вызванного всем этим слабого использования природных ресурсов в Венгрии в 1841 г. стоимость промышленной продукции на душу населения составляла всего 5 форинтов, в то время как в Чехии и Силезии промышленная продукция на душу населения составляла 27—29 форинтов. Таким образом, Венгрия первой половины XIX в. стояла на одном из последних мест по развитию промышленности.

Тем не менее к 40-м годам XIX в. страна сделала первые шаги в деле развития промышленности. Промышленные предприятия создавались, организаторами их становились купцы, а подчас и мастера, расширявшие рамки цехов⁶³. Такие предприятия фактически превращались в простейшие капиталистические мануфактуры, хотя их владельцы не покидали цеховых организаций. Так, довольно известный организатор таких предприятий, Карой Киш, получивший привилегию на создание кожевенного предприятия, оставался «отцом-мастером» своего цеха и еще в 1848 г. носил этот титул.

В Венгрии к этому времени началось применение паровых машин. По данным 1841 г., в областях, находящихся в зависимости от Габсбургов, было всего 337 паровых машин мощностью 7733 лошадиные силы, из них в Венгрии — 8 паровых машин мощностью 86 лошадиных сил; в Трансильвании — одна паровая машина мощностью в 14 лошадиных сил⁶⁴.

Наряду с использованием паровых машин в Венгрии росла добыча каменного угля. По официальной статистике 1841 г., в стране существовало 7 каменноугольных предприятий. Однако каменный уголь применялся предприятиями Венгрии лишь в исключительных случаях. Как правило, использовались дрова или древесный уголь. В сравнении с другими областями Габсбургской монархии по добыче каменного и бурого угля Венгрия занимала четвертое место⁶⁵.

Наряду с ограниченным количеством промышленных металлов, в Венгрии еще в XVIII в. производилась добыча золота и серебра. По данным Феньеша, Венгрия занимала одно из первых мест по добыче благородных металлов не только в Австрии, но и во всей Европе⁶⁶. Главными районами по добыче золота и серебра считались Шельмецбанья, Кёрмёцбанья, Бестерцебанья.

Некоторое развитие получили в Венгрии чугуноплавильные предприятия, производство железа, стали, железных изделий, кос, лопат, серпов, гвоздей, топоров и прочего инвентаря. Для сельского хозяйства. Железодельные и металлургические предприятия были мелкими. Так, в Вашкё один из крупнейших в стране железодельных заводов изготовлял в год лишь 1300 центнеров железа.

Были развиты и некоторые другие отрасли промышленности. Так, еще в конце XVIII в. существовали предприятия по выделке кружев.

Эти предприятия были не чем иным, как мелкими производствами, порой типа кустарных промыслов. Даже судостроительные предприятия в Обуде и других городах носили полукустарный характер.

В течение первых десятилетий XIX в. развитие промышленности и ремесла оставалось очень незначительным⁶⁷.

Промышленность Венгрии была занята главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья: зерна, сахарной свеклы, льна, шерсти, шелка.

В первую очередь надо отметить наличие многочисленных мукомольных мельниц, в большинстве своем мелких и примитивных. Все эти мельницы производили самые низкие сорта муки.

Однако граф Лайош Карольи устроил в 1835 г. в Ноградском комитате крупную водяную мельницу, производившую высококачественные сорта муки, а в Шопроне, Пеште и других городах в эти годы были построены даже паровые мельницы.

В 40-е годы распространился метод сухого размола, что давало возможность долго хранить муку⁶⁸.

В первые десятилетия XIX в. стали возникать в стране предприятия по переработке сахара. Так, например, в 1833 г. начал работать сахарный завод вблизи Пожоня. Он был создан жителями этого города, К. и Х. Риттерами, которые вели крупную торговлю и за их заслуги в этой области были возведены в дворянское звание. Работы сахарного завода возглавили управляющий и один специалист-химик. Сахарная свекла поставлялась с участка при заводе. Вложенный капитал составлял около 70 тыс. форинтов. Машины были доставлены из Франции и Англии. Завод Риттеров давал в год 800—900 центнеров сахара. Отходами откармливалось 80—100 голов крупного рогатого скота. Ввиду недостатка сырья — сахарной свеклы — мощность предприятия использовалась в лучшем случае на 25%⁶⁹.

В 1840 г. функционировало уже 26 небольших сахарных заводов в Пожоньском комитате.

В 40-х годах возникают первые акционерные общества сахарозаводчиков. В 1844 г. создано было объединение Пештских сахарных заводов.

В 1845 г. крупный сахарозаводчик Карой Фидлер создал акционерное общество, ввел технические усовершенствования и добился значительного увеличения роста продукции⁷⁰. С 1845 по 1847 г. производство сахара на этом заводе выросло почти в семь раз.

Еще в первые десятилетия XIX в. насчитывалось до 300 мелких кустарных пивоваренных заводов, производивших, впрочем, очень низкокачественное пиво. В середине века большее развитие получило винокурение, много винокуренных заводов было построено крупными землевладельцами.

В качестве сырья для винокурения служили не только зерно и картофель, но и продукты садоводства: сливы и вишни; производство уксуса было настолько распространено, что Венгрия еще в 30-х годах вывозила значительное количество уксуса в Австрию.

По виноделию Венгрия стояла на первом месте среди всех других земель Австрийской империи. При общей продукции в 38,0 млн. ведер вина 18,6 млн. ведер, или 48,8%, приходилось на Венгрию.

Помимо предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства, в Венгрии к середине XIX столетия начали также возникать некоторые отрасли легкой промышленности, особенно текстильная, хотя она все время испытывала жестокую конкуренцию со стороны австрийской промышленности.

В более или менее значительных количествах производились в стране ковры, головные уборы и другие изделия из шерсти.

Более активно стало развиваться также и производство шелковых тканей. К 1845 г. насчитывалось уже шесть предприятий, производящих шелковые ткани, четыре — полушелковые, два, производящих тесьму, в то время как несколько лет назад было только два предприятия⁷¹.

К середине XIX в. в Венгрии появляется кожевенное производство. Несмотря на стесняющие нормы цеховых организаций, в 1840 г. в городе Кашша возникло два предприятия по обработке и дублению кожи. Промышленники всеми мерами добивались права деятельности независимо от цеха. Так, промышленник Гёргей Влдар обратился к австрийскому правительству с просьбой дать разрешение на открытие в Пеште предприятия по выработке кожаных перчаток. Любопытна формулировка этой просьбы: установить французское производство перчаток с тем, чтобы это ремесло было в Венгрии так же свободно, как за границей⁷².

Все сказанное о развитии промышленности Венгрии свидетельствует, что к 40-м годам XIX в. в Венгрии возникали уже первые капиталистические предприятия. Подчас эти предприятия, оставаясь по форме цеховыми, по существу были уже простой кооперацией, переходящей в мануфактуру.

Значительная часть предприятий принадлежала австрийскому капиталу. Он утвердился в сахарном производстве, в обработке текстильного сырья, захватывал ключевые позиции в производстве бумаги и в других отраслях хозяйства.

В то время как часть венгерских магнатов (Сечени и др.) стремилась к развитию национальной промышленности по обработке сельскохозяйственного сырья, многие венгерские помещики способствовали проникновению австрийских капиталов в промышленность по обработке сельскохозяйственного сырья. Стремясь получить денежный доход, они охотно предоставляли австрийцам возможность организации, например, производства сахара в своих владениях. Так, вдова Зеебер в 40-х годах арендовала на 40 лет сахарозавод у крупнейшего венгерского аристократа Кароя Эстергази, поручив руководство предприятием одному из известнейших тогда специалистов по сахароварению (Берлье)⁷³.

Инвестиции австрийского капитала были велики и в водочной промышленности. Австрийские мастера — текстильщики и ткачи организовали свои предприятия в венгерских городах Пеште, Пожони и других, не разрывая своих связей с Веной.

Австрийские инвестиции в производстве бумаги в Венгрии выражались в создании механизированных предприятий довольно значительных размеров. Еще в 30-х годах для обеспечения все возрастающей потребности в бумаге для печатания книг создавались наряду с мелкими бумагоделательными мастерскими и венгерские механизированные производства; однако, как правило, они не выдерживали австрийской конкуренции и переходили в руки тех же австрийцев. Так, организованное в 1828 г. венгерским купцом Ференцем Лейхтом производство бумаги в 1841 г. перешло в руки австрийца Шлосса. Последний дополнительно оборудовал ее рядом машин, построил гидростанцию, а в 1846 г. организовал акционерное общество с капиталом в 500 тыс. форинтов. Его доля равнялась 150 тыс. форинтов. Другие акции также принадлежали австрийцам⁷⁴.

Развитию национальной промышленности Венгрии способствовали созданные представителями среднепоместного дворянства «общества защиты». Основное из них под названием «Общество защиты отечественной промышленности» возникло в 1844 г. по инициативе Кошута, остальные в ряде городов страны являлись по существу его филиалами. На страницах «Хетилап» («Еженедельной газеты») изо дня в день публиковались заметки преимущественно самого Кошута, которые показывают рост числа венгерских предприятий в связи с деятельностью этих обществ. По оценке этой газеты, в первой половине 40-х годов было организовано 95 новых, главным образом текстильных, венгерских предприятий.

Необходимо отметить значение тех предприятий, которые организовывались на землях венгерских помещиков. В связи с разложением феодальных отношений в Венгрии, как и в России, помещики стремились увеличить доходность своих поместий созданием предприятий для переработки сельскохозяйственного сырья.

Так, в 1843 г. в одном из поместий комитата Ноград землевладелец Янош Бекень построил сахарный завод, оснащенный по последнему слову тогдашней техники. Такие же заводы были построены и в поместьях Кароя Коллера, Пала Эстергази и др.

Потребность в рабочей силе в известной мере удовлетворялась путем использования труда крепостных крестьян. Известны случаи, когда помещики, не ограничиваясь трудом крестьян на своих предприятиях, передавали крепостных в аренду другим владельцам предприятий. Некоторые владельцы предприятий посылали своих рабочих из крепостных за границу, для повышения квалификации. Так, например, владелец чугунолитейного завода в Дёрне граф Дьердь Андраши держал за свой счет в Германии в течение 2 лет трех своих литейщиков. На заводе в Дёрне крепостные работали с 10—12 лет учениками, а 3—4 года спустя становились подмастерьями⁷⁵. Однако в основном труд крепостных использовался на работах, не требующих особой квалификации, например при варке поташа и на подсобных работах.

На заре капиталистического развития Венгрии наблюдалось скопление в Пеште и в других крупных городах страны резервов рабочей силы. Это были подмастерья, вытесняемые из цехового производства конкуренцией возникающей промышленности, крестьяне-желтеры, вытесняемые со своих участков, безработные батраки и т.п.

Стремясь освободиться от неприятностей «нищенства», господствующие классы организовывали своеобразные «общества по призрению бедных», «общества помощи нищим» и, наконец, «работные дома» в разных областях страны — настоящие тюрьмы с применением почти бесплатного труда заключенных. Устав Пештского дома, выработанный в 1846 г., цинично заявлял, что рабочий дом — «пристанище для людей безнравственного образа жизни, нищих» и тех, «кто при полном отсутствии имущества не мог доказать наличия честного источника заработка».

Венгерские работные дома основывались для того, чтобы держать под надзором людей, оторванных от земли, ищущих заработка, бродяжничающих и голодающих.

Организовав эти работные дома, богачи стремились с процентами вернуть себе средства, потраченные на их создание.

Работные «исправительные» дома превращались в обычного типа предприятия, сдававшиеся в аренду предприимчивым или разбогатевшим купцам. Работный дом в Кашше был превращен «благотворителями» в суконную фабрику, где работали даже дети до 10-летнего возраста. Там обрабатывалось 7920 фунтов шерсти, из которых выделялось 8508 локтей сукна стоимостью 17066 пенго-форинтов. Для того времени это было крупным предприятием.

В работном доме в Пожоне было хлопчатобумажное производство. Главным инициатором и руководителем работного дома в Сегеде был красильщик ситцев Антон Фельмайер. Используя работу «нищих», он создал мануфактуру. Работный дом комитата Пешт был сдан в аренду двум предпринимателям. На прибыльность работных домов указывает и тот факт, что арендаторы работного дома в комитате Чонград в 1846 г. расширили производство, построив новые помещения для работы.

55 Dr. Rudolf Sieshart. Zolltrennung und Zolleinheit. Wien, 1915, S.20.

56 Источником накопления капитала была торговля хлебом и скотом, начавшая развиваться еще с XVII в. С территории всего Балканского полуострова и главным образом из Венгрии направлялся скот в Германию и Северную Италию. В начале XIX в. венгерская сельскохозяйственная продукция получила широкий сбыт и достаточно благоприятную конъюнктуру.

57 A.Fenyés. Op.cit., II Theil, S.267.

58 Феньеш приводит длинный список наиболее крупных центров торговли товарами в Венгрии за 1840 г. A.Fenyés. Op.cit., II Theil, S.267-271.

69 Merei Gyula. Magyar iparfejloides 1790—1848 Budapest, 1951, 258 old.

60 Ibid., 259 old.

61 Помимо пештской сберкассy, была пожоньская; вклады ее составляли 1,6 млн. форинтов. Среди сберкасс меньшего размера обращает на себя внимание шопронская, вклады которой составляли 900 тыс. форинтов.

62 Цит. по П.Пах. Указ.соч, стр.117.

63 С 1828 по 1846 г. число ремесленников возросло с 94553 человек до 223324 (+146,8%); на капиталистических предприятиях работало свыше 28 тыс. человек.

64 Эти сведения не являются вполне точными, так как при данных подсчетах оставлены без учета паровые машины мощностью 15—20 лошадиных сил, установленные Гачской суконной мануфактурой и на Черинском сахарном заводе.

65 Merei Gyula. Magyar iparfejloides, 264 old.

66 Венгрия производит половину всего золота Европы, а серебра 1/3», — писал один исследователь минералогических ресурсов Венгрии. A.Fenyés. Op.cit., II Theil, S.217.

67 Даже для более позднего времени (50—60-х годов XIX в.) Дитц писал: «Страна эта была вынуждена получать из-за границы самые простые ремесленные товары, хотя сырье для этих товаров добывалось внутри самой страны». H.Ditz. Op.cit., S.450.

68 Merei Gyula. Magyar iparfejloides, 279 old. См. также H.Ditz. Op.cit., S.450.

69 Merei Gyula. Magyar iparfejloides, 178 old.

70 Ibid., 277—278 old.

71 Ibid., 270 old. См. также I.Slokar. Geschichte der osterreichischen Industrie und ihrer Forderung unter Kaiser Franz I. Wien 1914, S.405—406.

72 Ibid., 284 old.

73 Merei Gyula. Magyar iparfejloides, 384 old.

74 Ibid., 272 old.

75 Ibid., 267 old.

5. Политический строй. Соотношение классовых сил

Наряду с экономическим гнетом над Венгрией тяготел политический гнет австрийской системы. Австрийский император, он же король Венгрии, формально был связан обязательством соблюдать старинные конституционные гарантии, в действительности он правил самовластно. Абсолютистская система, установленная австрийской монархией с XVII в., сковывала политические возможности венгерского Государственного собрания, сохранившего формально старинные свои права.

Исполнительной властью в Венгрии являлся Наместнический совет в Буде. Он был подразделен на секции, выполнявшие функции министерств. Возглавлялся Наместнический совет надором (наместник; латинское название — палатин) — первым лицом после короля. В Вене венгерскими делами ведала так называемая «Придворная канцелярия по венгерским делам». Вся система меттерниховского режима с его политическим бесправием господством католицизма, цензурой, целиком распространялась на Венгрию.

Своеобразием политического и административного устройства Венгрии было большое влияние в общественной жизни страны комитатов, сохранившихся в стране с феодальных времен.

Традиционная роль комитатов заключалась, с одной стороны, в защите прав венгерского дворянства от самовластной политики короля, с другой — в защите феодальных прав крепостников в борьбе с крестьянством.

Стоявшие во главе комитатов комитатские собрания каждые три года избирали комитатскую администрацию. Они имели своих представителей в Государственном собрании, причем эти представители обязаны были неукоснительно защищать интересы своего комитата под страхом лишения полномочий. Во главе комитатской администрации стояли назначенные королем из среды крупных землевладельцев губернаторы (фёйшпаны), осуществлявшие лишь общее руководство делами комитата. Вице-губернаторы (алишпаны), избираемые комитатским дворянством, выполняли всю основную административную работу.

Комитаты сохраняли известную долю независимости. Она выражалась в том, что вся комитатская администрация подчинялась комитатскому собранию, в том, что все правительственные распоряжения шли на исполнение к администрации лишь после утверждения их комитатским собранием. Это давало возможность комитатам оказывать сопротивление абсолютистской политике императора.

В 30—40-х годах комитаты были центрами бурной политической жизни и оппозиционной борьбы против Габсбургов.

Характеризуя политическую жизнь Венгрии этого времени, Энгельс писал: «В период с 1830 по 1848 г. в одной только Венгрии была более деятельная политическая жизнь, чем во всей Германии, и феодальные формы старой венгерской конституции были лучше использованы в интересах демократии, чем современные формы южногерманских конституций»⁷⁶.

Опорой габсбургской династии в Венгрии была крупная земельная аристократия, она отстаивала единство монархии с централизованной формой управления. Крупные землевладельцы были ярыми противниками требований о независимости страны, поддерживали все мероприятия правительства против назревающей революции. Страх земельной аристократии перед народными массами делал ее врагом всяких буржуазных преобразований, даже тех, которые соответствовали ее собственным интересам.

В лице венгерской земельной аристократии императорский двор имел наиболее ревностных слуг. Такие политические деятели, как граф Аппоньи и его сторонники, были привлечены к работе в Придворной канцелярии по венгерским делам и в Наместническом совете, где они выполняли роль связующего звена между венским двором и венгерской феодальной знатью.

Высшее католическое духовенство Венгрии являлось такой же опорой абсолютизма, как и светская знать. Архиепископы и епископы входили в верхнюю палату Государственного собрания, где им принадлежала не менее видная роль, чем светской аристократии. Высшее духовенство принимало участие в работе Придворной канцелярии по венгерским делам и в ряде других правительственных учреждений. Оно пользовалось особым покровительством императора⁷⁷. Двор рассматривал католических епископов как своих безусловных сторонников и политических агентов. Михай Хорват, активный участник и первый историк революции 1848—1849 гг. писал, что венгерское духовенство проявляло по отношению к венскому двору «лакейский дух»⁷⁸.

Духовная аристократия являлась движущей силой реакционного блока непримиримых противников надвигающейся революции.

Реакционному блоку светской и духовной аристократии, объединившемуся с габсбургской монархией, противостоял лагерь буржуазной революции.

В силу замедленного развития капитализма класс буржуазии к середине XIX в. был незначителен как по количеству, так и по своему влиянию на общественно-политическую жизнь страны.

Однако венгерская буржуазия уже осознала необходимость ликвидации экономической зависимости от Австрии, уничтожения феодальных пережитков и получения свободной рабочей силы. Однако представители буржуазии еще не смогли играть руководящей роли в борьбе против феодально-абсолютистского строя.

С ростом капитализма росло число рабочих. Но в 1847 г. общее количество индустриальных рабочих составляло всего 23400 человек⁷⁹, в то время как ремесленников и ремесленных учеников было 78 тыс. Такому незначительному отряду рабочих не могла принадлежать руководящая роль в революции.

Венгерское крестьянство — самый многочисленный и угнетаемый класс — было заинтересовано в уничтожении феодальных тягот, в превращении земельных наделов в свободную, т.е. буржуазную, собственность. В крестьянском движении, охватившем всю страну, принимали участие все слои венгерского крестьянства. Оно явилось самым широким и могучим фактором, углублявшим революцию. Но крестьянское движение было стихийным и лишенным руководства.

Рабочие совместно с ремесленниками и крестьянством были основными участниками всех важнейших событий 1848—1849 гг. Их выступления углубляли революцию, придавали ей боевой характер. Но руководящая роль в революции, ввиду слабости, а подчас и реакционности буржуазии, малочисленности и незрелости рабочего класса, принадлежала среднепоместному дворянству. Связанное с развивающейся промышленностью и товарным производством в сельском хозяйстве, оно сознавало необходимость ликвидации феодальных порядков, экономической зависимости от Австрии и проведения других буржуазных реформ.

Активное участие среднепоместного дворянства в революции объясняется еще и тем, что оно было лишено аристократией доступа ко всем высшим административным, военным и духовным должностям. В то же время, занимая высокие административные должности в комитатах, оно имело возможность оказывать значительное влияние на развитие событий.

Особое место в революционном движении занимала выделившаяся из среды дворянства интеллигенция — писатели, журналисты, студенты, актеры, учителя. Стесненная феодальными порядками и засильем аристократии, по жизненным условиям стоявшая ближе к буржуазии, чем к дворянству, она составляла в движении наиболее радикальную часть оппозиции.

76 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.181.

77 Andics Erzsebet. Op.cit., 318 old.

78 Horvath Mihaly. Magyarorszag fuggetlensegi tortenete. Kot.III. Pest, 1872, 110—111 old.

79 В это число не включены шахтеры.

6. Движение за реформы в 30—40-х годах

20—40-е годы XIX столетия в Венгрии известны под названием эпохи реформ. Как в экономической, так и в политической жизни страны это был переходный период. Старое уходило в прошлое, новое нарождалось.

В начале 30-х годов венгерское сельское хозяйство переживало острый кризис. Ликвидация кризиса могла быть осуществлена вместе с ликвидацией крепостнических отношений. Преодоление феодализма стало исторической потребностью. Энгельс следующим образом определяет положение дел в Австрии, имея в виду империю в целом. «Феодальный способ ведения сельского хозяйства рядом с современной промышленностью стал уже невозможным. Уничтожение барщинных повинностей стало необходимостью. Феодальные отношения между крестьянами и помещиками нельзя было больше сохранять... Положение всех общественных классов изменилось коренным образом»⁸⁰.

Ликвидация феодализма и всех его последствий, расчистка пути для развития буржуазных отношений стали знаменем и программой передовых людей.

Одним из выдающихся политических деятелей периода реформ был граф **Иштван Сечени**. Он был выразителем преимущественно интересов крупных землевладельцев, тех феодалов, которые все больше превращались, по определению Энгельса, «в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом»⁸¹.

На формирование мировоззрения Сечени большое влияние оказали события 20-х годов в Европе: восстание в Испании, освободительное движение в Италии и Греции, восстание декабристов в николаевской России.

Судя по дневнику Сечени, все эти события воспринимались им как предвестники революционных бурь в Венгрии. Восстание декабристов Сечени определил как «борьбу между абсолютизмом и правом народов». О смерти царя Александра I он писал: «Вследствие смерти Российского императора рухнуло громадное препятствие, противостоящее течению цивилизации и просвещения»⁸².

Сечени верил в конечную победу сторонников прогресса в России и записал в своем дневнике пророческие слова: «Без цепей и крови эта драма не будет доведена до конца». Но, восхищаясь величием декабристов, он боялся последствия их выступлений для землевладельцев не только в России, но и в Венгрии. Запись в дневнике заканчивается знаменательной в этом отношении фразой: «А не коснется ли это и меня?»⁸³.

Сечени понял необходимость преобразования хозяйств Венгрии на капиталистических началах, стремился к прогрессу своей страны⁸⁴. Начав свою деятельность во второй половине 20-х годов с хозяйственных и культурных преобразований, усовершенствования судоходства на Дунае, организации банка, содействия открытию венгерской Академии наук и др., Сечени в дальнейшем стал инициатором широкого плана реформ, направленных на уничтожение наиболее устаревших феодально-правовых учреждений и на превращение Венгрии в буржуазную монархию⁸⁵. Сечени требовал замены барщинного труда наемным, утверждая, что «60 тысяч дней барщинного труда представляют меньшую ценность по производительности труда, чем 20 тысяч дней вольнонаемного труда». Он требовал также усовершенствования внутреннего транспорта, упорядочения системы кредита для землевладельцев. Решение проблемы кредита и транспорта, по его словам, обеспечило бы «развитие и продвижение вперед нашего отечества, но, разумеется, в пределах австрийской системы». Сечени стремился убедить Меттерниха, что исполнение его требований будет лишь содействовать благу австрийской монархии. В своей работе «Кредит», опубликованной в начале 1830 г., Сечени стремился показать, что основным злом, вызвавшим разорение среднепоместного дворянства, было отсутствие капиталов, необходимых для современного ведения хозяйства.

Сечени предлагал также уничтожить цеховую систему ремесла, отменить так называемое дедовское право (*jus aviticum*), заменить барщинный труд более производительным — вольнонаемным, оказывать содействие торговле, упразднить привилегии дворянства и предоставить гражданские права всем сословиям. В феодальных учреждениях Сечени видел причину отсутствия развитой торговли. Для улучшения торговли он предлагал создать национальный банк и ввести премии за улучшение производства и за экспорт. В «Кредите» было подчеркнуто право крепостного крестьянина на владение землей. Говоря о дворянстве, Сечени указывал: «Не на крепких ногах стоит то сословие, которое пользуется всеми выгодами в стране, и при этом не несет никаких обязанностей». Он писал также: «Хотим мы того или не хотим, необходимо идти вперед, чтобы не быть отодвинутым назад»⁸⁶. Свои политические преобразования Сечени стремился достичь реформой сверху. Беря за образец политическое устройство Англии, он призывал соотечественников достичь мирным путем того, чего другие народы добивались силой.

Уже первая теоретическая работа Сечени вызвала резкий протест со стороны крупных магнатов, стоявших на позиции защиты феодальных привилегий.

Призывы Сечени к установлению равной для всех сословий конституции, к мирному переустройству общества к добровольному отказу дворянства от своих привилегий не нашли поддержки тех, к кому он обращался.

Следующие работы Сечени, «Мир» и «Стадия», вышли в начале 30-х годов. В работе «Стадия», написанной под впечатлением крупного крестьянского восстания на севере Венгрии, Сечени пытается показать «пути к действию». Он не ограничивался указанием на «язвы» сословно-феодального государства, но предлагал свой метод лечения. Обращаясь к депутатам, Сечени призывал их пожертвовать своими привилегиями и добиваться равноправия перед законами для всех сословий и уничтожения крепостнических отношений в законодательном порядке. Сечени в то же время считал необходимым подчеркнуть, что «считал бы малодушием допустить возможность нанесения малейшего ущерба правам монарха»⁸⁷. Последнее заявление не спасло книгу Сечени. Правительственная цензура запретила выход в свет «Стадии», и она была издана осенью 1833 г. за границей. В Венгрию книга Сечени попадала контрабандным путем, и тем не менее она широко читалась и стала главнейшим идеологическим оружием эпохи реформ⁸⁸. Сечени стал глашатаем передовых идей, содействовавших подготовке буржуазной революции.

Прогрессивной была позиция Сечени и по национальному вопросу. Он выступал против насильственного внедрения венгерского языка, за предоставление инонациональному населению права пользоваться родным языком в семье, в церкви, при сохранении венгерского языка официальным языком.

Резко выступая против презрительного отношения к славянам, румынам, немцам, он указывал на необходимость, вместо разжигания ненависти, вместо насильственной политики, действовать убеждением, стремиться к соглашению⁸⁹.

В то же время Сечени оставался убежденным сторонником сохранения союза господствующих классов Венгрии с австрийской монархией и вел решительную борьбу с оппозиционным движением комитатов, осуждая их за то, что они сеют недоверие «к величественному королевскому дому, желающему лишь нашего блага»⁹⁰.

Крупный помещик-магнат, Сечени мечтал об осуществлении реформ сверху — добровольными уступками привилегированных классов обеспечить сохранение их экономической и политической власти. Он хотел осуществить преобразование внутри реакционной габсбургской империи, сохранить ее господство над Венгрией.

В 40-х годах, одновременно с усилением кризиса феодализма, изменился характер политической борьбы. В движение вступили новые социальные силы. Наряду с активизацией среднего дворянства выступили представители так называемого лапотного дворянства и вышедшая из этого слоя многочисленная и активная интеллигенция.

Ее главнейшей задачей была борьба с Габсбургами, устранение политического и национального гнета, а также борьба с социальной опорой Габсбургов в Венгрии — крупными венгерскими земельными магнатами.

Выразителем интересов этих слоев населения был выходец из среднепоместного дворянства адвокат **Лайош Кошут**. В своих смелых выступлениях Кошут открыто требовал осуществить необходимые преобразования даже вопреки воле аристократии⁹¹.

Ареной бурных выступлений стал Пожонь. Под влиянием Кошута здесь было создано общество «Беседы», объединявшее несколько десятков молодых людей. Это были молодые юристы-практиканты, допущенные к присутствию на заседаниях Государственного собрания, так как они выполняли поручения депутатов, переписывая для них парламентские документы, ведя корреспонденцию от их имени⁹². Используя свое положение в Собрании они снабжали необходимым материалом издаваемую Кошутом вначале рукописную, затем литографированную газету «Торвеньхатошаги Тудошитайок» («Известия законодательного органа»)⁹³.

Пожонь стал своеобразным университетом политической борьбы. В полулегальных кружках, в дружеских беседах вырабатывались программные требования этой молодежи. Во главу угла ставилось достижение политических свобод: свобода печати, суды присяжных, равенство всех перед законом. Молодежь добивалась также ликвидации феодальных порядков: освобождения от крепостной зависимости крестьян, отмены всех повинностей.

Эти идеи были неприемлемы для представителей власти. Слухи о деятельности интеллигенции в Пожони дошли до Меттерниха, и начались аресты, в первую очередь среди руководителей общества «Беседы». Правительство склонно было проводить аналогию между венгерской оппозицией и деятельностью «Молодой Италии», «Молодой Франции» и др.

В письме к наместнику Венгрии эрцгерцогу Йозефу Меттерних писал: «Точно так же, как есть ныне «Молодая Италия», «Молодая Франция», «Молодая Швейцария», есть и «Молодая Венгрия». С профилактикой мы опоздали, остается лишь одно — наказывать»⁹⁴. Однако Меттерних преувеличивал значение «Беседы». Ее политические требования были гораздо умереннее требований «Молодой Италии».

За резкую критику деятельности правительства Кошут был арестован и подвергнут трехгодичному тюремному заключению. Выйдя из тюрьмы, в мае 1840 г., он стал редактором созданной им газеты «Пешти Хирлап» («Пештская газета»), первый номер которой появился 2 января 1841 г.

Эта газета отражала борьбу различных политических направлений. На ее страницах проявилось резкое расхождение между Кошутом и Сечени. Убедившись в том, что руководство движением выскальзывает из рук аристократии и путь борьбы новых социальных сил решительно направлен против Вены, Сечени стремился подорвать позиции Кошута, выступал против решительного тона «Пешти Хирлап». В ответ на это Кошут заявил, что позиция «Пешти Хирлап» является лишь продолжением той борьбы, которую десять лет тому назад вел сам Сечени. Однако сам Сечени к этому времени уже далеко отстал от борьбы. Больше того, он со страхом взирает на борьбу Кошута. В своей статье «Народ Востока» он писал: «Он (т.е. Кошут) пропагандирует коммунизм, он ведет к гибели Венгрии»⁹⁵.

Между тем правительство разрешило выход в свет газеты «Пешти Хирлап», имея в виду взять под контроль оппозиционное движение в стране. Цензоры делали все от них зависящее, чтобы сгладить политическую остроту и силу статей Кошута.

Кошут последовательно вел борьбу за реализацию своей программы. Если Сечени, представлявший интересы крупных землевладельцев, пытался объединить вместе с тем аристократическую молодежь как основную живую силу нации, а Деак центром движения хотел сделать либеральных комитатских деятелей, то Кошут стремился объединить все общественные силы так, как это сделала в предреволюционный период французская буржуазия. Он считал необходимым проведение политических кампаний, создание политических союзов как основной силы борьбы за буржуазные преобразования. Кошут много писал о создании венгерской промышленности, развитии торговли, о необходимости роста городов, о развитии технического образования. Позднее, вспоминая о своих выступлениях в начале 40-х годов, Кошут писал: «Нация, занимающаяся только сельским хозяйством, подобна человеку с одной рукой... Всегда я был убежден в том, что развитие промышленности является одной из самых срочных, самых животрепещущих потребностей нашей отчизны...»⁹⁶

Кошут организовал «Союз защиты», члены которого взяли на себя обязательство активно поддерживать отечественное производство. Эту же цель преследовало и «Общество экспорта венгерских товаров». Кошут выдвинул свою программу и по крестьянскому вопросу. Своим лозунгом «Свободная земля и свободный человек» он стремился сделать барщинных крестьян, имеющих надел, свободными.

Между тем обострение обстановки в Венгрии заставляло лавировать и Габсбургов.

Габсбургский абсолютизм, действовавший лишь одними репрессиями, в лучшем случае еще посулами и подкупам, с усилением кризиса феодальной системы и ростом недовольства венгерских народных масс перешел к политике лавирования, пытаясь привлечь на свою сторону небольшими уступками не только крупные, но и средние круги дворянства. Для этой цели австрийское правительство обещало провести мероприятия по улучшению дорог и осуществить таможенную реформу. Это было ответом на требование дворянства об улучшении условий вывоза сельскохозяйственных продуктов и упразднении препятствий для развития венгерской промышленности. Граф Дьердь Аппоньи — верный слуга Меттерниха, возглавлявший Придворную канцелярию по венгерским делам в Вене, стал называть себя «сторонником прогресса».

Правительство добилось поддержки и со стороны Сечени. Последний согласился сотрудничать в Наместническом совете, что означало фактически поддерживать своим авторитетом габсбургскую политику.

Однако эти методы правительства вскоре оказались малоэффективными, они не могли сдерживать растущее недовольство. Оппозиция продолжала свою деятельность. В то же время страх перед требованиями крестьянства вызывал различную реакцию у дворянства. Многие считали необходимым стремиться к быстрейшему разрешению крестьянского вопроса. Кошут заявлял, что надо освободить народ и уничтожить повинности, тяготеющие на его землях, «по всей стране одновременно...», ибо «если мы этого не сделаем, то пропадем»⁹⁷.

Однако освобождение крестьян, по мысли Кошута, должно было быть проведено с выкупом, причем сумма этого выкупа должна была в равных долях быть распределена между крестьянами и государством. Эту программу Кошута один из видных деятелей дворянской оппозиции, граф Миклош Вешеленьи (младший), назвал слишком требовательной, хотя в действительности она была весьма умеренной. По весьма осторожному подсчету современников, для одновременного выкупа всех земель потребовалось бы 200—300 млн. форинтов, а крестьяне не в состоянии были внести не только половину такой суммы, но и гораздо меньшую долю.

Между тем Кошут вел упорную борьбу за образование единого оппозиционного фронта. Складывание его проходило нелегко и не быстро. В течение длительного периода не существовало ни общей организации, ни внутреннего единства, ни четко выраженных требований.

Усиление реакции послужило толчком и ускорило объединение сил оппозиции. В 1847 г. в Пеште оформилась организация «Оппозиционный круг», провозгласившая, как это видно из сохранившегося в венгерских архивах устава, преобразование страны на новых конституционных началах «в духе демократизма, свободы, равенства и братства»⁹⁸. Состав организации был довольно пестрым. Здесь были и магнаты во главе с Лайошем Баттьяни и мелкие дворяне из группы братьев Мадараса. Но наибольшим влиянием в этой организации стал пользоваться Кошут.

Неоднократно случалось, что Кошут, в процессе обсуждения программы оппозиции, дорожа единством движения, соглашался с Деаком и Баттьяни, призывающими к умеренности. Так, в разгар дискуссии о программе оппозиции Кошут дал согласие на отказ от выработки конкретных требований, отверг предложение видного радикального политического деятеля Ласло Мадараса включить в программу пункт о всеобщем избирательном праве.

Эта половинчатая позиция и стремление во что бы то ни стало сохранить единство вызывали недовольство и идейное расхождение среди сторонников Кошута. Иожеф Мадарас писал: «Я не мог не сознавать, что Кошут оправдывал Деака и Баттьяни. Я взял свою шапку и ушел с мыслью, что едва ли когда-нибудь Кошут мне станет верным товарищем». «Этот муж, — продолжал Мадарас, — ищет для себя другое поле деятельности, отличное от того, по которому последовательно идем я и мой брат»⁹⁹.

К июню 1847 г. был разработан так называемый Манифест оппозиции. Большая часть этого документа посвящена была критике абсолютистской правительственной системы и экономической зависимости Венгрии. В нем выдвигались требования ответственного перед парламентом правительства, свободы печати и унии с Трансильванией.

Вопросы внутренней политики в «Манифесте» сформулированы были следующим образом: а) равное налоговое обложение; б) право городского населения на участие в законодательных органах; в) равноправие всех перед законом; г) ликвидация урбариальных отношений с обязательной утвержденной законом компенсацией; д) ликвидация системы майората (нераздельности имений).

Ограниченность этих требований ярко выступает в формулировке об обязательной компенсации при ликвидации феодальных повинностей. Одновременно «Манифест» заявлял, что достижение всех изложенных требований будет вестись только парламентскими методами¹⁰⁰.

Одновременно с Кошутым на арену политической борьбы выступил **Михай Танчич** — первый в период реформ сказавший свое слово в защиту угнетенного народа и защищавший идею свободы и независимости страны в интересах трудящихся масс.

Танчич родился 21 апреля 1799 г. в семье крепостного крестьянина. Тяжелое положение большой семьи заставило его еще подростком вступить на путь труда и самостоятельной жизни. Переменив ряд профессий — батрака, ткача, наконец, учителя, Танчич пешком прошел почти всю Венгрию. 20-е годы были для него периодом упорной борьбы за знания и культуру. Своей специальностью Танчич избрал преподавание родного венгерского языка. К 30-м годам относится начало его литературной деятельности. Огромное значение в борьбе против габсбургского абсолютизма, против политического произвола и хозяйничанья австрийской цензуры над венгерской печатью имели его работы: «Взгляды на свободу печати» и «Свобода печати». Первая, изданная нелегально, тайно распространялась среди многочисленных читателей и навлекла на ее автора преследование правительства. Выход второй книги Танчич приурочил к открытию Пожоньского Государственного собрания, причем, в целях привлечения внимания депутатов, он разложил экземпляры книги на скамьях Собрания. В своей книге Танчич упрекал оппозиционных дворянских политиков в непоследовательности, призывал их перейти от слов к делу и законодательно утвердить свободу печати¹⁰¹.

Как отнеслись к этим призывам заседавшие в Собрании политики, пишет сам Танчич: «Появление моей книги на сейме в Пожони вызвало большой шум, но ни к чему не привело... Не нашлось ни одного смелого человека, который выступил бы с поддержкой моего начинания»¹⁰².

В 1846 г. Танчич предпринял путешествие за границу. Больше всего стремился он во Францию, с революционными традициями которой были хорошо знакомы в кругах левой оппозиции Венгрии. Танчич был поклонником французских якобинцев, особенно Робеспьера. О последнем он отзывался, как об истинном республиканце, человеке с чистой душой и редкостной твердостью характера. Танчич посетил Париж, Лондон, Гамбург, Бремен. В Париже он встретился с Ледрю-Ролленом — представителем мелкобуржуазной демократии, а также с автором «Путешествия в Икарию», Этьеном Кабе.

С большой теплотой писал Танчич о встречах со своими соотечественниками, простыми ремесленниками, проживавшими в Париже и Лондоне и обучавшимися там своему ремеслу. В Париже он помог ремесленникам-венграм образовывать венгерское общество. Он передал также венгерским ремесленникам переведенную им книгу Ламенне «Речь верующего».

В Лондоне, в результате встреч с венгерскими ремесленниками, Танчич написал небольшую публицистическую работу «Венгерские рабочие за рубежом, или кому принадлежит отечество?»

Основную идею данной работы можно выразить словами: кто не работает, тот не ест. Работают ремесленники, крестьяне — значит, им по праву принадлежит отечество. Только те, кто трудится, сумеют его защитить¹⁰³. Эти слова Танчича говорят о том, что в лице венгерских ремесленников он видел активных участников в борьбе за освобождение своей родины.

Накануне революции появилась еще одна работа Танчича, «Народная книга», в которой выдвигалось требование полного освобождения крестьян без всякого выкупа. Программа Танчича по крестьянскому вопросу была самой радикальной для своего времени, далеко опередившей программу Кошута. Он писал в своей работе: «Разве не заплатили они (крестьяне) кровавый выкуп, веками неся все повинности да еще отдавая сыновей для защиты родины от врага»¹⁰⁴.

В то же время необходимо отметить, что на взглядах Танчича сказалось влияние утопических социалистов. Он апеллировал к «разуму», «к доброй воле» помещиков, не сознавая нереальности своих надежд.

Танчич занял неправильную позицию в национальном вопросе. Он понимал, что для борьбы за независимость Венгрии необходимо объединение венгров с другими национальностями, видел, что объединению мешает недоверие между различными народами, населявшими Венгрию, однако он считал венгеризацию необходимой. В одном из своих проектов аграрной реформы он предлагал помещикам при наделении крестьян землей так строить крестьянские поселения, чтобы вновь складывающийся населенный пункт не состоял бы из людей, говорящих на одном (невенгерском. — *Р.А.*) языке, а из разных национальностей, например: 40 венгров, 15 немцев, 15 сербов или румын, 15 словаков. Таким образом, ни одна невенгерская национальность не будет преобладающей. Возможность слияния невенгров с венграми сделается реальной... Население венгерских сел должно численно увеличиться за счет ассимиляции невенгерских национальностей. «При этом вы сможете, — писал Танчич, — легко принять закон о том, чтобы в границах страны не существовал никакой другой язык, кроме венгерского»¹⁰⁵.

Теми же принципами предлагал руководствоваться Танчич при создании национальной венгерской армии. В то же время он как выразитель крестьянских чаяний тепло и сочувственно относился к угнетенному инациональному крестьянству.

Некоторый утопизм и преклонение перед стихийностью не помешали Танчичу стать выдающимся деятелем венгерской демократии. Сам выходец из крепостного крестьянства, он хорошо знал его нужды и был наиболее ярким выразителем его интересов. Несмотря на это, он не отмежевался от союза с Кошутом, с радикальным средним дворянством и даже допускал руководящую роль Кошута. Но Танчич был связан с самым крайним крылом движения, лидерами которого были Шандор Петефи и Пал Вашвари.

Петефи был не только крупнейшим поэтом эпохи, но и выдающимся политическим деятелем и революционным трибуном. Он выступил в качестве защитника интересов плебейских масс, мелкой буржуазии города и деревни, а также и интеллигенции. В его идеологии сочетались идеи национального освобождения Венгрии и ее демократических преобразований. Политическим идеалом его была республика.

Шандор Петефи родился в новогоднюю ночь 1823 г. в захолустном степном городке Кишкёрёш, в семье небогатого торговца-мясника Петровича. Мальчик Петрович в школе проявлял блестящие способности. В 1838 г. отец его разорился, и с этой поры Шандор был вынужден вступить в самостоятельную жизнь

К этому времени он знал несколько иностранных языков, был знаком с лучшими произведениями отечественной и иностранной литературы, писал стихи. Не имея никаких средств к существованию, он стал странствовать в поисках работы по стране. Терпел холод и нужду, находил приют в лачугах крепостных крестьян, на каждом шагу сталкивался с тяжелым положением народных масс. Не находя работы, охваченный отчаянием, он завербовался в солдаты. После невыносимо тяжелой солдатчины, больной, полуживой Петрович снова начал свои странствия. В 1848 г. ему удалось напечатать свои стихи, на которые обратил внимание известный венгерский поэт Михай Вёрёшмарти. Однако это не намного улучшило его тяжелое положение. В 1844 г. с новой тетрадкой своих стихов Петефи отправился пешком из Дебрецена в Пешт. «Я думал, — писал он позднее, — продам свои стихи — хорошо, а не продам — тоже хорошо — тогда либо с голоду помру, либо замерзну. По крайней мере, придет конец моим страданиям». Петефи обратился к Вёрёшмарти, но влияния последнего было недостаточно для издания книги молодого поэта. Нужны были деньги. Вёрёшмарти предложил сборник стихов вниманию общества, состоявшего преимущественно из ремесленников, под названием «Национальный круг». Большинство членов общества согласилось с тем, что необходимо поддержать талантливого поэта, и по предложению одного из членов общества, портного Гашпара Тота, начался сбор денег. Сам Тот внес 60 форинтов. В итоге было собрано на 75 форинтов больше суммы, необходимой для издания стихов. Стихи были изданы. С этого момента поэт выступает под литературным псевдонимом Петефи¹⁰⁶.

Помимо собственного опыта национально-освободительной борьбы, крайне левые деятели предреволюционной Венгрии были воспитаны на героике французских революций конца XVIII в. и первой половины XIX в.¹⁰⁷

Мор Иокаи писал: «Все мы были французами! Мы не читали иной литературы, кроме Ламартина, Мишле, Луи Блана, Сю, Виктора Гюго и Беранже. И если английский или немецкий поэт встречал у нас милостивый прием, то это были отщепенцы своей нации — Гейне или Шелли»¹⁰⁸.

У Петефи обожание французов превратилось в настоящий культ. Его комната была полна гравюрами, которые по его просьбе прислали ему из Парижа. Это были портреты деятелей 1789—1793 гг.: Дантона, Робеспьера, Марата, мадам Ролан¹⁰⁹.

По свидетельству современников, Петефи тщательно изучал историю французской революции конца XVIII в. и все больше становился единомышленником якобинцев. Со стен его комнаты впоследствии исчезли портреты кроткого Лафайета, затем Мирабо и мадам Ролан и, наконец, остались только портреты Марата, Сен-Жюста и Робеспьера. Свои конспекты по истории французской революции он закончил термидором, падением якобинцев. Это событие он считал концом революции.

Его поэзия была проникнута страстным протестом против господства Габсбургов и венгерской высшей знати, стремлением революционными мерами освободить народ. В своем творчестве он нередко обращался не только к французской революции, но и к прошлому Венгрии, противопоставляя его последующему бесправному положению страны под гнетом Габсбургов. Петефи клеймит господствующие классы Венгрии за примиренчество с иноземным владычеством. В стихотворении «Венгерский дворянин», написанном в 1845 г., поэт беспощадно вскрывает паразитизм, безделье господствующего класса Венгрии и одновременно низкопоклонство перед Габсбургами.

Пресмыкательство венгерской высшей знати перед властью Габсбургов с исключительной яркостью отражено в «Песне собак», написанной в 1847 г. Преданность собак своему господину сравнивается с преданностью венгерской знати габсбургскому абсолютизму:

Нет забот нам — угол
В кухне есть согретый,
Господин наш добрый
Дал нам место это¹¹⁰.

В «Песне волков» поэт рисует борьбу революционеров за независимость страны, их свободолюбивые дерзания:

Хоть прострелен бок наш,
Мерзнем днем холодным,
Пусть в нужде мы вечной,
Но зато свободны¹¹¹.

Близким к Петефи по политическим взглядам и темпераменту был один из руководителей революционной демократии, историк и публицист **Пал Вашвари**. Он родился в 1827 г. Детство и юность Вашвари провел в пиаристской гимназии¹¹².

1 сентября 1848 г. 17-летний Вашвари приехал в Пешт. Душная атмосфера гимназии была позади. Вашвари окунулся в бурную политическую и интенсивную умственную жизнь студенчества. Он с жадностью изучал любимую им историю и одновременно с успехом штудировал иностранные языки, овладев в короткий срок французским и немецким.

Вашвари принял активное участие в созданном в этот период в Пеште литературном кружке и стал писать философские статьи, заметки по вопросам морали, исторические статьи. Ему принадлежит исследование о борьбе за независимость Венгрии Миклоша Зрини. Писал он также и баллады.

Большое значение в идейном развитии Вашвари имело изучение им произведений французских просветителей и социалистов-утопистов. В их идеях он черпал вдохновение для критического анализа современной ему венгерской действительности. Единственная крупная работа Вашвари из задуманной им серии биографий, «Исторические имена», посвященная поэту и национальному герою XVII в. Миклошу Зрини и вышедшая в самом начале 1848 г., свидетельствует о сильном влиянии на автора революционно-демократических идей¹¹³.

Вашвари увлекался изучением истории французской революции XVIII в. Был знаком с работами Мишле, в которых Вашвари привлекали антиклерикализм, враждебное отношение к аристократам и симпатии к трудящимся массам. Но Вашвари не следовал слепо за Мишле, у него было собственное отношение к деятелям французской революции. Если героем Мишле был непоследовательный, колеблющийся Дантон, то Вашвари преклонялся перед боевыми якобинцами Робеспьером и Маратом, в их деятельности черпал мужество в дни своей революционной борьбы.

Вашвари не ограничился идеями буржуазно-демократического переустройства общества с сохранением частной собственности. Он пристально изучал «Икарию» Кабе и стал горячим сторонником французского социалиста-утописта. Раздумывая над судьбами западноевропейского революционного движения, Вашвари пришел к выводу о реакционности буржуазии. Если в прошлом буржуазия играла боевую, революционную роль, то сейчас она в лучшем случае колеблется, а чаще всего открыто контрреволюционна.

Вашвари делает еще один шаг вперед — приходит к выводу, что в революционном движении ремесленники, плебеи являются движущей силой. Рабочие Пешта в его глазах предстали полными воодушевления патриотами, «готовыми ко всему»¹¹⁴.

«А знаете ли, из кого состоит народ? — писал Вашвари. — Из людей, объединенных тяжелыми цепями горькой нужды, из людей, которые знают, что судьба их давит, и единственный недостаток которых состоит в том, что, страдая и мучаясь, они не думают об улучшении своей судьбы. Но дайте им просвещение, ознакомьте их с человеческими правами и они вызовут движение, которое заставит всех содрогнуться»¹¹⁵.

Любовь к трудовому народу, горячий патриотизм Вашвари сочетал с ненавистью к габсбургскому абсолютизму и меттерниховскому режиму. О Меттернихе он писал: «Он думает, что одержит победу над народом. Он не понимает, что народ бессмертен, что его убить нельзя»¹¹⁶. Вашвари мечтал об уничтожении габсбургского деспотизма, о создании «современной республики», в которой будет уничтожена «жестокая аристократия денег» и в которой люди «будут трудиться для самих себя».

Он писал: «Путь человечества бесконечен»; кто знает, к чему оно придет через тысячелетия». Быть может, настанет день, «когда будет мир во всем мире, люди в изумлении будут взирать на окровавленное оружие, с которым некогда нации истребляли друг друга»¹¹⁷.

Вашвари установил тесную связь с плебейскими массами пештской окраины. Он излагал им свои идеи о новом, более совершенном общественном устройстве и призывал к борьбе против габсбургского абсолютизма.

Агитация Петефи и Вашвари сыграла большую роль. К началу 1848 г. они стали любимцами пештской молодежи.

Центром движения, возглавляемого Петефи и Вашвари, стал Пешт, город с многочисленной революционной интеллигенцией, ремесленниками, рабочими.

Большую роль среди пештской революционной интеллигенции играло студенчество, возглавляемое писателями, поэтами, журналистами. Штабом революционной молодежи еще с конца 30-х годов было кафе «Пильзакс». Сюда пришел со своими стихами Петефи, со своими политическими статьями и речами — Вашвари. Здесь проводились дискуссии, разрабатывались основные положения программы, готовились к предстоящим революционным событиям.

В 1844 г. в газете «Пешти Хирлап» («Пештская газета»)¹¹⁸ нашли отражение идейные разногласия, возникшие между либеральным дворянством и революционной молодежью. Не найдя другого повода, газета ополчилась против «кутежей» в кафе «Пильвакс», обвиняла революционную, главным образом студенческую, молодежь в том, что она находится на поводу «уличной толпы»¹¹⁹.

Начиная с 1845 г. поход против кафе «Пильвакс» проводят объединенные силы реакции и либералов. Реакционеры стремятся дискредитировать Петефи и его сторонников, обвиняя их в коммунизме. Так, правый литературный журнал «Хондерю» («Свет отчизны») писал:

«Рассмотрим недавно прошедший период только от 1840 г. и дальше. Разве можно найти, кроме уже известных писателей, хотя бы одного, которым не руководили бы тошнотворные идеи коммунизма»¹²⁰. Против движения революционной молодежи ополчились государственный аппарат и церковь. Была создана специальная молодежная реакционная организация «Дьюлде» («Собрание»), которая призвана была воспитывать молодежь в духе религии. Но ни в Пеште, ни в Пожоне эта организация не получила признания. Несмотря на все старания правительства подавить или ограничить размах движения передовой молодежи, они не увенчались успехом. Однако с подмастерьями и рабочими Пешта, с городской беднотой революционная молодежь была относительно слабо связана. А крестьянство вообще не знало об их существовании.

80 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.4, стр.474—475.

81 Там же, стр.468.

82 Об отношении венгерских политических деятелей к декабристам см. работу: Dolmányos Istvan. A dekabrista felkeles magyarországi emeiei. — «Szazadok», 1955, 3 szam, 435—437 old.

83 Ibidem.

84 В органе венгерской социалистической рабочей партии «Történelmi Szemle». Budapest, 1960, N 2, 30—35 old. опубликованы тезисы главного исторического комитета Института истории Венгерской Академии наук к 100-летию со дня смерти И.Сечени. Во вступительной части этих тезисов указывается, что в течение 100 лет деятельность И.Сечени не получила правильного освещения. После поражения революции 1848—1849 гг. и в период дуализма выдвигались на первый план реакционные черты его деятельности, проявившиеся в 40-х годах. В период между двумя войнами, в особенности в период фашизма, Сечени был превращен в героя контрреволюции. Задача марксистской историографии — подчеркнуть подлинное историческое значение деятельности И.Сечени, рассмотрев как практическую деятельность, так и политические его выступления в различные периоды его жизни. См. статью Т.М.Исламова «Об исторической роли Иштвана Сечени». — «Вопросы истории», 1960, № 10.

85 В Центральном государственном военно-историческом архиве мною обнаружено сочинение, посвященное Венгрии периода реформ. Сочинение написано неизвестным публицистом передового направления. В восторженных тонах анонимный публицист пишет о Сечени, Кошуте и других политических деятелях Венгрии. О Сечени мы читаем: «Человек этот с пылким воображением соединял энтузиазм преобразователя... Первое его появление, обратившее внимание соотечественников, это было предприятие сделать Дунай судоходным». Далее подробно рассматривается деятельность Сечени как преобразователя. В том же анонимном сочинении дается подробная характеристика Вешелини и Кошута. ЦГВИА, Материалы б. Военно-ученого архива Главного штаба. Коллекция 480 (из бумаг Менькова), Д.12.

86 Szechenyi I. Hítel. Budapest, 1904, 220 old.

87 Szechenyi I. Stadium. Budapest, e.n., 107 old.

88 Szechenyi Istvan (Halálának századik évfordulójára). — «Szazadok», 1960, 1—3 szam, 263 old.

89 Arató Endre. A nemzetiségi kérdés története Magyarországon. II. 1840—1848. Budapest, 1960, 48—51 old.

90 Szechenyi I. Hítel, 26 old.

91 Движению 40-х годов предшествовали выступления в этом духе отдельных депутатов на заседаниях Государственного собрания. На одном из заседаний Государственного собрания 1834 г. депутат Ференц Деак — представитель крупноземлевладельческих кругов — заявил: «Не монарх дает нации права, а, наоборот, нация монарху». Это говорит о том, что идеи французских просветителей нашли благоприятную почву. Deák Ferenc. Beszédei (szerk. és bev. Kónyi Mano). Köt.II. Budapest, 1886, 154 old.

92 Эти молодые юристы носили название «юратов».

93 Fekete Sándor. A marciusi fiatalok. Budapest, 1950, 13-14 old.

94 Ibid., 15 old.

95 Szechenyi Istvan (Halálának századik évfordulójára) dok, 1960, 1—3 szam, 265—266 old,

96 Gellen Mor. Hetven év a magyar ipar történetéből 1842-1912. Budapest, 1912, 9 old.

97 Spira György. A magyar forradalom 1848—49-ben. Budapest, 1959, 52 old.

98 Országos Levéltár. Ellenzéki kor (R.151), 44—47 old.

99 Fekete Sándor. Op.cit, 18—19 old.

100 Spira György. A magyar forradalom, 53 old. См. Также: «Magyarország története 1790—1849». III. Szerk. Méri G., Spira G. Budapest, 1961, 357 old.

101 М.Танчич. Указ.соч, стр.94 и сл.

102 Там же, стр.151.

103 Там же, стр.207—208.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
В ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

104 Там же, стр.7.

105 Arato Endre. Op.cit., 59 old.

106 Шандор Петефи. Собр.соч., т.4. М., 1953, стр.55. Путевые письма. Письмо 11, 9 июля 1847 г. Петефи — точный перевод на венгерский язык фамилии Петрович.

107 Интересна публикация в газете «Nepelem» в начале сентября 1848 г. о поступившей в продажу книге некоего Акоша Биранди «Политический и общественный дух Венгрии со времени французской революции», ч.1. «История освободительных идей 1790—1847 гг.» Само название книги говорит о том, что автор связывал идеи венгерской революции с идеями французской революции. — «Nepelem», 1848, September, 264 old.

108 Мор Йокаи (1826—1904) венгерский романист, в 1848 г. был одним из руководителей революционной молодежи, но затем быстро отошел от нее и оказался в рядах «Партии мира», стремившейся к соглашению с Австрией.

109 Fekete Sandor. Op.cit., 20 old.

110 Ш.Петефи. Избранное. М., 1948, стр.174. Летом 1848 Петефи возглавил литературную организацию «Товарищество десяти», объединившую десять молодых поэтов и писателей. Это «Товарищество» ставило перед собой задачу утвердить венгерский язык как литературный, объединить представителей народной поэзии, одновременно вести борьбу за новую Венгрию, свободную от австрийского гнета и пут феодализма. «Товарищество» стремилось организовать самостоятельное издательство «Пештские тетради» и освободить народных поэтов от корыстолюбивых издателей.

111 Там же, стр.175.

112 Вашвари — литературный псевдоним. Настоящая его фамилия — Фехер. Родился в 1827 г. в местечке Вашвар. Пиаристы — члены основанного в XVII в. католического монашеского ордена. Руководимые пиаристами школы были оплотом церковного мракобесия.

113 Vasvari Pal. Valogatott irasai. Budapest, 1956, 7 old.

114 Ibid, 15 old.

115 Ibid, 212 old.

116 Ibidem.

117 Ibid., 144 old.

118 Газету «Pesti Hirlap» с середины 1844 г. редактировал уже не Кошут.

119 Fekete Sandor. Op.cit, 22 old.

120 Fekete Sandor. Op.cit, 22 old.

7. Положение в национальных областях

Острота экономических и политических противоречий в Венгрии усугублялась национальными противоречиями между венграми и инациональным населением ряда областей. В этих областях классовая борьба переплеталась с национальной борьбой Хорватия, Воеводина, Словакия, Трансильвания, области с украинским населением, при общих чертах и примерно одинаковом уровне развития капиталистических отношений, имели ряд особенностей в связи с их историческими судьбами, политическим и административным положением внутри габсбургской монархии.

Хорватия, австрийская провинция, с 1779 г. была подчинена венгерскому Наместническому совету. Наполеон, захватив Хорватию, провел там ряд буржуазных реформ, отменил барщину без всяких выплат помещику, распространил на Хорватию французское законодательство и т.д. Однако крестьяне Хорватии фактически не успели ощутить плодов буржуазных преобразований: Венский конгресс восстановил феодальные порядки, тормозившие экономическое развитие Хорватии.

Еще в начале XIX в. в Хорватии начался процесс обезземеления крестьян, появились ростки капиталистических отношений. Правда, промышленные предприятия были еще немногочисленны и слабы. Это были главным образом судовой верфи на побережье Адриатики. Вдали от морских берегов развивалось ремесло, ограниченное рамками цеховых отношений. Несмотря на задерживающее влияние крепостничества, по мере роста капиталистических отношений в Венгрии, в 30—40-х годах оживляется и экономическое развитие Хорватии. Однако промышленные предприятия, ремесло и торговля находятся главным образом в руках немцев и итальянцев. В промышленности развиваются отрасли, связанные с сельским хозяйством: мукомольная, кожевенная, шелковая. Расширяются торговые отношения, речное судоходство. В то же время зачатки капиталистических отношений в Хорватии отражаются на положении крестьян: стремясь продать возможно больше сельскохозяйственной продукции и скота, помещики часто не довольствовались обычными повинностями, но отбирали еще и значительную часть крестьянских доходов. Положение усугублялось все усиливавшимся малоземельем в связи с процессом дробления участков крепостных крестьян. В 1828 г. в Загребском комитате 16 тыс. семей имели 9628 крепостных земельных участков, т.е. по неполному участку и меньше на семью. А число семей безземельных жёллеров выросло здесь к этому времени более чем в семь раз¹²¹.

Совершенно естественно, что с ростом тягот росло и недовольство хорватских крестьян. Оно выражалось в открытых выступлениях против помещиков, особенно острых после обсуждения Государственным собранием в 1832—1836 г. закона о крепостных повинностях. Крестьяне, ждавшие улучшения своего положения, начали кое-где отказываться от выполнения барщины, от уплаты девятины. Выступление крестьян в 1834 г. в Крашице, близ Каройвароша (Карловцы), было жестоко подавлено военной силой. 27 человек было убито. В 40-е годы крестьянские волнения происходили неоднократно.

В этой сложной экономической и социальной обстановке вырисовывается расслоение хорватского дворянства. Крупные феодалы Хорватии вместе с венгерской знатью были тесно связаны с интересами австрийских правящих кругов — сохранение феодальных привилегий, усиление эксплуатации крестьянства и увеличение доходности своих латифундий.

В то же время развитие буржуазных отношений приводит к зарождению национальных тенденций. В хорватском национальном движении в 40-х годах объединились разнородные элементы дворянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. По мере нарастания революционного кризиса внутри хорватской национальной партии происходит размежевание сил. Верхи дворянства все больше правеют, часть мелких и средних помещиков, дворянская интеллигенция вместе с незначительной национальной буржуазией образует левое крыло. О настроениях этого левого крыла ярко свидетельствует письмо поэта Станко Враза реакционному политическому деятелю Ивану Кукулевичу-Сакцинскому, написанного в 1845 г. Он пишет: «...Наша молодежь с благородным энтузиазмом рискует своей жизнью, проливает свою кровь. Но ради чего и кого? Ради нескольких старых низких душ, ради их удовольствия и пользы, ради людей, которые под патриотизмом понимают лишь одно — свою собственную пользу»¹²².

В своих программных требованиях левые в лице католического священника Степана Млинарича, а также поэта и ботаника Людовита Вукотиновича добивались не только равноправия языка и развития национальной культуры, но и демократических преобразований, покровительственных пошлин для развития национальной промышленности и хорватского национального рынка. Важной задачей левые считали улучшение положения крестьянства.

Руководителями реакционных элементов хорватской национальной партии в 40-х годах были: ученый, филолог-националист Людовит Гай, хорватский националист граф Янко Драшкович и реакционный австрофил Иван Кукулевич-Сакцинский.

Если верхи хорватской национальной партии, заинтересованные в сохранении феодализма, поддерживали австрийское правительство, то левое ее крыло добивалось соглашения с деятелями венгерского оппозиционного движения.

Уже в 1845 г. левые пытаются договориться с венгерской оппозицией. В октябре Кошут вел переговоры с Амброзом Враничани о необходимости заключения блока против австрийского правительства, причем Кошут осуждал сугубо националистические требования хорватской национальной партии. Однако соглашение на данном этапе не состоялось, но в мае 1846 г., перед выборами местной администрации в Серемшеге, между ними было достигнуто соглашение по поводу кандидатур.

В 1847 г. хорватские левые пытались выделиться в самостоятельную партию и образовали кружок во главе с юристами Драгойло Кушляном и Максом Причи. Кроме программы реформ, они выдвинули требования сотрудничества с венгерской оппозицией.

Однако силы левых в хорватском национальном движении, так же как силы живших в Хорватии представителей венгерской оппозиции, были очень слабы, и они не могли оказать влияния на ход событий.

Проавстрийские верхи хорватской национальной партии захватили руководство национальным движением в свои руки. Франц Кульмер, крупный хорватский феодал, фёйшпан Загребского комитата, наладил в 1846 г. с представителем венгерских консерваторов Аппоньи сотрудничество на основе верности австрийской монархии и признания национальных прав. Этот блок поддерживал и Людовит Гай, выступавший от имени всего национального движения.

Несколько иное положение сложилось в населенных сербами округах Военной границы и южных комитатах Венгрии.

Воеводина в то время была преимущественно областью сельскохозяйственной, города были относительно слабо развиты. Основную массу населения составляло крестьянство, расслоение которого достигло значительной степени. Наряду с безземельным и малоземельным крестьянством выделялся слой крестьян — владельцев крупных земельных участков. Число желлеров за 1828—1846 гг. возросло более чем в 7 раз, значительно выросло число владельцев участков¹²⁵. Так же, как и в других районах Венгрии с инациональным населением, среди помещиков дворяне местной национальности составляли меньшинство. Но захват земель помещиками проходил в этих комитатах в значительно меньших размерах, чем в других комитатах Венгрии с преобладающим инациональным населением.

Носительницей нарождающихся национальных стремлений была сербская интеллигенция. 40-е годы были периодом расцвета сербской культуры, сербского национального движения. Многочисленные кружки пропагандировали идею объединения южных славян. Значительную роль в сербском национальном движении этого времени играл представитель мелкобуржуазной интеллигенции И. Гаражанин, напечатавший в 1844 г. «Начертание» — программу объединения южных славян.

Через три года, в то время, когда Пожоньский сейм принимал решения, направленные против национальных культур, была опубликована работа Джуре Даничича «Борьба за сербский язык и правописание» и перевод Нового завета Караджича.

В отличие от Хорватии и сербских комитатов Венгрии, словацкие комитаты по ряду причин были наиболее экономически развитой частью королевства. Территория их была сравнительно богата полезными ископаемыми, не подвергалась турецкому нашествию, географическое положение способствовало развитию транзитной торговли, что приводило к оживленной торговле словацких купцов с венгерскими комитатами и с границей. Так, например, словацкие купцы из комитата Туроц ежегодно вывозили около 400 возов товаров на сумму около 2400000 форинтов: от шелков и других тканей, вплоть до стекла¹²⁴. На венгерские рынки в большом количестве перегонялся скот. В селах северных районов развивались ткацкое, гончарное производство, сукноделие. Руда Шельмецбани и других горных селений также занимала значительную долю в венгерской торговле.

Мануфактуры и небольшие предприятия с применением наемного труда возникли в Словакии еще в XVIII в., однако, как правило, они находились в руках итальянцев и немцев. Процесс обезземеления крестьян, в связи с проникновением капиталистических отношений в сельское хозяйство, шел в Словакии ускоренным темпом.

Сельская промышленность носила характер кустарных, нецеховых промыслов. В горнорудной промышленности применялся; наемный труд. На рудниках Шельмецбани и Бестерцебани находили работу и беглые крестьяне.

Национальное движение Словакии было выражением протеста против преследований словацкого языка, словацкой церкви, против насильственного слияния словацкой церкви с венгерской протестантской (кальвинистской) церковью и др.

Словацкое национальное движение не было однородным. Руководителем левого крыла этого движения в 40-х годах был Людовит Штур, видный журналист. В августе 1844 г. он организовал общество «Татрик», которое выдвинуло требование признания словацкого языка государственным языком, превращение народного словацкого языка в литературный язык. «Воздействовать на народ, — писал Людовит Штур, — можно только, говоря с ним на его родном языке. Это ключ к сердцу народа, к его мыслям»¹²⁵. Наряду с защитой национальной культуры, «Татрик» выступал против феодального угнетения, в защиту словацкого крестьянства.

Правое крыло словацкого национального движения принижало роль словацкого языка, выдвигая в качестве литературного языка для словаков язык чешский. Руководил этой группой словацкий писатель Ян Коллар.

Разногласия в вопросе о языке сопровождались разногласиями и в отношении к буржуазным преобразованиям. Правые поддерживали феодальную политику австрийских правящих кругов.

Страх венгерской оппозиции перед панславизмом своеобразно отразился на отношении к разногласиям в словацком национальном движении. «Пешти Хирлап» защищала требования Штура, пропагандировала словацкий язык в противовес чешскому, как единому для славян северной части империи, и это несмотря на то, что Штур и его соратники в ряде вопросов национальной политики и буржуазных преобразований расходились с венгерской оппозицией.

В то же время агитация Коллара встречала поддержку венгерских консерваторов и Меттерниха. Это особенно ярко проявилось в связи с печатанием книги чешского радикала Франтишека и Кирилла Кампелика в защиту установления для славянских народов северной Австрии чешского литературного языка. Меттерних приостановил попытку Седлницкого запретить эту книгу, объяснив это тем, что эта книга полезна, так как ее идеи противостоят активности венгерской оппозиции. В 1845 г. Людовит Штур стал принимать участие в газете «Славянские народные новости» («Slovenske Narodne Novini»).

Эта газета стала боевым органом левого крыла словацкого национального движения. Она защищала интересы крестьянства, ратовала за освобождение его от феодальных повинностей, боролась за демократизацию городской администрации, за расширение избирательных прав при выборах в Государственное собрание, за освобождение словацкой промышленности от феодальных ограничений.

Почти сто лет спустя, в связи с попытками словацких фашистов извратить действительный характер национально-освободительного движения словацкого народа, известный политический деятель Чехословацкой народной Республики Зденек Неедлы подчеркнул демократизм позиции Штура, сославшись на речь Штура в Государственном собрании 1847 г. Будучи депутатом от города Зойом, Штур требовал крестьянской реформы. Яркими красками обрисовал он в этой речи тяжелое положение словацкого народа, сравнив его бедность с бедностью ирландцев, подчеркнув его невыносимые страдания. Штур указывал на огромное значение организации обучения на родном языке, без которого народ существовать не может.

В период революции 1848 г. Штур и его соратники выступили с программой национально-освободительного движения.

Левое крыло словацкого национального движения не было изолировано от подъема национально-освободительного движения в других славянских странах, в частности, от национально-освободительного движения в Польше. Так, отдельные представители левого крыла — словацкие священники Ян Францисци и Янко Крол — были связаны с радикальным крылом польской эмиграции. В свою очередь польская эмиграция, стремясь найти поддержку других славянских народов, специально направила в Словакию своих эмиссаров, среди них известного Гослара. А словацким студентам и молодежи, учившейся в эперьешском университете, предназначалось участие в галицийском восстании¹²⁶.

Наиболее сложный характер приобрели национальные противоречия в Трансильвании, входившей с конца XVII в. в состав габсбургской империи. Ее население насчитывало накануне революции 1515000 человек, из них румын — 60%, венгров — 24%, немцев — 16%. Трансильвания считалась автономной; в то же время она управлялась венской дворцовой канцелярией, находилась в полном подчинении и экономической зависимости от Австрии. Трансильвания была такой же областью крепостнического хозяйства, как и другие области Австрии. Так же как и в других областях, в первой половине XIX в. в Трансильвании наблюдается зарождение капиталистических отношений.

Классовое и национальное угнетение, с одной стороны, рост помещичьей эксплуатации в связи с развитием товарно-денежных отношений определили рост крестьянских выступлений. Тем более, что в Трансильвании крестьянство испытывало еще более жестокий гнет крепостничества и национальный, чем крестьянство в самой Венгрии. Крестьянское движение Трансильвании начинает усиленно нарастать с конца XVIII в., захватывает 30-е и 40-е годы XIX в. Румынские крестьяне, а также крестьяне-венгры, жившие в Трансильвании, вплоть до революции вели непрерывную борьбу за снижение налогов, военных тягот и т.д. К 40-м годам XIX в. выявляется расслоение крестьянства, растет число желлеров и бедняков, а также выделяется тонкий слой более зажиточного крестьянства.

Разорение крестьянства в процессе развития капиталистических отношений не могло миновать и тех крестьян-румын, которые проживали в самой Венгрии. Так, в пяти венгерских комитатах со значительным румынским населением за 18 лет, с 1828 по 1846 г., почти удвоилось количество желлеров¹²⁷.

Австрийское правительство использовало сложное переплетение классовых и национальных противоречий в Трансильвании в своих интересах.

Выразительницей национальных требований румын была национальная интеллигенция — священники, чиновники, офицеры. Они создавали литературные кружки, пропагандировали национальные идеи среди крестьян и городской мелкой буржуазии. Австрийское правительство всячески направляло это движение против венгров. Однако по мере развивающейся классовой борьбы, обострения классовых и политических противоречий проявляется неоднородность национального движения, антагонизм между реакционным и радикальным течениями в румынском национальном движении.

Высшее духовенство было выразителем идей правого крыла, основой которого было примирение с австрийским и венгерским господствующим дворянством и уступки в вопросах мадьяризации. Профессура и студенчество балашфальского лицея противопоставляли этому требование демократизации руководства румынской униатской церкви и превращения ее в защитницу национальных интересов. Во главе правого крыла стоял руководитель трансильванского Государственного собрания, епископ Янош Лемени. Во главе румынской интеллигенции — преподаватель лицея Симон Барнут. Борьба между этими группами была очень острой, и Барнут с некоторыми другими был исключен из числа преподавателей. В то же время в основном вопросе — крестьянском — оба крыла национального движения по существу одинаково стояли за сохранение крепостнических отношений.

В Трансильванском Государственном собрании 1846—1847 гг. столкнулись национальные противоречия среди господствующего класса. При обсуждении закона о языке победили венгры: государственным языком был признан венгерский, в светских и церковных делах венгерский и немецкий языки были признаны равноправными¹²⁸. Для румын этот закон был совершенно

неприемлем. В вопросе о воинской повинности также победили феодалы-венгры, наиболее сильная часть господствующего класса. В связи с этим левое крыло румынского национального движения активизировалось. Речи отдельных демократических депутатов румын в Государственном собрании Трансильвании в защиту крепостных находили живейший отклик. Аврам Янку — представитель румынской разночинной интеллигенции, сыгравший большую роль в дальнейшем развитии румынского национального движения, писал: «Этих тиранов можно победить не философскими и гуманистическими доводами, а только копьями»¹²⁹.

Тяжелое положение румынского крестьянства, жестокое национальное угнетение вызывали сочувствие со стороны венгерской интеллигенции к румынскому национальному движению. В 1846 г. в газете «Эрдели Хирадо» («Трансильванский Вестник») был опубликован ряд статей о положении румын. В этих статьях указывалось, что для улучшения положения румын необходимо раскрепощение крестьян, представительство крестьян в комитатских собраниях, народные школы, прекращение дискриминации и т. д. Эти статьи были высоко оценены румынской интеллигенцией и вызвали яростный гнев реакционеров и правительства.

Таким образом, уже накануне революции наметились линии, определившие впоследствии возможность сотрудничества венгерских и румынских революционных деятелей.

Положение в Прикарпатских областях Венгрии, населенных преимущественно украинцами, было не менее сложным, чем в Трансильвании.

В Закарпатской Украине — комитаты Марамарош, Берег, Унг, Угоча — земля принадлежала главным образом венграм и немцам, преимущественно помещикам, господствовавшим над многочисленным, в основном украинским, крестьянством. Экономическое развитие этих четырех комитатов определялось теми же особенностями, которые были свойственны Венгрии в целом, — устойчивостью феодально-крепостнических отношений и чрезвычайно медленным развитием капитализма.

Здесь господствовала знать, владевшая огромными латифундиями. Так, например, владения графа Шенборна простирались от Тисы до Верецкого перевала. Ему принадлежали более 2500 семей крепостных. Латифундии были чрезвычайно отсталыми. Хозяйство велось феодально-крепостническими методами. Однако по мере расширения внешнего и внутреннего рынков для сельскохозяйственной продукции крупные помещичьи имения втягивались в процесс товарного производства и теряли характер замкнутых натуральных хозяйств.

Украинское крестьянство Закарпатья было самым бесправным, самым обездоленным в Венгрии, влачило нищенское существование под двойным гнетом помещика и венгерских властей.

Широкие размеры приняло обезземеление крестьянства. В отдельных районах Закарпатья безземельные крестьяне составляли не менее 50% всех барщинных крестьянских хозяйств¹³⁰.

В 40-х годах XIX столетия крестьяне латифундий выполняли более 20 видов барщинных работ. Это была барщина за пользование наделами и усадьбами, барщина по обработке помещичьей земли и уборке господского урожая, по доставке дров, обслуживанию мельниц. В среднем пешая барщина за полный надел доходила до 112 дней. Помимо этого, крестьянство облагалось натуральными и денежными повинностями, помещики требовали у крестьян деньги за пастьбу крестьянского скота, за водопой, за право сбора хвороста и дров, за аренду мелких наделов. Помещичья эксплуатация усиливалась эксплуатацией со стороны католической церкви, которая преданно служила австрийскому абсолютизму. Церковь накладывала на крестьян многочисленные повинности. Давление церкви было так велико, что население возненавидело католическое духовенство. За церковной эксплуатацией шла эксплуатация в виде обязанностей, накладываемых комитатскими и окружными начальниками, а также обязанность ремонтировать дороги и содержать расквартированные войска.

Положение крестьян было таково, что, обследовав ряд сел Закарпатья, власти должны были признать, что здесь «беднота на много месяцев остается без хлеба и в нужде, ест незрелые яблоки, рыбу и водоросли»¹³¹.

В 20—30-х годах усиливается антифеодальное движение крестьянства. Это движение принимало самые различные формы: крестьяне оказывали сопротивление захватам крестьянских земель, нападали на помещичьи усадьбы, изгоняли помещиков из их имений. В 1831 г. крестьянство Закарпатских комитатов активно выступало в массовом антифеодальном движении, объединившись с крестьянством всей Венгрии. Хотя эти движения носили стихийный характер, они все же расшатывали крепостнический режим.

Украинское население подвергалось и национальной дискриминации. Украинский язык не имел права гражданства. Обучение в школах велось на венгерском языке; просвещение было на чрезвычайно низком уровне.

Между тем, начавшееся на рубеже XVIII—XIX вв. оживление экономической жизни Венгрии коснулось и этого района. Здесь развивалось товарное производство, переработка продуктов сельского хозяйства, соляные промыслы. Усилилась выработка селитры, поташа, началось разложение ремесла, кое-где появились капиталистические мануфактуры. На территории Закарпатья был построен сахарный завод, второй по размерам в Венгрии. В Ужгороде была построена суконная фабрика. Все это не могло не вызвать роста национального самосознания украинского народа.

В этих условиях националистическая политика венгерского дворянства вызвала ответное движение в Закарпатских комитатах. Целью этого движения был подъем национальной украинской культуры, просвещения, развитие украинских школ. Однако руководство этим движением принадлежало подчас православной церкви, заинтересованной прежде всего в завоевании на свою сторону украинской паствы, ее духовном порабощении. Православное духовенство было теснейшим образом связано с землевладельческими кругами.

В 1840 г. духовный совет города Мункач (Мукачево) вынес решение об улучшении тяжелого положения в области народного образования. Каждая церковная община должна была организовывать у себя школу. В тесной связи с движением за просвещение развивалось движение, выдвинувшее совершенно законное требование обучения на украинском языке¹³². Венгерское дворянство в силу своей классовой и национальной ограниченности отвергало это требование. «Культурные» веяния, идущие из церковных кругов, были поверхностными, реакционными, не доходившими до трудящихся масс Закарпатья.

Более прогрессивным течением было движение «будителей», которое было представлено Александром Духновичем.

Духнович был большим украинским патриотом, высоко ценил русскую культуру, хорошо знал произведения Державина, Пушкина, Грибоедова, Гоголя и одновременно был близок к идеям чешского и словацкого Возрождения. Однако вся его деятельность ограничивалась стремлением возродить украинский язык и работой в области народного просвещения. Он активно проводил культурно-просветительные мероприятия, участвовал в издании школьных учебников и других книг. Украинский писатель А.Кралицкий следующим образом характеризовал эту сторону его деятельности. «Нужен был календарь — Духнович составил и издал календарь, оказалась потребность в школьных учебниках — Духнович написал и издал на собственные издержки: букварь, грамматику, народную педагогику и пр.»¹³³

«Букварь, книжка для начинающих», изданный в 1827 г., благодаря чистоте и ясности языка пользовался большой популярностью, распространялся и за пределами Карпат. По нему училось грамоте не одно поколение.

Из остальных подобного рода книг Духновича, написанных позже, необходимо отметить «Землепись для молодых русинов» (1851), «Сокращенная грамматика русского языка» (1853), «Народная педагогика в пользу училищ и учителей сельских школ» (1857). Эта просветительская деятельность Духновича оставила заметный след в истории украинской культуры.

Однако националистическая политика венгерской знати толкала украинскую интеллигенцию в лагерь славянофильства, сторонников принципов «самодержавия, православия и народности». Духнович установил связи с русскими учеными-славянофилами, был знаком и вел переписку со славянофилом профессором харьковского университета Срезневским. Духнович выступал за «славянскую взаимность», за братство закарпатских русинов с Западной Украиной и с русским народом. Эти идеи несомненно отвечали интересам народных масс, но тот путь, который избрали сторонники возрождения русинов, так называемые будители, препятствовал действительному объединению. Они не связывали свои надежды на возрождение русинов с успехами революционно-демократического движения народов австрийской монархии против Габсбургов — единственно правильный путь, который должен был привести к цели. Духнович рассчитывал на «отеческую заботу» правящей династии, а также на помощь правительства царской России, реакционнейшего правительства Николая I.

Острота национальных противоречий ускоряла неизбежный политический кризис. В то же время даже наиболее радикальная часть венгерских революционных деятелей не сознавала необходимости соединить борьбу за независимость Венгрии с требованиями национальностей. Попытки насильственной мадьяризации сужали круг возможных союзников Венгрии в надвигавшейся революции. Это позволяло австрийскому абсолютизму, играя на национальных чувствах хорватов, сербов и других, натравливать население ионациональных областей на венгров.

Р. А. Авербух

121 Arato Endre. Op.cit, 24 old.

123 Ibid , 24 old.

- 122 Arato Endre. Op.cit. 98 old.
125 Ibid., 135 old.
124 Arato Endre. Op.cit., 19 old.
126 Arato Endre. Op.cit., 154 old.
127 Ibid., 26 old.
128 Arato Endre. Op.cit, 185 old.
129 Ibid, 186—187 old.5.
130 И.Г.Коломнец. Очерки по истории Закарпатья. Часъ вторая. Томск, 1959, стр.20.
131 Государственный архив Закарпатской области (в дальнейшем ГАЗО), ф.10, оп.9, ед.хр. 1413, л.45.
132 Arato Endre. Op.cit., 209 old.
133 И.Г.Коломнец. Указ.соч, стр.186.

Глава 2. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

1. Назревание революционного кризиса

Во второй половине 40-х годов XIX в. Европа вступила в период тяжелого экономического кризиса, оказавшего большое влияние как на хозяйственное развитие отдельных стран, так и на социальные отношения внутри их.

Экономический кризис захватил и Венгрию. Кризис, обостренный неурожаем 1845—1847 гг., потряс всю экономику и финансы страны. Неурожай повлек за собой страшный голод среди крестьянского населения почти всех комитатов. Недостаток сельскохозяйственных продуктов давал о себе знать и в городе. Танчич в своих воспоминаниях писал: «В комитате Загреб свирепствовал голод. Чтобы поддержать свое существование, бедняки мололи просо, смешанное с кукурузой, и подбавляли в эту муку опилки»¹.

Яркую характеристику голода среди трудящихся слоев Венгрии в период кризиса дает торговая провинциальная газета «Хазанк» («Наша родина»), издававшаяся в Дьёре: «...Посмотрите на сотни тысяч людей богатой хлебом Венгрии. Лица измождены от голода и нищеты. Не потому голодает наш народ, что в стране нет хлеба, а потому, что его не имеет народ — тот самый народ, потом которого он взращен...»²

В номере от 6 апреля 1847 г. газета сообщает, что цены на предметы первой необходимости возросли в пять-шесть раз в сравнении с 1846 г.³ Газета с возмущением подчеркивала, что, несмотря на голод, из Венгрии продолжается вывоз зерна в Австрию и зарубежные страны. Продажа зерна в Австрию была для венгерских магнатов исключительно прибыльным делом. За вырученные деньги они скупали там дешевую кукурузу и продавали ее в голодающей Венгрии втридорога.

Жалоба на тяжелое продовольственное положение страны, на рост цен на пшеницу, на кукурузу не сходит со страниц газеты «Наша родина». 18 января она поместила сообщение из Фиуме: «Цены на кукурузу растут изо дня в день. Закупки могут быть доставлены не ранее конца марта, так как ямщиков из Каройвароша очень мало и плата за транспорт поднимается изо дня в день. В Триестский порт на днях прибыло 20 пароходов, нагруженных различными видами зерна, сегодня сюда прибыло 2 парохода из Рима с кукурузой. Качество товара низкое, цены высокие»⁴.

Резко сократились внутренний товарооборот и количество торговых сделок.

Между тем, австрийское правительство не считалось с тяжелым экономическим положением Венгрии, продолжало предъявлять свои претензии и вымогать все новые и новые платежи. Затрачивая крупные суммы на эксплуатацию угольных шахт и рудников, Венгрия вынуждена была все доходы от них переводить в Вену⁵. На уплату процентов по долгам габсбургского двора уходило ежегодно 30 млн. форинтов⁶. На погашение требуемых со стороны Австрии платежей уходили почти все доходы Венгрии (оставалась **Vis** часть)⁷.

В связи с сокращением товарооборота и недостаточным притоком капитала в тяжелом положении оказалась и промышленность. Так, акционеры одной бумажной фабрики, обращаясь к правительству с просьбой о помощи ввиду тяжелых условий сбыта своей продукции, писали: «В течение марта месяца мы почти ничего не смогли продать, так как среди крестьянства среднедунайских провинций царит паника, наши надежды и перспективы плачевны»⁸. В таком положении оказались и металлургические предприятия. Акционеры Общества металлургических заводов в Римабрезе жаловались на то, что на складах находится 10 тыс. центнеров готовой продукции, в производстве 15 тыс. центнеров, при полном отсутствии перспектив для ее сбыта. Деятельность суконной мануфактуры в Зай-Угроце также тормозилась кризисом и недостатком оборотных средств⁹.

Жалобы и просьбы о финансовой помощи поступали из всех промышленных районов страны. У правительства не хватало средств для их удовлетворения.

Тяжелое положение, вызванное кризисом, господствующие классы стремились облегчить себе путем переложения всех тягот на плечи трудящихся.

Усилилась эксплуатация крестьян, захват общинных земель, расширение феодальных повинностей. Об этом свидетельствуют многочисленные крестьянские жалобы. В марте 1847 г. из разных сел комитата Веспрем в комитатскую администрацию поступили жалобы на увеличение барщины и других феодальных повинностей¹⁰. В мае крестьяне комитата Бекеш жаловались наместнику и Наместническому совету на то, что их помещик граф Иожеф Венкхейм, подкупив местного судью, отнял у местной сельской общины громадный участок пастбищ¹¹. 3 сентября крестьянин села Вамфальва комитата Сатмар Михай Фабиан жаловался наместнику на помещика, отобравшего участок земли, расчищенный и возделываемый им в течение 5 лет, на котором его отцом и им был построен дом¹².

Голод и феодальные притеснения усиливали крестьянские волнения. Танчич в своих воспоминаниях подчеркивает, что сопротивление крестьян в 1847 г. перерастало в волнения и бунты¹³, охватившие всю Венгрию, в том числе словацкие и хорватские районы, а также Трансильванию. В Хорватии в декабре 1847 г. восстали крепостные Загребского капитула. Навстречу восставшим, двинувшимся на город Загреб, были двинуты войска. Повстанцы были разбиты¹⁴. Центром крестьянского движения в Трансильвании был комитат Зарант и рудные горы. Руководила крестьянами венгерка **Каталина Варга**¹⁵.

Дворянство и администрация делали попытки предотвратить крестьянские выступления. Вносились предложения о различных мероприятиях по борьбе с нищенством — об «исправительных домах», полицейских репрессиях, вплоть до чрезвычайных мер.

Во время кризиса резко ухудшилось положение городской бедноты, цеховых подмастерьев, рабочих мануфактур и горнорабочих. Много сезонных рабочих после окончания работ в городе не уезжали в деревню, страшась голода. Это вызвало беспокойство властей. В Пеште был издан специальный указ о принудительном удалении сезонников из города.

Увеличение числа безработных привело к ухудшению условий труда работающих, к снижению их заработка. Широкое применение в кризисные годы получил низкооплачиваемый женский и детский труд.

Тяжелое положение царило в цеховых организациях. Оплата труда не обеспечивала прожиточного минимума. В сознание широких масс подмастерьев и рабочих все больше проникало убеждение в том, что повысить свой материальный уровень они смогут лишь в результате политической борьбы с Габсбургами. Жизнь все больше укрепляла их в этом убеждении. В это время возник «Клуб молодых ремесленников и рабочих», в котором выступал с горячими призывами Пал Вашвари¹⁶. «Клуб» связывал подмастерьев и рабочих с интеллигенцией, со студенчеством, сплачивая все эти слои в активную силу революции.

Активность народных масс, в частности усиление крестьянского движения, борьба ремесленников с цеховыми ограничениями в обстановке жесточайшего экономического кризиса и национального угнетения определили неизбежность буржуазной революции в Венгрии.

Одновременно в стране, а также и в Пожонском государственном собрании происходила острая политическая борьба. В марте 1847 г. был арестован Михай Танчич. Усилилась борьба с комитатской оппозицией. Чем яснее становилось приближение революционного взрыва и роль Пешта, тем очевиднее становилось стремление задержать этот революционный взрыв со стороны большинства депутатов Собрания в Пожоне.

В Государственном собрании резко обозначились два противоположных борющихся лагеря — габсбургский абсолютизм и поддерживающая его венгерская феодальная знать, с одной стороны, и оппозиционное большинство, включающее различные социальные и политические слои, начиная от умеренного среднепоместного дворянства и кончая крайне левой радикальной оппозицией.

Австрийское правительство, не имея возможности подчинить себе оппозиционное большинство Государственного собрания, решило очистить от оппозиционных элементов комитаты, превратившиеся в центры национально-освободительной борьбы и поставлявшие в Собрание основные кадры оппозиции. Заместитель канцлера по венгерским делам Аппоньи с согласия и одобрения Меттерниха приступил к смене руководства в комитатах¹⁷. Ответственные чиновники заменялись «администраторами», которым были предоставлены широкие права в области финансовой, торговой и военной деятельности, в ущерб правам комитатских собраний. Однако Габсбурги не добились желаемого результата. Часть комитатской оппозиции под давлением администраторов сложила оружие, но другая часть, ожесточенная репрессиями администраторов, их стремлением захватить в свои руки всю полноту власти, вступила на путь еще более активной борьбы. Все нараставшие оппозиционные настроения в комитатах широко использовал Кошут. В своих статьях этого периода — «Венгерская консервативная партия и проблема нации», «Оппозиция и печовичи»¹⁸, «Что из себя представляют партии в Венгрии» — он резко разоблачил коварство правительственной партии, которая, насаждая своих чиновников, добивалась сохранения полной покорности комитатов власти Габсбургов. Кошут предлагал: сломить оковы феодализма, добиться гражданских прав и буржуазного пути развития для Венгрии.

Наиболее радикальная программа реформ была выдвинута в наказах населения депутатам Государственного собрания. Наказ комитата Пешт, составленный Кошутом и опубликованный в сентябре 1847 г., включал решительное требование независимости Венгрии: «Ни одного решения без нас о нас», уничтожение внутренних таможен и отмена системы «администраторов».

«Будущее венгерского народа, — говорилось в наказе, — не может быть обеспечено до тех пор, пока не будут определены равные права всех граждан перед законом, пока не будут введены суды присяжных и равноправие в налогообложении»¹⁹.

Своеобразную позицию Кошут занял в вопросе об избирательных правах. Требуя широких избирательных прав для населения городов, автор наказа в то же время стремился придерживаться принципа «покоя и порядка». Характерно, что для крестьян устанавливались двухстепенные выборы. Дворяне стремились обеспечить себя от проникновения крестьян в Государственное собрание и неизбежных от этого факта последствий.

Острая борьба развернулась в 1847 г. во время выборов в Государственное собрание. От комитата Пешт был избран Кошут, получивший 2948 голосов (другой кандидат получил только 1314 голосов)²⁰. От комитата Мошон был избран Иштван Сечени, ставший вождем центра.

В нижнюю палату входило 422 депутата, в верхнюю — 268. Верхняя палата была оплотом крупного землевладения, реакции, сопротивления всем антифеодальным решениям нижней палаты. Председателем верхней палаты был представитель крупного землевладения Дьердь Майлат, назначенный рескриптом наместника. Члены Государственного собрания делились на три политических направления. Консервативное во всех решающих вопросах поддерживало политику Габсбургов. Руководителем этих сторонников правительства был Пал Шомшич. Сечени, представляя центр, выступал как против правительства в лице Аппоньи, так и против Кошута.

Когда Меттерних и аристократы упрекали Сечени в том, что он является революционером, последний обычно отвечал: «Мы должны обновить нашу родину и обезопасить ее от того безрассудства, которое ее окружает».

Признанным вождем оппозиции стал Кошут, выдвинувший наиболее четкую программу. Его основные требования включали: уничтожение барщины и всеобщее обложение налогами и дворян и не дворян (подворным, военным и др.), что уничтожало привилегии дворянства. Размеры подворного налога должны были определять комитаты. Военный налог должен был определяться правительством и не подлежал отчетности²¹. Сечени же считал основной задачей создание всевенгерской сберегательной кассы, что фактически не затрагивало бы налоговых и других привилегий дворянства. Партия центра заняла во многих вопросах внутренней политики гораздо более умеренную позицию, чем Кошут. Таким образом, сама оппозиция была разнородной и, естественно, проявляла колебание и нерешительность в основных вопросах внутренней политики.

При открытии 12 ноября 1847 г. Государственного собрания король, выступив с тронной речью, произнес несколько фраз по-венгерски. Это был жест, рассчитанный на то, чтобы привлечь на свою сторону националистические элементы из оппозиции. Король выступал с программой реформ, в которой предлагал расширить права венгерского языка и ввести всеобщее налогообложение. Эти демагогические речи короля дали возможность лидеру консерваторов Палу Шомшичу внести предложение, чтобы Государственное собрание приняло ответное благодарственное письмо королю²².

Прения по этому вопросу продолжались целую неделю. Кошут утверждал, что политика Аппоньи и короля находится в столь же непримиримом противоречии с интересами венгров, как политика абсолютизма и конституционализма. Обращаясь к 10-й ст. законов 1790 г., которая подтверждала «вольности» Венгрии, Кошут обвинил двор в проведении несправедливой, ущемляющей венгерскую нацию политики, и отверг предложение о благодарственном письме королю.

Руководитель центра в Государственном собрании Сечени пытался примирить враждующие стороны и предлагал сформулировать ответное письмо королю в самых общих выражениях.

Оппозиция во главе с Кошутом продолжала настаивать на том, чтобы письмо к королю вместо благодарности включало основные требования венгерского народа: неукоснительное претворение в жизнь 10-й ст. закона о независимости страны. «Велики и трудны задачи нашего времени, — говорил Кошут. — Основная задача заключается в том, чтобы в полной мере развить конституционную форму нашей жизни».

Дебаты показали силу и целеустремленность оппозиции в целом, свидетельствовали о полевлении Государственного собрания²³.

Затем Государственное собрание приступило к рассмотрению внутренних реформ. В первую очередь обсуждался вопрос о налогообложении дворянства. 28 ноября развернулись по этому вопросу жаркие дебаты между Кошутом и Сечени. Сечени заявил, что согласен с постановкой этого вопроса, но возражает против поспешности в его решении. Кошут в своем выступлении ответил, что отказ дворянства от своих привилегий является необходимой предпосылкой сохранения сложившегося веками политического веса дворянства. В качестве примера он процитировал слова представителя крупного дворянства, графа Альберта Стараи, который еще в конце XVIII в. выступал за ликвидацию дворянских привилегий, так как того, по его мнению, требует время. Взывая к свободолюбивым традициям венгерских дворян, Кошут доказывал, что долго привилегии все равно не удержать и что лучше поэтому отказаться от них самим²⁴.

При обсуждении вопроса о форме налогообложения дворянства еще резче обозначились расхождения между Сечени и Кошутом. Сечени настаивал на обложении дворян особым налогом, который должен был стать основой для общенациональной кассы. Кошут в страстном полемическом выступлении потребовал не особого налогового обложения дворян, а введения общего налога, одинакового для всего населения страны. Только таким путем дворянство могло доказать, что оно готово разделить с народом его тяготы и облегчить его участь²⁵.

В результате проведенного голосования большинство получило предложение Сечени. Но Кошут не прекращал борьбы за введение равного, постоянного, подворного налога, который единственно, по его мнению, мог способствовать устойчивому финансовому положению страны. — «Допустим, что дворянство полно решимости ежегодно уплачивать сумму в 3 млн. форинтов. Все равно оно не станет делать этого вечно, в лучшем случае до следующего Государственного собрания. Следовательно, через три года снова встанет вопрос о том, готово ли дворянство вновь предложить такую сумму или нет. И все будет опять на том же месте, что и теперь. Это просто сатира на разумную государственную экономику»²⁶.

Точка зрения Кошута отражала стремление главы оппозиции не только упорядочить финансы страны, но и покончить с многовековыми кастовыми привилегиями дворянства.

Большое принципиальное значение имело обсуждение Государственным собранием вопроса о формах и условиях отмены феодальных повинностей.

В своем выступлении Кошут исходил из того, что невыгодность барщинного труда признана уже всей Европой и его замена вольнонаемным трудом является задачей более неотложной, чем даже строительство железных дорог, каналов и т.п. Вместе с тем Кошут считал, что отмена повинностей должна быть осуществлена с вознаграждением помещиков, причем государство должно предоставить крестьянам финансовые ссуды для выкупа. Кошут предлагал следующую организацию выкупа: 1) предметом выкупа должны быть не земельные участки, а феодальные повинности; 2) при оценке учитывать не то, сколько стоят эти обязанности крестьян, а сколько дохода они дают помещику²⁷. Крестьян, не имеющих собственного хозяйства, Кошут предлагал совсем освободить от выкупных платежей.

Предложение Кошута было принято в принципе Государственным собранием, однако проведение его в жизнь было передано комиссии, и это грозило надолго, возможно на годы, затянуть его реализацию.

Чрезвычайно острый характер носило обсуждение предложения поставить на повестку дня вопрос об администраторах, носителях произвола и беззакония Габсбургов. По инициативе Сечени, начались переговоры с некоторыми правыми членами оппозиции. Эти переговоры привели к соглашению: правые члены оппозиции выразили свою готовность в случае, если король даст обещание отозвать администраторов, не доводить до сведения широких кругов о тех беззакониях, которые совершены ими. Однако двор отклонил эти условия. 1 февраля 1848 г. было получено в Пожоне письмо короля, в котором он ни одним словом не упоминал об отзыве администраторов, а наоборот, выражал огорчение по поводу конфликта²⁸.

Весь этот конфликт говорит о том, как глубоко были разногласия внутри самой оппозиции, как глубоко были трещины среди либеральных дворян.

Резко обнаружились расхождения между Сечени и Кошутом и по другим существенным вопросам внутренней политики. Кошут неоднократно в письмах к своим друзьям жаловался на напряженность обстановки, в которой приходилось ему действовать, на стремление Сечени задержать его предложения. Дело дошло до того, что на совещаниях, проходивших на дому у Сечени, вырабатывались планы отстранения Кошута от дел. Обращаясь к видному деятелю периода реформ — к Миклошу Вешелени — Кошут иронически писал: «Нет ли у тебя желания порекомендовать твоего светлейшего друга — депутата комитата Мошон (имеется в виду Иштван Сечени. — Р.А.) императором Мадагаскара. Поверь мне, там он мог бы проявить себя очень порядочным человеком. Или, допустим, на китайском троне, который ему от души желаю. Здесь же он причиняет много бед»²⁹.

Оценивая деятельность Пожоньского собрания в конце 1847 г., нужно сказать, что в стадии обсуждения находились многие предложения реформ, но большинство их встречалось в штыки «твердолобыми» магнатами. Из принятых предложений ни одно не было проведено в жизнь.

Таким образом, к началу 1848 г. политическая обстановка в Венгрии определяется непрерывным ростом недовольства существующими порядками и готовностью к решительной борьбе со стороны «низов». Крестьянство, плебейские массы городов не хотели больше «жить по-старому». Но и верхи — австрийское правительство, феодальная знать — уже не могли сохранять в неизменном виде свое «господство». В стране сложилась революционная ситуация. События в Европе в начале 1848 г. были той искрой, которая превратила ее в революционный взрыв.

1 М.Танчич. Мой жизненный путь. М., 1952, стр.239.

2 «Hazank», 1847, junius 15.

3 «Hazank», 1847, aprilis 6.

4 «Hazank», 1847, januar 18.

5 Kossuth. Lajos. Osszes munkai. Kot.XI (szerk. es. bev. Barta Istvan). Budapest, 1951, 20—21 old.

6 Ibid., 53 old.

7 Ibid., 26, 48 old

8 Mere; Gyula. Magyar iparfejiodes. Budapest, 1951, 356 old.

9 Ibid 356 old.

10 И.И.Орлик. Крестьянское движение в Венгрии в первые месяцы буржуазной революции 1848—1849 гг. — «Новая и новейшая история», 1959, № 4, стр.76.

11 «Jobbagyleveiek». Osszealittotta, sazeroszotirta H.Balass Eva. Budapest, 1951, 280 old.

12 Ibid , 291—292 old.

13 М.Танчич. Указ.соч., стр.236—237.

14 Arato Endre. A nemzetisegi kerdes tortenete Magyarorszagon. II. 1840—1848. Budapest, 1960, 33 old.

15 Ibid., 26 old.

16 Vasvari Pal. Valogatott irasai. Budapest, 1956, 288 old.

17 В своем письме наместнику Иожефу от 9 мая 1844 г. Меттерних следующим образом наметил ближайшие задачи своей политики: 1) добиться верного правительству большинства в нижней палате, 2) обеспечить господствующее положение правительства в комитатах. См. «Magyarország története 1790—1849». Kot. III Szerk. Merei Gyula, Spira Gyorgy. Budapest, 1961, 330 old

18 Так называли в радикальной печати реакционеров.

19 Mere; Gyula. Magyar neptörténete 1790—1849. Budapest 1952, 291-292 old.

20 Joh. Janotycky v. Adierstein. Tagebuch der magyarischen Revolution. Erster Band Chronologisches Wien, 1851, S.89.

21 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XI, 334 old.

22 Pulszky F. Eletem es korom. Kot. I. Budapest, 1884, 261 old.

23 Spira Gyorgy. A magyar forradalom 1848—49-ben Budapest, 1959, 69 old.

24 Kossuth Lajos Osszes munkai. Kot.XI, 334 old.

25 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XI. 334 old. Такая форма обложения касалась как военного налога, так и налога для уплаты расходов комитатов

26 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XI, 348 old.

27 Между этими двумя понятиями существует большое различие. День, отработанный на барщине, имеет для крестьянина большее значение, чем для помещика. Для последнего труд свободного рабочего гораздо более производителен. Ibid, 369 old.

28 Материал прений о положении в комитатах и о злоупотреблениях администраторов см. Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XI, 535 old.

29 Ibid., 560 old.

2. Мартовская революция в Венгрии

В январе 1848 г. революционное движение охватило ряд городов и провинций Италии. Передовая общественность Венгрии с напряженным вниманием следила за этими событиями в стране, которая также испытывала гнет Габсбургов. В своем стихотворении «Италия» Петефи приветствует итальянских революционеров и восхищается их мужеством³⁰.

24 февраля 1848 г. в Париже в результате народного восстания была провозглашена республика. Депутация венгерских граждан, живших здесь, посетила Ламартина, приветствуя в его лице руководителя движения.

Известие о февральской революции застало Петефи путешествуя по Венгрии. Он немедленно возвратился в Пешт, уверенный в том, что Венгрия не останется безучастной к событиям в Париже.

События в Европе испугали реакционеров. Они стали еще решительнее защищать свои феодальные привилегии. Когда начальник венгерской придворной канцелярии граф Аппоньи получил извещение о революции в Париже, он в письме к Сечени писал: «В Париже восторжествовала неимущая чернь... в числе членов правительства рабочий Альбер»³¹. Первого марта Аппоньи писал, что сейчас безумием было бы требовать от правительства уступок.

Одновременно февральская революция в Париже активизировала и оппозицию Собрания в Пожоне.

3 марта 1848 г. лидер оппозиции Лайош Кошут внес в нижнюю палату Государственного собрания предложение о направлении петиции императору Фердинанду с требованием введения конституции, создания независимого венгерского правительства и установления гражданских свобод. Кошут предупреждал о неизбежных последствиях пагубной политики австрийского правительства. Он указывал на возможность революции в Венгрии³². Обращаясь к императору, он говорил: «Престолу вашего величества и вашей империи, связанной с нами через прагматическую санкцию узлами симпатии, грозят бесконечные осложнения, а нашей отчизне — невыразимые бедствия»³³. В этих словах выражался страх венгерского дворянства перед революцией и желание ее избежать.

Речь Кошута произвела огромное впечатление³⁴. Нижняя палата приняла обращение к императору, в котором выдвигалось требование создания независимого венгерского правительства, указывалось на необходимость проведения крестьянской реформы при условии предоставления помещикам компенсаций.

Хотя в Обращении подчеркивалось, что все эти мероприятия продиктованы «верностью трону»³⁵ и оно носило весьма умеренный и верноподданныческий характер, оно было встречено упорным сопротивлением реакции. Верхняя палата отказалась его обсуждать.

Одновременно нарастали революционные события в Пеште. Руководящая роль принадлежала здесь двум клубам: умеренному во главе с Лайошем Баттьяни, Ференцем Деаком и Ласло Телеки и радикальному во главе с Шандором Петефи, Палом Вашвари, Йокаи и другими, собиравшимися в кафе «Пильвакс». Уже 4 марта здесь стало известно содержание речи Кошута, произнесенной накануне в Пожоне. С оценкой этой речи выступил Пал Вашвари: «Пожоньская оппозиция наконец заговорила полным голосом, Лайош Кошут бесспорно осудил правительство Меттерниха и всю систему австрийского абсолютизма, предвещая ему неминуемую гибель»³⁶.

Сразу же после выступления Кошута встал вопрос о разработке ясной программы. С просьбой сформулировать ее Кошут обратился к «Оппозиционному кругу». При этом он сознавал, что программа лишь в том случае будет иметь вес перед Государственным собранием, если она встретит широкую народную поддержку. В тех условиях это означало привлечение к выработке программы тех, кто ближе других к народу, т.е. группу радикальной молодежи.

9 марта разработка программы была поручена Петефи, Вашвари, Йокаи, Ириньи и Буйовски. Петефи и его товарищи решили поставленную перед ними задачу, но пошли при этом значительно дальше, чем ожидал от них Кошут и даже «Оппозиционный круг»³⁷.

В это время в Вене, в связи с созывом Нижнеавстрийского Ландтага, происходили бурные демонстрации с лозунгами «Долой Меттерниха!», «Да здравствует народное представительство и вооружение граждан!» Несмотря на решительные контрмеры правительства, 13 марта революция победила. Меттерних бежал из Вены.

Известия о венских событиях пришли в Пешт в ночь на 15 марта и упали на горячую почву. Этой ночью посетители кафе «Пильвакс» не расходились. Они с энтузиазмом приняли программу из «12 пунктов», зачитанную пришедшими под утро Петефи, Вашвари и Йокаи, поклялись в верности революции, затем они вышли на улицы Пешта и направились к медицинскому факультету университета. Петефи писал позднее: «В кафе мы приняли решение обойти всю университетскую молодежь»³⁸.

Занятия уже начались, профессора пытались закрыть двери аудиторий, приказывали студентам не бунтовать. Однако студенты присоединились к демонстрантам, занятия были прерваны. Пал Вашвари, студент-юрист Янош Видач призывали студентов не слушаться профессоров «с рабской душой»³⁹, поддержать дело революции. К бурлившей массе студенчества, вышедшей на улицы Пешта, присоединилось 3 тыс. рабочих мануфактур, несколько тысяч цеховых подмастерьев. Все новые и новые отряды вливались в ряды демонстрантов.

Участники демонстрации явочным порядком заняли типографию Ландерера и Хеккенаста и к полудню рабочие напечатали «12 пунктов» и «Национальную песнь» Петефи. Листовки тысячами стали распространяться среди народа. Народ ликовал. «Между нами и прессой, — говорил Вашвари, — стоял цензор — этот иезуит, подавляющий пробужденное сознание. Цензуры больше не существует»⁴⁰.

В «12 пунктах» было записано:

1. Мы требуем свободы печати, уничтожения цензуры.
2. Ответственного министерства в Пеште.
3. Ежегодного Государственного собрания в Пеште.
4. Равноправия перед законом.
5. Создания национальной гвардии.
6. Всеобщего обложения.
7. Ликвидации урбариальных отношений.
8. Суда присяжных, равного представительства.
9. Национального банка.
10. Войско должно принести присягу конституции, наши венгерские солдаты не должны быть отправлены за границу, а иностранные должны быть удалены с наших земель.
11. Политические заключенные должны быть отпущены на свободу.
12. Уния (с Трансильванией). Равенство, свобода и братство⁴¹.

На содержании «12 пунктов» отразилось влияние «Декларации прав человека и гражданина», принятой Национальным собранием Франции в августе 1789 г., идей французской просветительной философии и французской революции 1789—1794 гг.⁴², событий 1830 г. во Франции и других странах. Составители «12 пунктов» считали необходимым подчеркнуть требование политических свобод, столь ярко отраженное во французской «Декларации прав человека и гражданина». Одновременно на содержании «12 пунктов» сказалось определенное соотношение классовых сил и влияние исторической обстановки, в которой они были приняты. Именно это обстоятельство определило столь четко сформулированные требования об ответственном министерстве, о ежегодных сессиях парламента в Пеште, требование независимости венгерской армии и др.

«12 пунктов» явились безусловно революционным документом. Эта программа сыграла большую агитационную роль. Все дальнейшее революционное движение прошло под лозунгом осуществления требований «12 пунктов».

Содержание «12 пунктов» было результатом компромисса между требованием демократии, считавшей необходимым более решительную формулировку политических свобод, аграрной реформы, и требованиями либерально-дворянских представителей «Оппозиционного круга», выдвинувших умеренную программу. Этот компромисс сказался на определении аграрных требований. Они были сформулированы весьма туманно. В пункте 7 говорилось об отмене барщины, но не указывались пути ее осуществления. Совершенно не был затронут вопрос об избирательных правах граждан. Впоследствии Танчич критиковал «12 пунктов». Он подчеркивал их ограниченность и считал необходимым расширить их включением следующих требований: передача в руки государства всей церковной недвижимой собственности, упразднение монашеских орденов, дворянских титулов, полной свободы вероисповедания, утверждение венгерского языка в качестве государственного и т.д.

Вокруг «12 пунктов» развернулись бурные дискуссии как по их содержанию, так и по вопросу о проведении их в жизнь.

В этот же день, 15 марта, у здания музея перед многотысячной толпой были зачитаны «12 пунктов». Слова «Национальной песни»: «Поклянемся навсегда никогда не быть рабами, никогда» — были подхвачены с огромным энтузиазмом. Участники движения решили добиться утверждения этих документов городскими властями. Для этого была избрана комиссия, которая должна была направиться в ратушу. В состав этой комиссии, наряду с радикалами Петефи, Вашвари, Ираньи, Йокай и другими, были включены и представители дворянской оппозиции — Клаузал и Пал Ньяри. Бургомистр, после короткого совещания, вынужден был согласиться с требованиями народа⁴³.

Знаменательным событием этого дня было выступление Вашвари перед типографией Ландерера, в котором он выдвинул идею единства всех народов Венгрии в борьбе за сохранение завоеванной свободы против общего врага — австрийской камарильи, натравлявшей народы друг на друга. Эта речь была яркой защитой идеи интернационализма.

«Народы еще не постигли значения слова братство, поэтому они бились безуспешно... каждая нация хотела завоевать свободу для «себя». Австрия же с самого начала руководствовалась в своей политике принципом «divide et vincas», «разделяй и властвуй». Если поляк восставал против деспотизма, против него посылали венгра, чеха, итальянца. Когда зашевелились итальянцы, в качестве орудия для убийств были использованы солдаты из венгров и поляков»⁴⁴.

Вашвари призывал, используя свободу печати, довести идеи интернационализма до широких масс.

Яркой демонстрацией революционного энтузиазма масс было требование освобождения из тюрьмы любимого народом революционера и борца писателя Михая Танчича, более года находившегося в заключении. Депутация из 13 человек направилась в Наместнический совет и потребовала немедленного освобождения Танчича, а также утверждения закона об отмене цензуры и приказа о невмешательстве войск в действия народа. Многотысячная толпа сопровождала депутацию. После пятиминутного совещания совет согласился на все⁴⁵. В этот момент представители дворянской оппозиции остались верны себе. Они призывали демонстрантов сохранять «порядок» и ограничивать свои требования.

К 5 часам вечера 20 тыс. демонстрантов подошли к тюрьме, освободили томившегося там Танчича и торжественно, в коляске, из которой были выпряжены лошади, привезли его в Пешт.

В этот день были смещены старые городские власти, ставленники венского двора, с правительственных зданий сорваны были австрийские двуглавые орлы и на их месте водружены трехцветные венгерские знамена.

После всех этих бурных событий из представителей различных демократических кружков и клубов был создан по примеру Вены революционный орган власти — «Комитет общественной безопасности», «своего рода революционное правительство, которое ни перед кем не несло ответственности»⁴⁶.

Движущей силой событий 15 марта была пештская демократия: радикальная интеллигенция, студенчество, вместе с широкими массами рабочих и ремесленников боровшиеся за венгерскую свободу⁴⁷.

К движению примкнули крестьяне, собравшиеся из окрестностей Пешта на ярмарку. До сих пор равнодушные или даже враждебные политическому движению, «теперь они с огромным воодушевлением спешили надеть национальные трехцветные кокарды»⁴⁸.

Пролетарии, полупролетарии и крестьяне составляли основную силу движения 15 марта, возглавлявшегося революционной «мартовской молодежью». Участие рабочих в движении специально отметил Комитет общественной безопасности в воззвании от 17 марта. Это воззвание извещало жителей столицы, что депутация вручила Государственному собранию и королю «12 пунктов», принятых народом Пешта. «То, чего мы желали, совершилось», — говорилось в воззвании. Оно заканчивалось следующими словами: «Славные граждане столицы и особенно рабочие могут быть спокойны и продолжать свои

Знаменательный день 15 марта завершился волнующей демонстрацией в Национальном театре, где по требованию народа в этот день шла трагедия «Банк бан»⁵⁰. По городу распространилась весть, что только что освобожденный из тюрьмы Михай Танчич выступит перед народом в Национальном театре. Масса людей ворвалась в ярко освещенный зрительный зал. Действие было прервано. Артисты и артистки появились на сцене, украшенные национальными кокардами. Оркестр под крики одобрения исполнил марш Ракоци и «Марсельезу». Все происходящее на сцене воспринималось зрителями как непосредственное продолжение событий дня.

Эта оригинальная демонстрация прошла под лозунгами «Да здравствует свобода!», «Позор Меттерниху!». Габор Эгреши, выдающийся венгерский артист, друг Петефи и участник утренних событий, после короткой горячей речи продекламировал популярную «Национальную песню». Последний ее куплет был подхвачен всем залом.

Так закончился день 15 марта в Пеште.

30 Шандор Петефи. Собр.соч., т.2. М, 1952, стр.284

31 Письмо, опубликованное Коньи (Konyi) в его предисловии к книге Deak Ferenc. Beszedei. Kot.VI. Цит. Б.Л.Ландор. Венгерская революция 1848—1849 гг. и царская интервенция.— «Исторические записки», 1940, № 9, стр.264.

32 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XI, 622, 624 old.

33 Ibid., 625 old.

34 Речь Лайоша Кошута оказала влияние на австрийское революционное движение, став существенной частью программы выступления мелкой буржуазии, интеллигенции и рабочих Вены 13 марта.

35 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XI, 627 old.

36 Heinrich Incze. Die Geschichte des 15. Marz 1848 in Budapest. Budapest, 1899, S.21.

37 Nyari Albert. A magyar forradalom napjai. Pest, 1848, 37-38 old.

38 Шандор Петефи. Собр.соч., т.4. М., 1953, стр.143.

39 Nyari Albert. Op.cit, 38 old.

40 Vasvari Pal. Op.cit., 283 old.

41 Spira Gyorgy. Op.cit., 73—74 old.

42 Симпатии к Франции определялись традицией. Со времен Ракоци повелось, что оппозиция к австрийскому правительству приводила к дружбе — также исторической — и симпатии к исконному врагу Австрии — Франции.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

В ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука, 1985

43 Spira Gyorgy, Kossuth Lajos forradalmi szovetsege a radikalis baloldallal es a nepi tomegekkel.— «Kossuth emiekkonyv». Kot.II. Budapest, 1952. 147 old.

44 Vasvari Pal. Op.cit, 285—286 old.

45 Шандор Петефи. Собр. соч., т.4, стр.145.

46 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.38.

47 Spira Gyorgy, Kossuth Lajos forradalmi szovetsege a radikalis baloldallal es a nepi tomegekkel. — «Kossuth emiekkonyv». Kot.II. Budapest, 1952, 145—146 old.

48 Ibidem.

49 Merei Gyula. Magyar neptortenete 1790—1849, 357 old.

50 «Банк бан» — известное драматическое произведение венгерского писателя Йожефа Катона. Это произведение пронизано идеями борьбы за национальное освобождение и демократию. В нем впервые в Венгрии выводится на сцену как положительный образ венгерский крестьянин.

51 Joh.Janotycky v. Adierstein. Op.cit., Erster Band. S.237.

3. Борьба за осуществление мартовских требований

Результаты победы 15 марта были весьма значительными.

Они стали стимулом для дальнейшего массового движения. По всей Венгрии распространилось крестьянское движение. Выдвигая все более радикальные антифеодальные лозунги, крестьяне торопили Пожоньское собрание с разрешением крестьянского вопроса. В борьбу вступили горняки, рабочие мануфактур и немногих предприятия капиталистического типа, а также подмастерья, ученики, весь теснимый люд цеховых организаций. Горняки Шельмецбанья 22 марта предъявили управлению шахты требование об упорядочении качества выдаваемых продуктов, сокращении штрафов, обеспечении безопасности труда в шахте и др.⁵² Подмастерья и рабочие цехов выступили с лозунгом «долгой мастеров угнетателей» и требовали улучшения материального положения, ставшего совершенно невыносимым. В движение были втянуты значительные прослойки мелкого и среднего дворянства, мелкая буржуазия городов, многочисленная интеллигенция.

Депутаты Пожоньского собрания не могли остаться совершенно безучастными ко всем происходящим событиям. У Вашвари есть замечательное определение взаимоотношений между Собранием и всей нацией: «Движение нашей нации было подобно часам. Колеса часов были в Пожони, но им не очень хотелось вертеться, нужна была пружина, которая ускорила бы их движение»⁵³.

Требования и выступления масс были той двигательной силой, той «пружиной», которая определяла сопротивление Габсбургам даже со стороны депутатов Пожоня. Собрание действовало медленно, нерешительно, но все же действовало. На короткий срок наметилось объединение внутри лагеря оппозиции. Однако противоречия между отдельными классами были слишком велики, чтобы единство могло сохраниться. Каждое новое завоевание, будь то закон о печати или создание национальной гвардии, вызывало обострение борьбы и попытку со стороны венгерской реакции свести на нет сделанные уступки. Политическая обстановка в первые месяцы революции осложнялась также политикой венского двора.

Как Габсбурги расценивали все произошедшие события, говорит письмо австрийского министра иностранных дел Фикельмона графу Туну от 21 марта. «Венские события являются одним из эпизодов великой драмы, разыгравшейся в Европе, — писал Фикельмон. — ...Вы изложили хорошо известный Вам факт, что Венгрия оказала наиболее активное влияние на то, что, быть может, назовут революцией, но надеемся, таковой не станет»⁵⁴. Надежды Габсбургов не оправдались, мартовские события в Венгрии означали именно начало революции.

Обстановка, создававшаяся в Венгрии после победы 15 марта, оставалась чрезвычайно напряженной. Каждую минуту можно было ждать вооруженного выступления со стороны двора.

Оказавшийся перед лицом оторопевшей контрреволюции, Комитет общественной безопасности должен был осуществлять правительственные функции. По свидетельству сторонника Кошута Ференца Пульски, состав Комитета был неоднороден. Когда Пульски, приехав из Вены, посетил Комитет, то он застал следующую картину. За длинным зеленым столом в здании Ратуши заседали известные уже нам Габор Клаузал, Пал Ньяри, бургомистр Леопольд Роттенбиллер и близкий соратник Кошута — Ласло Чани⁵⁵. В состав Комитета входили Петефи, Вашвари, Ириньи, Буйовски, Ираньи. Такой состав Комитета не обещал согласованности и единства действий, хотя Комитет и заседал непрерывно. На первых порах еще не было больших споров и разногласий, ибо речь шла об организационных задачах Комитета, а именно об установлении связи с провинциями, о согласовании всех решений, принятых 15 марта, с имеющимися законами, а также об организации вооруженной силы революции — национальной гвардии.

16 марта Комитет безопасности направил делегацию в Буду и призвал Городской совет признать революцию и утвердить «12 пунктов». Другая делегация направилась в Пожонь, чтобы уведомить Собрание о событиях и завоеваниях 15 марта и предложить ему перенести свои заседания в Пешт.

Участники движения 15 марта хотели распространить полномочия только что созданного Комитета общественной безопасности на всю страну. В города и комитаты направлены были обращения с призывом создавать такие же комитеты. Эти призывы не остались без ответа.

...«Если в Пеште завоеваниям 15 марта будет угрожать опасность, то мы сочтем своим патриотическим долгом встать на их защиту», — писала выходившая с 19 марта демократическая газета «Марциуш Тизенётёдик» («15 марта») от имени городов Альфельда. В ночь на 16 марта в Пожоне, где находилось Государственное собрание, был организован местный Комитет общественной безопасности.

Таким образом, движение 15 марта распространило свое влияние на всю страну.

Главной задачей Комитета стало теперь создание национальной гвардии. «Было очевидно, — пишет Пульски, — что самой главной задачей является образование национальной гвардии, так как мы не рассчитывали на мирное поведение военщины». Имелись предположения, «что войска (имеются в виду правительственные войска. — Р.А.) ждут распоряжения, чтобы выйти из города, направиться в «новое здание», а отсюда подвергнуть город осаде»⁵⁶.

Решение о создании национальной гвардии было принято 17 марта. Хотя по проекту национальная гвардия Пешта должна была насчитывать только 1500 человек, она уже 23 марта состояла из 4200 вооруженных людей⁵⁷. Через месяц в комитете Пешта было уже 17 тыс. национальных гвардейцев, а по всей Венгрии — 62 тыс.⁵⁸ С момента организации национальной гвардии вопрос о вооруженных силах страны, а также взаимоотношениях между революционным Пештом и Собранием в Пожоне не сходит со страниц демократической прессы, в частности, со страниц газеты «15 марта». Наличие Комитета безопасности и трехцветного знамени означало присоединение того или иного города или комитата к революционному движению. «Сегед, Мишкольц, Секешфехервар, Сабадка, Кечкемет... каждый из них поднял национальное трехцветное знамя и заявил о своей готовности его защитить»⁵⁹, — писала газета.

Известие об отставке Меттерниха, как громовой удар, поразило депутатов Пожоньского собрания. Настроение крупных землевладельцев достаточно ярко отразилось на совещании, организованном наместником Иштваном. Эстергази высказывал тревогу по поводу того, что нарушение порядка в Вене может отразиться и на политическом положении в Венгрии. Сечени находился в большом сомнении, нужно ли совершавшемуся в Вене радоваться или огорчаться. «Не скрывается ли опасность для нашей нации, — говорил он, — в том, что сейчас вызывает такой всеобщий восторг?»⁶⁰ Во всяком случае было необходимо, по мнению Сечени, чтобы Кошут и Баттьяни сделали все от них зависящее для сохранения порядка.

Необычайно точным отражением настроения крупных венгерских магнатов была запись Сечени в своем дневнике: «Я предвижу полное разложение Венгрии, конец мой считаю близким. Бедный князь Меттерних! Эта система императора Франца, которая неизбежно должна была привести к абсурду, определила и твое поведение»⁶¹. Аналогичные настроения проскальзывают в письме Вешелени Кошуту по поводу 15 марта в Пеште: «Из несчастного национального гимна «Клянемся, что больше не будем рабами» народ делает вывод, что больше не должен подчиняться ни своим комитатским властям, ни своим помещикам»⁶².

Если для Сечени и Эстергази венские события означали большую катастрофу, то Кошут считал, что революция 13 марта должна открыть путь к необходимым реформам также и для Венгрии. Кошут видел в венских событиях реализацию тех требований, которые им были выдвинуты в речи 3 марта.

Кошут говорил, что необходимо добиваться распространения свободы печати и на Венгрию, но эту свободу он понимал весьма ограниченно. Он считал достаточным издание закона о свободе печати, сходного с реакционным баденским законом 1831 г. Кошут настаивал также на скорейшем решении вопроса в Собрании о национальной гвардии и народном представительстве.

Когда 19 марта в Пожонь явилась делегация деятелей 15 марта, Кошут от имени Пожоньского собрания заявил (перефразировав слова Жиронды в адрес Парижа): «Пешт не может диктовать стране».

Демократическая газета «15 марта» с исключительной яркостью отражает разочарование «мартовцев» в Пожоньском собрании. Газета сурово критикует пожоньских депутатов: «Нечего обольщать себя, нечего называть депутатский корпус представителями народа. Если они и были избраны, то одной кастой, причем даже из этой касты... лишь немногими»⁶³.

Все чаще и чаще направлялись в Пожонь предупреждения из Пешта, звучало требование покинуть свое уединение в Пожоне и переехать в Пешт. Деятели «Оппозиционного круга» решительно требовали от правительства в течение 6 дней переехать из Пожоня в Пешт, в противном случае они угрожали направиться к месту заседания Собрания и, используя свое личное влияние, добиться своей цели⁶⁴.

Это предупреждение было серьезным и настойчивым, оно неоднократно повторялось в решениях окружного общего собрания комитата Пешт. 24 марта была намечена программа дальнейших преобразований. Она включала следующие требования: равное для всех представительство, немедленное создание национальной гвардии, перевод Государственного собрания в Пешт, замена австрийских флагов венгерскими национальными знаменами, освобождение патриотов, отмена титулов чиновников и должностных лиц⁶⁵. Особенно настойчивым было требование о переводе Собрания из Пожоня в Пешт. «Спешите с Собранием, — писал Берталан Семере Кошуту 25 марта, — правительство должно приступить к делу»⁶⁶.

Под давлением Пешта Государственное собрание активизировало свою деятельность.

17 марта наместник Иштван поручил графу Лайошу Баттьяни создание первого венгерского кабинета министров. По своему характеру сформированное им 23 марта правительство было коалицией, в которую входили представители крупного землевладения, сторонники умеренных реформ и соглашения с двором, какими были графы Баттьяни и Сечени, представители среднего комитатского обуржуазившегося дворянства — Деак, Клаузал. Наконец, деятели левого направления — Кошут и Семере. Сам Баттьяни был признанным лидером оппозиционного либерального дворянства в верхней палате Пожоньского государственного собрания. Портфели первого министерства распределялись следующим образом: председатель министров — Лайош Баттьяни, министр внутренних дел — Берталан Семере, министр по делам связи между Венгрией и Австрийской империей — герцог Пал Эстергази, министр финансов — Лайош Кошут, военный министр — полковник Лазар Месарош, министр общественных работ — граф Иштван Сечени, министр просвещения и культов — барон Иोजеф Этвеш, министр сельского хозяйства и торговли — Абор Клаузал, министр юстиции — Ференц Деак.

Пал Эстергази редко присутствовал на заседаниях министерства, так как его резиденция была в Вене. Он оставался верным слугой Габсбургов. Деак и Клаузал занимали позицию центра. Будучи последовательными сторонниками соглашения с двором, они стремились как можно скорее закончить революцию. В решающий период борьбы оба они удалились из Пешта в свои имения.

Полковник Лазар Месарош держался противоречивой политики. Наиболее левыми в министерстве оставались Кошут и Семере. Кошут вел последовательную политику борьбы против Габсбургов и в этот период пользовался наибольшим доверием широких народных масс. Во время своего пребывания в министерстве Кошут эволюционировал влево к радикалам, опиравшимся на народные массы. Однако на позиции Кошута в первом министерстве сказывалась его классовая ограниченность как в национальном, так и в крестьянском вопросах.

Берталан Семере начал свою деятельность в качестве либерала. В процессе революции в его взглядах произошел значительный сдвиг влево во всех вопросах, касающихся отношений к Габсбургам. В вопросах внутренней политики никаких сдвигов не произошло.

Утвержденный список министров был зачитан 25 марта. Список произвел большое впечатление, так как «ожидали худшего». «Понравился даже Сечени», — сообщал Семере Кошуту. Теперь все были озабочены тем, как скоро министры будут утверждены в Вене. Любопытно, что кое-кто из политических деятелей предлагал для ускорения этого дела припугнуть Вену опасностью нового восстания⁶⁷.

Собрание в Пожоне не ограничилось назначением министерства. 18 марта нижняя палата утвердила закон об уничтожении барщины и десятины, о введении всеобщего налогообложения. Из 35 статей этого закона семь касались вопросов о ликвидации многочисленных повинностей крестьянства: ст.8 провозглашала, что все жители Венгрии без всяких различий облагаются государственными налогами; ст.9 упраздняла барщину, десятину и внутренние денежные платежи, а также помещичий суд; ст.10 разрешала раздел пастбищ и ввела новый порядок пользования лесными угодьями⁶⁸.

Статья 13 отменяла церковную десятину. «Духовное сословие, — говорилось в вводной части этой статьи, — отказывается без всякой компенсации от церковной десятины, и сословия вносят в закон этот пункт в память о жертве, принесенной духовным сословием на алтарь отечества»⁶⁹. Статья оговаривала компенсацию за счет государства низшему духовенству, потерявшему доходы от уничтожения десятины.

Статья 15 ликвидировала права неотчуждаемости дворянской собственности (майораты). Это постановление имело большое принципиальное значение. Оно уничтожало одну из основных сословных привилегий дворянства.

Закон об отмене барщины, десятины и денежных платежей, а также о всеобщем налоговом обложении был представлен на утверждение верхней палаты. Однако последняя собралась для обсуждения закона только в количестве 17 человек, были попытки отложить решение этого вопроса на другое заседание. И только повторное санкционирование нижней палатой этого закона принудило верхнюю палату утвердить закон об отмене феодальных повинностей.

Мероприятия Собрании вызвали яростное сопротивление реакции. Царский посол в Вене Фонтон сообщал: «Вчера Пал Эстергази в моем присутствии сказал некоему лицу: «Я поддерживаю эти требования, так как опасно им противодействовать, но мы не пойдем далеко, мы будем сопротивляться. Я собрал в своем дворце две тысячи вооруженных людей. Это будет основа для сопротивления. Потом мы увидим»⁷⁰.

Страх господствующих классов перед крестьянскими волнениями был настолько силен, что, не дожидаясь утверждения закона королем, письма с изложением содержания закона были разосланы в различные комитаты для успокоения населения сел, с нетерпением ждавших земли и освобождения от тягот.

Отмена барщины, десятины и денежных платежей, введение всеобщего налогообложения, создание независимого министерства — все это были буржуазные мероприятия, наносящие удар по феодально-крепостническому строю старой Венгрии.

Однако закон 18 марта все же не разрешал радикально крестьянского вопроса. Далеко не все повинности подлежали выкупу.

Не было достаточной конкретности и в ряде других положений. Закон не указывал, является ли бывший крепостной свободным собственником своего прежнего надела или только получил право выкупа той или иной части повинностей. Помещики трактовали закон в своих интересах и стремились закрепить участки за собой. Крестьяне же явочным порядком устанавливали ответственность на свои наделы.

Закон касался только надельных барщинных крестьян. Он не распространялся на желлеров, батраков, слуг, договорников. Вся огромная масса безземельного крестьянства оставалась по-прежнему совершенно неудовлетворенной. Все это обусловило острую классовую борьбу и подъем крестьянских волнений.

Причиной незавершенности аграрного законодательства была двойственная противоречивая позиция среднего дворянства, боявшегося революции, крестьянских восстаний и стремившегося укрепить свое господство. Об этом откровенно заявил министр юстиции Ференц Деак: «Во Франции, — говорил он, — шатается трон, в Германии происходит всеобщее волнение, и все это находит отклик и в Австрии и у нас... Так как дворянство не чувствует себя достаточно сильным, чтобы подавить движение, то они очень мудро поступает, возглавляя его, ибо тем самым оно предотвращает взрыв гражданской войны»⁷¹.

Последнее признание самого министра юстиции совершенно опровергает измышления буржуазной историографии, в том числе и Ачади, о том, что дворянство было «душой и сердцем с народом»⁷². Реформа была проведена дворянством из страха перед крестьянским восстанием.

Вполне зрелую оценку аграрного законодательства мы находим у деятелей левого крыла Шандора Петефи и Михая Танчича.

По словам Петефи, депутаты действовали под влиянием слуха о том, что он, Петефи, с 40 тыс. крестьян расположился в Ракоше. «Вот эта приятная неожиданность и побудила их к «великодушному» немедленному уничтожению крепостных повинностей»⁷³. Михай Танчич, признавая большое значение аграрного закона 18 марта, одновременно подчеркнул его незавершенность и непоследовательность. «Законы 1848 года, — писал он, — явились благодатной мерой, смягчившей бедственное положение нации. Но многое осталось недоделанным, а если корни зла не обрубить полностью, оно разрастется подобно бурьяну, отнимая жизненные соки у ростков посеянного добра»⁷⁴.

Весьма ограниченный характер носил и закон о народном представительстве: в основу его был положен имущественный ценз. В городах правом голоса пользовались лишь те, кто владел либо недвижимым имуществом, оцененным в 300 форинтов, либо получал доходы в 100 форинтов, женщины избирательным правом не пользовались. Политическими правами пользовались только те, кто не был под чьей-либо опекой и не прибегал к общественному призрению. Ремесленники пользовались избирательным правом лишь в том случае, если они имели хотя бы одного помощника; крестьяне — лишь имевшие не менее 1/4 надела. Вне имущественного ценза право избирать и быть избранным имели также лица, по образованию и по должности пользовавшиеся особым почетом. Был установлен и возрастной ценз — 24 года для пассивного и 20 лет для активного избирательного права. Обязательным было знание избирателем венгерского языка и исповедание католической религии. Таким образом широкий круг городской и сельской бедноты и значительная часть национальных меньшинств лишались возможности участия в выборах⁷⁵.

Такие же ограничения были распространены и на национальную гвардию. Радикальные участники движения отнеслись к национальной гвардии, как к органу, призванному отстоять революцию. Поэтому Комитет общественной безопасности комитата Пешт, руководимый мартовской молодежью, перед угрозой подавления революции уже 23 марта считал необходимым «поголовное вооружение всех, кому дорого сохранение конституционного устройства»⁷⁶. Вместе с тем Карой Киш в письме к Кошуту убеждал его в необходимости сохранить регулярную армию. Он писал, что национальная гвардия должна быть использована лишь для охраны внутреннего порядка. «На баррикадах может воевать народ, для поддержания внутреннего спокойствия полезна национальная гвардия, но против внешнего врага необходим хорошо подготовленный солдат»⁷⁷.

Депутаты Пожоня потребовали, чтобы крестьяне, вступающие в национальную гвардию, владели бы половиной участка или имели бы 100 пенго-форинтов чистого годового дохода. Таким образом, ценз для вступления в национальную гвардию был выше, чем для избирателей депутатов Государственного собрания. Господствующие классы скорее готовы были предоставить представителям народа право голоса, чем дать им оружие в руки. От национальной гвардии они ждали не защиты революционных завоеваний, а защиты своих классовых привилегий.

Правые стремились всячески ограничить доступ в национальную гвардию плебейских элементов. Используя тот факт, что среди ремесленников было много евреев, они, играя на национальной розни, потребовали не принимать в национальную гвардию евреев. Это вызвало резкий протест Танчича и Петефи. Танчич писал: «Несправедливо лишать прав или освобождать от исполнения обязанностей часть граждан по единственной причине, что бога, единого для всех, они почитают на свой лад»⁷⁸. Эту же мысль отстаивал Петефи: «Единство, царившее в столице, начинает распадаться», — писал он в «Дневнике» 20 марта. Обращаясь к сторонникам изгнания евреев из национальной гвардии, он утверждал: «Вы первые заявили, что не допустите евреев в национальную гвардию и таким образом первые загрязнили девственно чистое знамя 15 марта»⁷⁹.

В итоге был ограничен контингент лиц, имеющих право участия в национальной гвардии. Такое право получили в первую очередь владельцы хотя бы самого небольшого недвижимого имущества, лица «морально устойчивые». Под этим видом происходила непрерывная «чистка» национальной гвардии от ее демократических элементов, превращение ее из органа революции в орган «охраны порядка».

Многие члены правительства протестовали против создания национальной гвардии, утверждая, что таким образом укрепляется самозванное правительство, в то время как существует законное правительство во главе с Баттьяни. К требованию ограничений для вступления в национальную гвардию присоединились депутаты Пожоньского собрания.

Вскоре руководство национальной гвардией перешло от Комитета общественной безопасности к министерству Баттьяни. Последнее обстоятельство сказалось на судьбе как национальной гвардии, так и Комитета безопасности, который оказался совершенно беззащитным.

Острая борьба развернулась вокруг вопроса о свободе печати, осуществленной явочным порядком 15 марта. Она должна была получить законодательное утверждение. Министр внутренних дел Семере разработал проект закона, в основу которого положил бельгийский закон 1831 года, а также закон о печати, изданный июньской монархией во Франции.

Начинался проект закона декларативным заявлением о том, что «каждый имеет право публиковать и распространять свои идеи в печати». Однако последующие статьи

Запрещали печатать «подстрекательства» против короля, религии, представителей власти, против старой дворянской конституции, против депутатов Государственного собрания. Ст. 6 закона определяла наказуемость за подобного рода поступки. Виновным угрожало наказание тюремным заключением до 4 лет или штрафом в размере 2 тыс. форинтов. Особенно реакционный характер имела ст.30 касающаяся периодической печати. Для выпуска ежедневных газет необходима была уплата залога в сумме 20 тыс. пенго-форинтов, а для еженедельных изданий — 10 тыс. пенго-форинтов⁸⁰. В случае напечатания в газете какой-либо статьи, направленной против властей, редактор или издатель лишались залога, а если последний был ниже размера штрафа, то и своего имущества. Редакторы и издатели карались тюремным заключением в случае появления в газете каких-либо «предосудительных» статей.

Законопроект о печати вызвал в Пеште всеобщее возмущение.

22 марта Комитетом безопасности на площади перед магистратом был организован массовый митинг, на котором был зачитан текст законопроекта. Участники митинга горячо протестовали против него, и по их требованию он был тут же сожжен⁸¹.

Человек весьма умеренного направления Пал Ньяри, сообщая Кошуту о событиях 22 марта в Пеште, писал: «Ради Бога исправьте ошибки, которые вы совершили... С таким законом вам нельзя возвращаться. При таком законе ответственное министерство не сможет действовать»⁸².

На следующий день в Пожонь направился Ф.Пульски, с целью добиться изменений в тексте закона. В целях успокоения народных масс Пешта, из Пожоня прибыли Семере и Клаузал, но к их прибытию движение уже шло на убыль. В итоге Собрание приняло компромиссное решение, предусматривавшее смягчение некоторых статей законопроекта, вызвавших наибольшее раздражение, в частности, снижен был залог на издание газет.

Обсуждение основных законов в Пожоньском государственном собрании закончилось к концу марта. Однако для проведения их в жизнь необходима была, на основе все еще существующих законов 1790 г., санкция Вены. Между тем, Габсбурги, быстро оправившись от удара, нанесенного им революционными событиями в Вене и Пеште, тормозили утверждение законов, оказывая сильнейшее сопротивление, главным образом, созданию независимого министерства и проведению аграрного законодательства.

25 марта Кошут выступил на заседании Пожоньского государственного собрания с заявлением: «Ответственное министерство должно быть немедленно, в течение нескольких часов, утверждено, в противном случае вся страна подвергнется опасности. Господин премьер-министр в Вене, но если он еще в течение 48 часов будет торговаться, то я уверен, что народ и сословия не будут больше ждать»⁸³.

27 марта Комитет общественной безопасности в Пеште организовал народное собрание протеста против политики дворцовой камарильи. На этом собрании была составлена прокламация, призывавшая к бдительности. «Институт ответственного министерства, — говорилось в ней, — венец и гарантия нашей свободы находятся в опасности». Необходима мобилизация всех сил для того, чтобы заставить двор утвердить министерство⁸⁴. В Собрание поступило предложение об укреплении связи Комитета общественной безопасности с провинциями, — о превращении его тем самым в подобие Национального конвента. Последнее предложение не было поддержано Собранием, однако сама постановка вопроса о создании органа, центра всего движения, подобно Национальному конвенту, имела большое мобилизующее значение. В ночь на 29 марта в Пеште было вновь организовано народное собрание, которое избрало депутацию для направления в Пожонь в составе Яноша Фаркаша и Мора Перцеля. Задачей их было воздействовать на Пожоньское государственное собрание, заставить его прекратить политику преклонения перед двором и добиться утверждения последним венгерского министерства, а также аграрного закона. В случае неудачи этой миссии депутации предлагалось вернуться в Пешт и принять участие в создании явочным порядком Временного правительства. — «Больше в таком сомнительном состоянии страна оставаться не может», — писала газета «15 марта»⁸⁵.

Общественное мнение страны, выраженное газетой, резко и прямо обвиняло Пожоньское государственное собрание и правительство в недостатке смелости и мужества по отношению к венскому двору. «Левая оппозиция» выдвигала все более и более решительные требования вплоть до окончательного разрыва с Австрией, на что в данный период Кошут не мог решиться.

В тот же день — 29 марта — в Венгрию прибыли два королевских рескрипта. Первый из них требовал, чтобы министерство финансов и военное министерство по-прежнему были подчинены общеавстрийскому правительству. Второй указ требовал от Пожоньского государственного собрания приостановить реализацию закона об отмене барщины, десятины и денежных платежей вплоть до того момента, когда будут изысканы пути возмещения убытков дворянству и пока последние не примут мер для предотвращения «массовых нежелательных эксцессов»⁸⁶.

В своем стремлении затянуть утверждение аграрных законов, венский двор не остановился перед запугиванием венгерского среднего дворянства нарастающими крестьянскими волнениями.

Оба эти указа были прямым вмешательством двора в дела Венгрии и они вызвали протест даже со стороны умеренного венгерского министерства. Премьер-министр Баттьяни заявил, что при таких условиях ни он, ни остальные члены его кабинета не могут оставаться у власти.

Узнав о содержании рескриптов двора, Меттерних, бывший в это время в изгнании, воскликнул: «Зачем же меня-то выгнали, если все идет по-старому»⁸⁷.

Важные события произошли в Пожоне. После вызывающих указов двора молодежь нельзя было больше сдерживать. Целый день 28 марта на улицах звучали революционные песни, а вечером молодежь сожгла королевские послания⁸⁸.

Не остался в стороне от движения Пешт. 30 марта народ вышел на улицу с возгласами: «Нас в Вене обманули!», «Долой немецкое правительство!», «Долой государственные долги!», «Да здравствует Национальный конвент!», «К оружию, к оружию!» Газета «15 марта» писала: «Впервые в Венгрии было высказано серьезно «Да здравствует республика!» Это было великое слово»⁸⁹.

К демонстрантам обратился Пал Ньяри и от имени министерства призвал проявить терпение. К голосу Пала Ньяри присоединились Чаньи, Клаузал и ряд других. Однако, как указывает Пульски в своем дневнике, эти попытки успокоения приводили к тому, что «миротворцы» теряли всякий авторитет. «Молодежь требовала большего, — пишет Пулвоки. — Она обвиняла нас в умеренности»⁹⁰. Массы, руководимые присутствующими здесь Петефи и Вашвари, продолжали проводить свою демонстрацию протеста⁹¹.

31 марта Пешт стал центром массовых выступлений. В книге Ираньи и Шаосена, посвященной истории венгерской революции, авторы пишут по поводу собраний 31 марта: «Настал день наибольших волнений. На улицах, в кафе открыто обсуждались энергичные меры, которые необходимо употребить для того, чтобы спасти отечество и свободу, если двор будет настаивать на своем отказе». Немало было призывов к тому, чтобы порвать с прагматической санкцией и признать полное отделение Венгрии от династии Габсбургов.

Комитет общественной безопасности принял обращение к провинциям — поддержать народные массы Пешта в их требованиях.

Движение распространилось на всю страну, охватило все важнейшие города Венгрии. Революционные массы еще раз заставили императорский двор отступить и утвердить венгерское министерство во главе с Баттьяни с участием Кошута.

В связи с утверждением министерства Петефи писал:

«Его императорское, королевское, апостольское величество после двухнедельного выжидания и оттяжек милостиво соизволило сдержать свое слово... Ответственное, 1 независимое венгерское министерство уже существует». По мнению Петефи, революция этим не закончилась, это «было только первое действие»⁹².

Утверждение первого министерства было крупной победой народных масс. Первый натиск контрреволюции был отбит⁹³. Однако рано было еще говорить о прочности победы и об окончательном поражении контрреволюции. Единственный радикальный член последнего сословного Государственного собрания — Ласло Мадерас, обращаясь к Кошуту, утверждал, что достигнутую победу нельзя считать прочной, «... вас австрийцы хотят обмануть и боюсь, что и обманывают»⁹⁴.

Главными задачами, стоящими перед новым правительством, были: завершение установления нового правопорядка и подготовка к отражению наступательных действий контрреволюции, которые раньше или позже не могли не произойти.

Все реформы, проведенные сословным Государственным собранием, шли в направлении буржуазного преобразования Венгрии, но они носили весьма незавершенный ограниченный характер. Так, уничтожена была барщина, но сохранялись королевские поборы, а также десятины на виноградники, девятина, сохранен был имущественный ценз при выборах. Объявлена была свобода печати, но одновременно остались бесчисленные ограничения для печатного слова.

Между тем, в стране разворачивалось все шире крестьянское движение. Волнения в комитате Пешт начались с середины марта. Крестьяне требовали от властей немедленной отмены всех повинностей, ликвидации всех королевских запретов, предоставления им права охоты, рыбной ловли, права свободной продажи вина.

В ряде комитатов крестьяне отказывались платить аренду, захватывали помещичью землю, приступали к разделу ее между собой. Так, например, в некоторых селах комитатов Пешт, Веспрем крестьяне отказывались повиноваться властям. В других районах основным поводом к борьбе был отказ от выполнения барщины. Движение принимало не эпизодический, а массовый характер.

Как только был опубликован аграрный закон, разрушивший надежды крестьян на получение земли, крестьянство с новой силой поднялось на борьбу против помещиков, тем более, что последние всеми способами стремились затянуть выполнение законов в отношении отмены барщины. Еще ранее, до утверждения закона, Пал Ньяри, второй алишпан комитата Пешт, разослал помещикам этого комитата «Обращение», в котором писал: «Мы надеемся, полагаем и ждем, что каждый помещик комитата, не ожидая осуществления всех формальностей придания законной силы упомянутым статьям законопроекта... не только не станет требовать, но и не воспользуется ни услугами крепостных, ни поборами с них, на что он имел бы еще законное право в этот короткий период, с целью возвышения и восславления памяти этой замечательной, мирно завоеванной реформы»⁹⁵. Однако этот призыв не имел успеха, помещики сопротивлялись проведению закона, крестьяне явочным порядком освобождались от повинностей. Настойчивым требованием крестьян были не только немедленная отмена барщины, но и раздел помещичьих земель.

Крестьяне резко критиковали аграрный закон, его ограниченность и требовали его пересмотра. Подчас они не скупались на угрозы, обещали перебить всех помещиков в случае неудовлетворения их дальнейших, требований.

27 марта большая часть комитата Веспрем была охвачена крестьянским восстанием. Крестьяне силой захватывали помещичьи земли и делили их между собой. В первую очередь они возвращали себе те земли, которые были отобраны у них помещиками недавно.

Значительное место в требованиях крестьян занимал вопрос о пастбищах, в связи с тем большим значением, которое имело скотоводство в их хозяйстве. В 13 селах комитата Пешт крестьяне вернули себе пахотные земли, отобранные ранее помещиками; в 15 местах требовали возврата захваченных пастбищ. В комитате Пешт за 1848 г. крестьяне захватили в 3 селах помещичьи пастбища, в двух — луга и в семи местах разделили или пытались разделить помещичьи земли⁹⁶. Под влиянием революции в 18 селах крестьяне отказались вносить оброк с виноградников, а во многих местах и различные «королевские поборы» из доли урожая в натуре.

Большой размах приняла борьба крестьян против виноградной десятины, которая не была отменена.

Правительство жестоко расправлялось с выступлениями крестьян, направляя в очаги восстания карательные экспедиции.

Революционное крестьянство могло стать массовой опорой революции. Однако оно не встретило поддержки и руководства ни со стороны наиболее передового отряда революции — мартовской молодежи, ни со стороны Кошута. Левые недооценивали работу среди крестьян. В своих воззрениях они не шли дальше закона 18 марта, не ставили перед собой задачи его дальнейшего развития и углубления.

Когда Иोजеф Мадарас совершал поездку по комитату Фейер и крестьяне обращались к нему с вопросом — будет ли отменена десятина на виноград и будет ли разрешена продажа вина, он неизменно отвечал: «Терпите!»⁹⁷.

Вашвари — один из самых радикальных вождей мартовской молодежи — недооценивал в этот период роль крестьян и их выступлений в революции. Больше того, он считал, что крестьянское движение нарушает тот мир между классами, который в настоящий момент, по его мнению, был так необходим. Достижение национальной независимости было для Вашвари самой основной задачей. Обострение классовой борьбы, в частности выступления крестьян, он считал ненужным и вредным⁹⁸. Даже Михай Танчич в своих выступлениях в «Рабочей газете» убеждал крестьян в огромном значении для них закона 18 марта и необходимости строго держаться в его рамках. «Собственность неприкосновенна,— писал он,— не верьте обманщикам, которые призывают вас отбирать и те помещичьи земли, которые вам по закону не принадлежат».

Одновременно с обострением классовой борьбы и крестьянскими движениями, очень скоро после мартовской революции наступил период острейшей национальной борьбы.

52 Mërei Gyula. Munkasmozgalmak 1848—1849. Budapest. 1948 37 old.

53 Vasvari Pal. Valogatott irasai. Budapest, 1956, 71 old.

54 Письмо австрийского министра иностранных дел Фикельмона чрезвычайному послу в Петербурге графу Туру 21/9 марта 1848 г. — «Красный архив», 1938, № 4—5 (89—90), стр.174.

55 Ласло Чани — видный деятель революционного и национально-освободительного движения 1848 г., представитель левого крыла среднепоместного дворянства. Pulszky F. Op.cit, 292 old.

56 Pulszky F. Op.cit, 292 old.

57 «Marcius Tizenotodike». 1848, marcius 23, 20 old.

58 Spira Gyorgy. Kossuth Lajos forradalmi szovetsege a radikal is baloldallal es a nepi tomegekkel. — «Kossuth emiekko-nyv». Kot.II. Budapest, 1952, 146 old.

59 «Marcius Tizenotodike», 1848, marcius 21, 11—12 old.

60 Pulszky F. Op.cit., 284 old

61 Ibidem.

62 Waldapfel E. (szerk.). A forradalom es szabadsagharc levelestara Kot.I. Budapest, 1950, 150 old.

63 «Marcius Tizenotodike», 1848, marcius 21, 9 old.

64 «Marcius Tizenotodike», 1848, marcius 19, 4 old.

65 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XI, 683 old.

66 Waldapfel E. Op. cit., 157 old.

67 Waldapfel E. Op.cit., 156 old.

68 «Corpus Juris Hungaricb, il 836—1868 evi torvenyezesekek. Kot.7. Budapest, 1896, 232—233 old.

69 И.Ачади. История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956, стр.340.

70 Архив внешней политики России (АВПР) в Москве, Vienne, 1848, 9 (21) марта, № 180. Донесение Фонтонна — Нессельроде.

71 И.Ачади. Указ.соч., стр.342.

72 Там же.

- 73 Шандор Петефи. Собр соч , т.4, стр.147. Дневник.
- 74 М.Танчич. Указ.соч., стр.294.
- 75 Csizmadia Andor. A magyar választási rendszer 1848—1849 ben. Budapest, 1963, 62—64 old.
- 76 Spira Gyorgy. Parasztságnak és az első magyar polgári forradalom nemesei vezetése.—«Századok», 1948, 1—4 szám, 114—115 old.
- 77 Waldapfel E. Op.cit, 114 old.
- 78 М.Танчич. Указ.соч., стр.263.
- 79 Шандор Петефи. Собр.соч., т.4, стр.146.
- 80 Joh.Janotycky v. Adierstein. Op.cit., Zweiter Band S.28—29.
- 81 М.Танчич. Указ.соч., стр.261—262.
- 82 Waldapfel E. Op.cit, Kot.I, 143-444 old.
- 83 Kossuth Lajos. Összes munkái. Kot.XI, 692 old.
- 84 «Marcius Tizenötödike», 1848, marcus 28, 42 old.
- 85 «Marcius Tizenötödike», 1848, marcus 29, 45 old.
- 86 Spira Gyorgy. Kossuth Lajos forradalmi szövetsége a radikális baloldallal és a népi tömegekkel. — Kossuth emlékirat. Kot. II, 155—156 old.
- 87 См. Fekete Sandor. Marcusi fiatalok. Budapest, 1950, 50 old
- 88 «Marcius Tizenötödike», 1848, marcus 29, 45 old.
- 89 D.Iranyi, Ch.L.Chassin. Histoire politique de la révolution de Hongrie. Première partie. Avant la guerre. Paris, 1859, p.191—192.
- 90 Pulszky F. Op.cit, 298 old.
- 91 «Marcius Tizenötödike», 1848, marcus 31, 52 old.
- 92 Шандор Петефи. Собр.соч., т.4, стр.147.
- 93 «Напрасно двор пытался, - читаем мы в донесении Фонтана, — в первый раз противостоять и изменять решение палаты относительно создания министерства, напрасно он ставил условие, чтобы Венгрия взяла на себя часть австрийского долга. Палата и вместе с ней венгерское министерство претендовали на санкцию без всяких условий... Как бы то ни было, Венгрия создалась как независимое государство». АВПР. Vienne, 1848, 30 марта (11 апреля), № 180. Донесение Фонтана — Нессельроде.
- 94 См. Spira Gyorgy. Kossuth Lajos forradalmi szövetsége a radikális baloldallal és a népi tömegekkel, — «Kossuth emlékirat». Kot.II, 159 old.
- 95 Spira Gyorgy. Parasztságnak és az első magyar polgári forradalom nemesei vezetése.—«Századok», 1948, 1—4 szám, 109—110 old.
- 96 Ibid., 122 old.
- 97 Spira Gyorgy. Kossuth Lajos forradalmi szövetsége a radikális baloldallal, és a népi tömegekkel. — «Kossuth emlékirat» Kot.II, 168 old.
- 98 Vasvari Pal. Op.cit, 295—296 old.
- 99 «Munkások Ujsága», 1848, április 23, 51—52 old.

4. Политическое и национально-освободительное движение в областях с инонациональным населением

Мартовская революция дала новый толчок национальным движениям и значительно углубила национальные противоречия, особенно в тех районах Венгрии, где невенгры составляли большинство. Подъем национальных движений отмечает и царский дипломатический агент Фонтан в своем донесении: «С начала революции в Австрийской монархии входившие в ее состав славянские и другие народы почувствовали свою силу и пришли в движение. Желая выйти из подчиненного положения, они стремятся использовать право писать, говорить, организовывать собрания для того, чтобы решать самим свою судьбу»¹⁰⁰.

Большое влияние события 13 марта в Вене и 15 марта в Пеште оказали на южные комитеты Венгрии с ее значительным сербским населением.

С первыми известиями о мартовских событиях в Вене и Пеште развернулось революционное движение в Воеводине. Жители города Земоня (Зимуна) и других выступили против местных властей и стремились заменить их своими представителями.

Выступление горожан Надькинда (Велика Кикинда) сопровождалось разрушением дома магистрата, убийством должностных лиц. По примеру венгерских городов создана была национальная гвардия. Большие надежды сербы возлагали на новое революционное венгерское правительство, от которого они ожидали признания своей независимости.

Национальные разногласия между сербами и венграми возникли далеко не сразу. Первоначально национальная гвардия Воеводины включала в свои ряды и сербов, и венгров, и немцев. Известие о революции в Пеште встречено было здесь артиллерийским салютом.

В Венгрии также немало было голосов, особенно среди мартовской молодежи, требовавших объединения всех наций против общего врага — австрийского деспотизма. — «У нас общее дело и общий враг, — писала газета «15 марта», — против него должны объединиться венгры, хорваты, сербы, немцы, румыны и все расы, населяющие родину. Только так мы сможем закрепить самостоятельность и свободу страны»¹⁰¹.

Другой позиции придерживались представители среднепоместного дворянства. Так, Кошут недооценивал национальную проблему и с самого начала революции встал на путь защиты узковенгерских интересов. Кошут полагал, что интересы невенгерских народов будут удовлетворены в связи с решением общих социальных и политических задач.

16—17 марта сербы выработали петицию, состоящую из 17 пунктов: свободы сербского языка во всех сербских районах, ежегодный созыв Национального сабора, право Сабора непосредственно направлять императору все просьбы сербов и др.

Когда 8 апреля в Пожонь прибыла сербская делегация во главе со Стратимировичем, то Кошут, в ответ на их требования, заявил, что в настоящий момент наибольшее значение имеет разрешение общеполитических задач, а не требований отдельных наций. В то же время он подчеркнул, что для укрепления единства страны необходимо, чтобы языком общественной жизни страны стал венгерский. Такое заявление крайне отрицательно было встречено сербами и впоследствии широко было использовано контрреволюцией.

Аналогичный конфликт назревал также между венграми и хорватами.

Революция 15 марта в Пеште нашла в Хорватии живой отклик. В Загребе и в ряде других городов начались бурные демонстрации. В стране создана была национальная гвардия и студенческий академический легион, как ее составная часть. Известие о законе 18 марта, который уничтожал барщину, всколыхнуло хорватское крестьянство; начались крестьянские восстания, сопровождавшиеся поджогом помещичьих усадеб, убийством помещиков.

23 марта король назначил баном Хорватии барона Иосипа Елачица. Карьера Елачица началась со службы в австрийской армии: в 1841 г. он получил чин полковника. Он был верным слугой габсбургской династии и защитником интересов самых реакционных кругов хорватского дворянства.

Под руководством Елачица Хорватия стала, по определению Кошута, играть роль Вандеи¹⁰².

Кошут был прав в определении контрреволюционной роли хорватской дворянской верхушки, однако ошибкой его и других венгерских деятелей было непонимание всей глубины опасности венгеро-хорватского антагонизма. Они не поддержали демократического движения и национальных требований хорватского народа и тем самым лишили себя резервов, дали Габсбургам возможность использовать недовольство хорватов в своих интересах.

Между тем, венгерское революционное правительство делало неоднократно попытку договориться с Елачицем. В апреле было несколько постановлений министерства, приглашавших Елачица в Пешт для урегулирования всех разногласий. Однако Елачиц, тесно связанный с императорским двором, решительно отказывался от переговоров с венгерским министерством¹⁰³. Елачиц продолжал враждебную в отношении венгров политику, призывая к невыполнению приказов революционного Пешта.

Помимо националистической пропаганды Елачиц действовал также методом широкой социальной демагогии. Он обещал хорватским и словенским крестьянам многочисленные льготы: право свободно пользоваться пастбищами, освобождение от налогов на скот, на продажу вина и т.д. Эти обещания широко распространялись среди венгерских крестьян пограничных комитатов, вплоть до обещания изгнать венгерских господ из их усадеб. Разумеется, Елачиц вовсе не собирался выполнять все эти обещания, для него они явились не более, чем демагогическим приемом.

Открыто враждебные действия Елачица определили политику венгерского правительства. По согласованию с австрийским двором, в Хорватию в качестве комиссара был направлен генерал барон Янош Грабовский. Последний был наделен чрезвычайными полномочиями, вплоть до ареста и организации суда над Елачицем по обвинению в измене родине. Ему предписывалось также строго, при необходимости с применением вооруженной силы, наказывать вожakov и участников антивенгерских движений; одновременно ему вменялось в обязанность соблюдать и поддерживать законные права населения Хорватии и руководствоваться стремлением кабинета министров удовлетворять все законные претензии Хорватии¹⁰⁴.

Однако Грабовский не оправдал надежд венгерского министерства. В течение нескольких недель он вел бесконечные переговоры с Елачицем и вернулся ни с чем.

Помимо миссии Грабовского, по инициативе Кошута приняты были меры по укреплению венгеро-хорватских границ. Энергичному комиссару Ласло Чани дано было распоряжение направить войска к границе по р.Драве. Одновременно комитаты, расположенные на Драве, получили распоряжение охранять свои границы от возможного вторжения банд Елачица.

Чани проявил большие организаторские способности, в короткий срок создал 25-тысячную пограничную армию, однако, по вине военного министра Месароша, его усилия в значительной степени были сведены на нет тем, что созданные им регулярные воинские подразделения были военным министерством разбросаны по комитатам для охраны дворянских поместий от выступлений крестьян.

Во взаимоотношения между Елачичем и венгерским правительством вмешался императорский двор. Майское восстание в Вене вынудило императора Фердинанда бежать в Инсбрук. Императорский двор в Инсбруке стал центром переговоров как с венграми, так и с хорватами. Прибывший сюда Баттьяни добивался у императора содействия в прекращении интриг Елачича. Для переговоров был вызван также и Елачич, однако последний, как бы подчеркивая свою «независимость», не явился на зов короля и отсиживался в Хорватии до той поры, пока Баттьяни, утомленный бесплодным ожиданием, не отбыл в Пешт. Только после этого Елачич прибыл ко двору.

Австрийские правители заняли двучинную позицию. 10 июня император издал манифест, согласно которому Елачич лишался звания бана и всех своих воинских чинов, но одновременно брат императора эрцгерцог Карл-Франц посоветовал Елачичу вернуться в Хорватию и продолжать борьбу против венгерского правительства.

Надежды австрийского правительства на Елачича оправдались. Движение, возглавляемое хорватскими реакционными помещиками и военщиной, все более и более приближалось к интересам императорского двора. Единственная возможность оказания действенного сопротивления Елачичу заключалась в выступлении трудящихся масс самой Хорватии, в частности левого течения хорватского Сабора, представленного Кукулевичем, Вранчичем и др. Однако большинство левых хорватов относилось к Елачичу как к выдающемуся лидеру национального хорватского движения и все выступления, направленные против него, воспринимались как совместные козни австрийцев и венгров против национального движения хорватов. Левые вместе с дворянским большинством Сабора утвердили Елачича в звании хорватского бана, вручив ему диктаторские полномочия. Позднее, осенью 1848 г., левые поняли свою ошибку, сделали попытку выступления против Елачича, но было уже поздно.

В других национальных районах Венгрии в связи с большим или меньшим социальным расслоением и своеобразием национальных условий революционные события в Вене и Пеште находили иной отклик.

В Словакии большая часть трудящихся масс сочувственно встретила венгерскую революцию.

В горняцком центре Шельмецбанье еще в начале 1848 г. под руководством чешского рабочего Мелинга, твердо и неизменно отстаивавшего интересы рабочих, была создана тайная организация рабочих и подмастерьев. Известия о мартовских событиях в Вене и Пеште упали на благодатную почву. Мелинг и его соратники, словацкие горняки, горячо поддержали идеи Петефи, мартовцев.

В то же время словацкое дворянство было так же, как и среднее венгерское, заинтересовано, с одной стороны, в ослаблении гнета Габсбургов и самостоятельном капиталистическом развитии страны, с другой, — в сохранении своих феодальных привилегий на новой основе.

Поэтому оно вначале поддерживало Кошута, но затем под влиянием разгоревшихся крестьянских волнений повернуло вправо.

В Словакии был особенно плотный слой безнадельного крестьянства, которое по закону 18 марта получило только право выкупа повинностей по соглашению с помещиком. Неудовлетворенное крестьянство в апреле 1848 г. подняло восстание, но оно было подавлено вооруженной силой.

Позднее реакция использовала колебания венгерского правительства, недостаточность аграрного законодательства, ошибки в разрешении национального вопроса и создала словацкий легион для борьбы с венгерской революцией. Однако плебейские и рабочие массы Словакии до конца поддерживали Венгерскую революцию, принимая активное участие в ее вооруженной борьбе с армиями реакции.

Восторженно были встречены мартовские события славянским населением северной части тогдашней Трансильвании, нынешней Западной Украины.

В крупных центрах Закарпатья — в Мункаче (Мукачеве), Унгваре (Ужгороде) и других — создавалась по примеру венгерских городов национальная гвардия. Цели ее отрядов были аналогичны целям венгерской национальной гвардии — охрана нового порядка.

Число национальных гвардейцев в первые же дни достигло 1800 человек. Среди записавшихся были даже семинаристы и священники.

Особенно широкий отклик нашла венгерская революция в крестьянских массах.

Закарпатье переживало период революционного подъема, и украинцы-крестьяне, угнетаемые помещиками — немцами, венграми и овенгерившимися русинами, встретили венгерскую революцию надеждами на освобождение от феодального и национального гнета.

В Архиве Закарпатской области УССР сохранились стихотворные «спиванки о слабодѣ», ярко выражающие настроения местного населения. В одном из этих стихотворений говорится о тяжелой доле крестьянина под феодальным гнетом:

Мушу нести грозне ярмо
На моих плечах задармо,
Воліль бим в гроби лежати,
Як ту окрутню копати¹⁰⁵.
В другом неизвестный автор призывает:
Теперь свитит вшитким слонце слабоды,
С каждой страны витають народы,
Витаймего мы руснаци, бідми,
Бо стями цілком от панщины слабідні ми¹⁰⁶.

В одном из таких стихотворений содержится призыв защищать полученную свободу («Про то, брата, добрися потримайте, слябоду собі отняти не дайте»)¹⁰⁷.

В мае 1848 г. из Мукачевского замка были освобождены после длительного заключения политические узники, среди которых было немало поляков. Революционный подъем сказался и в материальной поддержке городским населением Закарпатья венгерского правительства, как это имело место и в самой Венгрии. Так, в городе Тячево 149 жителей собрали в помощь революции 854 форинта 21 крейцар¹⁰⁸. В Бережском комитате несколько слесарей, кузнецов, оружейников изготовили для национальной гвардии около 200 штыков¹⁰⁹.

Мартовские аграрные законы вызвали и в Закарпатских комитатах Венгрии недовольство и крестьян и помещиков. В Закарпатье помещики еще сильнее, чем в Венгрии, сопротивлялись применению закона об отмене барщины, чинили всяческие препятствия крестьянам в рубке леса, требовали от горожан за лес и пастбища вместо денег отработки на своих землях, иногда просто оказывали вооруженное сопротивление проведению аграрной реформы¹¹⁰.

Крестьянство быстро ощутило всю половинчатость аграрной политики венгерского революционного правительства.

Уже в мае 1848 г. крестьяне ряда сел Бережского комитата жалуются фейшпану, что «еле почувствовав себя свободными от графского ига, снова попали под тиранство... Наше единственное желание окончательно освободиться от барских управляющих, которые являются причиной окончательной нашей гибели...»¹¹¹

Крестьяне, изнывавшие под гнетом феодальных, а также церковных повинностей, увидели в этом законе, не поняв его до конца, удовлетворение всех своих чаяний. Они перестали платить духовенству «роковину» (годовая подать церкви), отказывались от уплаты ему за требы. Это вызвало немедленно резкий нажим со стороны церкви. Крестьяне же, неудовлетворенные тем, что закон обходил вопрос о земле, посылали к правительству свои делегации. Министру юстиции Деаку приходилось разъяснять, что закон освобождал крестьян от ряда повинностей, но не касался вопросов наделения земель, так как это «частноправовой вопрос».

Мартовские события в Вене и Пеште произвели большое впечатление и на Трансильванию. В первую очередь активизировались демократические слои мелкой буржуазии и интеллигенции. Под руководством Аврама Янку — последователя виднейшего валашского революционера Николая Балческу, 20 марта в Марошвашархейе (Тыргу-Муреше) было создано собрание, которое выразило солидарность с идеями мартовской революции в Пеште.

На этом собрании были выработаны программные требования: уния между Трансильванией и Венгрией, отмена крепостных повинностей без вознаграждения, политическая свобода и признание прав национального языка. Они были подтверждены на созванном в Балажфальве (Блаже) 22 марта первом румынском национальном собрании.

Однако требование унии различными кругами в Трансильвании понималось по-разному. Прогрессивные деятели видели в ней средство углубления революции. Реакционные, главным образом венгерские помещики, надеялись, что заключение унии даст им возможность успешнее бороться с требованиями крестьянства.

Между тем венский двор стремился затормозить революционное движение также и в Трансильвании. В последних числах марта на тайном совещании принят был план Йошика, предлагавший объединить все верные королю силы в Трансильвании для защиты трона.

Одновременно король в послании от 3 апреля наметил срок освобождения трансильванских крестьян от крепостной зависимости 31 марта 1849 г, надеясь, что до этого времени многое может измениться

Однако дальнейшие события показали, что разрешение крестьянского вопроса не терпит отлагательства. В памяти трансильванских помещиков живы были воспоминания о грозном 1784 г., когда в результате восстания крестьян множество помещиков поплатилось жизнью и подавить которое удалось лишь с большим трудом при помощи оружия. Во второй половине апреля и начале мая крестьяне решительно заявили о своих требованиях. В окрестностях Коложвара (Клуж), в комитатах Колож, Добока, Торна, Хуньяд и в других крестьяне отказывались от выполнения барщины и заявляли, что «они скорее готовы все погибнуть, чем дальше служить господам»¹¹².

В ряде комитатов, особенно в тех, где сохранились старые венгерские власти, выступления крестьян были жестоко подавлены. Все же отголоски крестьянских восстаний еще долгое время давали о себе знать. Правительственные отчеты отмечали, что большая часть дворянства «проводит в ужасе бессонные ночи»¹¹³.

Трансильванские помещики вынуждены были сами пойти по пути освобождения крестьян сверху, из страха перед возможными новыми их выступлениями. Предприняты были также первые шаги по заключению унии Трансильвании с Венгрией. 30 мая в Коложваре собралось Трансильванское сословное собрание, которое единогласно утвердило унию с Венгрией. В результате этой унии определен был порядок участия представителей Трансильвании в венгерском Государственном собрании. Положение об унии отменило барщину, но с компенсацией помещикам. Введен был закон о печати, ранее принятый Пожоньским венгерским собранием¹¹⁴.

Решения Коложварского собрания претворены были в жизнь не полностью. Невзирая на декларацию о равноправии всех народов и языков, государственным языком в Трансильвании утвержден был венгерский

Закон об освобождении крестьян, принятый 18 марта Пожоньским государственным собранием, в условиях Трансильвании имел очень ограниченное применение, так как он говорил об освобождении урбариальных крестьян, а таких в Трансильвании было немного, и домениальное крестьянство в правовом отношении полностью зависело от помещичьего произвола.

Наконец, высокий имущественный ценз лишал население Трансильвании, в частности всех крестьян, права участия в венгерском Государственном собрании. Трансильванская дворцовая канцелярия в Вене лишилась своих полномочий, но весь старый бюрократический аппарат в стране сохранился.

Все это говорит за то, что заключение унии оказалось недостаточным для использования Трансильвании как опоры венгерской революции.

100 АВПР, 1848, 30 марта (11 апреля), Vienne, № 180 Донесение Фонтана — Нессельроде.

101 «Marcius Tizenotodike», 1848, marcius 21, 53 old.

102 J.Toth Zoltan Kossuth es a nemzetisegi kerdes 1848—1849-ben «Emiekkonyv Kossuth Laios» Kot.II Budapest, 1952, 264 old.

103 Kossuth Lajos Osszes munkai. Kot.XII (szerk. Sinkovics Istvan). Budapest, 1957, 22—24 old.

104 Ibid , 122 old.

105 Государственный архив Закарпатской области (ГАЗО), ф.64, Мукачевский чернечный монастырь, оп.2, ед.хр.1082, л.11.

106 Там же, л.3.

107 Там же, л.7.

108 ГАЗО, ф.61, Архив пяти коронных городов, оп.1, ед.хр.1919, лл.1—3.

109 ГАЗО, ф10, оп.9, ед. хр. 2287, л.3.

110 См. статью И.Н.Мельниковой «Закарпатская Украина в революции 1848 г.» — «Уч.зап. Ин-та славяноведения АН СССР», М.—Л., 1948, стр.263 и сл.

111 ГАЗО, ф.10, Наджупан Бережской Жупы, оп.9, ед.хр.2208,

112 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 206 old.

113 Ibidem.

114 Ibid , 207 old.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

в ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

5. Борьба подмастерьев и рабочих за углубление революции

14 апреля правительство Баттьяни прибыло из Пожоня в Пешт, после чего оно приступило к осуществлению ряда реакционных мероприятий. Университетская молодежь была разоружена и возвращена в аудитории. Комитет общественной безопасности распущен. Лидеры левых радикалов не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы поднять народное движение и помешать роспуску Комитета Правительство попыталось организовать процесс против редактора демократической газеты «15 марта» Альберта Пальфи, но в тот же день от имени революционного народа Вашвари выступил в Пеште, в кафе «Пильвакс» В его речи прозвучал призыв к сопротивлению. «Народ вкладывает в ваши руки революционную власть и доверяет вашей ответственности судьбу нации, — говорил Вашвари — Вы будете отчитываться в своих деяниях

перед возрожденной нацией. И поэтому мы поручили вашему вниманию священное дело родины»¹¹⁵. Вашвари предупреждал правительство, что имеются силы в народе, которые могут противостоять австрийской реакции.

Вашвари сам на себе испытал реакционную политику правительства. Ему было вежливо отказано в должности преподавателя университета, несмотря на наличие педагогического опыта и на то, что студенты настойчиво требовали его назначения. Причиной этого был страх правительства перед тем большим влиянием, каким пользовался Вашвари среди студенческой молодежи.

Наряду с Вашвари, подлинно революционную позицию в этот период занимали Петефи и Танчич.

Петефи заявлял, что полученные народом уступки являются далеко недостаточными. По мнению Петефи, конституция Венгрии не может никого удовлетворить. «Пока мы только нашивали на нее заплатки... мы придавали только больше пестроты, но не прочности нашему обветшалому наряду, а нам нужна совсем новая одежда, чтобы мы с честью могли вступить в строй наций, куда нас не зачислили»¹¹⁶.

Танчич, характеризуя положение в стране, писал в своем органе «Рабочая газета»: «Граждане, революция не закончена, она только сейчас по-настоящему начинается»¹¹⁷. Слова Танчича оказались пророческими. В стране действительно поднималась новая волна массового движения в защиту как экономических, так и политических интересов народа. В этом движении принимали участие ремесленники, подмастерья, рабочие, городская беднота.

Обострение классового антагонизма, усиление напряженности борьбы трудящихся вызвано было тяжелым финансовым положением страны. Австрия потребовала участия Венгрии в погашении государственного долга империи, общая сумма которого составляла 700 млн. форинтов, а часть, которую Вена стремилась взвалить на Венгрию, достигала 200 млн. форинтов, что означало для Венгрии необходимость ежегодных выплат в размере 10 млн. форинтов¹¹⁸. Венгерский денежный рынок был наполнен обесцененными австрийскими бумажными ассигнациями, взамен которых австрийское правительство требовало серебро. Требование венского двора вызвало возмущение со стороны венгерского правительства и оно наотрез отказалось принимать на себя такие обязательства.

В своем ответе Кошут заявил о тяжелом финансовом кризисе Венгрии, о том, что большая часть серебра была направлена в провинциальные кассы и в связи с этим категорически отверг участие Венгрии в оплате австрийских долгов. Он согласился лишь в крайнем случае на выплату 3 млн. форинтов, выделенных Пожоньским государственным собранием на содержание королевского двора¹²⁰. Кошут просил хотя бы на первых порах ограничивать финансовые претензии к Венгрии, так как количество денег, имеющихся в распоряжении венгерского правительства, было явно недостаточно для покрытия огромных его расходов¹²¹.

Анализ финансовых отчетов Венгрии говорит о крайне напряженном финансовом положении страны и о том, что, несмотря на сопротивление венгерского правительства, большая часть дохода различными путями шла в австрийский карман¹²². Это — проценты по долгам, доходы почтового ведомства, от эксплуатации шахт и рудников¹²³.

Финансовые претензии Австрии к Венгрии продолжали непрерывно расти.

По свидетельству Пульски, Кошут прилагал очень много усилий для того, чтобы наладить финансы Венгрии, в министерстве финансов шли непрерывные совещания по вопросам погашения государственного дефицита, и, тем не менее, серебро непрерывным потоком уплывало в окованные железом сундуки капиталистов и чулки мещан. Пульски считал, что Венгрия, невзирая на все свои трудности, должна полностью удовлетворять претензии Вены, что «свобода не может быть достигнута без жертв. Для этого необходимы или кровь, или деньги. Чаще всего — и то и другое». «Вена может сделаться самым злейшим врагом, — продолжал Пульски, — если мы не учтем этого обстоятельства»¹²⁴.

Финансовый кризис вызвал панику среди населения, страх собственников за потерю своих капиталов, длинные очереди у сберегательных касс и настоящие штурмы банков¹²⁵.

Обесценение денег, рост дороговизны, недостаток продовольствия тяжелым бременем легли на плечи трудящихся и были причиной их бурных выступлений.

Подмастерья выступали с требованиями повышения заработной платы и сокращения рабочего дня.

13 апреля делегация по поручению 4 тыс. подмастерьев потребовала от революционных властей указа об упразднении цехов, ликвидации продовольственной нужды, проведения мер по подъему благосостояния трудящихся масс. В последующие дни движение нарастало. На митинге 16 апреля подмастерья вновь потребовали повышения заработной платы. Собрание мастеров ответило безусловным отказом. Этот отказ был поддержан городскими властями, которые обратились к забастовщикам с решительным требованием немедленно встать на работу¹²⁶. Тем не менее 17 апреля забастовка приняла грозный характер.

Тысячи участников, собравшись на многолюдный митинг, потребовали немедленного уничтожения ненавистных цехов с тем, чтобы каждый мог свободно заниматься любым ремеслом и торговлей, без всяких препятствий со стороны местных властей.

После собрания состоялась многолюдная демонстрация, продлившаяся до глубокой ночи, с лозунгами — «Долой филистеров!», «Долой ремесленных аристократов!», «Долой цеховые монополии!»¹²⁷ Движение принимало угрожающий характер. Венгерский историк и современник событий 1848 г. М.Хорват в своей работе «История борьбы Венгрии за независимость», характеризуя пештское выступление рабочих, писал: «Можно было опасаться, что мирное буржуазное преобразование разрастется в насильственную революцию»¹²⁸.

Однако далеко не все участники демонстрации последовательно боролись за ликвидацию цехов. Многие из них стояли за полумеры и даже мечтали о том, чтобы самим стать мастерами. Они заявляли, что стремятся лишь к мирным преобразованиям и свои требования намерены отстаивать только мирными средствами и что всякий бунт они считают опасным для общего дела и готовы по мере своих сил препятствовать его возникновению. «Просим вас, — обращались они к забастовщикам, — не покидайте свои мастерские для участия в собраниях, оставайтесь спокойно на вашей работе!»¹²⁹

Задачей своего выступления они считали завоевание более свободного доступа подмастерьев в мастера, ослабления антагонизма между мастерами и подмастерьями, не ликвидации цехов, а лишь реформы их.

В апрельских событиях особое значение имело участие рабочего люда. Деже Немеш в статье «Рабочие в революции 1848—1849 гг.» подчеркивает, что выступивший в комитатском управлении 15 апреля Пал Вашвари хотел показать правительству, какие силы могут подняться «в случае надобности». Но он считал, что нет необходимости в борьбе за удовлетворение особых требований рабочих и ремесленников, что «справедливость и благоденствие» наступят вместе с национальным освобождением Венгрии, когда решатся и основные социальные вопросы. Он видел в массе рабочих и ремесленных подмастерьев серьезную силу для национально-освободительной борьбы и поэтому хотел уберечь ее для борьбы с новым наступлением Габсбургов. «Мы должны их сохранить на тот случай, когда начнется второй акт революции»¹³⁰.

Выступление ремесленников и рабочих 17 апреля не принесло им победы. На них ополчились реакционные силы. Пал Ньяри, выступая перед бастующими рабочими и ремесленниками, обозвал участников движения «прислужниками камарильи» и потребовал прекращения забастовки. Правительство Баттьяни пошло по пути натравливания на рабочих реакционно настроенных мастеров, торговцев и т.д., напуганных требованиями рабочих о повышении зарплаты, о снижении цен на предметы первой необходимости и т.д.

19 апреля, в противовес движению рабочих и подмастерьев, реакционными силами был организован митинг, начавшийся с требования отмены задолженности по квартирной плате. Организаторами этого митинга были реакционные адвокаты Ференц Надь, Иштван Пайор и др. В дальнейшем, характеризуя состав этого митинга, Иштван Пайор сказал: «Не какой-нибудь сброд, а именно люди из господ собрались на площади»¹³¹. Этот митинг превратился в реакционное собрание, произносились враждебные не только рабочему люду, но и правительству Баттьяни речи и велась антисемитская агитация. Это было движение, направленное против всех революционных сил. Об этом говорят дела комиссии по расследованию действий участников, в частности показания свидетеля событий — актера Национального театра Шандора Кёрёша. Последний заявил, что «толпа задевала не только евреев, но и людей с красной лентой»¹³².

Отпор этому движению дал в своем выступлении в тот же день Пал Вашвари. Он разоблачал представителя реакции Ференца Надя.

Что касается правительства, то никаких решительных действий в отношении реакционных сил предпринято не было, и комиссия, назначенная правительством для расследования событий 19 апреля, занималась этим делом очень вяло.

Следующей мерой к прекращению рабочих выступлений было издание 20 апреля указа об ограничении свободы собраний. Этот указ запрещал всякие «сборища» — «ибо такими действиями похищается у рабочего-поденщика, у ремесленника или торговца его самое драгоценное сокровище — время, необходимое для выполнения работы». — «Правительство не может терпеть сборища, нарушающих законы,— продолжал указ, — и никогда не уступит угрожающим требованиям»¹³³.

Весь текст этого документа направлен против участников движения 17 апреля. Он со всей решительностью предупреждал рабочих о том, что правительство не допустит повторения подобных выступлений и готово применить силу.

Забастовочное движение 17 апреля, несмотря на свой массовый характер и наличие программы, не привело к улучшению положения рабочих. Но эти события сыграли большую роль позже при изменении цеховых правил, на которые, увидев энергию и активность масс, вынуждены были согласиться главы цехов. Пока же движение не шло дальше петиционных выступлений рабочих по профессиям. Эти петиции требовали сокращения рабочего дня с 13—15 часов до 10,5—12 часов, при одновременном повышении заработной платы. Так, портные женского платья требовали повышения расценки на 25%, а токари — повышения поденной оплаты с 20 крейцеров до 48. Петиции требовали замены скудной пищи, которой мастера кормили подмастерьев, выдачей им 24 крейцеров в день, а также переложения части расходов по больничному обслуживанию подмастерьев на мастеров¹³⁴.

Имели место также требования, направленные на улучшение правового положения подмастерьев, а именно — открытых: собраний цехов с участием подмастерьев, отмены дорогостоящей процедуры посвящения в мастера, участия подмастерьев при обсуждении шедевров и т.д.

Наличие соглашательских элементов не заслонило подлинно революционного характера движения в целом. Последнее получило и свою политическую программу в виде прокламации «Хлеб народу», датированной 22 апреля 1848 г.¹³⁵

Ее требования оформлены в виде отдельных статей следующего содержания.

I. Цеховое устройство должно быть немедленно уничтожено. Каждый житель отчизны должен иметь возможность свободно заниматься любым ремеслом и вести торговлю без вмешательства местных властей.

II. Необходимо тотчас же снизить слишком высокие цены на соль.

III. Продукты питания должны продаваться по определенной, справедливой и доступной цене, причем каждому жителю страны предоставляется полная свобода продавать их по цене ниже средней.

IV. Недвижимое имущество церквей и монастырей должно стать собственностью государства. Число священников-безделльников должно быть сокращено, монашеские ордена, кроме тех, которые состоят из братьев и сестер милосердия, должны быть ликвидированы. Священникам необходимо предоставить умеренную плату. Все же остальные средства необходимо использовать для нужд воспитания и помощи больным и старикам.

V. Необходимо также отказаться от ежегодной уплаты 10 млн форинтов, несправедливо требуемых от нашей страны австрийским министерством. Эту сумму целесообразнее использовать в помощь безработным беднякам для их трудоустройства.

VI. Имеющиеся в распоряжении страны пустующие земли должны быть распределены безвозмездно среди бедняков в целях их обработки.

VII. Для того, чтобы каждый обиженный бедняк мог найти правый суд и возмещение своих убытков, высокие платы за ведение судебных дел должны быть отменены.

VIII. Принятые и утвержденные законы должны считаться священными. Они не должны подвергаться искажению и толкованию по самочинной и произвольной воле судей.

IX. Судья должен быть ответственным за свое решение. Если он кроме вознаграждения примет дополнительную мзду, то должен подвергнуться наказанию вплоть до тюремного заключения.

X. Судьями и нотариусами должны быть только дипломированные юристы.

XI. Государственные должности должны распределяться по заслугам, совершенно не считаясь с состоянием, родством, дружбой, протекцией, а только с тем, чтобы сохранить идею равенства.

XII. Так называемые печовичи — низкие, своекорыстные личности, лишенные совести, опасные для конституции — в целях сохранения доверия общества не должны получать доступ к новым чинам.

Составителем этой прокламации был адвокат Няде Кечкеш¹³⁶. Прокламация имела ярко выраженную социальную направленность. Она отражала как состав движения, так и взгляды его участников — ремесленников-подмастерьев.

К движению подмастерьев присоединились рабочие и городская беднота. В Требованиях прокламации «Хлеб народу» с наибольшей четкостью и полнотой выявлены требования широких народных масс, городской бедноты, не порвавшей связи с крестьянством. Много сходного в них с требованиями французского народа в период якобинской диктатуры (пункт III прокламации — требование введения в Венгрии «закона о максимуме»; пункт VI — аграрные требования прокламации). Близки целям якобинской диктатуры и требования о борьбе с врагами революции.

Прокламация «Хлеб народу» стала широко известна в столице. Наклеенная на стены домов, она привлекала внимание не только городской бедноты, но и других слоев населения. Ее лозунги о разделе земель находили у крестьян горячий отклик. Влияние прокламации обратило на себя внимание наместника Иштвана. В его заявлении на имя Баттьяни было сказано, что прокламация призывает к насильственному низвержению существующего порядка и оказывает влияние на окружающее население. «Я рекомендую принять меры, дабы избежать событий, о которых в будущем придется сожалеть»¹³⁷.

Особое значение имело требование раздела пустующей государственной земли между крестьянской беднотой и батраками. Это был первый замечательный шаг в деле разрешения аграрного вопроса. Не меньшее значение имело требование о конфискации церковного землевладения. В Венгрии, где такую крупную роль играло духовенство, владевшее огромными церковными и монастырскими латифундиями, требование о конфискации их подрывало влияние церкви, выдвигало лозунг борьбы с ней, как с оплотом габсбургского абсолютизма и реакции. В том же направлении идут требования о сокращении числа священников-бездельников, о ликвидации монашеских орденов.

Требования об ответственности и неподкупности суда, о справедливом распределении государственных должностей, борьба с бюрократизмом — все это говорит о том, что трудящиеся не ограничивали свою программу экономическими статьями, а добивались решения актуальных политических задач.

Социальные требования прокламации вместе с тем сочетались с национально-освободительными, с резким протестом против австрийского абсолютизма.

Хотя забастовки подмастерьев не имели непосредственного результата, и цеховая верхушка решительно отвергла их требования сам факт коллективного выступления подмастерьев, широкая программа их требований не могли не сказаться на дальнейших выступлениях за ослабление внутрицеховых ограничений. Апрельские выступления предопределили июньские события.

7 июня начали забастовку столяры, на следующий день забастовали кузнецы. Последних возглавил Игнац Салаи, только что вернувшийся из Парижа. 9 июня выступили со своими требованиями судостроители Обуды. Напуганное этими новыми выступлениями правительство срочно издало «Приказ об улучшении цеховых правил». Этот приказ сокращал рабочий день подмастерья с 14—16 часов до 11, а для учеников моложе 14 лет — до 9 часов. Расценки должны были устанавливаться по свободному договору мастеров с подмастерьями. Вводилась оплата за сверхурочную работу¹³⁸.

8 то же время этот приказ мало чем расширял права цеховых низов. Свои собрания подмастерья могли устраивать только с ведома и при участии мастеров. На собрании цехов они могли только присутствовать, без права активного участия и без права голоса. Безработные подмастерья на собрания цехов вообще не допускались.

На следующий день, 10 июня, по инициативе Берталана Семере был издан другой приказ. В нем говорилось о том, что «муниципальным органам двух городов (Буды и Пешта) поручено следить за насильственными действиями угрожающих групп»¹³⁹. В случае, если предупреждения не окажутся эффективными, будет применена вооруженная сила.

Наряду с волнениями подмастерьев, началось движение рабочих. К этому времени печатное производство было уже значительно механизировано и требовало от рабочих сравнительно высокой квалификации. Кроме того, общение с книгами способствовало подъему общего культурного уровня этой категории рабочих. Это был передовой отряд венгерского пролетариата. По примеру печатников Вены, они 30 апреля обратились с петицией к правительству, в которой выдвинули следующие требования: ограничение рабочего дня десятью часами, значительное повышение оплаты труда до 80 крейцеров за рабочий день, а также создание представительства от рабочих для улаживания конфликтов с предпринимателями¹⁴⁰. (В то время токари ограничивали свои требования 40 крейцерами.)

Петиция устанавливала предпринимателям двухнедельный срок ее реализации. Печатники угрожали забастовкой по истечении этого срока.

В своей борьбе печатники проявили гораздо большую стойкость и сознательность, чем другие категории рабочих. Если в движении 17 апреля стойкость революционных рядов нарушали соглашатели, то среди печатников подобных явлений не было. Это объяснялось, с одной стороны, более высокой квалификацией и связанной с ней более высокой культурой рабочих-печатников; с другой стороны, тем, что печатники, в силу специфики своего производства, еще дальше ушли от чисто ремесленных условий труда, ближе подошли к условиям труда пролетариата, целиком зависимого от владельца предприятия. «Все другие категории рабочих, — пишут сами печатники в своей петиции, — скорее имеют в будущем перспективу на лучшее, на то, что смогут начать самостоятельное производство. Мы же, за редким исключением, осуждены на вечное подчинение»¹⁴¹. Печатники указывают на невозможность приобретения собственной типографии ввиду непомерно высокой цены печатных станков.

19 мая, в результате двустороннего совещания владельцев типографий и представителей рабочих, впервые в истории рабочего движения Венгрии был заключен коллективный договор. В нем нашли отражение все основные требования рабочих: установление размера заработной платы по характеру работы, 10-часовой рабочий день, предупреждение об увольнении за две недели, выдача заработка в конце каждой недели¹⁴². Таким образом, единодушие и целеустремленность печатников увенчались успехом.

Одновременно с рабочим движением столицы в борьбу включились рабочие периферии. Упорную борьбу вели шахтеры в Шельмецбанье. Здесь наряду с венграми работало много немцев, словаков и чехов. Борьба шахтеров с предпринимателями носила настолько организованный и единодушный характер, что ее можно сравнить с борьбой печатников. Сразу же после революции шахтеры этого округа, возглавляемые Шандором Мелингом, выдвинули требования, касающиеся порядка выплаты заработка, производства вычетов, качества выдаваемого зерна, заботы о бедных, а также о немедленном устранении австрийских чиновников от управления шахтами¹⁴³. В своем обращении к Кошуту шахтеры обязались вдвое увеличить добычу руды в случае удовлетворения их требований.

Правительство направило в район Шельмецбанья своего представителя — Лайоша Беницки. Крупный помещик из комитата Зойом, хотя вместе с тем и политический деятель оппозиции, Беницки сразу занялся «умиротворением» рабочих. Уговорить их ему, правда, не удалось, шахтеры настаивали на своих требованиях. Между лидером шахтеров Мелингом и Беницки началась ожесточенная борьба. Мелинг упрекал Беницки в предательстве, в связях с австрийскими чиновниками, заинтересованными в ухудшении условий труда рабочих. А Беницки злобно чернил Мелинга как подстрекателя рабочих к выступлениям. Беницки прервал переговоры и вызвал солдат.

Но движение шахтеров продолжалось, авторитет Мелинга все больше возрастал. В Пешт к министру финансов Кошуту 1 июня была направлена депутация из трех человек, которая выдвинула новые требования — повышение заработной платы, обеспечение на случай болезни, инвалидности и старости и ликвидация принудительной продажи продовольствия рабочим.

Эти требования были удовлетворены, причем Кошут заявил, что это лишь первый шаг к дальнейшему улучшению их положения¹⁴⁴.

Какую же роль в рабочем движении весны и лета 1848 г. играла левая часть венгерских революционеров: мартовская молодежь и левые радикалы? Ее отношение к этим событиям не было единодушным. Так, Вашвари по поводу выступления цеховых подмастерьев 17 апреля говорил, что он вполне признает законность и справедливость их требований, но считает, что на данном этапе их реализация должна отступить перед более жизненно важными задачами. Вашвари считал, что время бурных выступлений еще не настало, что «во времена опасности нельзя дробить силы нации... Если мы вступим в борьбу друг с другом, наши враги станут смеяться над нами и обретут смелость»¹⁴⁵.

Представители левых радикалов — Танчич, Кечкеш и другие были в гуще борьбы рабочих, руководили ими. Танчичу за последовательную поддержку борьбы печатников дали имя «Отца рабочих-печатников»¹⁴⁶.

Надо сказать, что по мере дальнейшего развертывания событий, радикалы все чаще выступали на стороне борющихся рабочих и подмастерьев и даже пришли к выводу о необходимости полной ликвидации цехов. Газета «Радикал лап» («Радикальный листок») писала, что при цеховом устройстве ремесла главную роль играют не знания и способности, не трудолюбие и сноровка, а деньги и привилегии. «Таким образом — долой цехи немедленно и повсюду!»¹⁴⁷ В последующих номерах эта же газета решительно требовала повышения заработной платы всем работающим по найму, чтобы уничтожить вопиющую несправедливость, которая существовала до сих пор в оплате труда. Эти заявления укрепили связь между левыми радикалами и рабочей массой. «Мартовский клуб», созданный ими еще 8 мая, стал популярной организацией. Это была политическая организация, принимавшая в свои ряды новых членов на основе рекомендаций членов клуба, которые должны были свидетельствовать о демократических убеждениях принимаемых. Обязательна была также уплата членских взносов. Все политические вопросы, стоявшие на обсуждении клуба, решались большинством голосов. Меньшинство подчинялось его решениям.

Мартовский клуб добивался ликвидации залогов с печати, предоставления равноправия национальностям, демократизации командного состава армии, лишения католической церкви привилегий. В то время как венгерское правительство считало революцию законченной и боролось со всякими стремлениями ее углубления, члены клуба смело заявляли, что «свобода, равенство и братством завоеваны лишь на бумаге».

Однако при наличии передовой программы действий у мартовского клуба не было достаточной связи с крестьянскими массами. Попытки установить такие связи имели место. По инициативе Вашвари клуб организовал агитационные поездки по стране, считая, что так или иначе «посеянные зерна дадут плоды»¹⁴⁸. Мартовцы не стремились к тесной связи с радикальными дворянскими политиками, сплотившимися вокруг Ласло Мадараса, Мора Перцеля и других, хотя можно считать, что в решающие моменты обе стороны считали друг друга союзниками.

Серьезным недостатком деятельности клуба были отсутствие связей в вооруженных силах, непоследовательность в крестьянском вопросе. Именно это лишило их поддержки основных масс населения — крестьян. В комитатах влиянием стала пользоваться реакционная часть чиновничества, вытеснявшая радикальные элементы.

Сознание невозможности восстановить свое в таяние в массах заставило наиболее активную часть мартовской молодежи выработать новый стратегический план борьбы. Он заключался в стремлении к усилению своего влияния через укрепление позиций Кошута в правительстве.

Задачей Кошута было добиться признания Австрией всех завоеваний венгерской революции. Он ясно сознавал, что последнее может быть достигнуто лишь при наличии крепкой обороны Венгрии и достаточного резерва материальных сил. По словам Кошута, быть не подготовленным, это больше, чем слабость. Это верная смерть.

Эта позиция Кошута объединила его с мартовской молодежью. Газета «15 марта» писала: «Сейчас не время для доктрин, речь идет не о том, какой ввести у нас порядок..., сейчас стоит перед Венгрией лишь один вопрос — быть или не быть»¹⁴⁹.

Мартовцы были решительными противниками сговора с камарильей. Кошут, в свою очередь, все более убеждался, что для укрепления его положения в правительстве ему необходимо в значительно большей степени опереться на революционную левую, т.е. укрепить свою связь с мартовцами. Открыто он заявлял о «чрезмерностях» мартовцев, но фактически в целом ряде случаев оказывал им поддержку. Такое единство было жизненно необходимым, так как силы реакции стали выступать более активно.

Австрийская военщина, генералы, старые служаки австрийской армии стали во главе столицы. С ними объединились представители высшего духовенства, реакционной бюрократии, которые только и ждали повода для расправы с народными массами столицы. Министерство Баттьяни не препятствовало консолидации сил реакции, за что газета «15 марта» резко критиковала правительство и указывала на его слабость. 18 апреля газета подчеркивала, что правительство может обрести силу только в тесном единстве с народом.

В конце апреля и в начале мая под руководством мартовской молодежи происходили неоднократные демонстрации протеста и кошацьи концерты у домов известных контрреволюционеров: графа Ференца Зичи, Ференца Душека, епископа Миклоша Безереи и др.

Наиболее значительным событием этого периода была демонстрация 10 мая, происшедшая в Буде.

Особую ненависть трудящихся масс Буда и Пешта вызывал ставленник венской камарильи командующий будайского гарнизона генерал барон Ледерер. Этот отъявленный реакционер на каждое шагу оказывал сопротивление революции. При формировании национальной гвардии он скрыл имеющиеся запасы оружия. Выполняя приказ Вены, он тайно, окружным путем через Австрию, направлял из Венгрии войска в Италию для подавления революции, а в Буде готовил войска для расправы с народными массами. 10 мая демонстранты направились из Пешта к будайскому замку с целью заставить ненавистного командующего оставить свой пост. На летучих митингах выступили с речами вожди народного движения.

Так, любимец революционных масс Вашвари, поднятый своими друзьями над толпой, заявил: «Кто этот Ледерер? Враг нации, не раз нарушавший свое слово. Мы от души ненавидим его, как чужака... Мы хотим его судить... Вперед, братья!»¹⁵⁰. Однако у дворца Ледерера демонстранты были встречены отрядами кавалерии и гренадеров. Вооруженные войска, заранее спрятанные по распоряжению Ледерера в арсенале и в других местах Буда, без предупреждения врзались в ряды демонстрантов, рубили саблями, пехотинцы пустили в ход штыки, стволами ружей избивали народ. «Венгры! нас обманули, — писала, обращаясь к населению, газета «15 марта». — Третий параграф закона 1848 г. не существует. Вчера вечером в крепости Буда в нескольких шагах от дома наместника пролилась кровь граждан»¹⁵¹. Один из офицеров Ледерера рассказывал в салоне графини Бланки Телеки, к каким методам подстрекательства и натравливания прибег он, чтобы разжечь ненависть солдат против пештских народных масс. «Солдаты, — говорил он им, — вы сыны народа, вам и вашим близким король дал на этом Государственном собрании много свобод. Но молодежь Пешта хочет все это снова отнять у вас, ибо это все сыновья дворян, которые хотят и впредь выжимать соки из крестьян. Поэтому, когда они сегодня придут в Буду, убейте их»¹⁵². Расстрелы и избиения вызвали ярость народных масс.

В тот же вечер уцелевшие участники демонстрации и многие присоединившиеся к ним требовали оружия. Пал Ньяри, стремясь успокоить их, отправился к надору с запросом о принимаемых мерах против кровопролития. Народ, заполнявший улицы, ждал ответа. К 2 часам ночи сообщение Ньяри о том, что надор вместе с министерством расследуют причины кровавых событий, несколько успокоило взволнованные массы. В эту ночь Совет министров под председательством Деака¹⁵³ назначил следственную комиссию¹⁵⁴.

11 мая депутация в составе Ньяри, Ласло Телеки, Йокаи, Вашвари и других выступила с требованием снятия с поста Ледерера, предания его публичному суду, ареста офицеров, причастных к кровопролитию¹⁵⁵, безусловного подчинения войск конституции, укрепления национальной гвардии, отзыва венгерских войск из Италии и устранения командиров-австрийцев из венгерских частей¹⁵⁶.

Нажим народных масс был настолько силен, что надор вынужден был согласиться с требованиями депутации. Ледерер спасся бегством. 12 мая Мартовский клуб организовал массовое собрание на музейной площади. Выступивший с речью Петефи произнес свои знаменитые слова: «Этому министерству я не только Родину, но и собаку не доверю»¹⁵⁷.

Народное собрание потребовало от правительства расследования по делу о преступлениях против народа. По предложению Петефи были выбраны 2 делегации — в министерство и в следственную комиссию, которая начала свою работу под председательством Ньяри. Делегация в составе Танчича, Петефи и других явилась на квартиру Баттьяни. По ее требованию Баттьяни собрал Совет министров, на котором появился и больной Кошут. Петефи изложил требования народа: 1) о скорейшем созыве Государственного собрания; 2) о введении представителей молодежи в состав следственной комиссии; 3) о строгом наказании солдат, виновников кровопролития. На это последовал успокоительный ответ Баттьяни, фактически ничего не сделавшего для удовлетворения этих требований¹⁵⁸.

Радикальная печать живо отозвалась на события 10 мая. Газета «Оппозицион», выходившая на немецком языке, писала: «Ужас охватывает каждого, кто был свидетелем бесцельных жертв. Безоружные люди не собирались бороться... Те, кто не успел убежать, заплатил своей кровью.

Эта наша свобода... это результат нашего 15 марта. В этом повинен командующий чужих войск — Ледерер»¹⁵⁹.

На эти события откликнулась и «Рабочая газета», издаваемая Танчичем. Она писала: «Душа человека возмущается, когда солдаты пронзают своим оружием сердца молодежи, самой воодушевленной части нации, которой мы обязаны отвоєванной свободой»¹⁶⁰.

Газета «15 марта» предупреждала об опасности подчинения министерства грубой военной силе. «Молодежь совершенно ясно видит то, чего не видит предубежденное министерство, а именно, что главная власть *de jure* находится в руках министерства, а *de facto* — в руках иностранной враждебной военной власти»¹⁶¹.

Радикальная печать требовала дальнейшего вооружения народа. Правительство откликнулось на требование народа вербовкой национальных гвардейцев в самостоятельные вооруженные силы страны. Из первых 10 тыс. добровольцев были созданы 10 батальонов венгерской армии, независимой от австрийского командования. Под ее знаменем объединилась венгерская, немецкая и словацкая молодежь. Первые, кто принял клятву, были молодые люди из плебейских масс: подмастерья, поденщики, а также из учащейся молодежи и небольшого числа дворян. В деревне вербовка шла значительно хуже, в силу подрывной работы церкви, доходившей до того, что священники отпевали тех, кто записывался в армию.

Несмотря на все старания реакции, к июню было создано ядро вооруженных сил, из которых впоследствии сложилась знаменитая армия «гонведов»¹⁶².

Организационная работа по созданию первых отрядов гонведской армии была значительным успехом левых.

Майское движение 1848 г. было выражением недовольства масс Пешта политической деятельностью правительства Баттьяни, которое считало, что мартовская революция закончена. Желая, ради сохранения мартовских достижений, поддержать *status quo* с венским двором, оно не видело, что все развитие событий ведет к открытому конфликту с Габсбургами. Вот почему оно не предприняло необходимых мер для организации сопротивления политике двора в стране и активно противодействовало требованиям народных масс.

Особое место в министерстве принадлежало Кошуту. Кошут видел полную невозможность для Венгрии сохранить *status quo* в отношении к австрийской империи. И он начал постепенно, сперва по отдельным, конкретным поводам, затем все более настойчиво и политически дальновидно разоблачать замыслы венской камарильи. Занимая пост министра финансов, он держал в своих руках все ключевые позиции хозяйственной и политической жизни страны и использовал это, чтобы укрепить авторитет министерства. Он стремился прежде всего уменьшить бесчисленные финансовые тяготы, которые тяжелым грузом лежали на венгерской экономике, упорядочить денежное обращение, создать устойчивую валюту¹⁶³. Кошут вел активную борьбу против имперских

монополий на соль, на горнорудные предприятия, стремясь освободить население Венгрии от дополнительных поборов.

Большую помощь оказывали Кошуту деятели министерства торговли, промышленности и земледелия. Во главе министерства стоял Габор Клаузал — представитель умеренных кругов среднего дворянства¹⁶⁴. Его ближайшими помощниками и ведущими чиновниками министерства были: Государственный секретарь министерства Агоштон Трефорт¹⁶⁵, один из руководителей Союза защиты промышленности, созданного Кошутом в середине 40-х годов; Тивадар Ромбауэр, ведавший в министерстве военной промышленностью и организацией металлургических предприятий, в течение ряда лет директор металлургических заводов, а в 1844 г. — один из организаторов Союза защиты промышленности; Лайош Трангоуш, возглавлявший в министерстве отдел горнорудных предприятий, владелец чугунолитейного завода.

Эти сановники министерства торговли были людьми, заинтересованными в развитии отечественного капитала, реформировании таможенной политики, содействии развитию промышленности и установлении хозяйственных связей не только с Австрией, но и с другими странами.

В начале июня Государственный секретарь по иностранным делам Ференц Пульски предпринял переговоры с деловыми кругами Австрии по вопросам таможенных сборов.

Переговоры, начавшиеся 5 июня 1848 г., по вине австрийской стороны неоднократно прерывались. Наконец, 5 августа были выработаны общие принципы таможенных положений. Заключались они в том, что вплоть до конца октября сохраняются действовавшие ранее таможенные законы, предоставлявшие все экономические преимущества Австрии. В дальнейшем будут выработаны новый таможенный тариф и договор, призванные установить равенство интересов обеих стран.

Представитель Венгрии Клаузал не был удовлетворен ходом переговоров и настаивал на таможенных льготах для Венгрии как экономически более отсталой страны. В то же время он согласился на сохранение status quo до конца октября. Основная цель Клаузала заключалась в том, чтобы добиться полной свободы действий Венгрии в установлении экономических связей с другими странами, т.е. реализации национальной независимости Венгрии от Австрии во всех экономических вопросах. Клаузал стремился к тому, чтобы оградить венгерскую торговлю и промышленность от иностранной конкуренции, обеспечить экспорт венгерской продукции сельского хозяйства, уничтожить существовавшее до сих пор положение, когда Венгрия была сырьевым придатком Австрии. Однако к этой цели Клаузал шел нерешительно, все время опасаясь вызвать недовольство Австрии. Но австрийские господствующие классы, оправившись от мартовского потрясения, не намерены были уступать Венгрии свои позиции и свои экономические преимущества.

Так, переговоры по таможенным вопросам, на которые венгерское правительство возлагало большие надежды, никаких существенных результатов не принесли¹⁶⁶.

Другим важным вопросом хозяйственной жизни Венгрии был вопрос о ликвидации феодальных пережитков в ремесле. Цеховые регламентации задерживали развитие промышленности, тяжело отражались на положении подмастерьев, и правительству в течение многих месяцев приходилось разбирать жалобы на жестокую эксплуатацию их со стороны мастеров.

Вопросом о реформе цехов занимался секретарь министерства торговли Ференц Чанади. Он готов был пойти на ликвидацию старых отживших традиций, связывавших жизнь и быт подмастерьев, готов был согласиться на участие представителей подмастерьев на цеховых собраниях. Но позиция венгерского правительства в этом вопросе была двойственной. Оно готово было пойти на некоторые реформы консервативной цеховой системы, но решительно отказывалось от ликвидации цехов в целом.

Вопрос о реформе цехового устройства в течение многих месяцев дебатировался в согласительной комиссии из представителей мастеров и подмастерьев. В результате правительство 9 июня издало «Приказ об улучшении цеховых правил», о котором говорилось выше¹⁶⁷.

Оплата труда подмастерья должна была строиться на основе свободного договора. Однако в этом вопросе все преимущества были на стороне мастера. Подмастерьям не разрешалось протестовать против произвольного снижения их заработка.

В случае увольнения подмастерья по его собственному желанию или по инициативе мастера устанавливался двухнедельный предупредительный срок.

Свободное соглашение должно было определить вопрос о местожительстве подмастерья. В тех случаях, когда, согласно договору, подмастерье оставался жить в семье мастера, последний обязан был предоставить ему здоровое жилище.

Этот указ был первой попыткой государственного упорядочения взаимоотношений мастеров и подмастерьев. Цеховое устройство в целом и тем самым все основные препятствия для развития промышленности оставались в силе.

Деятельность первого министерства, несмотря на попытки проведения политических и экономических реформ, не привела к каким-либо решительным сдвигам в жизни Венгрии

Все намеченные правительством мероприятия оставались либо только в проекте, либо незавершенными

В такой обстановке неизбежно должна была возникнуть программа демократических мероприятий как в области экономики, так и в политике, противостоящая половинчатой деятельности первого министерства. Такую программу разработал Танчич на страницах своей «Рабочей газеты».

Программа требовала развития и углубления тех «12 пунктов», которые выдвинуты были восставшим народом в марте 1848 г. Она определяла задачи венгерского государства, права человека и гражданина и выдвигала требования, касающиеся всех областей жизни. Эта программа была изложена в форме требований, которые обязаны защищать будущие депутаты Государственного собрания.

Программа провозгласила независимость венгерского государства; верховная власть принадлежит народу; король — слуга народа, равенство всех граждан перед законом; свобода печати и упразднение штрафов на периодические издания; введение прогрессивного налога и отказ от уплаты австрийского государственного долга. Программа также требовала, чтобы армия была использована только для защиты своей родины, а венгерский солдат подчинялся только венгерскому командованию.

Внешняя политика определялась следующими пунктами: восстановление Польши, вывод венгерских войск из Италии и обеспечение ее независимости¹⁶⁸.

Особый пункт программы требовал ликвидации засилья католической церкви, закрытия монастырей, конфискации церковных и монастырских владений, перевода священников на государственную заработную плату.

В области народного благосостояния программа провозгласила: «Ни один человек, желающий работать, не должен ходить в лохмотьях и голодным»¹⁶⁹.

Говоря о полномочиях депутатов и правах Государственного собрания, программа снова касалась вопросов как экономического, так и политического переустройства государства. В области экономической она выдвигала требования полной свободы предпринимательской деятельности, уничтожения каких-либо привилегий и цеховых ограничений.

В области политической газета требовала упразднения верхней палаты парламента. Законы должны создаваться лишь людьми, облеченными доверием всей нации. Одновременно выдвигалась задача демократизации комитатских органов власти путем регулярного созыва народных собраний в комитатах и усиления их полномочий¹⁷⁰.

Это была программа организации нового, буржуазного государства, построенного на демократических принципах. В ней нашли отражение, наряду с требованиями конкретной венгерской действительности, идеи «Общественного договора» Руссо, основные положения «Декларации прав человека и гражданина» и конституций французской революции.

115 Vasvari Pal. Op. cit, 288 old.

116 Шандор Петефи. Собр. соч., т. 4, стр. 150.

117 «Munkasok Ujsaga», 1848, majus 21, 113 old.

118 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XII, 20 old.

119 Ibid., 21 old.

120 Ibid., 46—48 old.

121 Ibidem.

122 Ibidem.

123 Ibid., 56 old.

124 Pulszky F. Op.cit, 310 old.

125 «A magyar szabadsagharcy tortenete napikronikakban (1848)». Egybeszedte Kety Gyula. Budapest, 1899, 259 old.

126 Sarlos Bela. A pesti munkassag ferradalmi harca es programmja 1848-ban. — «Szazadok», 1955, 1 szam, 76 old.

127 Требования ликвидации цехов, как мешающих развитию промышленности, и свободы передвижения для подмастерьев явились основными пунктами «пожелания», направленного учащимися школы черчения и архитектуры министерству земледелия, промышленности и торговли 16 апреля Это «пожелание» было поддержано 19 апреля всеми подмастерьями Пешта. См. Merei Gyula Munkasmozgalmak 1848—1849, 54, 75 old; Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 182 old.

128 Horvath Mihaly. Magyarország fuggetlensegi harcanak tortenete 1848 es 1849. 1863, Kot.I, 33—34 old.

- 129 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 183 old.
- 130 Nemes Dezso. A munkassag az 1848—1849-es forradalom-ban. — «Forradalom es szabadsagharc 1848—1849». Budapest, 1948, 279 old.
- 131 См. Sarlos Bela. Op.cit, 84 old.
- 132 Ibid., 85 old.
- 133 Sarlos Bela. Op.cit, 86 old.
- 134 См. Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 185 old.
- 135 Sarlos Bela. Op.cit., 80—81 old.
- 136 Sarlos Bela. Op.cit., 81 old.
- 137 Ibid., 88 old.
- 138 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 185 old. *Vive Liberta и Век Просвещения, 2009*
- 139 Merei Gyula. Munkasmozgalmak 1848—1849, 210 old.
- 140 «Munkasok Ujsaga», 1848, majus 7, 91 old.
- 141 Ibidem.
- 142 Merei Gyula. Munkasmozgalmak 1848—1849, 209 old.
- 143 Ibid., 37 old.
- 144 См. Дьердь Шпира. Словацкие шахтеры в венгерской освободительной войне 1848—1849 годов. «Конгресс венгерских историков 6—13 июня 1953 г.», т.III (Рукопись), стр.484. Хранится в ФБОН.
- 145 Fekete Sandor. A marciusi fiatalok. Budapest, 1950, 148—149 old.
- 148 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 191 old.
- 147 Ibid., 192 old.
- 148 Fekete Sandor. Vasvari Pal Budapest, 1951, 38 old.
- 149 «Marcius Tizenotodike», 1848, junius 29, 363 old.
- 150 Joh. Janotyckyv. Adlerstein. Op.cit., Zweiter Band, s.277.
- 151 «Marcius Tizenotodike», 1848, majus 11, 192 old.
- 152 Vasvari Pal. Op.cit, 294 old.
- 153 На заседании отсутствовали больной Кошут, Баттьяни, который был в Вене, и Месарош, находившийся в Италии.
- 154 A.Urban. Zehn kritische Tage aus der Geschichte der Batthyany-Regierung (10—20 Mai 1848). Budapest, 1960, S.104—105.
- 155 См. Joh.Janotycky v. Adierstein. Op.cit., Zweiter Band, S.279.
- 16в Шандор Петефи. Собр. соч., т.4, стр.167.
- 157 Там же, стр.168.
- 158 A.Urban. Op.cit, S.108—109.
- 159 «Opposition», 1848, 11 mai; Joh.Janotycky v. Adierstein. Op.cit., Zweiter Band, S.262.
- 160 «Munkasok Ojsaga», 1848, majus 21, 116 old.
- 161 «Marcius Tizenotodike», 1848, majus 11, 194 old.
- 162 Hon — отчизна, ved — защитник. Honved — защитник родины.
- 163 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XII, 46—47, 98,100 old.
- 164 Mere; Gyula. Magyar iparfejiodes, 369 old.
- 165 Ibid, 370 old.
- 166 Merei Gyula. Magyar iparfejiodes, 374 old,
- 167 Ibid., 376 old. См. выше, стр.124.
- 168 «Munkasok Ujsaga», 1848, junius 4, 145—148 old.
- 169 lbdem.
- 170 Ibid , 1848, junius 18, 180 old.

Глава 3. РОСТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В ВЕНГРИИ. АКТИВИЗАЦИЯ КОНТРЕВОЛЮЦИИ. СЕНТЯБРЬСКИЙ КРИЗИС

1. Первый этап деятельности Государственного собрания

На основе закона о представительстве, принятом в марте 1848 г., в июне того же года состоялись выборы. Закон в самой общей форме определял порядок проведения выборов, размер имущественного ценза и т.д. Решение конкретных вопросов выборов предоставлялось компетенции комитатских властей.

Политическая обстановка в стране в период выборов Государственного собрания характеризовалась активной агитацией левых среди демократической части избирателей, подъемом крестьянского движения, а также некоторой активизацией враждебной деятельности знати и высшего венгерского духовенства. Последние, испуганные возможностью потери своих привилегий и состояний, порочили революционно настроенных кандидатов в депутаты, распространяли клеветнические слухи, будто левые добиваются уничтожения частной собственности.

Вскоре после начала избирательной кампании радикалы уже убедились в слабости своих позиций. «Мы не хотим предаваться иллюзиям, — писала 1 июня газета «15 марта», — мы уже сейчас знаем, что в Государственном собрании партия подлинных радикалов окажется в меньшинстве»¹.

Слабость позиций представителей демократии объяснялась также наличием ограничений в избирательной системе. Широкий круг городской и сельской бедноты был лишен избирательных прав, а комитатские власти всеми способами очищали избирательные списки от нежелательных элементов. Так, в г.Цегледе из 22 тыс. населения избирательным правом пользовались 10% — 2,2 тыс. человек, а в списках осталось лишь 772 человека. В результате дальнейших махинаций комитатских властей из этого числа приняли участие в голосовании 248 человек. Эти махинации заключались в том, что выборы происходили в будний день, в страдную пору, что ограничивало участие крестьян и трудящихся городов. Большинство представителей мартовской молодежи не имели необходимого имущественного и возрастного ценза. Из 426 кандидатов лишь 30—40² человек представляли левых. Выразителем интересов крестьянства был один Танчич.

Широкую агитацию против левых кандидатов развернули служители церкви. Высшее католическое духовенство инструктировало сельских священников активно препятствовать участию населения в выборах.

Немало было случаев, когда комитатскими депутатами оказывались не избранные местным населением люди, а назначенные ишпанами (исправниками) и судьями удобные им лица, преимущественно состоятельные люди, которых сельская община вовсе не знала³.

Характерной иллюстрацией к сказанному является случай с провалом кандидатуры популярнейшего представителя левых — Шандора Петефи. Первое предвыборное выступление в ратуше г.Сабадсалаш прошло для Петефи благополучно, однако в дальнейшем «отцы города» все сделали для того, чтобы восстановить население против Петефи, и при следующих попытках выступить перед избирателями члены городской управы — «кучка ошестинившихся ежей», по выражению Петефи, неизменно срывали его выступления, агитировали против него, указывая, что он республиканец и что он хочет короля-словака. За два дня до выборов Петефи подвергся нападению натравленной на него толпы и с трудом спас свою жизнь⁴.

Сам Петефи следующим образом рисует обстановку, в которой происходили выборы: «Так как эти подлецы и негодяи увидели, что ни клеветой, ни ложью они не оттолкнут от меня людей, они прибегли к последнему средству: пустили в ход вино и водку, чтобы бедный, достойный жалости народ... обратился против меня и, таким образом, против самого себя»⁵. В результате усилий «отцов города» депутатом от Киш-Куншага стал сын попа, по выражению Петефи, «глупый малый» Карой Надь⁶.

Этот факт, показавший позорное поведение реакционных сил, разоблачил в своей газете Танчич. Он писал: «Сколько обмана проявили эти негодяи, чтобы провалить такого подлинно народного представителя, как Петефи»⁷.

Потерпел неудачу на выборах и другой видный общественный деятель — поэт Янош Арань.

В Эперьеше был смещен прогрессивный фейшпан Ласло Уйhazi за то, что он призывал избирателей к бдительности в отношении происков реакции. Несколько сторонников Уйhazi были арестованы. Запуганные насилием жители Эперьеша были лишены возможности свободно пользоваться своим правом выбора. В этой обстановке 20 июня в Эперьеше был избран «единогласно» глава местных консерваторов — Эде Капи⁸.

Помимо происков реакционных сил одной из основных причин поражения левых являлось отсутствие у них четкой программы. Успех Танчича, выдвинутого в ряде округов и избранного в депутаты по двум округам, объясняется тем, что он решительно защищал интересы крестьян.

Результаты выборов в нижнюю палату оказались, как и предполагали левые радикалы, не в их пользу. Социальный состав Собрания представлял следующую картину: 72% депутатов — помещики, 26% — представители дворянской и буржуазной интеллигенции, 2% — торговцы, ремесленники и крестьяне⁹.

Выбранное Государственное собрание состояло из двух палат. Состав верхней палаты был примерно такой же, как и палаты магнатов в Пожоне, с той разницей, что в нее вошла небольшая часть либерально настроенных представителей новой администрации комитатов. Однако эта палата оставалась сугубо реакционной, тормозом всякому прогрессивному начинанию или законопроекту, проводимому нижней палатой.

Нижняя палата представляла довольно пеструю картину. Правая ее часть, испуганная крестьянским движением, держалась резкой оппозиции новому, боялась углубления революции и «анархии», считала необходимым установление прочного союза с Габсбургами. Огромное большинство, которое можно назвать центром, в свою очередь делилось на правый и левый центр. Правый центр, возглавляемый Баттьяни, своими голосами проваливал предложения левых, защищал идею *status quo*, смысл которого заключался в том, что нельзя идти ни шагу дальше принятых законов и делать какие-либо уступки требованиям крестьянства. Правый центр стремился сохранить прочный союз с габсбургской династией. Левый центр возглавлялся Кошутом. Основным вопросом разногласий между Кошутом и большинством было отношение к Габсбургам. Подобно большинству, Кошут в это время еще вовсе не желал открыто и категорически порывать с Веней. Но он не хотел разговаривать с Габсбургами языком просьб, а стремился противопоставить им силу. Он добивался признания ими завоеваний революции, требовал организации обороны страны и обеспечения ее материальными средствами. В отличие от большинства, он не был убежден в мирных намерениях Австрии. Он хотел мира, но честного мира, мира, обеспечивающего самостоятельность страны, свободу нации.

Такая позиция Кошута, позиция ясного предвидения реальной опасности, сближала его с радикалами. То же необходимо сказать по поводу позиции некоторых других представителей среднего дворянства, в частности Пала Ньяри, которая часто приводила его к временному союзу с левыми.

Основным в позиции левых как прежде, так и теперь, была антигабсбургская линия. Они настойчиво боролись против камарильи и в ряде вопросов шли дальше Кошута, занимали более последовательно демократические позиции.

Первое заседание Государственного собрания состоялось 5 июля в Пеште. В большом городском «бальном» зале собрались как выборные депутаты, так и привилегированные члены верхней палаты для проведения первых организационных мероприятий. В отличие от Собрания в Пожоне, где первенство оставалось за верхней палатой и где аристократия, представлявшая изолированную касту, «милостиво» принимала у себя членов нижней палаты, в Пештском Собрании аристократы должны были склониться перед депутатами и присоединиться к заседанию нижней палаты. Речь от имени императора произнес наместник — эрцгерцог Иштван. Он говорил о напряженности момента, о многочисленных вражеских силах, угрожающих империи, а также о стремлениях короля к сохранению Венгрии в составе централизованной единой империи¹⁰.

После речи надора Иштвана магнаты удалились. Оставшиеся члены нижней палаты продолжали обычное заседание. В Собрании были представлены все области королевства, за исключением Хорватии и Военной границы, которые отказались воспользоваться предоставленными им правами¹¹. К этому моменту выявился резкий антагонизм между венгерским и хорватским правительствами. Этот антагонизм определялся тем, что Елачич, бывший проводником интересов реакционных помещиков и военщины, проводил антивенгерскую политику, призывал к невыполнению приказов революционного Пешта. Одновременно намечался сговор между Елачичем и императорским двором. Этот сговор не встречал никакого отпора в виду слабости левого радикального крыла внутри самой Хорватии. 21 июня хорватский Сабор утвердил Елачича в звании хорватского бана и вручил ему диктаторские полномочия. 10 июля, после того как в Пешт прибыли депутаты Трансильвании, палата представителей выбрала президиум и открыла заседания.

11 июля Кошут выступил с декларацией, характеризующей положение страны и очередные задачи правительства. Главной темой его выступления было разоблачение политики двора. Он показал, что австрийское правительство всячески разжигает рознь между народами, что оно неоднократно требовало от венгерского министерства финансов выдачи Елачичу 100 тыс. форинтов на содержание австрийских войск в Венгрии, что после отказа министерства финансов австрийский кабинет предоставил Елачичу из своих средств не 100 тыс., а 150 тыс. форинтов¹². Кошут потребовал создания венгерской армии, мобилизации 200 тыс. человек, из которых 40 тыс. должны быть призваны немедленно. Он заключил свою речь призывом: «Отечество в опасности!»¹³

Государственное собрание, увлеченное пламенной речью Кошута, с энтузиазмом проголосовало за принятие всех его предложений. Но эта победа Кошута и его сторонников носила скорее декларативный характер.

Вопросы, связанные с выборами, не сходили с повестки дня Государственного собрания. Процедуру выборов должно было контролировать само Собрание. Из состава его избиралась комиссия для обследования действительности мандата. В июле видный деятель радикальной партии Болдижар Халас внес предложение, чтобы члены комиссии по проверке полномочий не принадлежали к составу парламента. Тем самым со стороны радикальных депутатов была сделана попытка вынести данное обсуждение на более широкую арену, не дать возможности парламентскому большинству определять состав парламента. Однако предложение Болдижара

Халаса не было принято. В ходе обсуждения выступил Ференц Деак, считавший, что парламент должен оставить право создания подобной комиссии за собой.

Эта неудача не сразила радикалов. Они продолжали выступать с протестом в случаях явного нарушения закона о выборах. Так, выборы консерватора Эде Капи в Эперьеше (комитата Шарош), проведенные в обстановке террора и запугивания в отношении оппозиционеров, привели к подаче петиции протеста против этих выборов в Собрание. Заседание Собрания 15 июля, на котором обсуждалась петиция эперьешских выборщиков, проходило чрезвычайно бурно; правые отстаивали правильность «избрания», называли петицию «бунтовщической». Против правых выступили Иोजеф Мадарас, Даниэль Ираньи. Последний с возмущением говорил, что не только внешнее насилие мешает свободе, но и препятствия иного порядка: «Можно ли назвать бунтовщичеством, если кто-либо призывает к бдительности против происков реакции? ...Вынести решение подобно Шарошскому, а затем говорить о свободных выборах, это то же самое, как повесить на рот замок, а затем предоставить человеку слово» и. В итоге поименного голосования, из присутствующих 268 депутатов 172 проголосовали за то, чтобы избрание Эде Капи было признано недействительным. Однако это был редкий случай победы радикалов.

Собрание оказалось неспособным разрешить коренные вопросы революции. Оно не торопилось удовлетворить требования крестьянства, расширить законы, принятые 18 марта. Это привело к новому подъему крестьянского движения во многих комитатах.

В июле выступлениями крестьян были охвачены сотни сел. Особенно бурно они развернулись в задунайских комитатах. Крестьяне решительно выступили против попыток восстановления барщины, явочным порядком объявили право охоты в помещичьих лесах.

Крестьянское движение объединяло представителей различных национальностей.

Поражение на выборах заставило радикальных деятелей венгерской революции подумать о сплочении своих рядов. Первое, что ими было усвоено, это необходимость лучшего и более прочного оформления своей организации. Существовавший до сих пор Мартовский клуб не удовлетворял возросшим задачам революции. В июне был создан демократический клуб, поставивший перед собой задачу объединения более широкого круга оппозиционных элементов. По предложению Ласло Мадараса, демократический клуб был назван «Общество равенства»¹⁵. Это общество включило в свой состав выдающихся венгерских революционеров-якобинцев: братьев Мадарас, Эдена Каллаи, Мора Перцеля и др. Из мартовской молодежи членами общества стали Петефи, Вашвари, А.Пальфи, Ириньи и др. Присоединились к «Обществу равенства» также Танчич, Хорарик, Кечкеш. Наиболее активным ядром этого общества была мартовская молодежь.

По инициативе «Общества равенства» слились наиболее радикальные газеты; в середине июля газета Мереи «Радикальный листок» объединилась с газетой Мадараса «Народная жизнь»¹⁶. Эта объединенная газета, получившая название «Народная жизнь — Радикальный листок», напечатала первую программу «Общества равенства».

Основным содержанием этой программы была критика венгерского правительства, предавшего забвению великие лозунги 15 марта — свободу, равенство и братство. Вместо свободы печати Пожоньским собранием, говорилось в программе, принят был суровый закон о печати, вместо гражданского равенства — сохранены были классовые привилегии, вместо братства — имущественный ценз. Программа выдвигала требования осуществления великих якобинских лозунгов, равноправия всех национальностей. В программе говорилось, что «Общество равенства» будет приветствовать среди своих членов сынов Родины, говорящих на любом языке, так как дело свободы требует объединения всех народов. Но, несмотря на это заявление, программа общества в национальном вопросе не выходила за рамки правительственной.

Учитывая уроки выборов, программа требовала отмены всякого рода цензовых ограничений и установления всеобщего избирательного права.

Значение этой программы, опубликованной в разгаре революционных событий во всей Европе, было очень велико. Несмотря на отсутствие даже упоминания о республике, на игнорирование крестьянского вопроса, она объединяла все демократические силы на борьбу с сословностью, с социальным имущественным неравенством, с национальным гнетом.

В напечатанной 19 июля передовой статье «Государственное собрание или диктатура?» в названной газете резко критикуется поведение большинства Собрания. «Депутаты! Вас избрал народ не для того, чтобы вы стали носителями неограниченной власти, а для того, чтобы народные массы управлялись своими избранниками, поэтому конституция прежде всего должна отображать волю народа...» 30 июля «Общество равенства» обращается к писателям, редакторам газет и журналов, типографским рабочим, книгоиздателям и книготорговцам — «ко всем друзьям литературы» с призывом защищать свободу печати. Неоднократно ставился в «Обществе равенства» и вопрос об участии всех граждан, в том числе и евреев, в обороне страны и в общественной жизни.

Наибольшим влиянием «Общество равенства» пользовалось среди плебейских масс Пешта. Опираясь на эти массы, оно бдительно держало под контролем деятельность Государственного собрания и подвергало критике каждое реакционное мероприятие, исходившее от правительственного большинства.

«Общество равенства» сыграло большую роль в деле углубления революции, в деле распространения и популяризации радикальных идей в широких народных массах¹⁷. Оно стало центром радикальных сил.

Благодаря «Обществу равенства» и его филиалам, связанным с широкими плебейскими массами Пешта и провинции, немногочисленная группа левых депутатов получала повседневную поддержку.

Несмотря на радикализм программы «Общества равенства», в ней был обойден молчанием один из важнейших вопросов буржуазной революции — крестьянский вопрос, и конференция «Общества равенства», собравшаяся 6—12 июля, вынуждена была им заняться.

Приближалось время сбора винограда, и нужно было подготовить решение о том, кому будет принадлежать урожай виноградников: помещикам или крестьянам. Этот, на первый взгляд, частный вопрос оказался при сложившихся обстоятельствах пробным камнем всей политики в отношении крестьян.

Самую радикальную позицию в крестьянском вопросе занимал в этот период Танчич. Так как крестьяне в своих многочисленных выступлениях выдвигали требование упразднения виноградной десятины, Танчич доказывал необходимость отмены этого налога, а также требовал «ликвидировать все цензы, контрактные договоры, свидетельствующие о крепостнических отношениях»¹⁸.

Однако даже Танчич, занимавший крайне левую позицию, требовал справедливого выкупа повинностей, правда, за счет государства¹⁹.

Выкуп за отмену барщины, по его мнению, надлежало получить не всем помещикам, а лишь менее состоятельным, имеющим не более 3 тыс. форинтов годового дохода.

Он требовал также возврата крестьянам всех насильственно и незаконно отобранных у них за последние 20 лет пахотных земель и пастбищ. Особое значение имело требование Танчича о конфискации всех земель у предателей родины и передачи их малоимущим крестьянам²⁰.

Крестьянский вопрос был поставлен на повестку дня конференции общества Палом Ньяри. Конференция соглашалась с отменой десятины с виноградников, но в отношении выкупных платежей возникли разногласия. Так, например, Пал Ньяри предложил, чтобы крестьяне — владельцы виноградников сами выкупали свои земли, а не государство. Другой участник конференции — Ириньи — предложил, чтобы государство выкупало виноградники лишь беднейших крестьян, владевших четвертью участка и менее.

По вопросу о положении дворовых крестьян, тех, на которых закон 1848 г. не распространялся, участники конференции выступали единодушно. Решено было освободить их от всех видов феодальных повинностей, с компенсацией убытков помещиков за счет государства.

В результате работы конференции Палу Ньяри было поручено разработать проект закона об отмене всех крепостных повинностей для представления его в Государственное собрание²¹.

Только Танчич шел дальше, требуя возвращения крестьянам тех земель, которые были отняты у них помещиками за последние 20 лет²².

Между тем, обстановка в Венгрии усложнялась. Создавалась реальная угроза вторжения в Венгрию войск Елачича. Правительство попыталось предотвратить это путем переговоров.

В конце июля по инициативе австрийского двора в Вене состоялась встреча между Баттьяни и Елачичем в присутствии эрцгерцога Иоганна. Елачич выдвинул требования: 1) объединение венгерских министерств финансов, иностранных и военных дел с соответствующими министерствами австрийской монархии, 2) полное равноправие хорватской национальности и языка в пределах Венгрии, 3) удовлетворение всех требований сербов, живущих на территории Венгрии.

Вокруг этих вопросов шла длительная дискуссия. Елачич заявил, что военные действия между Хорватией и Венгрией будут вестись до тех пор, пока не будут удовлетворены его требования. Тогда Баттьяни ответил: «Если так, то до свидания на Драве!». — «Нет, на Дунае», — возразил Елачич, давая тем самым понять, что военные действия будут вестись на территории Венгрии, а не Хорватии²³.

После ухода Баттьяни, как вспоминает Пульски, Елачич, как нельзя более обнаженно раскрыл подоплеку своих требований. «Им нечего терять, — заявил он по адресу венгерских деятелей. — Если падет их министерство, то они разъедутся по своим поместьям. Я же рискую всем, и в первую очередь судьбой моего императора»²⁴.

Весь этот эпизод проливает свет на роль Елачича, оказавшегося орудием венской камарильи. Габсбурги отнюдь не намеревались удовлетворить национальные требования хорватов и сербов и создать этим прецедент для других национальностей империи. Но камарилье было выгодно, держась в тени, выдвинуть против венгров, под видом «борца за национальную свободу хорватов», своего послушного ставленника Елачича.

Провал переговоров между Елачичем и Баттьяни ускорил вторжение хорватско-сербской армии в Венгрию. Правительство Баттьяни не было готово к защите страны. В нем не было единого мнения об отношении к Габсбургам. Часть министров охотно согласилась бы ограничиться небольшими уступками со стороны Габсбургов, другие, в частности, Кошут, держались более твердой политики.

Наряду с этим был налицо известный разрыв между правительством и страной, поскольку венгерское правительство по своему социальному характеру не могло содействовать разрешению коренных проблем революции (крестьянский вопрос, положение в ремесле и промышленности, положение национальных меньшинств). Отсутствовала твердая линия и в вопросах внешней политики. В самой армии, которая становилась все более национальной и демократичной, верховное руководство оставалось в руках кадрового офицерства. Часть этого офицерства была проникнута верноподданническими чувствами по отношению к Габсбургам.

По мере усиления военной опасности авторитет правительства все более и более падал.

В этой обстановке австрийский двор потребовал от венгров 40 тыс. солдат для использования их в борьбе с революционной Италией, восставшей против Габсбургов.

Это требование вызвало длительную дискуссию в Государственном собрании. Выступивший в начале ее Кошут занял колеблющуюся позицию. Он считал, что оказав помощь австрийскому правительству, Венгрия улучшит свои взаимоотношения с монархией, обезопасит себя от нападения Елачича и от подстрекательства со стороны Австрии.

Против такой позиции, которую поддержало большинство Государственного собрания, выступили левые — братья Мадарас, Перцель и др. Они доказывали, что бесчестно участвовать в подавлении той свободы, которую Венгрия требует для себя. Кроме того, оказав помощь Австрии против революционной Италии, Венгрия освободит руки монархии для расправы с венгерской революцией.

Аргументация левых оказала влияние на Кошута. В следующем выступлении он выдвинул предложение, обязывающее Австрию установить точную границу своих владений, предоставив остальным народам независимость. Те же владения, которые останутся в пределах империи, должны получить конституцию.

Баттьяни резко возразил Кошуту и пригрозил отказом от руководства министерством, если тот будет отстаивать свою позицию.

После длительных и горячих дебатов было принято ответное послание королю. В нем было сказано: «Когда порядок и мир будут прочно восстановлены в нашей стране, когда будет обеспечена ее моральная и материальная целостность, мы охотно окажем поддержку вашему величеству для достижения мира, который соответствует, с одной стороны, достоинству трона, а с другой — конституционной свободе и справедливым требованиям итальянской нации»²⁵.

Но отказав королю в помощи против революционной Италии, Государственное собрание не решилось выступить в защиту итальянской революции, несмотря на призывы левых. Представитель левых Мор Перцель, выступая в палате, потребовал ответа на вопрос, что сделано ею, чтобы итальянская Ломбардия получила гарантии национальных прав, свободу и конституцию²⁶. Другой представитель радикальной оппозиции, Даниэль Ирани, писал впоследствии: «Конечно, мы осудили обещание, пусть условное, помощи Австрии против Италии... Итальянцы хотели только одного — освободиться от Австрии... Своим колебанием в вопросе о революционном вмешательстве в борьбу народов она (т.е. Венгрия. — Р.А.) помогла своему вечному врагу вырыть пропасть, на дно которой она же и упала»²⁷.

Смелые выступления левых нанесли серьезный удар правому крылу Государственного собрания и его излюбленной политике компромиссов.

Решительно включаясь в дискуссию, «Рабочая газета» Танчича обратилась со своим страстным призывом непосредственно к Кошуту: «Гражданин министр, во имя чести нашей родины мы тебя просим, выбирай, не колеблясь. Встань во главе того карликового меньшинства, которое ты гневно желал уничтожить. Признай свою ошибку, и за этот твой шаг тебя увенчает слава»²⁸. Статья «Рабочей газеты» заканчивалась призывом к борьбе против Габсбургов, которые «злбно и искусственно возбуждают против нас наших братьев, говорящих на хорватском и сербском языках». Гневно бичуя нерешительность венгерского правительства в борьбе с врагами, газета обращается к Кошуту и его сторонникам с призывом: «Достаньте оружие, хотя бы из ада, и оно будет, если вы этого захотите»²⁹.

«Радикальная газета» призывала к объединению союзников, требовала равноправия национальностей и старалась найти пути, усиливающие лагерь революции. Газета требовала признать права хорватов, далматинцев, словаков на свой родной язык³⁰. После объединения с «Народной жизнью» газета призывала поддержать румын в качестве своих союзников. В передовой статье «Опять революция» написано: «Свобода Валахии является европейской проблемой. Свободные народы Европы не могут допустить, чтобы небо снова заволочлось тучами»³¹.

К этому моменту разногласия, ранее имевшие место между главарями сербских и хорватских националистов, уже стерлись. Создался реакционный блок, возглавляемый Елачицем и Ранчицем. Этот союз был направлен против венгерской революции. При активной поддержке австрийского полковника Мейергофера, генерального консула в Белграде, враждебные Венгрии отряды увеличили свои силы, и их нападения в районе венгерской границы становились все более ожесточенными.

Пополнение венгерских войск отрядами национальной гвардии усиливало мощь и численность вооруженных сил Венгрии. Во главе венгерских войск в июле стал генерал-лейтенант барон Ф.Бехтольд. Он располагал силами, вполне достаточными для успешной борьбы, но будучи верноподданным австрийского двора, с самого начала занял позицию обороны. Получив приказ о наступлении, он сделал все, чтобы оно окончилось неудачей.

На предательскую роль Бехтольда указывал впоследствии Мор Перцель: 21 августа он заявил в Собрании, что Бехтольд, с момента назначения главнокомандующим, имел своей целью отбить охоту у войск, в особенности у национальных гвардейцев, к продолжению военных действий³².

1 «Marcius Tizenotodike», 1848, junius 1, 267 old.

2 Spira Gyorgy. A magyar forradalom 1848—1849-ben. Budapest, 1959, 208 old.

3 «Munkasok Ujsaga», 1848, majus 21, 113—117 old.

4 Шандор Петефи. Собр.соч., т.4. М., 1953, стр.193 и сл. Заявление о выборах в Сабадсалаше. Шандор Петефи заклеил Кароя Надя в своем обращении к депутатам Государственного собрания, опубликованном в газете «Народная жизнь». Он писал: Карой Надь, «украдший у меня депутатство... воровским образом протасил против меня статью... Я потребовал удовлетворения... Карой Надь с беспримерной трусостью отказался дать мне его... я предупреждаю и прошу депутатов... из уважения к Собранию не садится рядом с этим заклеянным человеком». Петефи сообщает об этом в своих письмах. Шандор Петефи. Собр.соч., т. 4, стр. 477—479.

5 Там же, стр. Г96.

6 Там же, стр. 199.

7 «Munkasok Ujsaga», 1848, Julius, 210 old.

8 Csizmadia Andor. A magyar valasztasi rendszer 1848— 1849 ben. Budapest, 1963, 207 old.

9 Spira Gyorgy. Op.cit, 208 old.

10 «A magyar nemzetgyűlés Pesten 1848-ban» (Szerk. Pap Denes). I. Pest, 1881, 78 old., es kov.

11 Славония принимала участие в выборах только частично.

12 «A magyar nemzetgyűlés», I, 83 old.

13 «Radical Lap», 1848, Julius 14, 35 old.

14 Csizmadia Andor. Op.cit., 208 old.

15 Устав Общества был принят позднее, на митинге 23 июля. Каждый вступающий вносил единовременный взнос в размере одного пенго-форинта. «Nepelem—Radical Lap», 1848, Julius 26.

18 В первом номере этой газеты было опубликовано программное заявление Ласло и Йожефа Мадарас. Целью газеты они ставили борьбу за осуществление конституционных свобод и контроль над деятельностью ответственного конституционного правительства, а также победу мирной революции.

17 Дело доходило до открытых выступлений против короля. В газете «Nepelem—Radical Lap» сообщается, что на заседаниях Общества один из его членов, некий Гайзаго, заявил, что авторитет венгерской короны уничтожен. «Венгры! — призывал он. — Окажите сопротивление, его требуют восемь веков славного прошлого, слуги рабства должны пасть!» «Nepelem—Radical Lap», 1848, szeptember 15, 270 old.

18 «Munkasok Ujsaga», 1848, Julius 9, 225 old.

19 Ibidem.

20 Ibidem.

21 Spira Gyorgy. Op. cit., 213 old.

22 «Munkasok Ujsaga», 1848, Julius 23, 257—259 old.

23 Pulszky F. Eletem es korom. Kot.II. Budapest, 1884. 232 old.

24 Ibid., 232 old.

25 «A magyar nemzetgyűlés», 153 old; Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 219 old.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

26 «A magyar nemzetgyiiles», 185 old.

27 D.Iranyi et Ch.L.Chassin. Histoire politique de la revolution de Hongrie 1847—1849. Deuxieme partie. Paris, 1860, p.27.

28 «Munkasok Ujsaga», 1848, augustus 6, 297 old. «Карликовым меньшинством» Кошут ранее презрительно называл левую оппозицию парламента.

29 «Munkasok Ujsaga», 1848, augustus 6, 297 old.

30 «Radical Lap», 1848, junius 22, Julius 13.

31 «Nepelem— Radical Lap», 1848, Julius 22.

32 «A magyar szabadsagharcz tortenete napi-kronikakban (1848)», Egyberszedte Kery Gyula. Budapest, 1899, 462 old.

2. Усиление опасности контрреволюционного вторжения.

Крушение дипломатических переговоров и соглашений

В августе 1848 г. Габсбурги одержали ряд побед над революционными силами. Армия Радецкого разгромила итальянскую революцию. 6 августа король Ломбардии вернулся в Милан. Через несколько дней в австрийском рейхстаге была торжественно выражена признательность армии за ее активные действия против итальянских революционеров. 12 августа австрийский император и его двор возвратились из Инсбрука в Вену.

Рейхстаг предоставил правительству кредит в 20 млн. гульденов, что дало ему возможность усилить борьбу против революционного движения.

Подавив итальянскую революцию, австрийское правительство, следуя своим принципам «divide et impera», усилило поставку оружия Елачичу.

Русский посол при австрийском дворе Медем в своих донесениях так характеризовал обстановку, сложившуюся в австрийской империи в августе 1848 г.: «На территории Сербии продолжает царить враждебное отношение к Венгрии. Венгерское министерство сознает опасность, нависшую над своей страной. Эта опасность еще больше усилится в случае выступления Елачича, а последний уже концентрирует свои войска на р.Драве»³³.

Медем считает Елачича «решительным» «деятельным», осуществляющим «все чаяния народов»³⁴. По мнению царского посла, задачей австрийского правительства является «предоставление наибольших полномочий Елачичу и тем самым обеспечение активных действий его против Венгрии».

Такая внутривполитическая обстановка требовала от венгерского правительства решительных мер по защите Венгрии и ее революционных завоеваний. Но правительство Баттьяни не было способно на это.

Впервые в истории Венгрия могла опираться на демократические народные движения в своей и других странах. Демократические революции, разразившиеся в Европе, создали возможность для союза венгерского национального дела с делом европейской демократии, и благодаря этому «и только благодаря этому и для Венгрии открылся путь свободного и независимого развития»³⁵, — пишет Реваи.

Однако подлинные задачи Венгрии были осознаны только левой радикальной частью Государственного собрания, а также такими проникательными деятелями венгерской революции, как Петефи и Вашвари. Петефи называл себя борцом «святой всемирной свободы», а Вашвари писал: «Протянем искренне наши руки соседним народам и будем вместе добиваться достижения священной цели, ибо цель нашей борьбы общая и общим также является наш враг»³⁶.

В первую очередь поддержку венграм могла оказать революционная Италия. В самой Италии также было достаточно много политических деятелей, высказывавших свои симпатии венгерской революции к готовых объединить с ней свои усилия. Так, например, Теренцио Мамиани, видный представитель итальянской либеральной буржуазии, уже в апреле 1848 г. предлагал Венгрии союз. Симпатии к венгерской революции высказаны были также миланским временным правительством³⁷. И после поражения при Кустоцце итальянская политическая общественность продолжала искать союза с Венгрией. Карло Каттанео, один из деятелей революции в Милане, предлагал, чтобы Венеция, не покорившаяся австрийцам, создала с Венгрией оборонительно-наступательный союз против австрийской монархии «с такой оговоркой, что участниками этого союза могут быть все те народы австрийской империи, которые хотят освободиться от рабства»³⁸.

Однако большинство венгерского Государственного собрания стремилось не к объединению сил с революционной Италией, а к оказанию быстрой помощи Габсбургам в подавлении итальянской революции, а вопросы, затрагивающие взаимоотношения Венгрии с Габсбургами, оно пыталось разрешить с помощью великих держав, в частности Англии. Уже в апреле правительство Баттьяни обратилось к Англии с просьбой признать новую венгерскую власть и прислать своего дипломатического представителя. При этом Баттьяни заверял правящие круги Англии в законности и конституционности венгерского правительства. Однако это предложение Венгрии было отклонено.

Отказ Англии оказать поддержку венгерской революции привел к тому, что правительство Баттьяни направило своих представителей в Германию с тем, чтобы добиться дипломатической поддержки со стороны Франкфуртского парламента. Целью последнего было создание единой конституционной Германии, включавшей в свои границы и Австрию, вместе со всеми землями, входившими в состав Австрийской империи.

В мае 1848 г. два венгерских представителя — Ласло Салаи и Депеш Пазманди (младший) прибыли во Франкфурт. В их верительной грамоте отражены были задачи этой миссии. Они заключались в содействии «сохранению и укреплению дружественных отношений между венгерским и немецким государствами как в политической, так и в торговой областях, в интересах самостоятельности, свободы и материального благосостояния обеих наций»³⁹. Как известно, Франкфуртский парламент был весьма далек от революционного разрешения объединения Германии.

Однако венгерское правительство рассчитывало, что если будет реализован проект франкфуртской конституции, то Австрия войдет в состав единого германского государства, а Венгрия сохранит свою самостоятельность на основе лишь персональной унии с Австрией.

Венгерские представители были радушно приняты депутатом Франкфуртского парламента Гагерном. Гагерн сообщил парламенту о целях прибытия венгерской делегации⁴⁰, и вопрос о взаимоотношениях Германии с Венгрией стал предметом обсуждения. Один из депутатов предложил «незамедлительно предпринять шаги к заключению союза Германии с Венгрией»⁴¹.

Это предложение было принято. Ласло Салаи был утвержден в качестве венгерского посла при будущем имперском правительстве.

Франкфуртский парламент, в котором доминирующее положение занимала прусская буржуазия, выступая против своего дворянства, готов был временно вступить в переговоры с представителями венгерского дворянства, не зная еще, насколько далеко пойдет Венгрия. Члены парламента надеялись, что революция в Венгрии ограничится освобождением от Австрии.

В свою очередь, венгерское Государственное собрание также обсуждало вопрос о союзе с Германией⁴². Дебаты приняли очень бурный характер. Союз с Германией открывал для Венгрии законную возможность создания самостоятельной армии, т.е. разрешения центрального вопроса венгерской независимости.

В венгерском министерстве горячим сторонником скорейшего создания самостоятельной армии выступил Кошут. Преодолевая сопротивление Баттьяни, тормозившего решение этого вопроса, он все более переходил на сторону радикальной оппозиции. Газета «15 марта» писала: «Мы переживаем самые знаменательные минуты в истории Венгрии... Как видно, Кошут отходит от тех людей, чья политика строится на личных интересах»⁴³. В дальнейшем газета говорит о росте влияния Кошута: «Речи Деака, Баттьяни, Месароша и других правых министров кончаются провалом. Когда же говорит первый арбитр Венгрии — Кошут, то его слушают как вождя оппозиции»⁴⁴.

В итоге прений принята была резолюция, выражающая сочувствие идее установления союзнических отношений с Германией и предупреждавшая австрийское правительство о том, что в случае его столкновений с Франкфуртским парламентом, венгерское правительство не окажет поддержки Австрии⁴⁵.

Это решение было смелым вызовом по отношению к Австрии. За него голосовали как левые радикалы, так и либеральные политики, которые в свое время в вопросе о «помощи Италии» встали на путь компромисса, а фактически на путь поддержки австрийской монархии.

Расчет депутатов венгерского парламента был построен на том, что при создании имперской армии австрийская армия войдет в нее, благодаря чему венгерская армия получит возможность самостоятельного существования и ведения своей самостоятельной политики.

Известно, что Франкфуртское собрание с его «трусливым слабоумием»⁴⁶ как революционная сила оказалось несостоятельным. Все расчеты и надежды Венгрии на Германию не имели прочных основ. Австрийское правительство отнюдь не было склонно с такой легкостью, как это представлялось венгерскому правительству, идти на соглашение с Франкфуртом. Более того, Австрия медлила с выступлением против Франкфурта только потому, что руки ее были связаны войной с Италией⁴⁷.

У Франкфуртского же парламента не было ни сил, ни средств, чтобы заставить хотя бы одно немецкое правительство уважать его решения. С дальнейшим углублением венгерской революции и обострением политической борьбы в Европе, когда Габсбурги, используя в своих интересах Елачича, открыто выступили против Венгрии, Франкфуртский парламент аннулировал верительные грамоты венгерских представителей во Франкфурте. Ставка венгерского правительства на союз с Франкфуртским парламентом потерпела поражение.

Между тем наступление контрреволюции, отступление венгерской армии на юге привело к более отчетливому выявлению различных направлений в Государственном собрании.

16 августа в Государственном собрании начались дебаты о создании национальной армии. Военный министр Месарош, по предложению которого началась эта дискуссия, будучи офицером, воспитанным в австрийском духе, предлагал набором рекрут с санкции короля усилить имеющиеся военные объединения, возглавляемые австрийскими офицерами. Месарош не считал необходимым образование венгерской национальной армии.

Позиция Месароша встретила серьезную оппозицию со стороны значительной части депутатов и Кошута.

Предложение левых, с которыми объединились ряд либеральных депутатов, состояло в том, чтобы использовать рекрутов только для создания венгерской национальной армии, целиком независимой от прежней организации австрийской армии.

В своем выступлении Кошут в значительной степени согласился с позицией левых.

«Третья статья закона 1848 года вернула Венгрии самостоятельное правительство, на что она имела историческое право на основе закона, изданного 50 лет назад», — говорил Кошут. При этом он ссылаясь на X ст. Законодательства 1790 г., гласившую, что Венгрия — независимая страна, которая управляется согласно собственным законам и обычаям. «...Как гражданскую администрацию, так и военное управление следует осуществлять согласно духу закона, обеспечивающего независимое управление...»

Вместе с тем, в отличие от левых, Кошут, возражая Лазару Месарошу, утверждал, что «создание национальной армии Венгрии не оторвет страну от трона». «Есть лица, возводящие напраслину, будто Венгрия стремится оторваться от австрийского двора, — продолжал Кошут. — Я смело и открыто от имени всей нации объявляю это подлой клеветой!»

Развивая мысли о своем идеале армии, солдата, гражданина, Кошут подчеркивал: «...Значительной ошибкой, большим грехом прошедших времен являлось положение, когда вооруженные силы Европы во всех тех странах и империях, которые представляли собою конгломерат нескольких провинций, создавались по такому принципу, что солдата как бы экспроприируют из гражданской жизни и он перестает быть тем самым венгром, немцем или чехом и становится всего лишь солдатом».

Практически Кошут предлагал, чтобы использовать рекрутов в двух направлениях: часть новобранцев, 12 тыс. человек, направить в регулярную (австрийскую) армию; из другой части сформировать армию венгерских гонимых. Для того чтобы офицерский состав регулярной армии не воспринял это как ущерб своим интересам, в законе надо особо выделить, что третья часть или половина офицеров, состоящих в настоящее время в армии, будет зачислена офицерами в гонимые батальоны.

Таким образом, Кошут пытался в своем выступлении соединить весьма различные и даже противоречивые точки зрения: от верности армии своему народу до верности ее австрийскому престолу.

Из других выступлений заслуживает внимания выступление Ласло Телеки, который заявил: «Тот, кто ставит под вопрос самостоятельную национальную армию, тот одновременно отрицает национальную независимость Венгрии»⁴⁸. А Пал Ньяри занял в этом вопросе еще более радикальную позицию: «Короля ждет судьба Карла I и Людовика XVI в случае, если он осмелится отказать народу в признании его решения»⁴⁹. Галерка энергично поддерживала эти выступления.

Что касается Баттьяни, то он в основном поддерживал Лазара Месароша и, не вдаваясь в подробности организации армии, заявил, что министерства могут сменяться, но политика должна неизменно оставаться верной королю.

Атмосфера на заседаниях собрания была так накалена, что газета «Народная жизнь — Радикальный листок» 18 августа назвала отчет о парламентских дебатах «хроникой скандалов».

Государственное собрание приняло предложение, за которое выступил Кошут. Это было началом объединения наиболее патриотической части среднего дворянства с радикальной интеллигенцией и плебейскими массами.

На поведении депутатов Собрания при решении вопроса об армии сказалось настроение в стране. Еще в июле 1848 г. левые призывали к созданию 200-тысячной венгерской армии для борьбы против Австрии и контрреволюции. В передовой статье газеты левых «Народная жизнь — Радикальный листок» Ласло Мадарас предложил 14 пунктов в дополнение и изменение законопроекта о венгерской армии. Важнейшие из них: венгерский язык, как язык командования, офицеры — исключительно венгерские патриоты; полки не имеют шефов, различаются только номерами, 3-годовой срок военной службы, с возвращением отслуживших к родным очагам. Ласло Мадарас, обращая в этой статье особое внимание на то, чтобы служба в армии была всеобщей повинностью и чтобы от нее нельзя было откупиться, вместе с тем предлагал исключить из числа военнообязанных учителей. В этой статье ярко отразился патриотический и демократический характер взглядов левых по вопросу о национальной венгерской армии⁵⁰. В августе в разгар прений в Государственном собрании Йожеф Мадарас так формулировал требования левых об армии: «Нам нужны венгерские вооруженные силы, которые в случае опасности будут сражаться под нашими национальными знаменами, отстаивать нашу

национальную независимость»⁵¹. Левые предъявили Собранию требование отменить в армии телесные наказания⁵².

Однако делегация министерства, посланная в Вену в составе Баттьяни и Деака с целью добиться разрешения на создание 200-тысячной венгерской армии, не имела успеха. Король оказался недоступным. Эрцгерцог Франц-Карл направил ее к военному министру Латуру, а последний к премьер-министру Вессенбергу. Вессенберг откладывал аудиенцию со дня на день. Венгерская делегация очутилась в заколдованном кругу⁵³. В то же время в письме от имени короля надору Иштвану венгерское правительство обвиняется в нарушении прагматической санкции, в разжигании хорвато-венгерского мятежа. Король требовал, чтобы Венгрия отказалась от самостоятельных министерств военных дел и финансов, передав их функции соответствующим австрийским министерствам⁵⁴.

Газета «15 марта» писала: «Мы не прекращаем беготни в Вену, просим австрийцев, чтобы они не нарушали наших священных законов. Вена предлагает торг, по каким пунктам — нам известно: государственный долг, военные и финансовые дела, потеря Хорватии. Это — минимум. Иначе Австрия, возможно, и не будет с нами разговаривать»⁵⁵.

Между тем войска Елачица заняли 31 августа крупный порт на Адриатическом побережье, игравший значительную роль по вывозу хлеба и соли — Фиуме⁵⁶. Это было своего рода пробой сил.

Донесения фиумского консула дипломатическому посольству России в Вене говорят о том, что Фиуме в момент вторжения хорватских войск оказался беззащитным⁵⁷. Хорватский отряд в 600 человек обосновался на левом берегу реки Фиумара, а командиры, войдя в город, от имени хорватского бана потребовали капитуляции. Начальник порта, за отсутствием средств обороны, вынужден был признать себя побежденным, и город оказался в руках хорватов⁵⁸.

После захвата Фиуме усиливается опасность австро-хорватской интервенции в Венгрии.

В одном из писем к Чани, датированном 21 августа, Кошут следующим образом рисует создавшееся положение: «Хорватский бан уже занял ряд территорий, в частности Славонию. Если не остановить его, то он... перейдя Драву, будет наступать столько, сколько захочет»⁵⁹.

В силу этого Кошут требовал укрепления боевой готовности отрядов национальной гвардии и немедленного создания добровольческой армии.

Кроме того, в письме к Чани Кошут рекомендует войти в непосредственные переговоры с хорватами. «Мы далеки от намерения угнетать их, — писал он. — Пусть отходят от нас, но Фиуме останется за нами, его мы никому не уступим»⁶⁰. Выражая эту мысль, Кошут еще раз подчеркнул, что венгры не возражают против национальных требований хорватов, вплоть до образования ими самостоятельного государства, но, продолжал Кошут, «с реакцией ни на какой торг мы не пойдем»⁶¹.

Решающее значение для революции имели факты внутривенгерской борьбы. Начавшийся в этот период процесс полевения части руководителей венгерского правительства во главе с Кошутом продолжался все с большей силой. Этому способствовали и провал переговоров с Веной, и продолжающееся вторжение хорватских войск, и провокации со стороны австрийского правительства.

33 Архив внешней политики России (АВПР), Москва, Vienne, Медем—Нессельроде, 12(24) августа 1848г.

34 АВПР, Москва. Медем—Нессельроде, 19/31 августа 1848 г.

35 Revai J. Magyar szabadsag—vilagszabadsag. — «Marxizmus, nepiesseg, magyarsag». Budapest, 1955, 133—134 old.

36 Vasvari Pal. Valogatott irasai. Budapest, 1956, 286 old.

37 См. Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 220 old.

38 Петер Ханак. Угнетенные народы австрийской империи и венгерская революция 1848—1849 гг. Будапешт, 1953, стр.30.

39 «Diplomatische Aktenstücke zur Beleuchtung der ungarischen Gesandtschaft in Deutschland von Ladislaus Szalay, Bevollmächtigten der ungarischen Regierung bei der deutschen Zentralgewalt im Jahre 1848». Zurich, 1849, S.5.

40 Ibid, S.8.

41 Ibid., S.13.

42 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XII. 670 old.

43 «Marcius Tizenotodike», 1848, augusztus 1, 476 old.

44 «Marcius Tizenotodike», 1848, augusztus 1, 476 old.

45 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XII, 654 old.

46 К.Маркс и Ф.Энгельс. Собр.соч., т.8, стр.97.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИОННО-НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

в ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

47 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XII, 564 old. См. также «A magyar nemzetgyules», Kot.I, 314 old.

48 См Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XII, 755 old.

49 «Kozlony», 1848, augustus 18.

50 «Nepelem—Radical Lap», 1848, Julius 28. Несколько позже, в одном из сентябрьских номеров этой газеты было опубликовано сообщение о выходе книги «Прагматическая санкция» Акоша Бира-ни, которая неопровержимо доказывала отсутствие обязательств со стороны Венгрии оказывать помощь Австрии в войне. «Nepelem — Radical Lap», 264 old.

51 «Nepelem — Radical Lap», 1848, augusztus 21.

52 «Nepelem — Radical Lap», 1848, augusztus 27.

53 «Marcius Tizenotodike», 1848, augusztus 28, 570 old.

54 «Marcius Tizenotodike», 1848, augusztus 28, 570 old.

55 Ibidem.

56 Мария Терезия присоединила город и порт Фиуме к венгерской короне. Вся трудность заключалась в том, что, относясь административно к Венгрии, Фиуме территориально был отделен от нее Хорватией. В августе 1848 г. Фиуме оказался в особенно тяжелом положении. Теснимый войсками Елачича, он по причине дальности расстояния не мог получить никакой помощи со стороны Венгрии. Deak Imre (szerk.). 1848 ahogyan a kortarsak lattak (A szabad-sagharc gortenete levelekben) [Budapest, 1943], 205 old.

67 АВПР, Г848, Vienne, папка 181.

58 Там же.

59 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot XII, 853 old.

60 Ibid., 854 old.

61 Ibidem.

3. Внутриполитический кризис в сентябре 1848 года

Конец августа — начало сентября были ознаменованы новым подъемом народного движения в Венгрии.

Нерешенные вопросы об уничтожении феодальных привилегий продолжали волновать крестьянство. Ни одно требование масс фактически не было удовлетворено. Крестьяне не знали, в чьи руки попадет урожай с их виноградников и полей.

Не был решен и вопрос о национальной армии. На страницах радикальной печати появлялось немало протестов против онемечивания армии. «Да поможет мне бог,— писал автор одного из писем, опубликованных в газете «15 марта», — есть и у меня сын, которого я с радостью готов отдать в солдаты, но прежде чем господа министры превратят его в немецкое пугало, я сам сверну ему шею»⁶².

Выражая настроение масс Венгрии, Ласло Мадарас писал: «Нам не нужны ни ваши мудрствования, ни другое; не будьте проповедниками, нам нужны действия, действия и действия»⁶³.

На заседании «Общества равенства» 3 сентября Пал Вашвари указывал, что в случае открытой войны австрийцев против Венгрии восстанут итальянцы, чехи и Галиция, и камарилье неоткуда будет брать новобранцев⁶⁴.

4 сентября палата обсудила создавшееся положение. По предложению Кошута, было принято решение привлечь к защите венгерской свободы европейское общественное мнение. Было также решено немедленно направить в Вену делегацию с задачей добиться завершения переговоров в течение 48 часов. Была также сформирована специальная комиссия по вопросам обороны страны.

Делегация, посланная в Вену, состояла из 100 депутатов нижней палаты и 25 от палаты магнатов. Основная задача делегации заключалась в том, чтобы добиться утверждения императором всех принятых венгерским Государственным собранием законов об армии и финансах, а также приезда императора в Пешт⁶⁵.

Это была последняя попытка примирения с Габсбургами и предотвращения интервенции.

Прибывшим в Вену делегатам в течение двух суток пришлось ждать аудиенции у императора.

Предварительно делегация направила императору адрес с изложением своих требований. В этом адресе было подчеркнуто, что действия ближайшего окружения императора, направленные против национальных интересов венгров, были причиной выступлений последних. После перечисления всех требований венгров адрес заканчивался следующими словами: «Отказ удовлетворить эти требования поколеблет доверие нации к императору и она вынуждена будет вступить на навязанный ей путь борьбы за свою свободу».

Тон этого адреса показался императору недостаточно почтительным, и он потребовал изменить его редакцию. Делегации пришлось уступить. Указание на то, что очаг реакции находится возле монарха, заменено было лишь упоминанием о существовании такого очага. Выброшен был последний параграф и вместо него было сказано, что в случае, если король откажется выполнить просьбу своего народа, то венгерское «правительство будет бессильно восстановить спокойствие»⁶⁶.

Делегация, наконец, добилась приема у императора в Шенбрунском дворце и изложила свой адрес. Выслушав весьма умеренного по своим взглядам Депеша Пазманди, император произнес в ответ ничего не значащие фразы о готовности поддержать независимость коронных земель, признать постановления венгерского правительства и т.д.

Не добившись никаких результатов от свидания с императором, наиболее радикально настроенная часть делегации организовала шествие с красным знаменем по улицам Вены, стремясь найти поддержку в среде венской демократии. Сама Вена к этому моменту была ареной острой политической борьбы между силами демократии и монархии. Демократические клубы и Академический легион встали на защиту венгров. В зале «Одеон» организован был массовый митинг венской демократии с требованием отпора замыслам реакции.

Делегация вызвала сочувствие и поддержку со стороны венской демократии и все же она покинула Вену, не добившись никаких результатов. Последняя попытка дипломатического разрешения спорных вопросов потерпела поражение.

Провал этой попытки еще больше поднял активность масс. Настроение в Пеште напоминало мартовские дни. Организатором революционной активности масс стало «Общество равенства». Кафе «Пильвакс» снова стало ареной горячих речей, призывавших к сопротивлению реакции. Лозунгами «Общества равенства» были: «Смена министерства!», «Полную поддержку и доверие Кошуту!»

Взрыв народного возмущения охватил трудовые массы Венгрии. Выступление рабочих и плебейских масс Пешта получило широкий отклик среди шахтеров северной Венгрии⁶⁷.

Выступления масс оказали большое влияние на настроение государственных деятелей. Однако глубина разногласий еще не была ясна большинству делегатов. Даже Кошут был еще весьма далек от того, чтобы добиваться отставки Баттьяни и взять в свои руки всю полноту власти. Не только Кошут, но и Ласло Мадарас считал, что в данный момент нахождение Баттьяни во главе правительства идет на пользу революции. «Баттьяни на нашей стороне может придать нам большую силу, — говорил Мадарас Кошуту. — Он сможет привлечь на нашу сторону большую часть магнатов. Нам Баттьяни нужен»⁶⁸.

Такая колеблющаяся позиция Кошута способствовала затяжке министерского кризиса. Разброд в правительстве дошел до своего апогея. Отсутствие единства по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики⁶⁹ привело к тому, что венгерское министерство оказалось в конце концов совершенно неспособным к решительным действиям.

Самый правый из министров-магнатов Пал Эстергази демонстративно подал в отставку еще 5 сентября. Этвеш бежал в Вену, Клаузал и Деак удалились в свои имения. Особенно трагически повлияли события на жизнь Сечени. Давно намечавшееся расстройство нервной системы привело к тяжелому заболеванию. Еще 5 сентября Сечени пытался примирить враждующие стороны, добавить к «образу свободы, равенства и братства» «совершенное примирение», так как «не может быть большего преступления, чем выступление венгра против венгра»⁷⁰. Однако уже через несколько дней он находился в Деблинге под Веной в психиатрической клинике. Баттьяни, все еще надеясь на возможность соглашения с двором, предпочитал резко критиковать Кошута за его стремление к независимости. Все остальные члены правительства, за исключением Семере и Месароша, подали в отставку.

Наместник Иштван поручил Баттьяни сформировать новое правительство.

11 сентября, когда парламент обсуждал вопрос о современном моменте, о крупных разногласиях в министерстве, массы народа вышли на улицы. Газета «15 марта» по поводу этих событий писала: «Город все время в величайшем возбуждении. На набережной Дуная, на улице Ваца и Ури, на шоссе и около музея толпа кишит такой плотной массой, какой мы не помним с самого марта...»⁷¹ «На набережной под балконом парламента стояла многотысячная масса народа. В самом зале каждый уголок был битком набит. Вновь галерка была полна революционной молодежи — истинной и последней надежды отчизны»⁷².

Криками «Эльен» революционные депутаты и народ выражали свои симпатии Кошуту.

Во внутреннем дворе музея — центре революционных выступлений — состоялось многолюдное собрание. Оно было организовано «Обществом равенства», и основным требованием его было предоставление возможности Кошуту сформировать правительство. В этот же день войска Елачица перешли Драву. Началась интервенция. Возникла острая необходимость принятия срочных мер по организации защиты отечества от интервенции.

13 сентября Баттьяни обратился к народу задунайских областей с призывом начать партизанскую борьбу против войск Елачица. Этот призыв нашел широчайший отклик. Считая борьбу против интервентов своим кровным делом, крестьяне сел, жители городов оказывали яростное сопротивление. Одновременно молодежь в большом числе шла в армию. Но недоверие к регулярным войскам, состоящим под командованием австрийских или преданных австрийской камарилье офицеров, было столь велико, что не только новобранцы предпочитали вступление не в регулярную, а в гонведскую армию, но и солдаты из регулярных частей в большом числе стали

переходить в армию гонведов. 14 сентября Баттьяни запретил дальнейший переход из регулярной армии в гонведскую, что фактически тормозило развитие революционной армии гонведов.

15 сентября на вечернем заседании парламента Баттьяни сообщил о том, что поскольку командующий венгерской Задунайской армией генерал граф Адам Телеки отказался воевать против Елачича и стоящих под его начальством австрийских генералов, необходимо принять срочные меры. В связи с последним обстоятельством Кошут внес предложение, чтобы палата послала в лагерь своих комиссаров для оказания помощи армии. В это время Кошут еще видел в этом мероприятии также помощь главнокомандующему всей венгерской армии. Далее Кошут заявил, что для успешного ведения дел премьер-министр должен иметь всегда точные сведения как о положении в стране, так и об имеющихся в его распоряжении силах. Но ввиду того, что эти сведения должны быть известны лишь небольшой группе людей, необходимо «назначить выборный комитет из нескольких лиц, который, получив информацию о силах, имеющихся в распоряжении премьер-министра, и разобравшись в том, какие требуются меры, мог бы внести свои предложения палате»⁷³.

Палата приняла предложение Кошута. Членами комитета были избраны: Лайош Кошут, Ласло Мадарас, Пал Ньяри, Янош Палфи, Йожеф Патан и Имре Жембери. Нельзя не обратить здесь внимания на то, что из состава правительства в комитет попал один Кошут, который к этому времени уже не был министром, зато заметно стал решительнее. Янош Палфи был включен от Трансильвании. Все остальные принадлежали к оппозиции.

Так был образован Комитет обороны, которому вначале предназначалась столь подчиненная, по сути дела совещательная, функция и которому на самом деле предстояло сыграть решающую роль в истории венгерской революции 1848—1849 гг.

Комитет обороны сразу же сконцентрировал в своих руках важнейшие функции исполнительной власти. Учитывая возмужавшее значение Комитета, либеральное большинство парламента добилось некоторого изменения его состава. 1 октября были дополнительно избраны Лазар Месарош и Берталан Семере, члены нижней палаты. 3 октября верхняя палата также направила в Комитет своих представителей: барона Жигмонда Перени, графа Михая Эстергази, барона Миклоша Йошика и Денеша Пазманди (старшего). Одновременно с образованием Комитета Баттьяни представил (17 сентября) на утверждение палаты список членов нового министерства. Ни Кошут, ни Семере не фигурировали в этом списке. В то же время в состав этого правого правительства были включены барон Миклош Вай, крупный трансильванский помещик, владелец фабрики селитры в Дебрецене, один из вождей консервативной партии; Мор Сенткирай, давний противник Кошута. Однако это правительство осталось только на бумаге.

Дворцовая камарилья была полна решимости разгромить революционные силы Венгрии. В этом деле она возлагала большие надежды на вооруженные силы Елачича, который охотно выступил в роли «защитника старого социального порядка, восстановителя блеска короны, спасителя единой монархии»⁷⁴.

Ставленник самых реакционных кругов Хорватии, верный слуга императора и ненавистник всяческих демократических движений, полковник пограничных войск барон Йожеф Елачич был именно тем человеком, какой был лужен в это время контрреволюции.

4 сентября император восстановил его во всех прерогативах бана и назначил главнокомандующим всех вооруженных сил Хорватии. В своем письме к Елачичу в выспреннем стиле Фердинанд писал: «Мое отцовское сердце успокаивает то обстоятельство, что я могу отменить свой приговор от 10 июня сего года..., который вынужден был сделать на основании обвинений, полностью опровергнутых Вашими многочисленными доказательствами безусловной верности. Надеюсь, что Вы используете свое положение, которое гарантирует Вам мое доверие, для деятельности, направленной на сохранение целостности венгерской короны»⁷⁵.

Распоряжение Фердинанда делало Елачича диктатором Хорватии, давало ему полную свободу организации интервенционистской армии и военных действий против Венгрии.

Естественно, восстановление Елачича в правах бана было воспринято венгерскими правящими кругами как явно враждебный акт.

Основой армии Елачича были отряды граничар (пограничные военные поселенцы), имевшие опыт ведения войны против народных движений в Италии. Имея в своем распоряжении слабую артиллерию и немногочисленную кавалерию, организаторы похода много внимания уделяли укреплению своих войск, штаба, командного состава. Генеральный штаб Елачича включал таких «проверенных в делах» генералов, как Хартлиб, Шмидл и Кемпен. Руководство штабом принадлежало известному австрийскому генералу Флигелю; командирами запасных частей были генералы Рот, Филиппович⁷⁶.

«Наше положение, — писал Пульски об этом времени, — было исключительно трудным. Елачич без единого выстрела вступил на нашу территорию. Армия отступала. Генералы не хотели сражаться. Офицерство, стремясь выслужиться, посылало депутации во враждебный лагерь»⁷⁷. Командующий Задунайской армией Адам Телеки отказался сражаться против Елачича, заявив, что с последним он связан общей воинской клятвой, что указание правительства Баттьяни для него не закон и что он готов перейти на сторону Елачича.

Баттьяни предложил назначить главнокомандующим венгерских войск наместника эрцгерцога Иштвана, который в это время еще оставался в Пеште. Это назначение поддержал и Кошут. Как Баттьяни, так и Кошут рассчитывали, что это назначение будет положительно встречено всем офицерством и укрепит боеспособность армии, тем более что в ответ на назначение эрцгерцог Иштван заявил, что он «готов выполнить свой долг как каждый сын отчизны» и охотно отправится в армию.

Однако настороженное предательством Адама Телеки Государственное собрание не доверилось полностью Иштвану и, по предложению Кошута, решило направить в армию трех доверенных лиц: известного радикала Мора Перцеля и либеральных депутатов Пала Асталоша и Шамуэля Бониша для осуществления контроля над действиями эрцгерцога, по примеру комиссаров периода французской революции конца XVIII в.

Как оказалось, Иштван и не намеревался защищать венгерскую независимость. Прибыв на Драву, он пытался вступить в переговоры с Елачичем и после неудачи их вернулся в Буду. Сочтя себя здесь в небезопасности, он бежал сначала в Вену, а затем в Германию.

После бегства эрцгерцога специальная комиссия, созданная для расследования этого факта, обнаружила его письмо, написанное еще в марте и адресованное Фердинанду, в котором излагались три возможных плана удушения венгерской революции. Первый предлагал отозвать всю армию из Венгрии и тем самым стать пассивными зрителями классовой борьбы между дворянством и крестьянством. Второй план заключался в постепенной ликвидации революции путем переговоров с Баттьяни. Третий путь — открытый разрыв с революционной Венгрией, роспуск палаты и направление большой армии для подавления революции.

Наиболее приемлемым автор письма считал второй путь, так как он, по его словам, давал бы возможность «мирным путем ликвидировать конфликт». В случае неудачи он предлагал остановиться на третьем плане.

Это письмо вскрыло двуличие и враждебное отношение эрцгерцога Иштвана, в силу чего палата вынесла постановление об отрешении его от поста наместника⁷⁸.

Тем временем Елачич беспрепятственно двигался по венгерской земле. Регулярные венгерские части, возглавляемые офицерами-австрийцами, отказавшись от сопротивления, отступали. Разгоралась гражданская война в Трансильвании. На севере Венгрии начали наступление словацкие повстанцы, поднявшиеся против венгерских магнатов, имевших в северных комитатах крупные землевладения. В то же время внутри Австрии готовились армии Виндишгреца и Шлика для борьбы с национально-освободительным движением.

15—16 сентября Кошут опубликовал два воззвания. В одном из них он призывал население Венгрии «встать как один на защиту своей родины». Основной задачей момента он считал организацию массового сопротивления врагу и борьбу с предательством внутри страны. Второе воззвание явилось первым открытым выступлением Кошута против монарха и камарильи. В этом воззвании Кошут шаг за шагом прослеживает политику подстрекательства против Венгрии, которую вел двор. В тот момент, когда Елачич мог быть легко обезврежен, писал Кошут, король заверял его в своем «высоком расположении»⁷⁹, отказывался от признания венгерской конституции и открыто заявлял, что Венгрия лишается независимости и будет подчинена Вене⁸⁰. Все эти факты свидетельствуют, что единственный путь спасения Венгрии заключается в установлении ее полной независимости от Австрии и в решительной вооруженной борьбе против Елачича.

В связи с вторжением контрреволюционных войск Елачича и необходимостью немедленного создания национальной армии вновь с большой остротой встал крестьянский вопрос.

Левые радикалы, в первую очередь Шандор Петефи, Михай Танчич и Ласло Мадарас, подчеркивали важность разрешения крестьянской проблемы на данном этапе, особенно в условиях захвата войсками контрреволюции части территории страны. Однако Кошут не понял еще этого.

14 сентября Танчич выступил в Государственном собрании с требованием отменить виноградную десятину. 15 сентября Государственное собрание отменило этот оброк, который мог стать причиной углубления противоречий между дворянами и крестьянами. Это было единственной уступкой дворянства крестьянам после мартовских законов. Однако Государственное собрание было занято не столько удовлетворением требований крестьян, сколько разработкой вопроса о компенсации помещикам за понесенные убытки.

Но и этот вопрос сталкивался с большими трудностями, так как состояние финансов страны тормозило его разрешение. Весь денежный оборот Венгрии не мог бы покрыть долг государства помещикам. В связи с этим немало было голосов, предлагавших переложить платежи на крестьян. Однако это предложение было нереальным — крестьянам нечем было платить.

С 16 по 19 сентября Государственное собрание обсуждало вопрос о компенсации и, наконец, по предложению Кошута, вынесло решение, по которому государство брало на себя выкупные платежи и разрешало их путем выдачи долговых обязательств и выпуска пятипроцентного государственного займа⁸¹.

Это решение Государственного собрания встречено было дворянством с удовлетворением Ласло Коризмич в своем труде «О природе налогов» писал «Мы должны быть рады, если удастся честно осуществить это решение»⁸².

Все эти постановления проводились Государственным собранием в начальный период интервенции. Когда же войска Елачича безнаказанно продолжали продвигаться к жизненным центрам Венгрии и вполне реальной стала угроза потери всех завоеваний революции, дворянство вынуждено было употребить все силы на то, чтобы лозунгом упрочения национальной независимости привлечь на свою сторону крестьянство. Формы борьбы дворян за крестьянство вскрывает листовка, опубликованная в сентябре 1848 г., под названием: «Зачем идет на нас Елачич». Листовка подчеркивала, что Елачич ставит под угрозу все то, что крестьянство получило. Он идет на Венгрию, «чтобы крепостное крестьянство заставить вновь платить оброк, десятину, работать на барщине... Тот, кто хочет стать слугой, пусть отсиживается, подставляя ноги кандалам, отдает имущество свое разбойникам, а тот, кто хочет быть свободным, пусть поднимется и возьмется за оружие»⁸³.

Такого рода призывами дворянство стремилось привлечь на свою сторону в первую очередь имущее крестьянство. Ни одна из листовок не обращалась в своей агитации к малоземельным и батракам. Им необходимо было пообещать землю, а на это дворянство не собиралось идти.

Наиболее решительную агитацию среди крестьян вел Танчич в своей «Рабочей газете». 14 сентября, в день выступления Танчича в Государственном собрании, в газете была напечатана его статья «Кто является нашими врагами!» Эта статья призывала объединить усилия всех для спасения Родины, так как любой конфликт среди венгров будет использован врагом.

И действительно, когда войска Елачича вступили в страну и начали свои бесчинства, то все крестьянство выступило на защиту революции. Крестьяне составляли основу народного ополчения, гонведских отрядов. На это их толкал гнев против насильников-иноземцев и надежда своей борьбой завоевать подлинную свободу.

В этот ответственный момент министерством сделана была попытка установления единства действий не с королем, а с революционной Веной. Делегация в 20 человек была направлена в австрийский рейхстаг.

18 сентября венгерская делегация, в состав которой входил пользующийся в Венгрии большим авторитетом борец за независимость слепой Миклош Вешелеви, прибыла в Вену и обратилась к рейхстагу с предложением объединить свои усилия в борьбе против камарилы.

Народные массы и демократические организации Вены с большим воодушевлением приветствовали венгерскую делегацию. Вешелени поднят был на трибуну, и, приветствуя вancев, он сказал: «Австрийская свобода теснейшим образом связана со свободой Венгрии. Вена никогда не будет процветать, если свобода Венгрии будет подавлена. Только объединенными усилиями можно противостоять абсолютизму». Лидер австрийской демократии, наиболее радикальный деятель Таузунау организовал в Одеоне массовое собрание. Торжественным факельным шествием было завершено чествование венгерской делегации⁸⁴.

Но, несмотря на все эти выражения симпатии к венграм, рейхстаг не принял делегацию, а предложил ей в письменной форме изложить свои требования.

Основным результатом поездки в Вену венгерской делегации была поддержка дела Венгрии со стороны демократических масс Вены и их организаций. Именно в эти дни стал формироваться отряд венских студентов на помощь Пешту.

Нашествие Елачича и грозная опасность контрреволюции объединяли вокруг Государственного комитета обороны, ставшего 21 сентября реальной властью, все революционные силы. Все последующие дни сентября улицы Пешта были наполнены революционной массой, активно выступавшей против реакции. Основным лозунгом масс было — «Отечество в опасности!».

Еще более активизировалась деятельность «Обществ равенства», ставившего перед собой задачу осуществления строжайшего контроля за происками контрреволюции. В этих целях, по предложению Йожефа Мадараса, Яноша Хорарика и Эде Кечкеша, создана была permanently заседающая комиссия, в обязанности которой входило контролировать действия контрреволюции и доводить до сведения Общества все обнаруженные факты.

Комиссия привлекала к своей деятельности всех желающих и заинтересованных в борьбе с контрреволюцией. Члены этой комиссии подразделялись на четыре группы, с тем чтобы осуществлять круглосуточное дежурство в четыре смены.

Таким образом, «Общество равенства» выступило инициатором организации широкого народного контроля и бдительности.

Рост массовых выступлений в Пеште не мог не повлиять на либеральное большинство парламента. Последнее явно левело, сближалось с радикалами и включалось в общий фронт борьбы с контрреволюцией. Кошут все больше солидаризировался с Ласло Мадарасом, с «карликовым меньшинством» палаты и плебейскими массами.

В конце сентября полностью выявились намерения двора нанести решающий удар по завоеваниям венгерской революции.

Императорский двор подыскал лицо, которое способно было бы объединить все контрреволюционные силы и покончить с последним очагом европейской революции, выбрав генерал-лейтенанта Фрица Филиппа Ламберга, командира корпуса, стоящего в Пожоне. Этот граф — австриец, семья которого при Марии Терезии получила значительные поместья в Венгрии, казался двору тем человеком, который сумеет, проводя политику империи, найти контакт с венгерской аристократией и правительством.

Ламберг от имени короля получил полномочия командующего армиями в Венгрии. Кроме того, ему было поручено распустить Государственное собрание и восстановить «порядок» в стране.

Ламберг прибыл в столицу в ночь с 27 на 28 сентября. В этот момент общественное мнение венгерской столицы было сильно возмущено содержанием писем Елачича к австрийскому правительству, перехваченных задунайскими партизанами⁸⁵. В одном из них Елачич благодарил военного министра Латура за присланные ему деньги, а в другом жаловался на то, что ему не была своевременно послана обещанная батарея. Эти письма еще раз свидетельствовали, что действия Елачича находят прямую поддержку со стороны австрийского двора.

Кроме того, в Пеште стало известно, что король отказался утвердить Баттьяни премьер-министром и поручил ярому реакционеру барону Вай сформировать венгерский кабинет.

Полномочия Ламберга, данные королем, не были скреплены подписью австрийского министерства. Пользуясь этим, венгерское Государственное собрание отказалось признать их. В решении, широко опубликованном в виде прокламации, войскам и всем гражданам было запрещено ему повиноваться. К моменту прибытия Ламберга в Пешт стены домов на улицах города пестрели прокламациями, разоблачающими незаконность его приезда. Ламберг, прибыв в Пешт, не мог найти контакта ни с кем из членов правительства. Ища встречи с Баттьяни, Ламберг направился в Буду. Здесь он узнал, что Баттьяни накануне выехал к войскам. Тогда Ламберг решил начать переговоры с временным заместителем наместника Дьердем Майлатом, для чего он, переодевшись в штатское платье, поехал из Буды в Пешт. Но и Майлата он не мог найти. В этом, все более безвыходном положении, когда перед Ламбергом, казалось, закрылись все двери венгерской столицы, он решил вернуться в Буду, чтобы повести с верным Австрии командованием военных сил столицы переговоры о немедленных действиях, но было уже поздно.

Еще с утра по городу распространялись в народе слухи о том, что Ламберг прибыл в Буду. Собралась многотысячная масса людей с целью рассчитаться с ним. Это были, в основном, жители предместий, «люди в блузах», к ним присоединились многие крестьяне, прибывшие из Альфельда лишь накануне по призыву Кошута, можно было увидеть в толпе и рядовых солдат. В руках демонстрантов не было оружия. По дороге в Буду они сломали ворота склада одной из казарм, расхватали найденные здесь выпрямленные косы. Другие вооружились палками, топорами. Было у демонстрантов несколько винтовок и сабель.

Около двух часов пополудни карета Ламберга добралась до понтонного моста, соединявшего Пешт и Буду, одновременно туда пришли и демонстранты. Ламберга узнали. Весть распространилась молниеносно. Раздались крики: «Смерть предателю!», «Смерть всем предателям отчизны!» Сотни рук схватили Ламберга, вытащили из кареты и свершили всенародный приговор над ним.

Перед смертью Ламберг обратился за защитой к молодому солдату: «Сын мой,— сказал он,— ты солдат, как и я. Защити меня от бешенства этого подлого народа», — на что солдат ответил: «Да, и я солдат, но родину мою я люблю куда больше, чем такого предателя, как вы, барин»⁸⁶.

Газета «15 марта» писала: «Большая часть толпы принадлежала... к тем, о которых думают, что они без надежды на материальный интерес не сделают и шага, и вот они сегодня подвергли себя смертельной опасности ради свободы»⁸⁷.

Вождь пештских народных масс Шандор Петефи в стихотворении «На виселицу королей» писал:

Нет больше Ламберга — кинжал покончил с ним,
Латура вздернули,
Теперь черед другим.
Все это хорошо, прекрасно — спора нет.
Народ заговорил — и вот залог побед.
Но мало двух голов.
Смелей, друзья, смелей!
На виселицу королей!⁸⁸

Убийство Ламберга в сентябре 1848 г. было наивысшим выражением народного протеста.

Как видно из сохранившегося в венгерских архивах проекта решения Государственного собрания, последнее было испугано народными волнениями и даже подчеркивало опасность подобных выступлений масс как «нарушения законного порядка».

В проекте решения Собрания от 29 сентября 1848 г. выражается сожаление о случившемся, но вина за это возлагается на политику австрийского правительства, нарушившего «законы..., освященные королевским словом», и обострившего положение в стране «настолько, что даже усиленными стараниями властей не удастся сохранить внутреннюю безопасность и законный порядок»⁸⁹.

Председатель Комитета обороны Лайош Кошут в это время направился в районы Венгерской низменности для организации народного ополчения. Имелась в виду и другая, более отдаленная задача — создание надежного базиса для продолжения обороны страны, если из-за неудач правительство будет вынуждено сдать столицу.

Кошута в поездке сопровождали близкие ему радикальные деятели Габор Эгреши, Мор Иокаи и др. 24 сентября Кошут был в Цегледе, где на рыночной площади он с энтузиазмом был встречен всем населением. Кошут назначил в Цегледе руководителей ополчения из офицеров местной национальной гвардии, дал им соответствующие предписания.

Из Цегледа Кошут направился в Надькереш, где он также был принят с энтузиазмом.

Пребывание в Цегледе, Надькереше, Кечкемете, Солноке показало Кошуту, что народ готов выступить на защиту родины. «Народ встретил меня с исключительным энтузиазмом»⁹⁰, — говорил Кошут после возвращения из этой поездки.

Из Солнока он писал своей жене: «Мне не угрожает никакая опасность. Меня окружает незаслуженная слава... Я был лишь в 4 местах и в ответ на мой призыв поднялись 11000 мужчин, и кто пешком, а кто на коне — все стремятся добраться до Дуная»⁹¹.

Во время его пребывания в Солноке ему навстречу выехал Ласло Мадарас, чтобы пригласить его в Пешт для решения вопросов в связи с назначением Ламберга полномочным комиссаром.

27 сентября на ночном заседании палаты, созванном председателем по желанию Кошута, Мадараса и еще 29 депутатов, Кошут выразил протест против назначения Ламберга. Этот протест был принят палатой⁹².

Между тем положение Венгрии становилось все более тяжким. Венгерские войска под натиском Елачича отступали, военное командование, да и многие руководящие деятели в Пеште относились к делу революции равнодушно, а порой даже враждебно.

Кошут вторично направился в Альфельд.

Он решил превратить Сегед во второй центр самообороны, укрепить его и на следующий день отправить около 4 тыс. вооруженных патриотов из Сегеда к Дунаю. По пути Кошут сообщил Комитету о своих успехах в Ходмезёвашархее: «Сегодня, когда ко мне прибыл в час дня курьер от Комитета, более 20 000 человек поклялись... скорее умереть, чем жить трусами или простить вероломство»⁹³.

4 октября Кошут прибыл в Сегед, где он был встречен с еще большей торжественностью, чем где бы то ни было. На подступах к городу его встретили 100 конников и 7 тыс. членов национальной гвардии. В городе после речи Кошута народ поклялся отдать свою жизнь за дело родины. Кошут заявил, что он верит в патриотизм масс, что если бы даже пришлось сдать столицу, то народ Сегеда спас бы свободу родины и национальную независимость⁹⁴.

Из Сегеда он направил воззвания в комитаты, лежащие по правую сторону Тиссы: Чанад, Бекеш и др.; в этом воззвании он проводит идею народной войны. Он сравнивает народное воодушевление со снежной лавиной, которая чем дальше катится, тем более увеличивается и превращается в грозную силу, перед которой нельзя устоять никакому предательству.

5 октября Кошут прибыл в Пешт. 7 октября он выступил здесь с речью, в которой обрисовал перед депутатами парламента результаты своей поездки по Альфельду. Кошут заявил, что народ готов бороться до последней капли крови, чтобы воспрепятствовать поражению своей родины. «Я посетил только девять городов и уже 50 тысяч человек стали под ружье...» «Народ придал мне силу и энтузиазм, — продолжал Кошут. — Лев только спал, опасность его разбудила. Долгий сон его совершенно не ослабил. Отдохнув, он готов... в случае надобности к решительному выступлению»⁹⁵.

Характеристика, данная Кошутом настроениям народных масс, содействовала тому, что палата высказалась за борьбу с Габсбургами и отвергла королевский манифест 3 октября о роспуске и ликвидации Государственного собрания.

В целом, эта поездка Кошута дала несколько десятков тысяч человек для военных пополнений.

Иштван Барта в своем исследовании о поездке Кошута по Альфельду дает такие данные о количественном составе набранного ополчения. Комиссар Губоди из Надькереша 27 сентября, через 2 дня после прибытия Кошута, сообщал: «За вчерашний и сегодняшний дни я отправил на левый берег Дуная в лагерь повстанцев 1082 человека и буду в дальнейшем посылать боеспособных людей». В письме из Кечкемета 1 октября Кошут назвал 8 тыс. человек, набранных им в этом городе. Комиссар Янош Фейеш сообщал, что он возглавляет отряд в 7300 человек⁹⁶.

В эти дни создалось довольно тесное единство между Кошутом и крестьянством. Крестьянство, несмотря на свое неудовлетворение результатами мартовского законодательства, все же шло на призыв Кошута и десятками тысяч направлялось под знамена молодой гонведской армии. Популярность Кошута здесь сыграла свою роль, но основным и определяющим для позиции крестьянства была ненависть к Габсбургам, поддерживающим Елачича.

Ворвавшие в Венгрию войска Елачича варварски грабили венгерское крестьянство и разоряли его. Крестьянство не могло не проникнуться ненавистью к незванным пришельцам и к их покровителям. Важно также подчеркнуть, что крестьяне, направлявшиеся под знамена гонведской армии, рассчитывали на Кошута и на депутатов Государственного собрания. Они надеялись, что в конце концов крестьянская проблема будет разрешена.

Данные о вооружении вступавших в ополчение показывают, что в составе добровольцев преобладали представители бедноты. Ополчение создавалось преимущественно из таких крестьян, которых не приняли в национальную гвардию, как не имевших необходимого имущественного ценза.

Объединенные усилия Кошута, радикальной части палаты, мартовской молодежи сыграли существенную роль в создании военных сил для борьбы за независимость и организованного отпора войскам Елачича.

Елачич, ослепленный победами первых дней, когда ему помогли верные Габсбургам Адам Телеки и эрцгерцог Иштван, решил спокойно продвинуться к Пакозду, надеясь на отсутствие какого бы то ни было сопротивления.

Офицер его армии докладывал австрийскому министру Латуру, что войска Елачича могут пройти без сопротивления до Пешта.

Елачич хотел действовать в дальнейшем вместе со всеми императорскими силами, поджидая колонну Рота и Кемпена у Секешфехервара. Но уже в Секешфехерваре он должен был убедиться, что если со стороны командного состава венгерских войск ему не грозило сопротивление, то население, наоборот, встречало его войска с нескрываемой враждебностью.

Жители города осыпали войска Елачича всяческими ругательствами, повсюду висели воззвания, величавшие его главарем банды разбойников. Офицерам Елачича, чтобы достать продовольствие, приходилось применять силу, угрожать городским властям тем, что они отдадут город солдатам «на поток и разграбление»⁹⁷.

Население стихийно поднималось против контрреволюционных войск. Так, в одном из селений солдаты пограничной части войск Елачича принялись грабить и бесчинствовать. Сельский звонарь, увидев крестьянку, оборонявшуюся от солдат топором, набатом собрал население. Крестьяне, вооруженные вилами, косами, топорами, ружьями, так быстро окружили солдат и такой плотной толпой, что последние даже не успели взяться за оружие. Разоружив и истребив отряд, крестьяне этого и соседних сел обратили в бегство и прибывшую на выручку грабителям другую воинскую часть под командованием австрийского майора.

Явно враждебное настроение населения было для императорских и хорватских войск более серьезной угрозой, чем войсковые части венгерской армии того периода.

Елачич и австрийские генералы с полным основанием рассчитывали на австрофильски настроенных кадровых офицеров венгерской армии. Приостановить продвижение врага венгерское правительство поручило генералу Мога, который действительно был одним из самых реакционных командиров. Но в его армию прибыли представители палаты депутатов комиссары Янош Людвиг и Ференц Репеcki, а также представитель мартовской молодежи Вашвари. Выпуская патриотические прокламации, общаясь с солдатами, комиссары поднимали боевой дух армии, поддерживали и развивали патриотические чувства, бдительность и энтузиазм венгерских солдат. В прокламациях, обращенных к добровольцам, солдаты призывались зорко следить за офицерами, расстреливать на месте заподозренных в предательстве.

Между тем в штабе Мога нарастал серьезнейший конфликт. Генерал Мога, не желая воевать с Елачичем, под предлогом защиты Пешта направил часть войск в сторону Мартонвашара. 28 сентября приехавшие в армию комиссары собрали военный совет, на котором присутствовал и прибывший на фронт Баттьяни. Комиссары ознакомили командование с письмом палаты, требовавшей отпора врагу, и заявили, что не покинут лагерь, пока не будет приказа о боевых действиях, ибо «было бы вечным несмываемым позором для нации и армии, если бы мы уступили врагу хотя бы пядь земли»⁹⁸. Совет был очень бурным. Верные императору офицеры грозили военным судом агитаторам, братья Перцель в ответ называли офицеров «желто-черной заразой»⁹⁹. Под угрозой, что, если армия не примет сражения, делегация обратится непосредственно к солдатам, генерал Мога назначил сражение на 29 сентября.

Армия Мога выстроилась на холме между озером Веленце и селом Паткой. Сражение начал Елачич атакой правого крыла венгерских войск. Решительные действия венгров обратили армию Елачича в бегство. Елачич предпринял новую атаку, но и она была отбита активным огнем артиллерии. Победу определит высокий дух венгерских войск и действия партизан, которые, выполняя наказ Кошута, с флангов и с тыла нападали на отступавшие вражеские войска, не страшась превосходящих сил противника.

Участие партизан сыграло значительную роль в этой первой и решающей победе венгерской революции над войсками Елачича.

Успех венгерских войск вызвал полную растерянность в рядах врага. Елачич вынужден был отступить. Разгром был бы еще более значительным, если бы Мога преследовал противника. Но он этого не сделал, не желая окончательного его разгрома.

Тем не менее победа при Пакозде окрылила венгерские войска. Созданная главным образом из новобранцев венгерская армия торжествовала победу. Важным результатом этой победы был отказ Елачича от похода на столицу Венгрии.

Государственному собранию комиссары докладывали: «29 сентября — день, последствия которого нельзя переоценить. Эта битва решила судьбу нашей Родины. Вчера был заложен первый камень фундамента нашей национальной независимости, камень, скрепленный кровью павших»¹⁰⁰.

Начало победы было положено. Однако, несмотря на решительное предупреждение Кошута ни в коем случае не вступать в переговоры с противником, Мога ответил согласием на предложение Елачича о перемирии. По этому перемирию, заключенному 30 сентября, военные действия прекращались до 3 октября, и Елачич не замедлил воспользоваться этой передышкой.

На следующий же день он быстрым маршем начал отступление к Вене в целях обеспечения своих войск продовольствием и пополнения их свежими силами. Елачич стремительно продвигался к австрийской границе, оставив на полпути, у Секешфехервара, корпус австрийского генерала Рота и даже не позаботившись об установлении связи своего арьергарда с остальными частями своей армии.

На Секешфехервар Елачич наложил большую контрибуцию, из-за чего жители объединились с партизанами и обрушились на разрозненные части его армии.

Победа при Пакозде не была единичной. 4 октября венгерские войска, возглавляемые Вильмошем Чаком, совместно с партизанами атаковали врага при селе Озоре. Сюда же со своим войском подошли полковник Мор Перцель и Артур Гёргей, в то время еще майор, командовавший добровольцами. Под напором венгерских сил австрийский генерал Рот вынужден был сдаться.

Эта победа молодой венгерской армии, явившаяся серьезным ударом по австрийской и европейской контрреволюции, пришла в результате революционного подъема, всколыхнувшего народные массы Венгрии в сентябре 1848 г.

62 «*Marcus Tizenotodike*», 1848, augusztus 17.

63 «*Nepelem — Radical Lap*», 1848, augusztus 29.

64 «*Nepelem — Radical Lap*», 1848, augusztus, 235 old.

65 «*Pesther Zeitung*», 1848, N 772, S 4003.

66 Ibidem.

67 Beniczky Lajosbanyavideki kormánybiztos es honvedezre-desvisszaemlekezesei es jelentesei az 1848/49-iki szabadsagharcrol es a tot mozgalomrol (szerk. es bev. Steier Lajos). Budapest, 1924, 553—554 old. Правительственный комиссар в северной Венгрии Беницки 13 сентября в письме к Семере сообщил о готовности горняков северной Венгрии к выступлению. «Народ готов поддержать справедливое дело нашей Родины. Надо только разъяснить местным законодательным органам подлинное положение дел и искренне поговорить с народом»

Это заверение вполне соответствовало положению дел и настроению рабочих. Уже в эти дни здесь стали создаваться добровольческие отряды и направляться в Пешт. Позднее Беницки во главе 400 вооруженных шахтеров выступил против вторгшихся в страну австрийских и хорватских войск. Кошут, призывая народ в ополчение, писал, что Комитет обороны ожидает особенно много помощи от закаленных в труде отважных горняков.

68 Spira Gyorgy. Kossuth Lajos forradalmi..., 199 old.

69 Баттьяни и Месарош стремились отстранить Кошута от дел. Еще 15 августа Кошут предъявил Баттьяни претензии, что его, Кошута, плохо информируют о положении дел в стране; озабоченный тем, что в политике министерства нет никакой согласованности и единства, он просит созвать Совет министров. Ответ Баттьяни был резким и раздражительным. «До той поры, пока я возглавляю министерство, я не потерплю, чтобы самовольные распоряжения исходили от кого бы то ни было из господ министров». Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XII, 725—726 old.

70 «Nepelem — Radical Lap», 1848, szeptember 7, 226 old.

71 «Marcius Tizenotodike», 1848, szeptember 11, 617 old.

72 «Marcius Tizenotodike», 1848, szeptember 12, 621 old.

73 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 261 old.

74 Pulszky F. Op.cit, 350 old.

75 Deak Imre (szerk.) Op.cit., 211 old.

76 Pulszky F. Op.cit, 351 old.

77 Ibid, 355 old.

78 Diranyi et Ch.L.Chassin. Op.cit., Deuxieme partie, P.89—90.

79 Pulszky F. Op.cit, 356—359 old.

80 Ibid, 365 old.

81 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XII, 950 old.

82 Spira Gyorgy Parasztsagunk es az elso magyar polgan forradalom nemesi vezetese. — «Szazadok», 1948, 1—4 szam, 132 old.

83 Ibid, 135—136 old.

84 Pulszky F. Op.cit, 370 old.

85 Diranyi et Ch.L.Chassin. Op.cit., p.97.

86 Spira Gyorgy A magyar forradalom, 268 old.

87 «Marcius Tizenotodike», 1848, szeptember 29, 681 old.

88 Шандор Петефи. Избранное М, 1848, стр.321

89 Orszagos Leveltar., Fasc. 511, 1848

90 Barta Istvan. Kossuth alfoldi toborzo korutja 1848 oszen. — «Szazadok», 1952, I szam, 152—153 old.

91 Ibid, 153 old.

92 «A magyar nemzetgyules», 305, 309 old.

93 Barta Istvan. Op.cit., 157 old.

94 Необходимо отметить, что Кошут стремился привлечь к делу возможно большее число людей. Главным мерилом при оценке их было наличие искреннего желания воевать с врагом. В этом отношении нельзя не вспомнить о его переговорах с главарем разбойничьего отряда Шандором Рожа. Рожа обещал оставить свой прежний образ жизни и оказать родине «верную и отважную службу» против вооруженного противника, выставив в распоряжение венгерского военного командования за свой счет 150 вооруженных конников. Шандор Рожа действительно принимал активное участие в военных действиях (заявление Кошута по поводу отряда Шандора Рожа 3 октября 1848 г.). Deak Imre (szerk). Op.cit, 235—236 old.

95 Barta Istvan. Op.cit., 160 old.

96 Ibid., 160—161 old.

97 Varga Janos. Neffelkelo es genllaharcok Jellasics ellen 1848 oszen. Budapest, 1963, 123 old.

98 «Kozlony», 1848, oktober 1.

99 Varga Janos Op.cit., 131 old.

100 Spira Gyorgy A magyar forradalom, 278 old.

РЕВОЛЮЦИЯ и НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА в ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Глава 4. УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЕГО ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ (октябрь — декабрь 1848 года)

1. Венгерская революция и октябрьское восстание в Вене

К осени 1848 г. политическая обстановка в Венгрии характеризовалась объединением всех революционных сил вокруг Комитета обороны во главе с Кошутом, подъемом патриотических настроений и значительным повышением роли «пештской улицы».

Габсбурги, тем не менее, не оставляли своих замыслов в отношении Венгрии. Указом от 3 октября аннулированы были все основные положения конституции. Одновременно объявлено было о роспуске Государственного собрания, о назначении Елачича императорским комиссаром в Венгрии, о формировании нового правительства во главе с бароном Адамом Речеем (заместитель командира венгерской дворянской гвардии при венском дворе в чине генерал-инспектора).

Военное министерство в Вене приступило к организации помощи потерпевшему поражение в бою с венграми Елачичу. 5 октября издан был приказ об отправке из Вены отборных войск австрийской армии на соединение с войсками Елачича.

Этот приказ вызвал яростный протест революционных масс и солдат, горячо сочувствовавших венгерской революции, и привел 6 октября к вооруженному восстанию в Вене. Ремесленники, учащая молодежь и рабочие преградили путь войскам и задержали вывод их из Вены. Восставшие казнили австрийского военного министра Латура, явившегося основным вдохновителем похода Елачича против Венгрии. Восстание 6 октября стало значительным революционизирующим фактором как для Вены, так и для Венгрии. Оно создало благоприятные условия объединения революционных сил для совместного удара по габсбургской династии.

Победа народных масс 6 октября привела в замешательство господствующие классы Австрии. Царский посол в Вене Медем сообщал своему правительству о бегстве императора и придворных, о страхе, который пережили сами послы перед лицом бурных венских событий. «Город Вена в настоящий момент всецело во власти Академического легиона и национальной гвардии пригородов», — писал Медем¹.

После восстания находящиеся в Вене войска Ауэрсперга переживали деморализацию и разложение.

Известия о событиях в Вене пришли в Пешт 7 октября и произвели большое впечатление на революционные массы столицы, на депутатов Государственного собрания и на самого Кошута.

Письмо Ференца Пульски от 7 октября из Шопрона и ответ Кошута от 9 октября характеризуют, какое важное значение придавали венским событиям руководители венгерской революции. Пульски подробно описал события в Вене. Кошут потребовал немедленного возвращения Пульски в Вену и исполнения им «своей официальной задачи: содействовать деятельности Комитета обороны»². Кошут подчеркнул исключительное значение пребывания венгерского представителя в Вене в момент «чрезвычайных событий» и предписал ему ежедневно информировать Комитет обороны о происходящем в Вене³.

События в Вене стали предметом обсуждения Государственного собрания, на котором присутствовал Кошут, только что вернувшийся из длительной и успешной поездки по районам.

Государственное собрание с огромным воодушевлением встретило известие о восстании 6 октября в Вене и приняло решение о выступлении венгерской армии против войск Елачича, преследовании его до австрийской границы, а если будет необходимо — до ворот Вены, и всеми средствами оказать помощь венской революции.

Государственное собрание под давлением левых выпустило прокламацию. «После того, как жители Вены помешали вторжению в нашу страну, — говорилось в ней, — с нашей стороны было бы трусливой неблагодарностью оставить народ Австрии на произвол судьбы и пренебречь той опасностью, которая ему угрожает»⁴.

Одновременно Государственное собрание решительным протестом ответило на указ австрийского правительства от 3 октября о назначении Речея премьер-министром Венгрии. «Это посягательство на нашу независимость и на конституцию», — заявил Кошут⁵.

Возмущение вызвало также назначение на высокий пост Елачича, человека, «которого сам король заклеил как мятежника», который «как государственный преступник еще не оправдан судом... Этому человеку передается вся полнота власти... Так подрывается уважение к королю», — говорил Кошут⁶.

После выступления Кошута Государственное собрание приняло решение — считать незаконным указ от 3 октября, преступлением и изменой родине всякие действия, направленные на претворение его в жизнь, назначение Речея расценить как узурпацию и пренебрежение к конституции⁷.

Комитету обороны было дано указание об отзывании венгерских войск и отдельных венгерских граждан с чужих территорий и о возвращении их в 15-дневный срок на родину⁸.

Дальнейший ход национально-освободительного движения в Венгрии и успех австрийской революции должен был решаться на р.Лейте.

Кошут торопил с выступлением и писал Комитету обороны: «Промедление принесет нам вред, так как враг использует затишье для объединения своих рассеянных войск».

Однако лозунг немедленного наступления в целях оказания помощи Вене не встретил в Венгрии единодушного одобрения. Австрийский историк Гельферт в своей работе об Октябрьском восстании в Вене приводит слова одного из офицеров венгерской армии: «Я дворянин и я не хочу повиноваться студенту, сапожнику и портному. Мне нечего делать в Вене»¹⁰.

Австрийская ориентация подавляющего большинства высшего офицерства, всячески стремившегося приуменьшить значение боеспособности недавно мобилизованных новобранцев, этого «революционного ополчения Кошута», сковывала венгерскую армию на Лейте и удерживала ее от решительных действий. Большую роль в этом направлении сыграл и новый состав Комитета обороны. Депеш Пазманди (старший), замещавший Кошута ввремя его отсутствия, вместо наступательной тактики, единственно приемлемой в революционной войне, был занят исключительно вопросом охраны венгерских границ от нового нападения.

Большой вред делу революции принесло также то, что во главе армии на р.Лейте стоял реакционный генерал Мога, более преданно служивший Габсбургам, чем венгерскому народу.

Все это привело к тому, что после восстания 6 октября венгры упустили благоприятный момент для наступления на помощь Вене.

В эти дни наиболее разумную позицию занял видный политический и военный деятель венгерской армии Ласло Чани. Еще в письме Комитету обороны от 5 сентября он сообщал, что хорватский бан из-за слабости своих вооруженных сил запросил помощи у австрийского правительства и что необходимо его разбить до того, как он успеет ее получить¹¹.

И в дальнейшем Чани продолжал отстаивать свою позицию. 8 октября он писал в адрес Комитета обороны: «Наша армия утомлена, но полна энергии. Силы ее растут... Мы должны поддержать честь венгерского оружия»¹².

12 октября он вновь повторил о готовности к выступлению. Таузунау призывал оба народа — венгров и австрийцев — к совместной борьбе против габсбургской камарильи.

Однако, несмотря на проявленную Таузунау активность и на впечатление, произведенное им на венгерскую общественность, объединения демократических сил Вены и Венгрии против Габсбургов не произошло. Государственное собрание заняло в этом вопросе открыто правую позицию, свалило ответственность за задержку венгерских войск на официальные органы Вены.

Демократия и революционные массы Вены большие надежды возлагали на приезд в Вену видного венгерского политического деятеля, друга Кошута — Ференца Пульски. Убежденный сторонник совместных действий против сил реакции, он прибыл в Вену для того, чтобы добиться со стороны официальных органов приглашения венгерских войск на помощь Вене. 13 октября Пульски прибыл в Комитет безопасности, объединявший левую часть австрийского рейхстага и представлявший его исполнительный орган. На вопрос членов Комитета — придут ли венгры, Пульски ответил: «Если вы того пожелаете, господа. Напишите Комитету обороны Венгрии, что вы просите о помощи... Наши руководители дадут распоряжение о переходе границы и через три дня войска будут в Вене»²⁰.

В результате переговоров выяснилось, что как венгерская армия не намерена идти на помощь Вене без официального на то приглашения, так и Комитет безопасности не хочет выносить решения о приглашении венгерских войск.

Таким образом, не договорившись с Комитетом безопасности, Пульски направился в Общинный совет, непосредственно ответственный за оборону Вены, и к командиру национальной гвардии Мессенгаузеру, но и здесь его усилия не увенчались успехом²¹.

Несмотря на то, что переговоры Пульски с официальными лицами Вены не дали положительных результатов, он сам был сторонником выступления венгерских войск. В письме к Кошуту от 16 октября он писал: «Вена очень неспокойна и не удовлетворена, так как наша армия все еще медлит... Если так будет продолжаться и дальше, народ будет изнурен и войска Виндишгреца, находящиеся в Оломоуце, соединятся с Ауэрспергом. И тогда ни Вена, ни Венгрия не смогут им противостоять. Между тем как сейчас их можно побить поодиночке»²².

Пульски был глубоко убежден, что победа венгерского народа может быть одержана только путем совместных действий с Веной. Он переходит от надежды к отчаянию, в том же письме и в дальнейших письмах к Чани требует немедленного выступления, пока время не совсем упущено. «Ради бога, скорее начните наступление, как как через несколько дней будет поздно»²³. Настоящим воплем души является письмо от Пульски к Чани от 16 октября, в котором он сообщал об активной мобилизационной подготовке трудящихся Вены. По его словам, глава вооруженного восстания Бем уже много успел сделать в мобилизации национальной гвардии и в особенности вооружении ее артиллерией. «Придите же немедленно, как можно скорее, — писал Пульски, — любое промедление чревато опасностью, придите ради бога!»²⁴

Одновременно Пульски обвинял венскую демократию в недостаточной активности: «Вы обрекаете себя на участь мучеников, — сказал он Блюму и Мессенгаузеру. — Это безусловно завидная доля, но я не хотел бы разделить ее. Полумерами не добьешься ни мира, ни революции»²⁵.

По мере ухудшения положения Вены и все более тесного окружения ее объединенными контрреволюционными армиями Кошуту становилось ясно, что гибель Вены повлечет за собой гибель Венгрии, и с середины октября он предпринимает решительные шаги в целях организации наступления венгерских войск, стоявших на р.Лейте.

Большое значение в решении вопроса о наступлении имела позиция командования венгерской армии. В его среде были серьезные внутренние разногласия. Особенно ярко они проявились на заседании военного совета 12 октября. Главнокомандующий Мога заявил, что он не надеется на успех венгерских войск в столкновении с превосходящими силами Елачича и императорской армии. Другие высказывали соображения о стратегических трудностях этого похода. С другой стороны, имело место выступление с требованием оказания немедленной помощи Вене и тем самым спасения дела своей собственной страны. Эту точку зрения отстаивал Чани. Кошут занимал сдержанную позицию²⁶. В результате бурных прений принято было решение — вопреки указаниям Государственного собрания, выступить против Елачича в защиту Вены. Это постановление пытался сорвать член военного совета Пазманди. Он направил письмо Кошуту с возражением против вооруженного выступления. Разногласия в среде командования задержали на несколько дней действия венгерских войск, что очень сильно встревожило Кошуту. Он писал, что «его душу омрачает скорбная мысль, что из-за разногласий о переходе через Лейту... было потеряно три дня и эта потеря надолго может залить кровью наше отечество»²⁷.

Таким образом, несмотря на прежние колебания, Кошут стал защищать действенную помощь Вене. В своих инструкциях он требовал от командования армии создания сети разведчиков, охраны переправы через реку с помощью мобильных отрядов, а также призывал неуклонно, всеми способами вредить врагу.

«Ради бога, сделайте так, чтобы наша армия могла протянуть руку Вене, и вы станете спасителем отечества»²⁸, — писал Кошут Чани и военному командованию.

В целях непосредственного руководства событиями он решил выехать на линию фронта.

Между тем 17 октября Виндишгрец потребовал от венгерской армии, стоящей на р.Лейте, примкнуть к его войскам с тем, чтобы совместными усилиями подавить мятежную Вену. Стоявший во главе венгерской армии Мога готов был выполнить это требование. Его поддерживала значительная часть офицерства, согласная на выступление против Елачича как «мятежного» генерала, но не против императорских войск Виндишгреца.

Кошут в эти дни прилагал все силы к тому, чтобы организовать наступление. С этой целью в армию на Лейте был направлен полковник Артур Гергей. К этому времени Гергей приобрел известность не только как военный деятель, но и как активный участник разоблачения изменнической и шпионской деятельности венгерского аристократа графа Эдэна Зичи. Кошут считал Гергея наиболее удачной кандидатурой для осуществления контроля над генералом Мога и, в случае необходимости, для замены его на посту командующего.

Воодушевленный этим поручением, Гергей ревностно проводил линию Кошута, готовя наступлением обещал Кошуту даже в случае поражения сохранить армию.

Опираясь на деятельность Гергея, Кошут издал приказ о наступлении²⁹. В тот же день, 17 октября, венгерские войска наконец предприняли попытку перехода через Лейту. Основные силы венгерской армии находились на правом берегу Лейты в Парндорфе. Командование головной колонной, а также охрана передовых форпостов возложены были на Гергея.

Несмотря на тщательное наблюдение за действиями противника, у последнего все же была возможность совершать неожиданные вылазки против армии, стоящей у Парндорфа, и, наконец, зайти ей в тыл.

Активные действия головной колонны венгерских войск продолжались всего несколько часов. Еще до наступления ночи армия вернулась на прежние позиции. Это поражение было следствием затяжки выступления. Потеряв в бездействии драгоценное время, венгерская армия на Лейте дала возможность императорской армии использовать это время в своих интересах и в дальнейшем парализовать венгерскую армию.

Между тем Вена с величайшим нетерпением ожидала прихода венгерских войск. 18 октября в Вену прибыл посланец Кошута, редактор радикальной газеты Лайош Чернатони, с сообщением, что Кошут лично руководит подготовкой нового наступления на Вену. Об этом же на другой день было сказано в прокламации командиров венгерской армии к народу Вены.

Одновременно стоявший во главе венгерской армии Мога делал все от него зависящее, чтобы не допустить наступления. Он в письме к Кошуту доказывал бесполезность выступления против 75-тысячной, вооруженной до зубов императорской армии.

Желая дискредитировать саму идею наступления венгерских войск, Мога, не дождавшись прибытия Кошу-га с его только что сформированным дополнительным 12-тысячным отрядом и артиллерией, предпринял 21 октября наступление на Вену, которое окончилось провалом.

Чани в своих сообщениях Кошуту объяснял причины неудачи тем, что военные руководители вели операции без веры в силы своих войск; он обвинял Мога в сопротивлении наступательным действиям и выражал надежду, что присутствие Кошута в лагере может в значительной степени изменить настроение войск³⁰.

Действия Мога были резко осуждены Кошутым. «Вы (венгерское командование. — Р.А.) не наступали тогда, когда в этом была крайняя необходимость, — писал он командованию в Парндорф, — сказав: не хватает сил. С тех пор силы врага возросли. Я сообщил вам, что ко вторнику привезу с собой помощь 10000 человек и 22 пушки, и вы, потерявшие столько времени, сейчас не могли ждать два дня, пока я прибуду. Это я могу объяснить только тем, что вы уверены в помощи со стороны Вены — но если у вас такой уверенности нет и вы в то же время не дождались моего подкрепления, берегитесь, чтобы не погубить нашу армию, ибо я от вас требую ответа».

После провала наступления 21 октября положение армии на р.Лейте становилось все более трудным. 23 октября в лагерь на Лейту прибыл созданный Кошутым 12-тысячный отряд³². Это произошло в тот момент, когда Мога получил вторичное распоряжение Виндишгреца и императора о немедленном присоединении венгерских войск к императорской армии с целью выступления против «мятежной» Вены. Это распоряжение Мога огласил офицерскому составу и заявил, что не намерен ему подчиняться, что, однако, не означало намерения подчиниться распоряжениям Комитета обороны. В свою очередь Кошут на требование Виндишгреца 25 октября ответил гневным посланием, в котором клеймил действия Виндишгреца, предательство Елачича и потребовал разоружения Елачича, прекращения осады Вены, а также прекращения войны против Венгрии³³. Это послание, зачитанное предварительно офицерскому составу, было встречено им восторженно. Ответ Кошута на требование Виндишгреца был отправлен во вражеский лагерь с парламентаром Иванко. Однако Виндишгрец задержал парламентаря и заявил, что «с бунтовщиками не будет вести никаких переговоров»³⁴.

Наступившие холода затруднили положение венгерской армии. Необходимо было или немедленно наступать, или отойти на зимние квартиры и тем самым лишиться большей части армии, с таким трудом набранной.

Кошут энергично требовал новых активных действий. В ответ на письменное заявление генерала Мога и начальника штаба Кольмана о том, что вступление в Австрию приведет к гибели венгерской армии, Кошут продолжал настаивать на наступлении, мотивируя его тем, что падение революционной Вены повлечет за собой разгром революционной Венгрии. Кошут хорошо понимал, что, когда общеевропейская революция терпит поражение, необходимо усиление последних ее очагов — Венгрии и Вены. В этой обстановке особенно важно объединение их сил и организация совместных действий против Габсбургов. От этого будет зависеть конечный результат революции. Кроме того, бездействие венгерской армии неизбежно принесет ей сильнейший моральный и организационный ущерб.

27 октября в присутствии Кошута состоялся военный совет, который ярко отразил все разногласия, царившие в лагере венгров. После совета Кошут заявил в письме, направленном Комитету обороны, что в ближайшие дни решится судьба отечества, быть может, судьба всей Европы³⁵.

Между тем Вена переживала по-прежнему тяжелые дни. Все взоры защитников Вены были обращены на венгерскую границу: надеялись на прибытие венгерской армии. Только эта надежда вселяла в них мужество и воодушевление. Помощь со стороны венгерских войск была единственным реальным средством спасения Вены.

30 октября среди защитников Вены пронеслась весть — «Венгры идут!». Лихорадочное возбуждение охватило венских бойцов. Улицы наполнились отрядами национальных гвардейцев, возобновил свою деятельность Студенческий комитет. Предместья, не занятые войсками противника, при известии о приближении венгров, снова включились в борьбу. На наблюдательном пункте — в башне собора св.Стефана собрались многочисленные деятели Вены, с жадностью следившие за горизонтом. Здесь были наиболее известные руководители венского восстания: саксонский демократ Роберт Блюм, командир национальной гвардии Мессенгаузер и др. Наконец Мессенгаузер сообщил, что в районе Кайзер-Эберсдорф идет сражение, но точно определить направление венгерских войск не представляется возможным.

Несмотря на всю неопределенность этого заявления, оно вызвало общее воодушевление и во многих пунктах Вены возобновилось сопротивление правительственным войскам. Защитники предместья Виден — самого боевого района Вены настолько успешно перешли в наступление, что командованию императорских войск пришлось отвести свои войска к Южному вокзалу³⁶.

Но надежды венцев не оправдались. Венгерская армия у р.Лейты насчитывала около 26 тыс. человек³⁷. Армия Виндишгреца, расположенная у осажденной Вены, была почти вдвое больше, отличалась лучшей организацией и большим опытом, чем венгерская армия, состоявшая в значительной степени из вновь набранных ополченцев. Выжидательная политика венгров дала возможность Виндишгрецу усилить свои позиции.

По свидетельству Кошута, вначале наступательные действия шли удачно. «Мы уже вторую ночь находимся на территории Австрии, — писал Кошут, — враг всюду при приближении нашей армии обращается в бегство. Он оставил сильнейшие позиции, в частности реку Фиша. Однако мы наступаем с большой осторожностью. Из наших биноклей мы уже видим дома Вены и войска противника, расположенные под ее стенами. Нас видят с башни Вены, и если будет так продолжаться, то завтра наше сообщение начнется словами — «Из нашей главной ставки в Вене»»³⁸.

Гёргей также сообщает, что 28 и 29 октября венгерская армия продвигалась вперед, почти не встречая сопротивления.

В ночь с 29 на 30 октября произошло первое сражение у Швехата³⁹.

Основной задачей военных действий на данном этапе борьбы был захват Швехата, продвижение к пригородам Вены для объединения с венскими повстанцами. Генерал Мога атаковал австрийцев, находившихся под командованием Виндишгреца. В свою очередь навстречу продвигавшимся к Швехату венгерским войскам Виндишгрец направил корпус Елачича, дополненный солдатами австрийской армии, снятыми с баррикад уже почти покоренного города. 30 утром началось первое сражение.

По распоряжению Кошута, руководство боем во время операции при Швехате было поручено Гёргею и Мога. Правое крыло венгерской армии столкнулось с войсками Елачича у Мансверта. Венгры под руководством майора Гюйона сражались мужественно и приблизились к Мансверту, оттесняя войска Елачича.

В разгар сражения Гёргей неожиданно получил распоряжение от Мога задержать свои войска с тем, чтобы дать возможность подтянуть остальные силы. Только в полдень, когда большая часть армии была стянута к Швехату, Гёргей получил возможность наступать. В результате этой задержки войска майора Гюйона оказались изолированными и парализованными в своих действиях. Кроме того, левое крыло венгерской армии под командованием полковника Репаша задержалось на прежних позициях, и тем самым Елачич получил возможность направить свою кавалерийскую часть в образовавшийся прорыв.

В силу создавшихся неблагоприятных обстоятельств Гёргей вынужден был отступить⁴⁰. При битве у Швехата присутствовал сам Кошут, и в ходе борьбы он настаивал любой ценой занять Швехат. Однако прекратить отступление не удалось⁴¹.

После первого дня сражения при Швехате Кошут еще оптимистично оценивал результаты боя. В письме Комитету обороны, написанном в полночь 30 октября, он сообщает: «Счастье изменило нам. Но судьба родины не дает нам основания для отчаяния... Надеюсь, армия наша вернется с честью...» Кошут писал о храбрости солдат, о неопределимых усилиях Чани и его людей. Одновременно он отмечал, что «во многих местах еще скрываются под трехцветной кокардой черно-желтые знаки (в смысле настроения. — Р.А.) и это парализует действия»⁴².

В своих мемуарах, написанных в начале 50-х годов, Гёргей считает причиной отступления при Швехате несогласованность действий командного состава венгерской армии и превосходство неприятельских сил. Гёргей пишет, что он с возгласом «Вперед, на врага!» пытался задержать отступление, однако это ему не удалось. Та часть венгерской армии, которая не участвовала в сражении, под влиянием отступающих частей также покинула свои позиции⁴³.

Кошут склонен был считать важной причиной поражения у Швехата предательское поведение Мога. Кошут полагал, что Мога, решившийся на сражение под напором приказов сверху, плохо организовал его проведение. Кошут хотел назначить расследование поведения Мога. Однако до этого дело не дошло. В день сражения, вследствие ранения его лошади, Мога упал, заболел и подал в отставку⁴⁴. Главнокомандующим армией был назначен Гёргей.

События при Швехате определили окончательно судьбу восставшей Вены. Осажденный город оказался без поддержки. 31 октября прекратилось сопротивление Вены, столицу Австрии заняли войска Виндишгреца.

Кошут, выступая в Государственном собрании с объяснением причин поражения при Швехате, в своей речи 9 ноября вскрыл все основные недочеты в организации венгерской армии, приведшие ее к катастрофе. Одновременно Кошут подверг критике и свою собственную роль при Швехате. Важнейшим выводом речи Кошута было его признание, что выступление венгерских войск было запоздалым, что нужный момент был упущен, что армия в бездействии провела слишком много времени.

Все эти соображения верно отражали обстановку. Однако возникает вопрос: почему наличие всех этих обстоятельств не помешало при Пакозде и Озоре одержать победу? Это объясняется тем, что в указанных сражениях войска были поддержаны массовым партизанским движением и сочувствием всего населения, которое из своей среды выдвигало военных руководителей — бывших учителей, старост и других. Эта популярность войны среди населения и ясность поставленной цели обеспечивали победу.

Совершенно иные условия были при Швехате. Командный состав не был предан венгерскому делу. Большая часть офицерства шла за генералом Мога, враждебно относилась к вновь набранным ополченцам и вообще была против наступления. Брошенные под обстрел регулярных войск Виндишгреца, слабо вооруженные, плохо одетые ополченцы, лишенные руководства, оторванные от местного населения, обратились в бегство и потянули за собой остальных.

Энгельс, анализируя этот этап венгерской революции, теснейшим образом связанный с октябрьским восстанием в Вене, отмечал бесспорные благородство и великодушие венцев, которые 6 октября не допустили отправку императорских войск против Венгрии и предпочли принять на себя первый и самый сильный натиск австрийских войск.

«При таких обстоятельствах, — писал Энгельс, — несомненным долгом Венгрии было без промедления и со всеми наличными силами оказать помощь не заседавшему в Вене рейхстагу, не Комитету безопасности и не какому-либо другому венскому официальному органу, а венской революции».

Активная помощь Вене со стороны Венгрии была необходима еще и потому, что «Вена была единственным форпостом венгерской независимости и что после падения Вены ничто уже не могло бы задержать наступления императорских войск на Венгрию»⁴⁵.

Однако правительство Венгрии действовало нерешительно. Венгерская армия потеряла драгоценное время, дала реакция окрепнуть и выступила лишь тогда, когда перевес сил был на стороне камарильи. «В войне, и особенно в революционной войне, быстрота действий... является основным правилом; мы не колеблясь утверждаем, — писал Энгельс, — на основании чисто военных соображений, что Перцель⁴⁶ не должен был останавливаться вплоть до соединения с венцами. Конечно, это было сопряжено с известным риском, но кто и когда выигрывал какое-либо сражение, ничем не рискуя при этом?»⁴⁷

Выжидательная позиция Комитета обороны была его военной ошибкой, заключавшей в себе больше риска, чем смелое наступление на Вену против потрепанных банд Елачича.

Стремление Государственного собрания и Комитета обороны, не исключая даже Кошута, идти по пути легальной, конституционной политики, ждать приглашения со стороны официальных венских правительственных органов Энгельс расценивал как выступление против венской демократии, с оружием в руках сражавшейся за независимость Венгрии.

- 1 АВПР, 1848, Vienne, Медем — Нессельроде, 26 сентября (6 октября).
- 2 Orszagos leveltar. Orszagos Honvedelmi Bizottmany, 916, 1818
- 3 Ibidem.
- 4 См. Kossuth Lajos Osszes munkai. Kot. XIII, 152 old.
- 5 A magyar nemzetgyules Pesten 1848-ban. (Szerk. Pap Denes). I. Budapest, 1881, 367—368 old
- 6 «Pesther Zeitung», 1848, 8 October, S. 4191—4192.
- 7 «Pesther Zeitung», 1848, 11 October, S. 5002
- 8 «A magyar szabadsagharcz tortenete napi-kronikakban (1848)». Egyberszedte Kery G. Budapest, 1899, 551, 565 old.
- 9 «Pesther Zeitung», 1848, 11 October, S. 5002.
- 10 J.A.Helfert. Geschichte Oesterreichs vom Ausgange des Wiener October Aufstandes, 1848, Band 1. Leipzig—Prag, 1869, S.147—148.
- 11 Barta Istvan. A magyar szabadsagharc vezetoi es a becsi oktoberi forradalom. —«Szazadok», 1951, 1—4 szam 445 old.
- 12 Ibid., 451 old.
- 19 «Pesther Zeitung», 1848, 17 October, S. 5021
- 20 Pulszky F Elete es korom II Budapest, 1884, 388 old
- 21 Ibid., 391 old.
- 22 Kossuth Lajos Osszes munkai. Kot.XIII, 220 old.
- 23 Ibid, 221 old.
- 24 Ibidem.
- 25 Pulszky Teresa. Aus dem Tagebuch emer unganschen Dame Leipzig, 1850, S.34.
- 26 В ответе Комитета обороны на письмо Пазманди от 12 октября ответственность за сохранение армии возлагается на Пазманди, генерала Мога и Чани Указывается, что Лейта не должна быть преградой, однако «если вы, не имея полной уверенности в победе, подвергнете нашу армию заведомой опасности, мы привлечем вас к ответственности перед нацией» И дальше «Мы не считаем себя вправе навязывать нашу помощь тем, кто не выказал желаниа принять эту помощь от нас, а потому ограничиваемся защитой собственной страны» Orszagos Leveltar, 1050, 848, 489—497 old.
- 27 Barta Istvan Op.cit., 462 old.
- 28 Ibid , 466—467 old.
- 29 Varga Janes. A Gorgei kerdeshez — «Valosag», 1960, N 2, 94—95 old.
- 30 Kossuth Lajos. Osszes munkai, Kot. XIII, 264 old.
- 31 Barta Istvan. Op.cit, 473 old. Письмо Кошута в лагерь Парендорф 23 октября. Любопытно, что саботаж командного состава венгерских войск, находящихся на Лейте, отмечал также советник царского посольства Фонтон, указывая, что командный состав в большинстве своем состоял из офицеров императорских войск. АВПР, 1848, Vienne, Фонтон—Нессельроде 7(19) октября. 32 «A magyar szabadsagharcz tortenete napi-kronikakban (1848)», 581—582 old.
- 33 Ibid., 588—589 old.
- 34 Ibid., 589 old.
- 35 См. Barta Istvan. Op.cit, 479 old.
- 36 Эти факты взяты нами из листовки, хранящейся в фондах Института марксизма-ленинизма. «Hurra! Wien halt sich! Alle bishe-rigen Nachrichten waren falsch».
- 37 Farkas Lajos, Rado Geza. Kossuth es szabadsagharc hadii-para. — «Szazadok», 1952, 3—4 szam, 691 old.
- 38 Barta Istvan. Op.cit., 480 old. Об отступлении объединенных сил Виндишгреца и Елачича в самом начале кампании писал и Чернатони, который находился 29 октября в Энценсдорфе, расположенном на р.Фиша. «Мы находимся здесь, столкнувшись лицом к лицу с нашими врагами. Мы ждем утра, которое станет временем сражения и победы... Наши форпосты уже принесли весть о том, что враг везде отступает.
- 39 W.Rustow. Geschichte des ungarischen Insurrectionskrieges in den Jahren 1848 und 1849. Zurich, 1860, I. S.110. Вся венгерская армия, по словам Рюстова, состояла из 21 батальона, 32 эскадронов, она имела 88 орудий; в войсках числилось 20 тыс. войск пехоты, 4 тыс. кавалерии, 2 тыс. артиллерии. Среди войск пехоты 3 тыс. были вооружены косами и причислены к резервам. Общее количество регулярных войск, состоявших из войск пехоты, гусар и гонведов, составляло 16 тыс. Общее же количество всех сил венгерской армии составляло 30 тыс. человек и 86—90 пушек.
- 40 W.Rustow. Op. cit, S.I 12.
- 41 «A magyar szabadsagharcz tortenete napi-kronikakban (1848)», 586 old. См. также: Georg Klapka. Der Nationalkrieg in Ungarn und Siebenbiirgen. Leipzig, 1851, S.53—54.
- 42 Orszagos Leveltar, Orszagos Honvedelmi Bizottmany, 1271. 1.848.
- 43 Arthur Gergei Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848—1849. Erster Band. Leipzig, 1852, S.54—55.

РЕВОЛЮЦИЯ и НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

44 «A magyar szabadságharc története napi-kronikákban (1848)», 586 old.

45 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.72.

46 В данном случае Энгельс допустил фактическую ошибку. Вместо «Перцель» следует читать «Мога».

47 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.72—73.

2. Шестинедельная передышка после поражения при Швехате

Поражение венгерских войск при Швехате ускорило падение Вены и явилось тяжелым ударом для Венгрии.

Кошуту и Комитету обороны приходилось, учитывая уроки Швехата, принимать срочные меры по сплочению командного состава войск, по организации новых батальонов, по установлению контакта и поддержки со стороны революционных масс и крестьянства.

Международная ситуация в тот момент была неблагоприятной для революции. Падение Вены произошло в обстановке победы европейской контрреволюции. По определению Маркса, «в Вене только что закончился второй акт драмы, первый акт которой был разыгран в Париже под названием «Июньские дни»... В Берлине мы скоро переживем третий акт»⁴⁸. Историческая действительность оправдала этот прогноз. 3 декабря приказом короля прусское Национальное собрание было разогнано. «Мартовская революция, — писал Маркс, — объявлена не существовавшей, и королевская власть «божьей милостью» празднует свою победу»⁴⁹.

Поражение октябрьского восстания в Вене определило судьбу революции в Австрии. Пролетариат и Академический легион были разбиты и не могли вести активной борьбы. Буржуазия перешла на сторону контрреволюции.

Иная обстановка сложилась в Венгрии. Именно после поражения под Швехатом союз среднепоместного дворянства с радикалами, с революционными массами и с крестьянством укрепился и обеспечил углубление революции.

Своеобразна была судьба национального антагонизма в Австрии и Венгрии. Известно, что австрийское правительство, как писал Энгельс, «каждую из различных наций, подчиненных австрийскому господству», держало в узде «при помощи всех остальных наций»⁵⁰. Борясь с венгерской революцией, оно создало армии из различных национальностей под командованием хорватского бана Елачича, заставило их выступить против венгерского революционного правительства во имя экономического и политического единства монархии. Этот поход Елачича был использован Виндишгрецем для подавления революционной Вены. Но поход Елачича вызвал в Венгрии патриотический энтузиазм, определил позицию венгерского крестьянства, поднявшегося против Габсбургов и Елачича за сохранение национальной независимости Венгрии. Демократия Австрии была разбита, а революция в Венгрии пошла по восходящей линии.

Между тем в момент национального и революционного подъема в Венгрии в дипломатических кругах европейских держав вынашивались планы вторжения и разгрома последнего оплота европейской революции. Уже в середине октября Виндишгрец вел переговоры с царскими дипломатами. Царский резидент в Вене Фон-тон заверил Виндишгреца в готовности оказать помощь Австрии. В донесении царскому министру Нессельроде Фонтон передал слова Виндишгреца: «Если мои усилия (по подавлению революции. — Р.А.) не будут иметь успеха, мы обратимся к благородному сердцу императора Николая». На депеше рукой Николая I написано: «И я отвечу»⁵¹.

Между тем в конце октября—начале ноября 1848 г. в Венгрии царила живая политическая атмосфера. Радикальные левые организации развили активную деятельность. По словам одного из правых деятелей, Мора Сенткирай, осенью 1848 г. у власти «были уже не министерства, не Кошут, а люди 15 марта»⁵². Последнее справедливо в той степени, что Кошут в самом деле был связующим звеном между Государственным собранием и «людьми 15 марта».

После поражения при Швехате революционное правительство в лице Комитета обороны, возглавляемого Кошутом, было полно решимости продолжать борьбу. «Я должен с удовлетворением отметить, что в случае, если враждебные армии посягнут на свободу нашей родины и осмелятся вторгнуться в районы Лейты и не будут разбиты там, то мы разобьем их у Дьера, а если не у Дьера, то у Комарома или у Пешта, или в районе Тиссы, или в ущельях гор, но мы их обязательно разобьем»⁵³.

Кошут действительно стремился к созданию в Венгрии твердой революционной власти. Уже в этот период Комитет обороны возглавил то массовое движение, которое сыграло большую роль весной 1849 г. «Массовое восстание, национальное производство оружия, выпуск ассигнаций, быстрая расправа со всяким, кто препятствует революционному движению, непрерывная революция, — словом, все основные черты славного 1793 года находим мы снова в Венгрии, вооруженной, организованной и воодушевленной Кошутом»⁵⁴. Недаром Энгельс дал блестящую оценку деятельности руководителя венгерской революции, подчеркивая истинно революционный характер человека, «который отваживается от имени своего народа принять вызов на отчаянную борьбу, который воплощает для своей нации в одном лице Дантона и Карно, — Людвига Кошута»⁵⁵.

Для того чтобы разбить врага, необходимо было провести ряд организационных мероприятий, уточнить и разделить полномочия между Комитетом обороны и Государственным собранием, подчинить все органы власти задачам военного времени. В этом направлении шла деятельность Комитета обороны. Помимо этого, в его функции входило комплектование высших должностных лиц, назначение комиссаров и т.д.

Несмотря на напряженную работу (заседания Комитета обороны велись с 9 часов утра до 2 дня и с 5 до 10 часов вечера), выполнение всех принятых решений недостаточно контролировалось. В сложных и трудных условиях военного времени быстрота решений и четкость выполнения имеют особо важное значение. Именно это отсутствовало в работе Комитета обороны.

Не было также единства в среде его членов. Сложились два направления, между которыми происходила постоянная борьба: умеренное, возглавляемое Ньяри, и крайнее, представленное радикальным вождем революции Ласло Мадарасом.

Кошут и Государственное собрание стремились к реорганизации Комитета, к созданию отделов, выполняющих функции министерств. Весь процесс реорганизации нашел яркое отражение в переписке Семере с Кошутом во время болезни последнего⁵⁶. Эта переписка рисует каждодневную жизнь Комитета и в особенности же разногласия между Семере и Кошутом в оценке деятельности того или иного из его членов. Семере брал под защиту тех, кто стоял за идею соглашения с Габсбургами, в частности Ньяри и Пазманди (старшего), и резко возражал против предоставления какого-либо руководящего поста Мадарасу.

В своем письме к Кошуту от 19 ноября Семере выражал сожаление по поводу отсутствия надежных людей для руководства. А те немногие, на кого можно положиться, критически относятся к руководству Кошута. «Многие считают, что ты не терпишь возражений, — писал Семере Кошуту. — Действуй осторожней, прежде всего во имя родины... У тебя больше всего друзей, но и много врагов»⁵⁷. Далее Семере советовал обсудить основное принципиальное разногласие. «Я думаю, нам должно начистоту договориться со своими товарищами... можно ли пойти на сговор с династией или это ни в коем случае не может иметь места»⁵⁸.

Кошут считал, что руководящие должности должны принадлежать наиболее активным членам Комитета обороны. В частности, он добивался передать руководство внутренними делами и юстицией Мадарасу и Семере. По этому вопросу Кошут вступил в полемику с Семере. Кошут писал: «Мадарас на посту министра юстиции заставит трепетать всех аристократов»⁵⁹. Но Семере предлагал поручить внутренние дела Ньяри, а Пульски — финансы. Мадарасу он предоставил более второстепенное дело — почту или полицию. «Общественное мнение, — писал он Кошуту, — неблагоприятно Мадарасу. Он... не сумел добиться достаточного авторитета». «Я люблю Ласло, — продолжал далее Семере, — но обществу не прикажешь. Иначе обстоит дело с Ньяри, он гораздо менее любим, но гораздо более желателен в качестве руководителя»⁶⁰.

В другом письме к Кошуту Семере упрекал его в превышении власти: «Велика власть, которую ты приобрел благодаря уму, занимаемой должности и организаторскому искусству, — писал он. — Можно считать, что вся власть будет сосредоточена в твоих руках... Ведь Мадарас целиком твой человек, между вами никогда не возникали разногласия во взглядах»⁶¹.

Кошут решительно возражал против обвинений Семере и уверял, что он стремится только к политическому единству, а не к личной власти⁶².

Кошут в конце концов принял некоторые предложения Семере. Он согласился предоставить Мадарасу пост начальника полиции. Правда, в обстановке ожесточенной борьбы с контрреволюцией это была далеко не второстепенная должность.

Вся эта дискуссия закончилась победой умеренных. Кошут не хотел порывать ни с Ньяри, ни с Семере, ни обострять антагонизм между умеренными и крайними течениями. Распределение функций между членами Комитета обороны было произведено по плану Семере.

Комитет обороны пополнился новыми людьми и тем самым еще больше изменилось соотношение сил внутри него. Перевес перешел на сторону умеренных его членов.

Таким образом, вопрос о реорганизации Комитета обороны вскрыл обострение разногласий внутри него по ряду проблем: о политике по отношению к Габсбургам, о составе Комитета и его руководящих деятелях и даже вскрыл критическое отношение к самому Кошуту. Выявились также стремление Семере расширить состав Комитета за счет лиц, стоящих на точке зрения компромисса. Это ему удалось. А в дальнейшем, в 1849 г., будучи премьер-министром, Семере полностью реализовал свою программу.

Однако, несмотря на разногласия и на победу центра, целью деятельности Комитета обороны оставалась борьба за независимость Венгрии, в которой левым неизменно принадлежала руководящая роль.

Прав был Реваи, который, оценивая деятельность Комитета в целом и его ближайшие перспективы, писал: «И все же эти радикалы, «красноперые», дебреценские «фламинта», наложили свой отпечаток на ход революции с сентября 1848 года до марта 1849 года»⁶³.

Национально-освободительная война требовала неослабного контроля над всеми звеньями государственного аппарата. Если в Пеште эту задачу выполнял Комитет обороны, то контроль над комитатами и армией осуществлялся возникшим в ходе революции институтом правительственных комиссаров.

В начале революции к помощи комиссаров обращались в редких случаях, к концу же 1848 г. число их возросло до 80 человек и их руководящее влияние проникло во все звенья государственного аппарата.

По примеру комиссаров Конвента периода якобинской диктатуры, венгерские правительственные комиссары должны были осуществлять волю нового революционного органа власти — Комитета обороны — как в армии, так и в тылу. Это было необходимо уже потому, что армию возглавлял военный министр, профессиональный офицер, а офицерство, проникнутое духом старой императорской армии, сохраняло свое прежнее влияние. В такой обстановке роль комиссара, назначенного Комитетом обороны и ответственного перед ним, была особенно велика.

Большая роль принадлежала правительственным комиссарам в комитатах. В период военных действий руководство комитатами сосредоточено было в руках комитатского собрания и администрации в лице али-шпана и фёйшпана и подчиненных им чиновников. Наряду с выполнением всех административных функций, комитатские власти занимались набором ополчения, организацией военной промышленности и просветительной деятельностью, пользуясь в этих вопросах большой самостоятельностью. Все декреты революционного правительства Кошут направлял комитатской администрации, и она обязана была отвечать за их выполнение.

Однако по своему классовому составу комитатская администрация была феодальной. Ее верхи были представителями землевладельческой аристократии, а низшее чиновничество — по преимуществу дворянской интеллигенции, по воспитанию и традициям крепко связанной с интересами крупного дворянства, от него зависимой.

Феодальная по своему характеру администрация комитатов не могла отвечать задачам защиты революционных завоеваний, и значение правительственных комиссаров в комитатах все более возрастало. Комиссар в комитате — это представитель Комитета обороны, носитель новой власти, организатор новой администрации. Там, где комитатская администрация бездействовала, комиссары сами принимали меры по вербовке рекрут, по созданию ополчения, по организации снабжения войск. Им подчинялись все воинские части, расквартированные в данной области или прибывавшие в нее. Правительственные комиссары назначались для контроля работ всех предприятий, изготовлявших военное снаряжение и обмундирование, они направлялись для закупки зерна, для осуществления особых заданий⁶⁴.

Можно без преувеличения утверждать, что революционный характер венгерской освободительной войны 1848—1849 гг. определялся в решающей мере деятельностью комиссаров.

В письме к одному из комиссаров, посланному в область Бачка, Эдёну Бёти, Кошут писал: «Предупреждаю тебя, что ты находишься в самом гнезде страшного предательства, но судьба родины зависит от тебя... Ты призван спасти родину и все твои шаги законны. Между прочим, я этот вопрос ставлю на обсуждение Государственного собрания, и ты обрешь власть для того, чтобы исправить все ошибки, мстить за любой проступок, наказывать за любую измену... Ты можешь поставить перед чрезвычайным трибуналом даже самого главнокомандующего, если это потребуется. Вспомни великих комиссаров французского конвента, которые перед лицом всей армии арестовывали командиров, ставших изменниками»⁶⁵.

Ссылка на французскую революцию чрезвычайно знаменательна. Она подчеркивает политическую роль правительственных комиссаров, проводников революционного порядка и борцов за интересы родины, призванных осуществить слом старой феодальной машины.

Примером боевой революционной деятельности комиссара в армии являлся Ласло Чани. Он направлялся на самые ответственные участки военных действий. С большой энергией он боролся с реакционной политикой генерала Мога. Всюду, где нужна была кипучая энергия, где надо было приложить силы для спасения родины, посылался Чани.

Одним из наиболее деятельных комиссаров был также Габор Эгреши. Крупнейший актер Национального театра в Пеште, друг Петефи, близко связанный с мартовской молодежью, он с первых же дней революции стал принимать активнейшее участие в событиях. Его деятельность ярко характеризуется открытым приказом от 2 ноября 1848 г., в котором сказано:

«Обеспечение всем необходимым войск южных районов происходит через Сегед. В этот город посылается Габор Эгреши как полномочный правительственный комиссар. Его обязанности: урегулирование военных поставок, восстановление и поддержание конституционного порядка, обеспечение всего необходимого для защиты родины.

Приказывается всем властям, органам и отдельным лицам подчиняться вышеназванному комиссару и выполнять любой его приказ беспрекословно.

Государственный военный совет Председатель Ньяри»⁶⁶.

Несмотря на то, что деятельность комиссаров в Венгрии напоминала период якобинской диктатуры и сами они называли себя продолжателями дела якобинцев, они в то же время существенно от них отличались. Состав комиссаров в Венгрии был крайне пестрым и по классовой принадлежности и по политическим взглядам. Они отражали своеобразие, специфику своей страны и своей революционной обстановки. Среди них были и представители среднего землевладения, и аристократы, и левые, и умеренные. Все это объяснялось сложностью задач и отчасти даже недостатком людей. Все же правительственные комиссары в венгерской революции вписали славную страницу в дело освобождения своей родины.

Наряду с правительственными комиссарами, с октября 1848 г. стали функционировать комитатские комитеты обороны. Однако последние не принимали участия в общеполитическом руководстве, ограничивая свою деятельность организацией офицерских штабов при военных частях, и оказывали весьма слабую помощь комиссарам.

Нередко деятельность комиссаров как в армии, так и в комитатах встречала сопротивление со стороны комитатской администрации. Об этом свидетельствуют жалобы местных властей на «назойливое» вмешательство комиссаров во внутреннюю жизнь комитатов. Старые администраторы стремились отстоять свои права. Правительство пошло на некоторые уступки их требованиям. Комитет обороны дал распоряжение комиссарам вести более гибкую политику. В своих инструкциях он неоднократно подчеркивал необходимость, чтобы правительственные комиссары не парализовали власть комитатов и комитатских чиновников, особенно в вопросе мобилизации рекрут. 30 ноября Комитет обороны предупредил комиссара горнорудного района Лайоша Бениц-ки, чтобы он, «расширяя свои функции, постоянно следил за тем, чтобы фёйшпаны и другие чиновники комитатов не были вытеснены из своего круга деятельности..., чтобы работа комитатских чиновников не была парализована, а тем более аннулирована»⁶⁷.

Роль комиссаров особенно возросла в 1849 г., когда между политическим руководством, Кошутом, с одной стороны, и военным руководством Гёргея — с другой, начались серьезные разногласия. В этой обстановке комиссары были призваны наблюдать за политическими настроениями в армии, контролировать действия командования и проводить в армии линию правительства⁶⁸. Кошут подчеркивал, что армия нуждается в едином руководстве, между гражданской и военной властью не должно быть антагонизма; армия не должна представлять «государства в государстве»; гражданская власть также должна содействовать спасению родины.

Вся деятельность Комитета обороны и правительственных комиссаров была направлена на создание боеспособной, преданной народу армии. Опыт Швехата говорил за то, что одни добровольческие отряды и национальная гвардия не могут противостоять регулярным войскам противника. «Пусть мне дадут как можно скорее рекрут..., — писал Кошут 5 ноября из Пожоня. — С волонтерами и с национальными гвардейцами мы не добьемся толку. На этот счет у меня нет больше иллюзий».

Поставленная задача была в конечном счете реализована созданием революционной регулярной армии⁶⁹.

Она была создана на основе мобилизации, в ее состав вошли также венгерские солдаты, служившие в австрийской армии. К регулярной армии присоединены были батальоны национальной гвардии, созданные по решению правительства в мае 1848 г. В ноябре 1848 г. в целях упорядочения организации Гёргей предлагал создать специальный орган для финансирования армии⁷⁰. 27 ноября было подписано распоряжение о ликвидации всех различий «между прежними войсками и новыми гонведскими подразделениями» и новом названии для всех частей: «Венгерское гонведство»⁷¹.

Наряду с правительственными войсками и национальной гвардией, большую, часто решающую роль играли партизанские отряды. На партизан возлагалась задача оказания помощи регулярным войскам путем активных подрывных действий в тылу врага. «Я твердо убежден в том,— писал Кошут,— что независимость и свобода Венгрии будут завоеваны партизанской борьбой»⁷².

В декабре, когда враг приближался к Пешту, Кошут развернул большую работу по организации партизанской борьбы. В специальном приказе от 18 декабря было сказано: «Если народ восстанет и... тысячами будет кружить вокруг врага кто в пешех, кто в конных отрядах... использует свое знание всех дорог, троп и мостов... если народ будет в постоянном движении, окружая врага, тогда он будет непобедим»⁷³.

Через два дня Кошут повторил свои призывы к крестьянам и заявил, что ожидает от крестьян-партизан таких же успехов, какие завоевали русские крестьяне в борьбе с Наполеоном в 1812 г.

И действительно, движимые патриотизмом крестьянские партизанские отряды сыграли большую роль в борьбе с врагом.

Важнейшим фактором ведения войны являлись артиллерийские части. По призыву революционного правительства молодежь овладевала артиллерийскими знаниями в предельно короткие сроки. К июню 1849 г. артиллерия революционной армии насчитывала 508 полевых орудий.

Помимо артиллерии, к весне 1849 г. венгерская армия располагала четырьмя саперными батальонами, личный состав которых набирался главным образом из рабочих-горняков.

Хорошо проявили себя в годы освободительной войны немногочисленные инженерные войска, сформированные из технической интеллигенции.

Значительную силу составляла также конница. Венгерские кавалерийские части, в прошлом в составе императорской кавалерии, славились как боевые воинские части.

Они оставались такими и в революционной армии. Они стремительно атаковали врага, были неуловимыми для него и нередко решали исход сражений⁷⁴.

В операциях венгерских войск принимали участие и «чикош» — степные табунщики, число которых в отрядах достигало 2—3 тыс. человек. Им была дана военная организация, и эти отважные всадники, прекрасно ориентировавшиеся на местности, блестяще выполняли обязанности разведчиков. Широко был использован принцип добровольчества при вербовке новых отрядов. Под знамена венгров было создано значительное количество добровольческих войск, давших обязательство служить до конца войны. Кошут разъезжал по различным городам Венгрии и организовывал добровольческие отряды.

Значительную помощь борющейся Венгрии оказали иностранные легионы. Их отряды, сформированные из австрийских, немецких, польских, итальянских, французских, турецких патриотов, воодушевленных идеями революции и интернациональной общностью задач, вливались в армию гонведов и сражались с исключительным мужеством. Прибывший в Венгрию в течение сентября венский легион (сперва 400, затем еще 1000 человек), состоявший главным образом из студентов, принимал активное участие в освободительной борьбе. Вместе с венграми в боях участвовал немецкий батальон, созданный в конце 1848 г. Петером Гироном.

Наиболее значительное место среди иностранных легионов принадлежит полякам. Польский легион состоял «из четырех батальонов пехоты, одного полка улан, одной батареи, одного взвода саперов. С декабря 1848 г. поляки участвовали в боях против войск генерала Шлика, за что Кошут выразил им в приказе «благодарность нации».

Итальянский легион вырос до двух батальонов пехоты, одного батальона разведчиков и одного батальона кавалерии. По одному батальону составляли французские и турецкие добровольцы⁷⁵.

Кошут, учитывая всю важность помощи, которую оказывали иностранные легионы борющейся Венгрии, в специальном распоряжении объявил о включении их в гонведскую армию, об оказании им всяческого содействия и о предоставлении возможности после победы получения венгерского гражданства⁷⁶.

Решающую роль в подавлении контрреволюции в Верхней Венгрии сыграли шахтерские партизанские отряды, в которых вместе с венграми сражались словаки и немцы. Отряды национальных гвардейцев и партизан составляли главный резерв пополнения правительственных войск. Так, после сражения у села Озора многие партизаны присоединились к войскам генерала Перцеля. Партизаны сковали действия Виндишгреца, не дали ему соединиться с южными силами контрреволюции, и даже после занятия Пешта Виндишгрецем он не мог продвигаться вперед из-за действий партизан. Особенно активным было партизанское движение в лесах Бакоя, с которым враг не мог справиться вплоть до апреля 1849 г. Для дальнейшего развития партизанского движения и превращения его в решающую силу разгрома врага необходимы были более решительные правительственные меры по улучшению положения крестьян, по избавлению их от крепостных повинностей. Однако правительство не пошло по этому пути.

Показательной является в этом отношении история крестьянских выступлений в комитате Бекеш. Здесь помещичий гнет был особенно силен. Достаточно сказать, что помещики, составлявшие 3% населения, владели 70% всей земли. Большинство крестьянского населения Бекеша составляли малоземельные и безземельные желлеры. Основным требованием их был возврат пастбищ, незаконно захваченных помещиками. Беднейшие, безземельные крестьяне выдвигали еще более решительное требование — полный раздел помещичьих земель.

9 октября крестьяне села Мезёберень самовольно захватили помещичьи земли барона Венкхейма, владевшего 8 тыс. хольдов земли. В ответ на эти действия Комитет обороны заявил, что он считает своим патриотическим долгом подавить подобные покушения на общественный порядок, внутренний мир и священную собственность. В район крестьянских выступлений послан был в качестве правительственного комиссара Болдижар Халас с поручением наказать главных зачинщиков, немедленно возвратит захваченные земли помещику. В случае сопротивления со стороны крестьян комиссару вменялось в обязанность вызвать войска «для водворения порядка»⁷⁷. Болдижару Халасу не удалось мирным путем разрешить конфликт, и движение было подавлено с помощью военной силы.

В ноябре возникли новые очаги восстания; власти Бекеша вынуждены были для подавления крестьянского выступления просить помощи артиллерией и конницей. В специальном обращении к населению этого комитата Кошут потребовал, чтобы все случаи недовольства разрешались законным путем. «Я не могу допустить, — писал он, — чтобы тирания задушила свободу страны... но не могу потерпеть и того, чтобы народ топтал ногами законность»⁷⁸. Требования крестьян, идущие дальше мартовских законов, по мнению Кошута, угрожали национальному единому фронту, и разрешение их должно было быть отложено до окончательной победы над врагом⁷⁹. 8 декабря Кошут обратился с письмом к крестьянам комитата Бекеш. В этом письме Кошут резко осудил всех, «кто подстрекает к незаконным действиям». «Тот, кто подстрекает вас к беспорядкам, — писал Кошут, — тот враг страны, враг нашей свободы, тот стремится погубить нашу отчизну»⁸⁰.

Восстание в Бекеше было последним в ряде крупных крестьянских волнений, которые в течение длительного времени потрясали страну. Уступки правительства крестьянам, отмена десятины на виноградники на основе постановления Собрания 15 сентября не могли разрешить все основные проблемы крестьянства. Временный спад крестьянского движения объясняется включением крестьян в общенациональную патриотическую борьбу против Габсбургов в надежде на то, что победа над врагами коренным образом улучшит их положение. В этом убеждало их и правительство.

Широкое участие крестьян в национально-освободительной войне определялось еще и действиями врага. Жестокая расправа над крестьянами со стороны банд Елачича и Виндишгреца вызывала гнев и ненависть крестьян; они стали понимать, что только победа над внешним врагом принесет освобождение.

Ошибочность взглядов Кошута на крестьянские выступления сказалась в его отношении к Танчичу, которого он грозил предать суду как человека, «противодействующего борьбе за свободу и независимость страны в интересах камарильи»⁸¹.

Между тем Танчич в этот период целиком и полностью отражал интересы и стремления крестьян. В своей газете он опубликовал письмо крестьян, отражающее яростную ненависть их к классу помещиков. Крестьяне писали о том, что в их адрес поступают многочисленные призывы выступить на защиту отчизны от врага. Однако эти призывы их не трогают. «Ведь мы еще не почувствовали добра от свободы... Мы не можем быть добрыми патриотами, так как у нас до сих пор не было родины». Далее крестьяне указывают, что их основной враг — помещики, еще больше, чем венский двор. Венская камарилья хочет восстановить прежние порядки, но ведь и помещики не отказываются от барщины и десятины. «У нас больше врагов внутри страны, чем в Вене»⁸².

Хорватскую армию они не могут считать своим врагом, «ибо ее солдат под угрозой виселицы заставляют идти на нас». Письмо заканчивается словами: «Мы восстанем, но не по вашему призыву, а для того, чтобы не дать истребить венгерскую нацию»⁸³.

Танчич, приводя это письмо, показывает настроения крестьян, их ненависть к помещикам и их классовую солидарность с крестьянством национальных областей.

Танчич показал, что крестьянство не удовлетворено, что оно требует, чтобы блага революции распространились и на него, что оно не доверяет правительству дворян. Танчич указывал на непосильные арендные платежи, обременительные косвенные налоги и т.д.⁸⁴

В целях борьбы с влиянием Танчича на крестьян правительством была организована газета «Неп ба-ратья» («Друг народа»), главной задачей которой было привлечь крестьянство на сторону правительства. Однако она не уменьшила влияния газеты Танчича, ставшей трибуной недовольных и протестующих крестьян.

Стремясь нанести удар по любимому крестьянскому вождю и по боевой популярной народной газете, правительство налагало на нее большие штрафы и всячески ограничивало ее распространение.

Успех военных действий решался не только личным составом всех родов войск, но и их оснащенностью оружием и военным снаряжением. Слабое развитие венгерской промышленности, в частности военной, недостаточное развитие торговли и транспорта — все это было значительным препятствием для организации хорошо вооруженной и снабженной всем необходимым революционной армии. Сырьевые ресурсы, нужные для развития военной промышленности, были явно недостаточными. Венгрия была богата медью, но очень бедна оловом и свинцом. Последнее определяло слабость металлургической промышленности. Что касается чугуна, то, по данным 1842—1847 гг., ежегодная выработка его составляла 657 тыс. центнеров. Центром добычи железной руды были комитаты на севере страны: Гёмёр и Сепеш. Количество ее было недостаточным даже для мирного времени. Добыча угля была также незначительной, при этом уголь добывался в южных комитатах Крашшо и Баранья, где ежегодно добывали только 580 тыс. центнеров угля. Селитру, необходимую для производства боевых припасов, добывали во многих местах, особенно в северо-восточных комитатах Саболич и Бихар, а также в окрестностях г.Дебрецена. Однако количество ее для нужд обороны было недостаточным.

Производство ружей и военного снаряжения также не удовлетворяло потребности войны. Кошут стремился перевести имеющиеся в стране предприятия на производство военной продукции и создать новую военную промышленность в отдаленных от фронта комитатах. К началу национально-освободительной войны вступили в строй пороховые мельницы, из коих наиболее мощные были в северо-западных горных районах Бестерцебанья. Пороховые мельницы меньшей мощности находились в комитате Пожонь, а также на северо-востоке — в г.Кашша.

Сталелитейной промышленности в стране почти не существовало, химическая была в самом зачаточном состоянии. Низким было и развитие текстильной промышленности, столь необходимой для обмундирования армии.

С момента возникновения опасности вражеского вторжения вопрос о вооружении и материальном оснащении армии, о ее обмундировании приобрел первостепенное значение.

Еще 6 июня 1848 г. Совет министров поручил министру обороны Месарошу срочно ликвидировать недостаток оружия. С этой целью на производство ружей и военного снаряжения революционное правительство мобилизовало цеховых ремесленников и кустарей; приказано было перековать на боевое оружие 100 тыс. кос. Национальной гвардии разрешено было вооружаться охотничьими ружьями. Все усилия направлялись к тому, чтобы как можно лучше вооружить войска наиболее угрожаемых областей.

5 июля Чачи писал Кошуту относительно обмундирования добровольческих отрядов: «Добровольцы, находящиеся в Пече, оборваны... Они прошли через весь город, раздетые, грязные, вызывая иронические усмешки у наших врагов и душевную боль у наших граждан»⁸⁵.

Вплоть до наступления Елачича, т.е. до 11 сентября, в создании обороноспособной армии допускалось множество проволочек и оттяжек. Большой вред приносили саботажники, занимавшие ответственные посты в министерстве промышленности. Еще 13 июня Сечени писал Клаузалу: «Только что мне сообщили из машиностроительного и оружейного завода, что до сего дня они еще не получили образцов оружия. Если завод не сможет своевременно выполнить свои обязательства, то вину следует отнести за счет тех, которые... так опаздывают с выдачей образца»⁸⁶.

Как только началось наступление Елачича, потребовалась большая работа по реорганизации производства оружия и боеприпасов. Необходимо было объединение руководства различными отраслями промышленности: горнодобывающей, металлургической, машиностроительной, текстильной, конфекционной, химической. В целях подготовки успешного отражения врага Комитет обороны предпринял ряд мер в этом направлении.

Он оказывал денежную поддержку заводам, предоставляя им заказы на большую сумму, кредиты на создание новых предприятий и на переоборудование и пуск бездействующих производств. Для расширения и укрепления оборонной промышленности Комитет обороны не жалел никаких средств.

«Последние филеры казны я охотно отдал бы за оружие, — писал Кошут. — На просьбу денег для защиты родины во имя чести нации мой ответ был всегда таков: «Действуйте, действуйте, для защиты родины всегда есть деньги, будут деньги»»⁸⁷.

В итоге этих мер Пештский военный завод приобрел машины на государственный счет, а металлургическое предприятие в Пече получило 6 тыс. форинтов на три года, взяв на себя обязательство поставлять пушки, пули и оборудование для железнодорожного транспорта.

Объединение металлургических заводов в Озде также получило 6 тыс. форинтов для производства оружейных стволов. Специальные комиссары были направлены на эти предприятия для контроля за использованием полученных средств.

В наиболее острый период борьбы за независимость Комитет обороны предпринял ряд мер по организационному объединению всех отраслей промышленности, работавших на оборону, по укреплению их и повышению их производительности. В этих целях проведена была национализация наиболее крупных военных предприятий. Так, 14 ноября 1848 г. национализирован был Пештский оружейный завод и приняты были решительные меры по его техническому оснащению. Из Шопрона доставлены были гидравлические прессы, токарные станки. Частично оборудование контрабандным путем доставлялось из-за границы. Завод обязался в кратчайший срок дать стране 100 тыс. ружей со штыками. Штыки должны были поставляться Пештскому военному заводу предприятиями из различных районов страны.

Забота об отечественной промышленности была тем более необходима, что, в силу закрытия австрийской границы, получение оружия из-за рубежа было сопряжено с большими трудностями.

В целях борьбы с саботажем и предательством, во главе Пештского завода поставлен был крупный военный специалист Тивадар Ромбауэр. С других работающих на оборону предприятий удалены были руководители-саботажники.

Национализация Пештского военного завода и все организационные мероприятия, с этим связанные, были новаторским шагом в хозяйственной деятельности революционного правительства. Все это не замедлило сказаться в быстром росте военной промышленности. С переводом ряда предприятий на производство вооружения сказался недостаток рабочей силы. В условиях недостаточного развития промышленности в Венгрии и нехватки высококвалифицированных рабочих проблема рабочей силы для военной промышленности могла быть решена лишь в результате принятия чрезвычайных мер.

В воззвании, изданном в этой связи Комитетом обороны, говорилось: «Правительство ждет от каждого патриота, что он будет способствовать мобилизации ружейников, необходимых для предприятий нашей страны»⁸⁸.

Танчич в письме к рабочим Пештского оружейного завода, обращаясь к их национальному и патриотическому долгу, писал: «На этом заводе дела шли не всегда так, как следовало бы. Я не хочу перечислять все злоупотребления... Наши враги... могут добиться того, что у нас не станет оружия... Друзья мои! Ваша работа теперь имеет первостепенное значение для отчизны. Вы станете достойными такой же награды... как те, которые..., благодаря вашему труду, борются за победу»⁸⁹.

Вместе с тем, правительство предприняло ряд мер по укреплению трудовой дисциплины и военизации заводов. По поручению Кошута, Ромбауэром разработан был проект трудового устава, говорившего о распространении воинской дисциплины на все военные предприятия. Установлен был твердый режим рабочего дня, вводились штрафы за опоздание, нерадивость, пьянство. Рабочиеобъявлялись ответственными за сохранение всего заводского оборудования.

Запрещен был свободный переход рабочих с одного предприятия на другое; требовалось предварительное предупреждение за четыре недели. Рабочие обязаны были извещать о перемене местожительства в течение суток. Проступки словом или действием против заводской администрации наказывались увольнением, передачей в руки полиции и т.д.⁹⁰

Можно ли считать, что все эти суровые меры были вызваны исключительно требованиями революционной национально-освободительной борьбы? Отчасти — да.

Однако революционное правительство, идя по линии удовлетворения оборонных нужд и оказывая всяческую поддержку верхам — организаторам промышленности, лишь в крайних случаях, и то в небольшой степени, оказывало внимание насущным нуждам рабочих военных предприятий. В очень малой степени оно заботилось о личных нуждах рабочих, о продовольственном снабжении, и всякие попытки рабочих добиться удовлетворения насущных требований оценивались Кошутом как контрреволюционные выходки.

Слабо заботясь о продовольственном снабжении рабочих даже военной промышленности, правительство все же много внимания уделяло снабжению продовольствием людского состава армии, в первую очередь Верхнедунайской. Снабжение продовольствием, по мнению Кошута, не должно было идти в ущерб интересам населения. Однако правительственные комиссары часто были вынуждены нарушать это общее положение. Кошут считал, что в таких случаях правительственные органы должны исправлять ошибки своих комиссаров. В противном случае, писал Кошут, население, «разочарованное, отвернется от нас»⁹¹.

Вопрос о производстве оружия оставался постоянно острым. 1 декабря 1848 г. Кошут писал одному из своих комиссаров: «У нас достаточно людей, которые хотят и могут защищать родину. Нам надо только их вооружить»⁹². Однако принятые мероприятия позволили укрепить армию и дать ей возможность успешно вести войну против внутренних и внешних врагов⁹³.

Так была использована 6-недельная передышка в военных действиях.

Но передышку использовала и дворцовая камарилья.

Созданное 21 ноября министерство Шварценберга, переехавшее подальше от революционной Вены, в Кро-мержиж, выступило 27 ноября в рейхстаге с программной декларацией, в которой подчеркивалось единство империи и требовалось беспрекословное подчинение власти Габсбургов всех национальных земель. В целях беспрепятственного проведения в жизнь этой декларации, 2 декабря совершен был дворцовый переворот. Фердинанда, скомпрометировавшего себя в глазах сторонников империи неспособностью справиться с революцией и ставшего тормозом для решительных действий, камарилья заставила отречься и возвела на престол сына эрцгерцога Франца-Карла, 8-летнего Франца-Иосифа, не связанного никакими обещаниями венгерскому Государственному собранию. Этим камарилья развязала себе руки в отношении непокорной Венгрии. Смена императора и установление власти Франца-Иосифа были результатом длительной борьбы дворцовой партии, за которой стояли самые реакционные круги династии как самой Австрии, так и Венгрии. Эту партию возглавляли властолюбивая эрцгерцогиня Софья, мать Франца-Иосифа, и дядя его — эрцгерцог Людвиг. Придя к власти в результате Кровавого Подавления октябрьского восстания в Вене, партия эта считала необходимым для окончательной победы над революцией нанесение сокрушительного удара по национально-освободительному движению в Венгрии.

5 декабря в письме к Чани Кошут изложил свою позицию в отношении совершившегося дворцового переворота.

Основная цель переворота, писал Кошут, — передать власть монарху, который не связан обещанием сохранять конституцию Венгрии. Кошут просил Чани повлиять на Гёргея, чтобы последний особой декларацией призвал армию к подчинению только своему правительству⁹⁴.

6 декабря вопрос о переменах на престоле был поставлен на обсуждение Государственного собрания. Новое вероломство Габсбургов встретило единодушное возмущение всех депутатов. Иोजеф Мадарас подчеркнул, что смена императоров, произведенная камарильей, противоречит законам Венгрии. Он с гневом говорил о намерении «этого парня Франца-Иосифа» низвести Венгрию до положения «жалкой провинции»⁹⁵.

Ласло Мадарас заявил, что никому не дано права по своей воле распоряжаться венгерской короной. Давно было известно, говорил он, что Фердинанд не в состоянии управлять страной. Необходимо было избрать регента, а не идти по пути «комедии», официально называвшейся «отречением»⁹⁶.

Резолюция Государственного собрания, принятая в тот же день большинством, осуждала политику Габсбургов, подчеркивала, что венгерское правительство, созданное на основе конституции, по-прежнему сохраняет свою независимость; Собрание будет по-прежнему стоять на защите конституционных прав Венгрии и вооруженным путем защищать свое отечество от всяких узурпаторских действий⁹⁷. Государственное собрание уполномочивало Комитет обороны управлять страной от имени нации и распоряжаться всеми гражданскими, духовными и военными властями.

Позиция революционной армии была не менее определенной, чем Государственного собрания. Комиссар Верхнедунайской армии Чани по этому поводу сделал следующее заявление: «Армия Верхнего Дуная выражает свое мнение относительно перемен на троне. Она заявляет, что не признает эти изменения законными и считает своим священным долгом защищать Государственное собрание и правительство, независимость Венгрии, основные права нации, согласно клятве верности родине и конституции».

Это заявление Чани было большим успехом политики Кошута и доказательством верности армии⁹⁸.

Военное положение не позволяло венгерскому правительству решительно выступить против тех губительных для Венгрии мер, которыми грозил дворцовый переворот в Вене. К моменту переворота положение на фронтах было тяжелым. 17 ноября столица Трансильвании Коложвар (Клуж) была занята австрийцами. На южном фронте велась упорная борьба с сербами. На северо-востоке страны австрийский генерал Шлик занял комитат Шарош, а несколько позднее захватил и крупный город — Кашшу. Наконец, была постоянная и серьезная опасность со стороны Виндишгреца. И венгерское правительство сделало попытку пойти на соглашение с правительством Франца-Иосифа. В своем письме к Чани Кошут сообщает, что он распорядился через Телеки поставить Европу в известность о положении Венгрии. Если и есть возможность соглашения, то только на определенных условиях, писал Кошут, Венгрия только в том случае подчинится одному с Австрией королю, если будет признана ее независимость. Новый монарх сможет править только на основе законности, только если он будет уважать права и законы страны. «Пусть молодой король, — продолжал Кошут, — откажется от политики камарильи, признает все законные права Венгрии, самостоятельный кабинет министров, и страна согласится короновать его и не отрываться от Австрии»⁹⁹. Кошут рассчитывал на известную поддержку со стороны левой части рейхстага. Он называл в качестве лица, от которого Венгрия может ждать признания, журналиста Эрнста Виоланда, действительно являвшегося самым радикальным представителем австрийской общественности¹⁰⁰. Однако все эти планы Кошута не нашли практического применения. Австрийское правительство не сочло нужным прислушаться к этим требованиям, поскольку оно стремилось подчинить Венгрию при помощи оружия.

48 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.5, стр.494.

49 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.90.

50 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.30.

51 АВПР, Vienne, 1848, Папка № 182. Подробно см. книгу: Р.А.Авербух. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг. М., 1935, стр.108

52 «Marcius Tizenotodike», 1848, november 2.

53 «Kozlony», 1848, november 11; Ember Gyozo. Kossuth a Hon-vedelmi Bizottmany elen — «Emiekkonyv Kossuth Lajos szilletesenek 150. evfordulojara». Kot.I, Budapest, 1952, 222 old.

54 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.176

55 Там же, стр.175.

56 Переписка опубликована в кн. Kossuth Lajos Osszes munkai. Kot.XIII. Budapest, 1952.

57 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIII, 503 old.

58 Ibidem.

59 В своем письме Кошут предлагает на усмотрение Семере следующий список будущего правительства: Кошут сохраняет за собой политическое руководство, руководство финансами и военными делами. Ньяри должен руководить продовольствием, экипировкой и материальным снабжением войск; Семере — министерством юстиции; Мадарас — министерством внутренних дел; Перени — торговлей; Вукович — транспортом; Ласло Телеки — внешними сношениями; католический епископ М.Хорват и протестантский К.Сентивани — вопросами культов; Казмер Баттьяни — национальной гвардией. Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XIII, 504—505 old.

60 Ibidem.

61 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XIII, 504 old. В письме к Ньяри о «диктаторских» стремлениях Кошута Семере писал еще более откровенно. «Я не хотел бы видеть Кошута диктатором, а потому — и правителем, но что он как руководитель обладает многими полезными качествами — это тоже правда. Их надо лишь ограничить, умерить». Deak Imre (szerk.). 1848 ahogyan a kortarsak lattak (A szabadsagharc tortenete levelekben) [Budapest, 1943], 269—270 old.

62 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIII, 506 old.

63 Иозеф Реваи. Маркс и венгерская революция 1848—1849 гг. Budapestini, 1951, стр.18.

64 См. Balazs Jozsef, Borus Jozsef, Nagy Kalman. Kossuth, a forradalmi honvedelem szervezoje.— «Emiekkonyv Kossuth Lajos szilletesenek 150. evfordulojara». Kot.I. Budapest 1952, 315—316 old.

65 Ibid., 316 old.

66 Orszagos Leveltar, 1848 evi. Egressy Gabor iratai. 1285. H.104.

67 Emb e r Gyozo. Op. cit, 229 old.

68 «Kozlony», 1848, december 16. См также Ember Gyozo. Op. cit., 274 old

69 Состояние армии и соотношение вооруженных сил на начальном этапе войны лучше всего обрисовал Кошут, когда он сообщал 26 октября из лагеря на Лейте: «Против нас стоят 65 000 солдат регулярной армии, в том числе 8000 конников, в то время как у нас едва наберется 30000 человек, в том числе 7000 обученных солдат и не более чем 1750 гусар. Но зато последние непобедимы. Остальная часть нашей армии не обучена, не умеет даже зарядить ружье, не только стрелять». Farkas Lajos, Rado Geza. Op.cit., 691 old.

70 Orszagos Leveltar. Orszagos Honvedelmi Bizottmany, 3824, 8.

71 Ibidem.

Р. А. Авербух

72 См. Spira Gyorgy Kossuth Lajos forradalmi, 221 old.

73 Ibidem.

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА в ВЕНГРИИ 1848-1849

74 К июню 1849 г. в венгерских войсках насчитывалось 18 кавалерийских гусарских полков, включавших 148 рот.

75 Balazs Jozsef, Borus Jozsef, Nagy Kalman. Op.cit., 558 old.

М.: Наука. 1965

76 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIII, 595 old.

77 Ember Gyozo. Op.cit, 233 old. *Хиос и Ионийский Век Просвещения, 2009-2010*

78 Kossuth Lajos. Osszes munkai, Kot.XIII, 672 old.

79 Ibid., 671 old.

80 Ibid., 675 old

81 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIII, 873 old.

82 «Munkasok Ujsaga», 1848, October 17, 27—28 old.

83 Ibidem.

84 Barta Istvan A kormány parasztpolitikája 1849 ben — «Szazadob, 1956, 1—2 szam, 14 old.

85 Farkas Lajos, Rado Gëza. Op.cit., 690 old.

86 «Kozlony», 1848, szeptember 13.

87 Balazs Jozsef, Borus Jozsef, Nagy Kalman. Op.cit, 365 old.

88 «Kozlony», 1848, november 14.

89 «Munkasok Ujsaga», 1848, november 28, 69 old

90 См. Merei G. Magyar iparfejloides 1790—1848. Budapest, 1952, 396—397 old.

91 Ember Gyozo Op.cit., 248 old.

92 Ibid, 241 old

93 По данным, относящимся к июню 1849 г, регулярная армия состояла из 170 тыс. бойцов, имела на руках 120—140 тыс. винтовок. Артиллерия насчитывала 508 полевых орудий, в крепостях, бывших в руках венгров, было также 1231 орудие. Balazs Jozsef Borus Jozsef, Nagy Kalman. Op.cit., 355 old.

94 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XIII, 649 old.

95 Joh. Janotycky v. Adierstein. Chronologisches Tagebuch der magyarischen Revolution. Dritter Band. Wien, 1851, S. 314.

96 Ibid., S. 315.

97 Ibid., S. 3,16—317.

98 Ember Gyozo. Op.cit, 232 old.

99 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIII, 662 old.

100 Kossuth Lajos Osszez munkal Kot XIII, 662 old.

3. Оборона Пешта. Эвакуация столицы

В декабре 1848 г. императорская армия угрожала Венгрии со всех сторон. В это время венгерская армия была сконцентрирована на наиболее ответственных участках фронта. 12 тыс. гонведов еще в сентябре 1848 г. отразили атаки вражеских войск в Воеводине. В декабре небольшая 7-тысячная армия вступила в Трансильванию. Ее возглавлял Юзеф Бем, пробравшийся в Венгрию после падения Вены. На границе Штирии действовал 6-тысячный корпус генерала Перцеля. Другие гонведские части расположены были на северной границе Венгрии для защиты ее от вторгнувшихся из Галиции австрийских войск во главе с генералом Шликом.

Энгельс считал положение Венгрии трагическим: венгры окружены со всех сторон во много раз превосходящими силами противника. Обстановка напоминает Францию 1793 г., но с той разницей, что редконаселенная и лишь полукцивилизованная страна мадьяр не имеет в своем распоряжении тех ресурсов, которыми располагала тогда Французская республика. Оружие и боевые припасы гонведов плохого качества. «Страна значительно меньше Фракции, и поэтому каждый дюйм уступленной территории является значительно большей потерей. У мадьяр остается только их революционный энтузиазм, их смелость и энергичная, быстрая организация, которую сумел дать им Кошут. Однако это не означает, что Австрия уже выиграла войну»¹⁰¹.

Эта характеристика военного положения Венгрии, данная Энгельсом, должна быть дополнена характеристикой положения венгерской армии, материал для которой тогда еще не был известен. Революционные методы войны, сторонником которых был Кошут, отвергались командованием армии Кошут придавал большое значение партизанским, летучим отрядам. Так, уже 7 ноября в письме к Гёргею в Пожонь Кошут требовал широко использовать народное ополчение для действия в прифронтовой полосе. В случае вынужденного отступления поручить ему взрывы мостов, уничтожение продовольствия и другие диверсионные действия, направленные против Jpara¹⁰². В этом же направлении идут декабрьские распоряжения Кошута о создании постоянных летучих отрядов в целях охраны границ и поражения одиночных вылазок неприятеля. Эти летучие отряды должны формироваться как самостоятельные единицы, быть постоянно в движении и присоединяться к регулярным войскам лишь в целях защиты родного края¹⁰³. Комитет обороны обращался также непосредственно к народу с призывом подняться на священную народную войну против врагов¹⁰⁴. Но Гёргей был профессиональным офицером австрийской школы. Он делал ставку только и исключительно на регулярные войска, не признавал национальных гвардейцев, летучие и партизанские отряды. К тому же он принес в революционную венгерскую армию старые порядки австрийской военщины: муштру, телесные наказания. Он был сторонником самых «классических» методов ведения войны¹⁰⁵.

В расчете на то, что в ближайшее время австрийцы наступления не предпримут, Гёргей недостаточно укрепил австрийскую границу на всем пути от Пожоня до столицы. Между тем укрепление Пожоня имело очень большое значение: это был важный стратегический пункт, от которого открывались пути на север в горняцкий район, с одной стороны, и к столице Австрии, с другой¹⁰⁶.

В течение всего ноября шла активная переписка между Кошутом и Гёргеем по поводу дальнейших военных действий. В письме от 29 ноября Кошут настаивал на том, чтобы ни в коем случае не сдавать неприятелю Пожоня. «Я считаю совершенно невозможным, — писал Кошут, — чтобы враг осмелился глубоко проникнуть в страну... не сдавайте с легкостью Пожонь. Больше того, прикажите держать его до последней возможности. Это не приказ, а личное мнение. Принимать решение предоставляется вам, как вам же будет принадлежать как слава, так и моральная ответственность»¹⁰⁷.

В письмах этого периода, несмотря на недовольство действиями Гергея, Кошут всячески стремится воздержаться от тона приказа, щадит самолюбие Гёргея.

Это свое требование к Гёргею Кошут еще раз подтвердил в письме от 2 декабря. Выражая надежду на то, что Пожонь не будет сдан неприятелю, Кошут призывал Гергея спасти священное дело родины и нанести решительный удар неприятелю¹⁰⁸. Контроль за осуществлением политической линии правительства Кошут поручил своему военному комиссару Чани, который также с недоверием относился к действиям Гёргея в армии. Надежда венгерского правительства на то, что наступление австрийцев задержится до весны, не оправдалась.

Военные действия открылись в середине декабря 1849 г. концентрическим наступлением. Под командованием австрийского генерала Виндишгреца из Австрии выступили 3 корпуса численностью свыше 50 тыс. человек. В различных районах Венгрии и пограничных ее областях находилось свыше 160 тыс. неприятельских войск.

Этим силам Венгрия могла противопоставить армию, состоявшую из 60—70 тыс. человек обученных войск. Однако, в то время как Австрия, стоявшая накануне финансового краха, мобилизовала для войны все свои ресурсы и австрийское правительство не могло больше выставить ни одного рекрута, венгры располагали большими возможностями в смысле мобилизации резервов. Венгерская армия к тому же была только что реорганизована и приспособлена к новым условиям войны. Правительство создало сильную артиллерию с обученным, опытным инженерным составом, прославившимся в войне, внушавшим страх врагу¹⁰⁹.

Венгры надеялись продержаться в районе между Пожоном и Пештом в течение 2—3 месяцев. Однако наступили редкие для Венгрии сильные морозы, реки замерзли и тем самым благоприятные условия защиты были потеряны¹¹⁰. Возведенные венграми укрепления были обойдены, а превосходство сил противника сыграло свою решающую роль.

Несмотря на неоднократные призывы Кошута об обороне Пожоня, Гёргей письмом от 18 декабря известил о своем отступлении к Дьеру. В ответном письме Кошут писал: «Помните мои слова... сила венгерской армии в наступлении, а не в пассивной обороне. Не давать покоя неприятелю, постоянно предпринимать вылазки против него. Только это даст возможность удержаться. А удержаться нужно во что бы то ни стало!.. Я призываю нацию подняться на национальную войну, только вы удерживайте свои позиции. А вместе с тем родину»¹¹¹.

Одновременно Кошут дал распоряжение армии Перцеля, отступавшей под напором австрийцев с юго-запада, идти на соединение с левым крылом армии Гёргея. Выполняя этот приказ, Перцель во главе 5-тысячной армии пробивается на север. Несмотря на частичный успех — занятие высоты Мора, осуществить полностью намеченный план ему не удалось. Помешало, с одной стороны, наступление Елачича и, с другой, отступление Гёргея.

Между тем Гёргей готовился сдать Дьер. «Вы хотите покинуть Дьер, — писал Кошут Гёргею 27 декабря, — и отступить на Банхиду?.. Покинуть Перцеля, спешащего вам на помощь и... оставить открытой дорогу Вена — Дьер — Пешт для того, чтобы враг мог, посвистывая, прогуляться по ней до Пешта?.. Что же, нам без единого удара саблей сдать всю страну?»¹¹²

Если раньше Кошут обращался как бы с просьбой к Гёргею, то к концу декабря события заставляют его дать прямую оценку его действий. Кошут резко критикует Гёргея за политику непрерывных отступлений. Затем последовали приказы. «Сим приказываю, а не только выражаю личное мнение, — писал Кошут 27 декабря, — привлечь к себе с левого берега Дуная столько сил в помощь, чтобы ваши войска, Перцеля и левобережные вспомогательные силы совместно составили бы 30 тыс. человек, и преградите путь врагу»¹¹³.

31 декабря Гёргей сообщил Кошуту о том, что он без боя отошел на другой берег Дуная. И это несмотря на то, что крепость Комаром продолжала обороняться. «Я это делаю не потому, что уверен, будто это лучший шаг для спасения родины, — высокомерно заявлял Гёргей, — а так как убежден, что при исключительных обстоятельствах только один человек может распоряжаться и отдавать приказы»¹¹⁴.

Вопреки всем стремлениям правительства принудить Гёргея к активным наступательным действиям, отступление продолжалось, и Дьер был сдан¹¹⁵.

С момента отступления от Дьера стало очевидным поражение венгерской армии и неизбежность сдачи столицы. Положение усложнялось еще и тем, что на северо-восточном фронте венгерская революционная армия не сумела сдержать наступление войск австрийского генерала Шлика, которому удалось занять несколько важных опорных пунктов в районе северных Карпат — Бартфа, Эперьеш, Кашша.

Страшная беда нависла над страной. Что будет дальше, за кем пойдут народные массы, какова будет судьба правительства, Комитета обороны, Государственного собрания, как спасти армию, оборонную промышленность? Такие жгучие вопросы были выдвинуты жизнью перед членами правительства и депутатами Государственного собрания. На закрытом, а затем публичном заседании двух палат 31 декабря Кошут выступил со своим планом срочной эвакуации правительственных органов — Комитета обороны и Государственного собрания в Дебрецен¹¹⁶.

В своем выступлении о необходимости создания нового правительственного центра в Дебрецене он сказал: «Возможная потеря столицы еще не означает потери страны... правительство не бросит на произвол судьбы армию и это даст возможность армии устоять»¹¹⁷.

С резко противоположной точкой зрения выступил Лайош Баттьяни. Он предлагал перевезти в Дебрецен только Комитет обороны. Одновременно он предлагал направить депутацию к Виндишгрецу для переговоров о заключении «приемлемого» мира.

Это был по существу законченный план капитуляции перед камарильей. Оставление Государственного собрания в Пеште по плану Баттьяни необходимо было для того, чтобы узаконить эту капитуляцию, не говоря уже о том, что переезд одного только Комитета обороны без Государственного собрания в Дебрецен должен был означать его изоляцию и лишение законных полномочий.

Баттьяни нашел поддержку в лице влиятельных членов Государственного собрания и Комитета. К ним относились такие сторонники соглашения с камарильей, как Янош Палфи и Иштван Безереди. С другой стороны, целый ряд депутатов, представителей среднего дворянства, остались верны Кошуту. Таковы были Антал Хункер, фёйшпан комитата Веепрем, и член Комитета обороны Жигмонд Перени.

С резкой критикой позиции Баттьяни выступил последователь французских якобинцев Ласло Мадарас. Сурово осудив всех тех, кто стремился уничтожить Комитет обороны и фактически распустить Государственное собрание, Ласло Мадарас призывал депутатов твердо стоять на посту. «Решайте, господа! Если вам угодно, чтобы Комитет обороны уехал, а депутаты остались здесь..., то этим самым вы подпишете свой собственный смертный приговор... История запомнит имена предателей и проклятие нации будет следовать за нами. Если мы не будем способны защитить венгерскую нацию, то страна будет стерта с лица земли».

Полный уверенности в конечной победе, Мадарас воскликнул: «Поверьте мне, нация воскреснет, и первыми жертвами ее мести будут те, кто намерен не защищать ее свободу, а предавать ее»¹¹⁸. На этом же заседании с планом продолжения войны выступил военный министр Месарош. Он доказывал, что еще не все потеряно, предлагал продолжать отступление на восток, за Тиссу и тем самым создать благоприятные условия для будущих побед. «Там лежит сила Венгрии, — говорил Месарош, — там мы сильны..., там найдут себе австрийцы могилу, если они пойдут так далеко»¹¹⁹.

На окончательное решение Государственного собрания большое влияние оказали выступления народных масс Пешта. Народ не оставался пассивным зрителем всего происходившего. В ночь на 31 декабря народные массы окружили Государственное собрание, требуя отъезда его из Пешта и мобилизации сил против предателей родины, на разгром врага.

Эти демонстрации показали решимость народных масс бороться за дело революции. Это была серьезная угроза снизу, оказавшая большое влияние на ход дебатов в Государственном собрании и определившая победу левых сил.

В эти дни все помыслы Шандора Петефи были направлены на осмысливание всего происшедшего и на определение тех задач, которые стояли перед нацией. Поражение венгров на фронте Петефи воспринял не как катастрофу, а как событие, которое поможет революции очиститься от всего враждебного, что к ней временно примкнуло, чтобы «гнусные негодяи... не примазывались к нам, надеясь получить вознаграждение вместо кары»¹²⁰. Петефи был полон надежд на конечную победу. Он утверждал, что поражение революции во всех странах явление временное. «От того, что пламя убыло, огонь еще не погас; от того, что туча заволокла солнце, оно еще не истлело»¹²¹. Он был твердо убежден в грядущей победе и призывал отбросить тревогу и отчаяние, верить в свои силы и бороться. Враги должны найти гибель на венгерской земле.

Голос Петефи был голосом всей мартовской молодежи, объединявшей плебейские массы.

С резким осуждением соглашателей и политики Баттьяни выступила газета Танчича. В последних ее номерах Танчич доказывал, что народ должен быть бдителен по отношению к тем, кому он доверил свою судьбу.

Мощные народные выступления, пламенная агитация Петефи и Танчича оказали свое влияние на депутатов Государственного собрания. Сторонники Баттьяни оказались в меньшинстве, а колеблющиеся, из боязни народной мести, поддержали левых. В результате голосования принято было предложение Кошута об эвакуации Государственного собрания и Комитета обороны в Дебрецен. Решено было также вывести из Пешта вооруженные силы, военные предприятия и оборудование. Всем депутатам Государственного собрания предложено было под угрозой наказания покинуть Пешт¹²².

До нас дошел черновик воззвания правительства к народу Венгрии в связи с переездом в Дебрецен, в котором, в частности, говорится о необходимости оставления столицы по военным соображениям для обеспечения правительству возможности спокойно работать. Воззвание проникнуто верой в народную поддержку, в справедливость целей венгерской революции, в ее победу¹²³.

Таким образом, победу в Собрании одержали Кошут и левые. Но вместе с тем Лайошу Баттьяни удалось добиться постановления о посылке депутации к Виндишгрецу с целью заключения компромиссного соглашения.

На следующий день, 1 января 1849 г., началась эвакуация столицы. 5 января Пешт был занят австрийцами. Руководство технической стороной эвакуации Кошут поручил одному из наиболее энергичных своих комиссаров, Ласло Чани. Последний проделал поистине сверхчеловеческую работу и обеспечил в кратчайший срок перевозку военных заводов, всех денег и движимого имущества казны по направлению к Дебрецену¹²⁴. Однако в то время как народ, не щадя себя, спасал государственные ценности, заместитель министра финансов Ференц Душек организовал саботаж и воспрепятствовал вывозу драгоценностей на сумму 1 млн. 800 тыс. форинтов, пожертвованных народом на оборону¹²⁵.

Первого января, по описанию очевидца, все население столицы поднялось, чтобы отправиться в путь. Железнодорожным транспортом, на подводах и пешком двинулись правительство, депутаты Государственного собрания, чиновники министерств и население города. Вывозились военные предприятия и личный состав военных заводов. Многие рабочие частных предприятий брали расчет и покидали город.

Если депутаты Государственного собрания, в первую очередь будущие сторонники «Партии мира», покидали Пешт из боязни возмездия со стороны народа, то демократические массы города уезжали с тем, чтобы продолжать борьбу и вернуться вслед за победоносной армией.

Железная дорога Пешт—Солнок не могла обеспечить перевозку людей и имущества. С этой целью были мобилизованы тысячи подвод, забившие все шоссейные дороги и двигавшиеся в течение всего января. Для эвакуации оборудования одного лишь государственного военного завода потребовалось 400 подвод, а 800 рабочих при 25° морозе вынуждены были идти пешком¹²⁶.

Эвакуация проходила настолько организованно, что Виндишгрец не решился преследовать отступающие венгерские войска. Борющийся за свободу венгерский народ не только благополучно пережил этот кризис, но и подготовил промышленность к весеннему контрнаступлению. Оружейный завод, мастерские по изготовлению боеприпасов и обмундирования направлялись в Надьварад, поскольку в Дебрецене их негде было разместить. Кроме того, Надьварад был расположен в центре металлургии, в окрестностях его находились шахты и домны, снабжавшие военные заводы металлом. Все это привело к тому, что уже к началу февраля оружейный завод стал давать продукцию.

Эвакуация Пешта была героической страницей в истории венгерской революции. Проведенная с максимальной организованностью, она подготовила почву для дальнейших побед.

В то время как революция 1848 г. в западноевропейских странах в период с октября по декабрь шла по нисходящей линии, терпя одно поражение за другим, Венгрия находилась в стадии революционного подъема. Единый фронт борьбы, сложившийся в сентябре, продолжал развиваться и получил определенное организационное оформление. Комитет обороны сосредоточил в своих руках всю исполнительную власть. Правительственные комиссары, являясь проводниками его политики на местах, нередко заменяли старых феодальных чиновников — фёйшпанов и алишпанов.

Огромная работа за этот период была проделана по созданию боеспособной армии. Это была армия нового типа, крестьянская по своему социальному составу, включавшая многочисленные интернациональные отряды, опиравшаяся на помощь партизанского движения.

Комитет обороны и Кошут уделили много внимания и забот организации, снабжению и сплочению этой армии, поднятию оборонной промышленности, обеспечению армии всем необходимым.

101 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.185.

102 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XIII, 368 old.

103 Ibid., 785 old.

104 Ibid., 826 old.

105 В письме к Чани от 29 декабря Кошут с большим неодобрением отзывался об экзекуциях и расстрелах в армии, введенных Гёргеєм: «Это оружие обоюдоострое, — писал он, — как бы батальоны не перешли к неприятелю». Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIII, 917 old.

106 О важности Пожоня сообщает Чани 13 ноября. Ibid., 446 old.

107 Ember Gyozo. Op.cit., 256 old.

108 Ibidem.

109 Австрийцы писали, что у венгров на службе работает французский артиллерийский состав. D.Iranyi et Ch.L.Chassin. Histoire politique de la revolution de Hongrie, 1847—1849. Deuxieme partie. Paris, 1860, p.147. С большой похвалой об артиллерии отзываются и русские дипломаты: с их точки зрения, именно артиллерии венгры и были обязаны победой над австрийскими войсками. Приложение к донесению Медема за № 70 АВПР, Vienne, 1849, 1325 апреля. Папка № 186. См. также D.Iranyi et Ch.L.Chassin. Op.cit, p.130.

110 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.552—554.

111 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XIII, 791 old.

112 Ember Gyozo. Op. cit, 259 old.

113 Ember Gyozo. Op.cit, 259 old.

114 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIII, 938 old.

115 Ibidem.

116 Свое отношение к положению страны Кошут изложил в письме к Чани. По словам Кошута, ввиду того, что бои ведутся непосредственно на подступах к столице, приходится правительству и Государственному собранию переезжать в г. Дебрецен, иначе падение Пешта повлекло бы за собой распад правительства. «Если проиграете сражение, — писал Кошут, — спасайте армию, переходите Дунай и направляйтесь вверх к Тиссе». По планам Кошута, Чани должен был остаться в Пеште в качестве высшей власти, «так как ты везде бывал, где находится фронт». Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XIII, 935 old.

117 Ibid., 940 old.

118 «Kozlony», 1849, januar 14.

119 Ibidem.

120 Шандор Петефи. Собр.соч., т.4. М, 1953, стр.184.

121 Там же, стр.185.

122 См. Spira Gyorgy. Kossuth Lajos Torradalmi, 215 old.

123 « Мы ни на кого не нападаем, — говорится в этом воззвании, — мы взяли за оружие лишь для того чтобы защитить свои законы от врагов, пытающихся восстановить против нас наших собственных братьев». Воззвание подчеркивает, что австрийцы «в тех комитатах, куда им удалось поставить свои немецкие ноги, вводят немецкий язык, одевают венгерский люд в белую немецкую форму и отправляют... бороться против свободных народов». Orszagos Leiveltar. Orszagos Honvedelmi Bizottmany, 689, 1849.

124 Farkas Lajos, R a d 6 Geza. Op.cit., 710 old.

125 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 369 old.

126 Farkas Lajos, Rado Geza. Op.cit. 711 old.

4. Попытки венгерского правительства найти поддержку в Англии и Франции

Весьма умеренная программа венгерской революции естественно позволяла венгерскому правительству рассчитывать на сочувствие в Англии и во Франции. Политическая ситуация этих государств к декабрю 1848 г. была, однако, много сложнее, чем это представляло себе венгерское правительство.

Напуганное мощным чартистским движением, которое удалось подавить в мае 1848 г. только с помощью значительных вооруженных сил, и подъемом революционного движения в Ирландии, борющейся за свою независимость, правительство предоставило континентальные государства в Европе их собственной судьбе. Дипломатический представитель царской России в Лондоне Брунов в депеше от 28 марта 1848 г. писал об Англии: «Она собирается с силами и изолируется. В этих двух словах заключается весь секрет английской политики. Возвышаясь на скале в центре этого грандиозного наводнения, Великобритания никому не протянет руку помощи из страха быть втянутой в этот поток»¹²⁷.

Английское правительство придерживалось такой политики и в то время, когда венгерское правительство обратилось к нему за помощью.

Венгерские политические деятели возлагали на Англию большие надежды, рассчитывая, с одной стороны, на исконную ненависть Англии к «вечному сопернику» — России и на то, что Англия поддержит вторую в Европе конституционную страну, с другой — на заинтересованность английских промышленных кругов в венгерском рынке. Экономическая политика Австрии фактически закрывала этот рынок для английских товаров. В австрийской империи была установлена монополия на сбыт в Венгрии австрийских товаров, а также высокие пошлины на товары, ввозимые из Англии. Так, на железо, ввозимое в Австрию преимущественно из Англии, фактически существовали заградительные пошлины. Высокой пошлиной облагалась также хлопчатобумажная пряжа. Ввоз хлопчатобумажных изделий разрешался только по особым лицензиям.

В Лондон в ноябре 1848 г. был направлен депутат Государственного собрания Ласло Салаи, в верительной грамоте которого венгерское правительство обещало предоставить за помощь против Австрии, в случае победы, свободный и беспошлинный доступ английским товарам.

Обещания самостоятельной и независимой Венгрии были слишком заманчивы для английской буржуазии и она не могла оставить их без внимания.

Английские промышленники во главе с Кобденом подняли свой голос в защиту Венгрии.

В письме к Фрейлиграту Маркс дает следующую характеристику движения, возглавляемого Кобденом: «Подобно тому как фритредеры атаковали аристократию внутри страны, разрушая ее материальную основу отменой хлебных законов и навигационного акта, так теперь они атакуют ее по линии ее внешней политики, ее европейских связей, пытаясь разрушить Священный союз. Английские фритредеры — это радикальные буржуа, которые хотят радикально порвать с аристократией, чтобы неограниченно властвовать... Поведение Кобдена в венгерском вопросе было вызвано непосредственно практическими соображениями ...Разумеется, в вопросе о Венгрии у английских фритредеров имеется и прямая заинтересованность. Вместо проводившейся до сих пор австрийской запретительной политики — торговый договор и своего рода свобода торговли с Венгрией. Они уверены, что деньги, которыми они теперь тайком бесспорно снабжают венгров, вернутся к ним обратно с прибылью и процентами путем торговли»¹²⁸.

Интересные данные для характеристики такого отношения английских буржуазных кругов к венгерской революции мы находим в позднейшей переписке Ф.Пульски с рядом его английских друзей, непосредственно связанных с деловым миром Англии и помогавших Пульски в его попытках добиться поддержки Англией венгерского правительства.

Англичане интересовались данными о пароходном движении по Тиссе, о торговом обороте в Венгрии, об отношении населения к венгерским деньгам, о том, как оплачивает Кошут свои войска, о ресурсах Венгрии, особенно перспективами торговли, возможностями отгрузки оружия через Фиуме и даже вопросами о выпуске специального займа для приобретения оружия¹²⁹.

Венгерское правительство добивалось от Англии признания и военной помощи. Признание могло определить собой благоприятное отношение к восставшей Венгрии со стороны Франции и других европейских государств. Поэтому вслед за Салаи в Англию был направлен Ференц Пульски, которому Кошут вручил специальное письмо к лорду Пальмерстону.

Вся деятельность Пульски, как это будет видно ниже, и была направлена на интенсивные поиски поддержки со стороны экономически заинтересованной в связях с Венгрией части английского общества.

Во Французской республике деятели венгерской революции с самого начала видели страну, готовую содействовать борьбе против национального и феодального гнета.

Для этого венгры имели все основания. Так, еще весной 1848 г. Ламартин направил в Венгрию своего представителя, некоего доктора Манделя¹³⁰. Мандель виделся с Кошутом. Последний в откровенном разговоре не скрывал надежд венгров на благожелательное отношение Франции к чаяниям венгерского народа.

Однако временное правительство Франции сразу же после майского выступления парижских трудящихся резко поправело.

Подавив июньское восстание в Париже, французская буржуазия шла на все, чтобы сохранить мир с реакционными державами, и, естественно, правительство Франции было чрезвычайно далеко от содействия венгерской революции.

Тем не менее венгерское правительство продолжало рассчитывать на помощь Французской республики.

29 августа 1848 г. Кошут направил в Париж послом графа Ласло Телеки, радикала, депутата Государственного собрания. Телеки в Париже развил активную деятельность в интересах венгерской независимости. Он поддерживал тесные связи с видными политическими деятелями Франции, вел переговоры в интересах Венгрии с Ламартином и Бастидом, позднее — с Одиллоном Барро, Друэном де Люи и др., вращался в среде политических эмигрантов разных национальностей, находившихся в Париже.

Ласло Телеки особенно надеялся на помощь со стороны Бастида, французского министра иностранных дел, но уже к моменту приезда Телеки Бастид значительно отошел от своих либеральных позиций.

Резко изменилось отношение французского правительства к Венгрии с приходом на пост президента Луи Бонапарта.

Надежды Кошута и Телеки на Французскую республику не оправдались. Венгерская революция находила поддержку только в кругах французских левых, однако последние не были реальной силой во Франции 1848—1849 гг.

Серьезным препятствием к установлению с Венгрией дипломатических связей были взаимоотношения Англии и Франции с царской Россией.

Англия была связана с крупнейшим феодально-крепостническим государством Европы тесными экономическими узами. Французская буржуазия добивалась официального признания республики со стороны царя. Россия еще была далека от революции, но к середине XIX в. Россия уже становилась на путь ломки феодально-крепостнического уклада. Основной причиной этого В. И. Ленин считал силу «экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма»¹³¹. Вопросы экономического развития России, освобождения крестьян не могли не занимать русское общество. Поэтому различные слои его по-разному относились к революционным восстаниям 1848 г. в Западной Европе. Сохранившиеся документы царской охраны, отчеты министерства внутренних дел, дневники и письма царя и придворных показывают панический страх крепостников перед революционным движением в Европе¹³².

Один смоленский помещик в своих воспоминаниях о 1848 г. писал: «Жизнь наша в деревне текла обычным порядком, а между тем наступил 1848 год... где-то недалеко от нас мужики режут помещиков, и нет ничего невозможного, чего доброго, и у нас скоро начнется то же самое»¹³³.

В то же время из тех же документов видно, что и крестьянство и немногочисленные еще промышленные рабочие, и, особенно, передовая русская интеллигенция самым ходом экономического развития приближались к сознанию необходимости раскрепощения крестьян.

Поэтому царское правительство с самых первых известий о революциях в Европе усилило цензурные меры, наблюдение за настроениями фабричных рабочих, солдат, за деятельностью кружков интеллигенции.

В западные и пограничные губернии, в которых летом 1848 г. участились крестьянские волнения, направлялись дополнительные войсковые соединения.

Однако никакие устрашающие меры, никакая цензура не могли воспрепятствовать сочувственному отношению передовых людей русского общества, разночинной интеллигенции к европейским революциям, в частности к венгерской.

Передовые русские люди ясно сознавали все зло национального угнетения и разделяли революционные и национально-освободительные идеи 1848 г. Они ненавидели абсолютистскую реакцию, крепостное право, весь казарменный строй николаевской России. В их среду проникали идеи утопического социализма, учения Сен-Симона и Фурье.

Несомненно, что из-за отдаленности Венгрии, в условиях жесточайшей цензуры, известия о революции в Венгрии 1848 г. доходили до передовых людей русского общества в значительно меньшей мере, чем известия о событиях во Франции и Германии. Однако у этих людей совершенно не было возможностей оказания помощи восставшим венграм.

Эта расстановка сил в европейских государствах и была причиной того, что венгерская революция оказалась фактически предоставленной самой себе в ее борьбе с Габсбургами.

¹²⁷ АВПР, 1848, Londres, папка 98 Депеша Брунова от 28 марта 1848 г Брунов пишет, что позиция Англии основывается на двойном расчете: сохраняются выгоды мира для своей страны, а другие государства ослабляют себя, растрачивают свои материальные ресурсы.

¹²⁸ К.Маркс и Ф.Энгельс Соч., т.27, стр.445—446.

¹²⁹ Waldapfel E. A forradalom es szabadsagharc levelestara. Kot.III. Budapest, 1955, 208—209, 346—356 old.

¹³⁰ Pulszky F. Op.cit., 315 old.

¹³¹ В.И.Ленин. Соч , т.17, стр.95.

¹³² Яркое свидетельство мы находим в переписке Нессельроде с Мейендорфом. 21 марта 1848 г. Нессельроде характеризует революцию в Вене, как катастрофу, превышающую человеческое воображение, и пишет: «Мы идем гигантскими шагами к последнему концу». См.: Comte de Nesselrode. Lettres et papiers du Chancelier 1760—1856, t.IX.

¹³³ «Воспоминания, мысли и признания человека, доживающего свой век». — «Русская старина», 1895, июль, стр.117.

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕНГРИИ В НАЧАЛЕ 1849 года. КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ ГОНВЕДСКОЙ АРМИИ

1. Политическое положение в Трансильвании

Большую роль в венгерской национально-освободительной борьбе сыграла Трансильвания. Заключение унии расширяло материальную и людскую базу венгерской революции и могло положительно сказаться на ходе и результатах борьбы венгерского народа. Между тем в самой Трансильвании, особенно после заключения унии, резко усилились национальные противоречия и борьба крестьянских и плебейских масс. Берталан Семере в наказе Миклошу Ваю, назначенному полномочным комиссаром в Трансильванию, 21 июня 1848 г. прямо пишет, что уния не оправдала ожиданий, что Трансильвания «находится почти в стадии разложения...». Семере пишет об опасности гражданской войны и предлагает Ваю всеми мерами, вплоть до подкупа отдельных лиц, сглаживать противоречия.

Трансильвания осталась ареной острой классовой борьбы. Крестьяне отказывались от участия в рекрутских наборах и национальной гвардии. Когда осенью 1848 г. в Трансильвании шло формирование воинских частей, то в комитатах Надьсебен (Сибиу) и Брашшо (Брашова) отказывались от воинской службы немцы, а по всей Трансильвании — румыны².

Острая борьба шла между венгерским и немецким населением, причем опорой венгров в этой борьбе были венгры-секеи. Немцы (саксы) — в значительной части своей городское бюргерство — во всех происходивших событиях тяготели к Австрии, а венгры в большинстве своем склонны были объединиться с Венгрией против австрийской реакции.

Сложную обстановку национальных противоречий использовало в Трансильвании австрийское правительство в своей борьбе с венгерской революцией. В течение длительного периода в ходе венгерской революции Трансильвания оставалась, по выражению Кошута, «Ахиллесовой пятой» — районом непрерывных антивенгерских, контрреволюционных движений. Газета «15 марта» от 30 ноября писала: «Наше правительство приняло относительно Трансильвании срочные меры. Генерал Бем назначен главнокомандующим всех трансильванских войск и сегодня утром выехал из Пешта»³.

Непосредственным помощником Бема в Трансильванию 27 января 1849 г. прибыл правительственный комиссар Ласло Чани. Кошут в своем письме к Чани предупреждал его о серьезности возложенной на него миссии и о необходимости проявления им максимума гибкости и учета своеобразия местных условий для того, чтобы присоединить Трансильванию к политической жизни Венгрии. Самое главное, писал Кошут, это добиться «симпатии населения» и проявить терпимость в отношении враждебно настроенных трансильванских немцев. В отношении румынских крестьян Кошут рекомендовал изолировать их от реакционных вождей, а в случае враждебных выступлений, наказывать лишь вожakov, а не целые села. Действовать в общем по принципу: «Милость, справедливость и сила»⁴.

Одновременно Кошут предупреждал Чани о необходимости постоянного и тесного контакта его с Бемом.

В ответном письме Чани нарисовал тяжелую обстановку гражданской войны, свидетелем и участником которой он оказался: «Трансильвания все еще продолжает быть местом действий самых ужасающих сцен. Каждый день происходят кровавые столкновения, разбой, поджоги... Это самая настоящая, в буквальном смысле слова, истребительная война»⁵. Все эти события, как подчеркивал Чани, происходили при участии и подстрекательстве «рыцарских австрийских офицеров»⁶.

Обстановка в Трансильвании для Бема и Чани оказалась тяжелой и потому, что они располагали чрезвычайно ограниченными вооруженными силами, хотя по просьбе Бема венгерское правительство оказало им посильную помощь.

Проявив качества первоклассного военного руководителя, Бем в течение двух месяцев одержал ряд побед над австрийскими войсками и завоевал всю Трансильванию, за исключением крепости Дьюлафехервар. Особой заслугой Бема было то, что он сумел провести дополнительный набор среди венгров, немцев и румын и сплотить в единую силу представителей этих различных национальностей.

Период, о котором идет речь, был временем победоносного наступления венгерских войск. Кошут в письме к Чани выражал надежду, что Бем, закончив свои наступательные операции в Трансильвании, вступит в пределы Венгрии и окажет помощь венгерским войскам в их борьбе с камарильей. У Кошута к этому времени созрел план радикальной реорганизации государственного аппарата Трансильвании. Здесь феодальные порядки были еще более устойчивыми, чем в Венгрии. Задача заключалась в том, чтобы то новое, что внесено было революцией в административное устройство Венгрии, перенесено было в Трансильванию и тем самым сделало бы реальной ту унию, которая между ними была заключена⁷.

Борьба за завоевание Трансильвании была необходимым условием победы венгерской революции. И несмотря на то, что эта борьба отнимала у венгров много сил и средств и Трансильвания, по выражению Кошута, была «ужасным омутом, поглощающим все», Кошут в то же время сознавал всю важность ее завоевания. Препятствием на пути осуществления этой задачи было реакционно настроенное немецкое население Трансильвании, которое не признавало правительства Венгрии. Бем пытался оказать влияние и на немцев. После взятия Надьяебена он объявил амнистию всему немецкому населению, обещая обеспечение за ними всех гражданских свобод, если оно поддержит унию с Венгрией.

Однако Бем этого не добился. В Трансильвании произошло резкое размежевание между немецким населением и румынским. Если немцы целиком и полностью были проводниками интересов камарильи, то румыны, при условии удовлетворения их национальных требований, поддерживали призыв Венгрии к единству.

1 Orszagos Leveltar. Az 1848—1849-1. Minisztrenumi Leveltar. Vay Miklos iratai. 1311.

² Kovacs Endre. Bern Jozsef. Budapest, 1954, 284 old.

³ Kovacs Endre. Bern Jozsef, 294 old. Генерал Юзеф (Июзеф) Бем, один из руководителей восстания 1830 г. в Польше, стал замечательным организатором и руководителем октябрьского восстания в Вене. После подавления венского восстания Бем бежал в Венгрию. и отдал все свои силы и организаторский талант борьбе венгерского народа за свою независимость. **Р. А. Авербух**

⁴ Barta Istvan. Kossuth es Csanyi. — «Szazadok», 1952, 3—A-szam, 659 old.

⁵ Ibid., 661 old. **РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА**

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid., 670 old.

2. Обстановка в Венгрии после сдачи столицы

Ход борьбы в Трансильвании был теснейшим образом связан с событиями в Венгрии. 5 января 1849 г. Гёргей без единого выстрела сдал столицу. Армия отступила к Вацу.

Ясно осознав, что авторитет его в армии и народе сильно подорван политикой отступления, Гёргей в тот же день обнародовал «Заявление Верхнедунайской армии», так называемую Вацовскую прокламацию⁸.

В этом воззвании Гёргей и поддерживавшее его офицерство выдвинули самостоятельный план ведения войны, противопоставив его плану Комитета обороны.

В начале воззвания подчеркивалось, что Верхнедунайская армия, входившая прежде в состав австрийской армии, в настоящее время подчиняется венгерскому военному министерству. Гёргей опровергал обвинения в принадлежности его к какой-либо партии и в стремлении использовать армию в интересах этой партии. Гёргей обвинил Комитет обороны в том, что вместо проявления «вдохновляющей всех энергии», он первый покинул столицу и издал приказ о необходимости решающего сражения⁹ на подступах к ней.

В ответ на все эти распоряжения Комитета обороны Гергей заявил: 1) Верхнедунайский корпус остается верным своей присяге конституционному королю Фердинанду; 2) Верхнедунайский корпус выступает против всяких попыток «незрелой республиканской агитации, покушения на переворот в конституционном королевстве»; 3) Верхнедунайский корпус считает необходимым подчиняться лишь тем приказам, которые он получит в «законной форме, от ответственного королевского военного министра»¹⁰.

Политический смысл Вацовской прокламации заключался в том, что армия в лице Гёргея противопоставила себя революционному правительству — Комитету обороны. Подчеркивая свою верность военному министру Лазару Месарошу, Гёргей тем самым оказался в одном лагере с правой частью Государственного собрания и в дальнейшем, организационно не связывая себя с «Партией мира», фактически стал проводником ее идей.

В письме к нитрасскому фёйшпану и правительственному комиссару Яношу Ессенаку от 17 января Кошут писал, что вацлавское заявление Гёргея «более, чем скандальное». Однако он рекомендовал действовать осторожно, «дабы не произошло разрыва между правительством и армией»¹¹.

В те же дни венгерская армия потерпела поражение при г.Кашша от войск австрийского генерала Шлика. Город был занят австрийскими войсками.

Революционное правительство с большой тревогой восприняло это отступление, которое открывало путь на временную столицу — Дебрецен и создавало реальную угрозу потери Мишкольца — важного пункта в обороне страны. В письме Семере в адрес командующего армией на Тиссе Клапки следующим образом характеризовалось военное положение в районе Мишкольца: «Сдавать без боя Мишколец нельзя. ...Комитаты, окружающие его: Абауй, Торна и другие составляют **Д** нашей теперешней территории. Это опорные пункты страны. Отдав эти Комитаты, им некуда будет ногу поставить. Мы обрекаем себя на добровольную ссылку в безлюдную затиссайскую степь. Без Мишкольца у нас не будет муки, древесины и еще многого. В этом отношении Мишколец имеет такое же значение, как Дебрецен»¹².

В этот ответственный момент правительство стремилось к объединению всех основных армий, стоявших на Тиссе, к организации концентрированного похода к Пешту в целях его освобождения.

Гёргей в это время продолжал самостоятельное продвижение в сторону верхней Венгрии, стремясь задержать наступление австрийских армий Симунича, Шварценберга и др. Кошут по поводу самовольных действий Гёргея писал следующее: «Этому человеку нация в будущем предъявит большой счет, если только этот мистически-авантюристический поход не удивит нас каким-то неожиданно большим успехом»¹³.

«Каковы Ваши цели,— писал член правительства Семере Гёргею, — я их не знаю. Путь на Вену — труден, там наверняка вы ничего не найдете и ни на кого не сможете опереться. Я думаю, что наши армии должны действовать сообща»¹⁴.

Таким образом, уже в январе 1849 г. Гёргей игнорировал указания Комитета обороны, стремясь вести войну самостоятельно, в целях осуществления своих планов.

Сдача столицы и требование Виндишгреца о полной капитуляции явились серьезным ударом по революционным завоеваниям венгерского народа. На занятой австрийцами территории установился режим белого террора. 15 января были созданы центральная военно-политическая комиссия и военно-полевые суды, которые чинили жестокую расправу над патриотами.

В Буде были организованы два карательных органа. Один из них назывался «Комиссией по чистке». Перед ней должны были предстать лица, которые занимали какие-либо должности при национальном правительстве. Второй трибунал — «Военная комиссия» — имел специальную цель судить бывших австрийских офицеров, принявших участие в восстании. Последних ждала или смертная казнь, или тюрьма, так же как и военнопленных, захваченных с оружием в руках. Все арестованные, в том числе и подлежащие обыкновенным судам, объявлялись бунтовщиками — «собаками Кошута», бросались в тюрьму и подвергались всяческому издевательствам. Те, которые принимали участие на стороне венгров в качестве простых солдат, большей частью направлялись на пограничную службу.

К населению оккупированных районов Виндишгрец обратился с воззванием, которое предупреждало, что хранение оружия будет караться смертной казнью, что жестокая кара ждет каждый населенный пункт, проявивший сочувствие к «бунтовщикам». Население занятых городов облагалось тяжелой контрибуцией, имевшей целью полностью обескровить бюргерство.

В Пеште, занятом австрийцами, революционные названия улиц были заменены старыми австрийскими, национальные знамена Венгрии растоптаны. В дальнейших прокламациях все правительство Венгрии объявлялось вне закона, все участники движения должны были предстать перед военно-полевым судом, имущество их подлежало конфискации. Несмотря на заверение Виндишгреца, что в движении против австрийского императора участвует лишь кучка «бунтовщиков», размах репрессий говорил об обратном. Фактически вся нация была признана виновной.

Временное поражение венгров привело к новому размежеванию сил в едином фронте борьбы. Оно выразилось, с одной стороны, в усилении левых и его самого крайнего крыла — мартовской молодежи, готовившихся к новым боям, с другой — в укреплении позиций так называемой «Партии мира» как притягательной силы для реакционеров внутри страны.

Победа австрийцев привела к тому, что «полудрузья и тайные враги»¹⁶, по словам Петефи, перешли на сторону победителей. Внутренняя контрреволюция приступила к мобилизации сил для нового наступления.

Военные действия между венграми и императорскими войсками после сдачи столицы тесно переплетались с внутривластной борьбой. Аристократы, представители крупного землевладения открыто поддерживали Виндишгреца. Их пугали успехи революционной армии и каждую ее неудачу они воспринимали как свою победу.

Правильно охарактеризовала настроения этих реакционных элементов газета «15 марта». Она писала: «Тот, кто вчера исподтишка посмеивался и с величайшей готовностью заявлял: «Я говорил, что из этого ничего не выйдет, что ночью Виндишгрец наверняка займет Пешт» — эти люди распространяли слухи о мощи врага, о его победах, оговаривали наших вождей, упрекали в недостаточной опытности... всегда интересовались, где Виндишгрец, Шлик и другие... все они, если еще не являются душой и телом черно-желтыми, то все же близко подходят к той школе, где учатся подлой профессии предателей родины»¹⁷.

Сдача столицы была для этих людей последним толчком для перехода в стан врагов. Большая часть аристократов осталась в оккупированной столице и в занятых врагом комитатах и возглавляла созданный оккупантами административный аппарат. Они не только не противодействовали репрессиям, но открыто поддерживали их и даже находили недостаточными. Так, например, один из крупных представителей земельной аристократии, занимавший высокий административный пост в одном из комитатов, граф Ференц Зичи, издал распоряжение о том, что конфискованное имущество патриотов должно продаваться с молотка. Представитель аристократии Антал Сечен в письме от 24 января 1849 г. сетует на то, что Виндишгрец слишком милостив к «мятежникам».

Иным было отношение к развернувшимся событиям со стороны среднего дворянства, которое в течение многих лет возглавляло национальные устремления венгров.

В противоположность земельной аристократии, большая часть среднего дворянства и буржуазии поддерживала национально-освободительную борьбу. Но и она была против окончательного разрыва с Австрией. Это определялось рядом причин. Австрия обеспечивала венгерским помещикам надежный рынок сбыта, а также охраняла главенство Венгрии над многочисленными народами, входившими в ее состав. Маркс в своей работе «Господин Фогт» писал: «Австрийское господство над Венгрией сопровождалось... господством мадьяр в Венгрии как до, так и после 1848 года»¹⁸.

Переезд Государственного собрания в Дебрецен, в город, где было крайне мало революционных плебейских масс, где тон задавали средние дворяне и буржуазия, укрепил правые позиции дворян. Быстро росла и формировалась «Партия мира». В страхе перед крестьянской революцией и перед наступлением левых эта партия готова была на любое соглашение с Габсбургами, исключая лишь полную капитуляцию.

Лайош Кошут, несмотря на характерные для него колебания, был наиболее решительным представителем левой части среднего дворянства. Патриот своей отчизны, он призван был решать серьезные государственные задачи, и первая из них — борьба с Австрией за независимость и свободу. Но и он был представителем своего класса — дворянства, — и в силу этого не мог целиком разделять требования плебейства и крестьянских масс в деле углубления революции.

На крайне левом фланге в Государственном собрании в Дебрецене были Ласло Мадарас, Иोजеф Мада-рас и Даниель Ираньи. Они выступали не только за решительную борьбу с австрийцами, но боролись против соглашательской политики «Партии мира». Патриотизм левых отразился в их воззваниях. Иोजеф Мадарас 26 января 1849 г. призывал венгров не верить словам врага, что раз «Буда больше не стоит, дело венгров проиграно». «Победа нации, — писал он, — стала еще вернее..., потому что ...мы узнали ложных друзей нашего святого дела...» Воззвание призывает население к бдительности, к повстанческому движению и поддержке венгерской армии. Далее перечисляются победы, одержанные разными полководцами¹⁹.

Что же касается лидеров мартовской молодежи — Петефи и Вашвари, то они, лишенные в связи с эвакуацией из Пешта опоры в плебейских массах, видели для себя наиболее полезным служение революции с оружием в руках и отправились на фронт.

Временно заглушен был также голос Танчича. Его популярнейшая в массах «Рабочая газета», являвшаяся рупором крестьянства и всего демократического лагеря, была в январе 1849 г. закрыта по распоряжению венгерского правительства.

Некоторые политические деятели перешли в этот критический период на правый фланг. Держась с первых дней революции взглядов более крайних, чем большая часть Государственного собрания, Пал Ньярн постепенно совершал все более отчетливый сдвиг вправо и в период Дебреценского парламента оказался если не формально деятелем «Партии мира», то все же с ней в одном лагере, и неоднократно голосовал вместе с депутатами «Партии мира».

Своеобразно сложилась в период революции политическая биография Мора Йокаи. Активный деятель мартовских дней, неотлучно идущий за Петефи в наиболее революционные моменты, Йокаи в конце февраля 1849 г. в Дебрецене стал редактором органа «Партии мира» «Вечерний листок» («Esti Lapok»).

Это новое размежевание общественных сил нашло отражение в деятельности Государственного собрания в Дебрецене.

8 января 1849 г. состоялось первое заседание Государственного собрания в Дебрецене. Из 450 депутатов 145 отсутствовало, причем огромное большинство из них — 120 депутатов — не дало никаких объяснений причин своего отсутствия, т.е. перешло в стан врага.

Кошут решительно потребовал от депутатов Собрания, оставшихся на оккупированной территории, прибыть в Дебрецен. По его же инициативе, в целях борьбы с контрреволюцией Государственное собрание утвердило закон об организации чрезвычайных военных и гражданских трибуналов. На основе этого закона репрессиям подвергались все предатели родины, а их имущество конфисковывалось. Кошут предложил объявить предателями и конфисковать имущество загребского архиепископа Хаулика, кардинала Яноша Хама, печского епископа Паллавичини и ряда других духовных и светских магнатов.

Издано было также распоряжение о конфискации имений габсбургско-лотарингской династии в пользу Венгерской нации.

Заседание Государственного собрания 13 января посвящено было обсуждению доклада делегации, направленной еще из Пешта к Виндишгрецу. Делегация состояла из наиболее влиятельных и правых по своим взглядам политических деятелей Пешта во главе с Лайошем Баттьяни и Ференцем Деаком. Виндишгрец не принял делегации и заявил, что она не вправе представлять венгерское Государственное собрание, так как оно распущено. Делегация будет необходима лишь для того, чтобы просить помилования у императора, после того как «бунтовщики» сложат оружие. Участники делегации были задержаны, но доклад Деака был доставлен в Дебрецен²⁰.

Из доклада следовало, что Виндишгрец потребовал безоговорочной капитуляции. Прения, происходившие 13 января, имели целью выяснить мнение депутатов по поводу дальнейшей деятельности Государственного собрания.

Взгляды левых отразили в своих выступлениях Асталош, Ираньи, братья Ласло и Иोजеф Мадарас. Противная сторона была представлена Безереди, Кубини и Ньяри.

Левые утверждали, что на ультиматум Виндишгреца может быть только один ответ — борьба до последней капли крови за интересы родины. Собрание должно продолжать свою работу до полной победы.

Правые из «Партии мира» в лице Ньяри настаивали на том, чтобы требования парламента не превышали того, что было достигнуто революцией и законами 1848 г. Требовать большего - это значит отрезать путь к мирному урегулированию конфликта. В следующем своем выступлении Ньяри подчеркнул, что основная задача парламента — заключить мир с Виндишгрецем.

Против Ньяри выступил от левых Ласло Мадарас, который заявил, что заключение мира возможно только после победы над врагом. Только тогда мир обеспечит независимость нации.

Лидер правительства Кошут заявил, что законы 1848 г. не могут рассматриваться как конечная цель борьбы. В случае победы революционных сил демократия потребует значительно большего. Он решительно возражал против примирения с Австрией на данном этапе, однако не исключал такую возможность в дальнейшем. Вооруженное сопротивление венгерского народа Кошут оправдывал естественным законом самозащиты, подчеркивая справедливый, освободительный характер этой борьбы.

В результате этих дебатов Государственное собрание приняло решение о необходимости последовательной защиты родины. «Парламент в любом месте и до последней минуты будет существовать и не разойдется. Дезертиры и трусы будут рассматриваться как предатели родины»²¹. Такой ответ был дан представителями нации на ультиматум Виндишгреца.

В опубликованной парламентом 18 января прокламации еще раз подчеркивалось, что на все злодеяния габсбургской династии по отношению к Венгрии ответ может быть лишь один — продолжение борьбы до полной победы.

Последующие заседания парламента обсудили вопрос об отсутствующих депутатах. На попытку правых взять их под защиту ответил Иोजеф Мадарас, потребовав от Государственного собрания лишения депутатских полномочий всех тех, кто отсутствует без уважительных причин. На заявление правых о том, что лишение полномочий такого большого количества депутатов дискредитирует Собрание, Мадарас возразил, что дискредитация Собрания в большей степени будет иметь место тогда, когда люди, дезертировавшие из лагеря борьбы, будут считаться депутатами.

Принятие решения по этому вопросу было отложено до окончательной проверки списков депутатов.

Первые два заседания Государственного собрания в Дебрецене выявили основные проблемы дальнейшей борьбы. В прениях четко проявились борющиеся стороны, определились их позиции.

В то же время венгры продолжали оказывать вооруженное сопротивление врагу.

Поворотным моментом в войне революционной венгерской армии против австрийских войск было продвижение венгров в январе 1849 г. к району Верхней Тиссы.

Этому предшествовали следующие события. В начале января австрийцы прервали связь между главной частью венгерской армии и дебреценским правительством. Из Сепеша до района верхнего течения Тиссы можно было пробить дорогу только через покрытую снегом вершину Браниско. Гёргеи не хотел подвергать себя риску. Решение этой задачи, грозившей почти верной гибелью, он поручил полковнику Ричарду Гюйону, одному из прославленных иностранцев-командиров, связавших свою судьбу с венгерской революцией. Отряд Гюйона состоял из недавно набранных гонведов и партизан горняцких районов. Один из вожakov этих партизан, инженер Людвиг Корнидес, составил на месте подробнейшую карту, пользуясь которой Гюйон во главе своих молодых гонведов и партизан бросился со штыками наперевес на штурм Браниско против австрийских батарей. Под градом картечного огня преодолен был крутой, покрытый снегом и льдом подъем и одна за другой уничтожены были 22 огневые точки врага, установленные на узкой горной тропе. Это был один из ярчайших подвигов в истории национально-освободительной борьбы 1848—1849 гг. Путь на Кашшу (Кошице) и Эперьешь (Прешов) был открыт. Тем самым была отражена опасность окружения значительной части венгерской армии австрийцами и вместе с тем отведен удар, грозивший временной столице Венгрии Дебрецену.

Однако этот успех венгерской армии не был использован Гёргеем. Вместо преследования противника он ограничился пассивной тактикой, пока не был вынужден новым главнокомандующим Дембинским повернуть к Тиссе, где должны были быть сосредоточены основные силы армии для контрнаступления²².

Положение венгерской армии оставалось по-прежнему трудным. Правда, на Токайских высотах венгерские войска под руководством бывшего австрийского офицера, боевого командира гонведских войск Дьердя Клапки добились серьезного успеха, но уничтожить армию австрийского генерала Шлика ему все же не удалось.

В письме к Семере Кошут с гневом отмечал: «Вы советуете или отозвать Гёргея, или заставить его подчиниться. Благодарю за совет, но навряд ли он будет эффективным. Нам необходимо, наконец, иметь комиссаров в армии, а не советчиков»²³.

Это письмо Кошута по существу было направлено не столько против Гёргея, сколько против бездеятельности и нерешительности Семере, призванного быть проводником политики правительства в армии.

13 января Кошут направил Пала Луженского и Фердинанда Рагайи в качестве полномочных комиссаров в лагерь Гёргея для контроля за ним. Направляя комиссаров, Кошут не считал это достаточно радикальной мерой. Он стремился к смене командования.

По мнению Семере, военное положение могло быть исправлено при помощи нового наступления. «Если вы не ударите по врагу неожиданно и решительно, — писал он Гёргею, — то мы вынуждены будем во избежание изоляции отступить к Ньиредьхазе и... снова отдать врагу родную землю»²⁴.

Однако, невзирая на призывы Кошута и Семере, Гёргей продолжал лавировать и медлить, вызывая тем самым резкое недовольство Кошута²⁵.

19 января в Дебрецен прибыл Генрик Дембинский²⁶, которого Кошут решил поставить во главе венгерской армии, рассчитывая, что он сумеет дать армии твердое руководство и проявит ту верность революции, которая отсутствовала у Гёргея.

Кошута и Дембинского объединяло не только непримиримое отношение к Габсбургам. В лице Дембинского Кошут видел такого военного руководителя, который сможет подчинить армию руководству Комитета обороны. Дембинский вступил на свой пост 21 января 1849 г.

Приняв командование, Дембинский обратился к армии с воззванием, которое заканчивалось призывом: «Венгры, немцы, поляки! Не забывайте, что мы боремся за святое дело! Да здравствует Венгерская Республика! Да здравствует свобода! Да здравствуют все, кто борется во имя Родины и Свободы!»²⁷

Одновременно с назначением на пост главнокомандующего Дембинского, разработан был план комбинированного наступления на Пешт. В письме к Семере Кошут писал: «...У нас есть план, есть теперь и главнокомандующий, необходима только энергия для выполнения этого плана и успех будет на нашей стороне... Я верю, что страну еще можно спасти. Но если мы допустим... недостатки при выполнении приказов, хныканье одних, предательство других, коварные интриги третьих, тогда нам не помогут никакие теоретические советы»²⁸.

Однако назначение Кошуту на пост главнокомандующего Дембинского при оставлении на руководящем посту в Верхнедунайской армии Гёргея с неизбежностью должно было привести к серьезным конфликтам. Кошут стремился избежать их с помощью полномочного правительственного комиссара всей Северо-Восточной Венгрии Берталана Семере, в подчинении которого была и Верхнедунайская армия во главе с Гёргеем. Однако Гёргей по-прежнему имел возможность проводить свою политику.

Большинство офицерства Верхнедунайской армии, верное Гёргею и Вацкой прокламации, враждебно встретило Дембинского и не скрывало своего недовольства. В приказе от 14 февраля Гёргей призывал подчиниться Государственному собранию и лояльно встретить Дембинского, «поседевшего в военном деле и, как говорят, заслуженного полководца»²⁹. Но это был замаскированный призыв к неподчинению. Гёргей выжидал удобного случая, чтобы выступить против Дембинского.

Такая возможность очень быстро представилась. При выполнении Дембинским разработанного им плана наступательных действий против армий Виндишгреца — Шлика в районе Каполна он потерпел поражение. Гёргей использовал это для того, чтобы мобилизовать офицерство против Дембинского³⁰.

Уже непосредственно после поражения несколько командиров отказались от выполнения приказов Дембинского и решили выполнять только те распоряжения, которые будут подписаны Гёргеем или Клапкой.

После этого план Дембинского, заключавшийся в создании сильного кулака близ Тиссы, в районе Поросло, в целях восстановления положения, каким оно было до поражения под Каполной, не встретил поддержки Гёргея.

В последующие дни Гёргей предпринимает все меры, чтобы скомпрометировать Дембинского как главнокомандующего армией.

Дембинский хорошо понимал положение дел в армии. 3 своем письме к Семеро из Тиссафюреда он жаловался на полное неповиновение командиров отдельных частей, невыполнение его приказов. Так, например, 26 февраля был отдан приказ генералу Дамъяничу о переходе через Тиссу для принятия участия в операциях при Каполне. Через несколько дней стало известно, что Дамъянич совместно с Вечей предпринимал атаку на Солнок.

Поведение Гёргея, оставившего Поросло и нарушившего приказ главного командования, Дембинский считал преступлением, сделавшим почти невозможным намеченное преследование врага³¹. Дембинский просил Семере проследить за выполнением его приказа в отношении Клапкн, корпус которого предназначался для закрепления положения венгерских войск у Солнока. Предвидя в создавшихся условиях возможность его отстранения от военного руководства, Дембинский выражал готовность продолжать службу под командованием емере.

Между тем, недовольство Дембинским, ставленником Кошута, вылилось в выступление командиров, известное в немецких источниках как «бунт в Тиссафюреде». Это был настоящий контрреволюционный путч офицерства.

Инициатива выступления против Дембинского принадлежала командиру второй дивизии Репаши, а также Клапке, а фактически Гергею. 3 марта на совещании командного состава венгерской армии, на которое был приглашен Семере, а впоследствии прибыл и Кошут, Дембинскому предъявили обвинение в том, что: 1) вражеская армия Шлика, несмотря на ее полное окружение победоносными венгерскими войсками, получила возможность выйти из окружения; 2) в битве при Каполне отсутствие должного руководства привело к тому, что командиры не знали даже, где расположены их войска³².

Гёргей в своих воспоминаниях пытается представить путч как выступление офицеров-патриотов лично против Дембинского. Семере и Кошут, по его словам, были приглашены в Тиссафюред, чтобы «не создалось впечатление, что составлен заговор армии против правительства». Однако бунт в Тиссафюреде был выражением политических планов Гёргея, стремившегося к соглашению с Габсбургами и к противопоставлению планов высшего военного командования планам Кошута и венгерского правительства³³.

При одобрении большинства офицеров было заявлено, что Дембинский доказал свою непригодность в качестве главнокомандующего. Офицеры приписывали ему плохую распорядительность в деле снабжения армии, которая была плохо одета и голодна. Ни один из участников совещания не выступил в защиту Дембинского. Он даже был арестован на несколько часов, а верховное командование временно было передано Гергею как старшему по положению генералу. На этом же совещании Гёргей в свою очередь должен был дать объяснение по поводу оставления им Поросло. Оправдываясь в приписываемых ему преступлениях, Дембинский в свою очередь стремился всю вину за отступление за Тиссу свалить на армию Гёргея и Клапки. Он доказывал, что Гёргей и Клапка сознательно вели армию к поражению с тем, чтобы получить возможность отставить главнокомандующего³⁴.

События в Тиссафюреде говорят о чрезвычайно существенных разногласиях между военным руководством и правительством. Активное участие Дембинского угрожало расширением революционной борьбы, созданием польско-венгерской революционной армии, что не входило в планы конституционалистов типа Гёргея. Для Кошута на данном этапе главным было освобождение Пешта и завершение военных действий. Он вынужден был считаться с настроением в армии. В силу этого Дембинский получил отставку. Путч в Тиссафюреде глубоко взволновал радикальную часть Государственного собрания и самого Кошута.

«У меня были очень тяжелые дни, — писал Кошут Ласло Чани. — В армии появилась прямо-таки конспирация против Дембинского. За десять дней мне пришлось дважды побывать на фронте, чтобы уладить дело. Ужасный был кризис. Дембинский совершил ошибку, это так, но должен признаться, более повинно отсутствие должного сотрудничества». Сообщая о смене командования, Кошут на этот раз довольно благосклонно высказался о Гёргее. «С Гёргеем я все лично выяснил, он человек честный и наряду со всякими странностями чистой души патриот»³⁵. В этом признании Кошута раскрывается вся трагичность положения. Ясно сознавая сложность ситуации, Кошут все же не сумел сплотить 1 вокруг себя людей, способных как по своей политической направленности, так и по своим личным данным стать его надежными помощниками в развертывающейся решающей борьбе. Что же касается его оценок Гёргея, то здесь проявляется эта же трагическая черта во всем образе Кошута, не раз мешавшая ему судить о деятелях не по той или иной субъективной черте характера, а по всей совокупности их общественной деятельности. По существу же Гёргей был насквозь пропитан австрийской военной выучкой, был склонен ко всяческим компромиссам в отношении Австрии, весьма далеким от национальных чаяний венгерских народных масс, выразителем которых, хотя и недостаточно последовательным, был Кошут.

Гораздо более решительно против политики Гёргея выступил Иोजеф Мадарас в газете «Debreceni Lapok» («Дебреценский листок»). Предупреждая об опасности, Мадарас требует твердости руководства: кто выступает против правительства — «должен быть беспощадно умерщвлен». Для претворения этого требования необходимо опираться «на помощь народа»³⁶.

После отставки Дембинского главнокомандующим был назначен Антал Феттер³⁷. Гёргей формально подчинился новому командованию; но фактически искал только повода для того, чтобы избавиться и от Феттера, против которого также началась подрывная работа в армии. Новый командующий вынужден был отказаться от своего поста «по болезни» и Кошут 30 марта назначил Гёргея заместителем главнокомандующего «до выздоровления Феттера».

8 Полностью «Заявление» опубликовано: Deak Imre (szerk.). 1848 ahogyan a kortarsak lattak (A szabadsagharc története levelekben). Budapest, 1943, 290—292 old.

Р. А. Авербух

9 Deak Imre. Op.cit., 290 old.

10 Ibid., 292 old.

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

11 Ember Gyozo. Kossuth a Honvedelmi Bizottmany elen.— «Emiekkonyv Kossuth Lajos születésének 150. évfordulojara». Kot. I. Budapest, 1952, 274 old.

В ВЕНГРИИ 1848-1849

12 Waldapfel E. (szerk.). A forradalom es szabadsagharc le-velestara. Kot.III. Budapest, 1965, 70 old.

М. Наука. 1965

13 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot. XIV (szerk. Barta Istvan), Budapest, 1953, 180 old.

14 Waldapfel E. Op.cit. Kot.III, 70 old.

Министерство Просвещения, 2009-2010

15 Merei Gyula. Magyar nép története 1790—1849. Budapest, 1952, 408 old.

16 Шандор Петефи. Собр.соч., т.4. М., 1953, стр.184.

17 «Marcius Tizenotodike», 1849, januar 2, 1 old.

18 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.14, стр.517.

19 Orszagos Leveltar. Orszagos Honvedelmi Bizottmany, 1087, 1849.

20 «Kozlony», 1849, januar 17.

21 «Kozlony», 1849, januar 14.

22 Merei Gyula. Op.cit., 411 old.

23 Waldapfel E. Op.cit. Kot.III, 100 old.

24 Ibid., 82 old.

25 Borus Jozsef. Dembinski fovezersege 1849 Februarjaban. — «Szazadok», 1961, 4—5 szam, 543 old.

26 Генрик Дембинский был вождем польского восстания 1830— 1831 гг. Из многолетней парижской эмиграции он прорвался через фронт в революционную Венгрию и предложил свои услуги Кошуту, стремясь своей саблей служить как революционной Венгрии, так и свободе родной Польши. Дембинский мечтал в результате победы Венгрии объединить ее с Польшей в одно польско-венгерское государство.

27 Hadtortenelmi Leveltar. Az 1848—49 evi magyar forradalom es szabadsagharc iratai. 14 fasc. Dembinski iratai.

28 Waldapfel E. Op.cit. Kot.III, 100 old.

29 A.Gergei. Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849. Erster Band. Leipzig, 1852, S.207—208.

30 В поражении при Каполне виновен был и Дембинский и Комитет обороны, не обеспечивший Дембинскому помощи со стороны знавших обстановку штабных работников. См. Borus Jozsef. Op.cit., 545 old.

31 Waldapfel E. Op.cit. Kot.III, 151—152 old.

32 «Kozlony», 1849, 176 old.

33 A.Gergei Op.cit., S.271; Varga Janos. A.Gorgey ker-Fdeshez — «Valosag», 1960, N 2, 99-100 old.

34 Представляют интерес некоторые подробности взаимоотношений между командирами и офицерами венгерской армии, с одной стороны, и бывшим главнокомандующим Дембинским и руководителем Комитета обороны, с другой. Гёргей сообщает в своих воспоминаниях, что, по его мнению, в назначении главнокомандующим Дембинского, а не его, Гёргея, большую роль сыграла прокламация в Ваце, с которой Кошут никак не хотел согласиться. «Чтобы обезвредить прокламацию в Ваце и ее творца, — пишет Гёргей, — был выписан Дембинский из Парижа... для того, чтобы Октавий-Кошут, объединившись с Антонием-Бемом и Лепидусом-Дембинским, могли бы играть роль триумvirата в миниатюре». A.Gergei. Op.cit, S.276.

35 Deak Imre. Op.cit., 327 old.

36 Spira Gyorgy. A honvedsereg strategiai elientaniaffasa.*-«Hadtortenelmi kozlomenyek», 1956, N 2.

37 Deak Imre. Op.cit., 327 old.

3. Крестьянство и политика дворянства в первые месяцы 1849 года

Оборона страны теснейшим образом была связана с положением народных масс, с положением крестьян. Недовольство крестьян уже в первые месяцы 1849 года, начинает проявляться все с большей силой.

В конце 1848 г. и в начале 1849 г. в адрес Государственного собрания продолжали поступать жалобы крестьян на ущемление их интересов помещиками. Последнее выразалось в бесчисленных нарушениях закона 18 марта, в стремлении помещиков перевести ту часть крестьян, которая по закону безвозмездно освобождалась от барщины, на положение «контрактных» издольщиков, для которых освобождение от барщины связано было с индивидуальным соглашением с помещиком и выкупом. Однако эти жалобы и просьбы оставались без внимания. Разбор их откладывался Государственным собранием до победы над Австрией.

Между тем вопрос о компенсации убытков помещикам за потерянные ими феодальные доходы не снимался с порядка дня, а при наборе народного ополчения и рекрут неизменно подчеркивалась принесенная дворянством «жертва» — отмена феодальных повинностей.

Только приближение неприятеля в декабре 1848 г. прервало дискуссию по вопросу об удовлетворении претензий дворянства. После переезда Государственного собрания в Дебрецен вопрос о мобилизации всех сил для осуществления победы над Австрией настолько поглотил внимание правительства, что оно решительно отказывалось от разбора жалоб крестьян.

Одновременно для того, чтобы гарантировать себе устойчивую поддержку крестьянства в освободительной войне, Государственное собрание 13 января вынесло решение о смертной казни за различного рода вымогательства с крестьян в связи с войной. Несмотря на столь решительный закон и дальнейшее распоряжение правительства об оплате крестьянам за постой и за снабжение солдат продовольствием, эти указания сплошь и рядом нарушались.

Кошут считал, что в условиях национально-освободительной войны не должны иметь места крестьянские классовые требования. Это особенно ярко проявилось в отношении правительства к Танчичу.

Неизменный защитник крестьянских интересов, он и после закрытия своей газеты продолжал выступать в отдельных листовках за удовлетворение требований крестьян. Тогда, воспользовавшись просрочкой внесения залога за издание газеты, правительство Кошута начало в феврале 1849 г. судебный процесс против Танчича обязали его вернуть всем подписчикам внесенные ими деньги за газету.

Такие решительные действия в отношении Танчича объяснялись тем, что помещики все более усиливали наступление против претензий крестьян и против всех тех, кто выступал в их защиту. Так, 15 марта на имя Кошута поступило письмо от помещика Петера Манди, в котором он жаловался на якобы самочинный захват крестьянами его земель. «В то время как 30 тысяч дворян спокойно переносят потерю своих владений, — писал Манди, — Претензии тех, кто ничего не имел, все больше возрастают и можно утверждать: народ празднует канун коммунизма»³⁸.

В заключение Петер Манди требовал от правительства встать на защиту интересов помещиков, выдать аванс в счет будущих компенсаций за потерянные земли, а также строгого наказания, вплоть до повешения, тех писателей, которые «сеют смуту»³⁹. Это письмо свидетельствует о том, что классовая борьба между помещиками и крестьянами все больше обострялась⁴⁰.

Государственное собрание вновь занялось крестьянским вопросом в связи с многочисленными жалобами, которые в феврале 1849 г. стали поступать от крестьян комитата Сатмар. Жалоб из этого одного комитата было больше, чем из всех других, вместе взятых.

В комитате Сатмар противоречия между крестьянами и помещиками достигли наибольшей остроты. Дворянство, лишившееся законом 18 марта всех своих доходов от барщины, шло на различные ухищрения, чтобы обойти этот закон, восстановить свое право на барщинный труд и принудить крестьян к различного рода платежам. Переходя в наступление против крестьян, помещики расправлялись с теми, кто отказывался от платежей и барщины, сгоняли их с земель, и в результате лишь незначительная часть крестьян обрела свободную от платежей землю⁴¹.

Выступление крестьян комитата Сатмар, расположенного на границе с Трансильванией, создавало угрозу распространения крестьянских волнений и на Трансильванию. Между тем Трансильвания была очагом не только классовых, но и национальных противоречий между румынами — крестьянами и венграми — помещиками. Трансильвания была также одним из очагов активных военных действий. Перенесение крестьянских движений на Трансильванию было особенно опасным и нежелательным. В силу этого, в ответ на жалобы крестьян комитата Сатмар правительство направило сюда комиссара Йожефа Надя, человека радикальных взглядов, с четкой инструкцией Кошута — прекратить помещичий произвол, особенно в отношении румынских крестьян. В инструкции Кошута подчеркивалось, что всякое незаконное требование барщины и захват земель может привести к восстанию, чего ни в коей мере допустить нельзя⁴². В сохранившихся в венгерских архивах инструкции Комитета обороны комиссару Йожефу Надю и обращении Комитета к населению (от 15 и 16 февраля 1849 г.) указывается, что власти комитата ничего не предприняли для ликвидации злоупотреблений помещиков, что посылка комиссара — чрезвычайная мера, вызванная непрерывно поступающими крестьянскими жалобами на нарушения закона. Комитет обороны предоставил своему комиссару «...раз навсегда право... когда это вызывается интересами восстановления порядка, когда даже кратковременная отсрочка влечет за собой опасность,— принимать меры к немедленному исправлению нарушений...»⁴³.

Из этой инструкции видно, что венгерское правительство ясно представляло всю опасность злоупотреблений помещиков для дела революции. «Если бы кто-нибудь, — читаем мы в инструкции, — поставил себе целью убедить народ, что законы 1848 г. только бумага, старался бы лишить народ веры в законы и конституцию, возбудить румын Сатмара... то не мог бы выбрать более верное средство, чем проклятые требования барщины и незаконные захваты земли»⁴⁴.

Так как полномочия Йожефа Надя ограничивались комитатом Сатмар, то Государственное собрание, по предложению видного общественного деятеля, начальника одного из отделов министерства юстиции — Кароя Надя, внесло в Комитет обороны проект закона о повсеместном ограничении произвола помещиков. Однако этот проект не стал законом. Причиной тому были, с одной стороны, занятость Кошута военно-организационными делами и, с другой — боязнь в столь ответственный для дела обороны момент обострять отношения с помещиками.

Что касается деятельности Йожефа Надя, то он проделал полезную работу по разоблачению помещичьих узурпаций. Однако деятельность его общегосударственного значения иметь не могла.

Большую активность в этот период развернули представители мартовской молодежи. Особенно значительная роль принадлежала им в организации обороны страны, в формировании ополчения и руководящего ядра отдельных отрядов.

Так, патриотически настроенная группа молодежи во главе с Вашвари в середине января направилась в комитаты за Тиссой в целях агитации и вербовки ополчения.

Желая придать законность своим действиям, Пал Вашвари запросил у Кошута соответствующего распоряжения. Последний пошел навстречу и направил письмо комитатским властям, обязывающее их оказывать агитаторам всяческую поддержку. Это дало возможность Вашвари сформировать и возглавить отряд. Названный в честь национального героя Венгрии Ракоци, отряд принял активное участие в освободительной войне.

Отдельные представители мартовской молодежи прониклись сознанием важности крестьянского вопроса и подвергали резкой критике политику беззакония и произвола, которую допускали помещики.

Юрист по образованию, один из участников движения мартовской молодежи Иштван Кле выдвинулся в качестве политического деятеля лишь в 1849 г. Он приехал в комитат Сатмар для организации добровольческого вольного отряда и ознакомился в ходе организационных работ с положением крестьян в комитате. Возмущенный царившим в Сатмаре произволом, он направил Кошуту доклад, в котором резко осудил все помещичьи беззакония, подверг резкой критике стремление помещиков обойти мартовские законы с обычной ссылкой на то, что крестьяне имеют право лишь на те барщинные земли, которые вошли в опись Марии-Терезии. Иштван Кле разоблачил и заклеил также действия комитатских чиновников, которые отказывали крестьянам во всех их жалобах.

11 марта Иштван Кле сделал сообщение Государственному собранию по крестьянскому вопросу. Он подчеркнул, что помещики комитата Сатмар не ограничиваются злоупотреблениями в отношении крестьян, но готовятся «в день св. Георга» совместными действиями согнать с земель тех крестьян, которые отказываются выполнять их требования.

Однако предупреждения Иштвана Кле не были встречены с должным вниманием Государственным собранием, а в ответ на многочисленные жалобы крестьян, поступавшие из разных комитатов, следовал привычный ответ Комитета обороны: «У вас нет ни земли, ни дома своего, но у вас есть отечество»⁴⁵.

В первые месяцы 1849 г. было немало проектов по улучшению положения крестьян и по уничтожению многочисленных злоупотреблений, которые совершались помещиками.

Однако проекты Йожефа Надя, который на месте, в комитате Сатмар, пытался урегулировать крестьянский вопрос, Кароя Надя, выступившего с проектом общегосударственного закона против помещичьих злоупотреблений, и, наконец, деятельность Иштвана Кле в Сатмаре не оказали решающего влияния и не улучшили положения крестьянства.

Следующая попытка внести ясность во взаимоотношения крестьян и помещиков и определить их права сделана была указом «Об урбариях», принятом в апреле 1849 г.

Опубликование этого проекта имело целью в сложной военной обстановке привлечь на свою сторону крестьянство. Этот проект обосновывает параграф 9 мартовского закона 1849 г., подчеркивая, что крестьяне, пользовавшиеся майоратскими землями, должны с точностью выполнять все обязательства согласно заключенному с помещиком договору; крестьяне, владевшие урбарияльными землями и ликвидировавшие задолженность помещику, объявляются свободными от всяких платежей; во всех спорных случаях, когда вопрос не может быть разрешен путем полюбовного соглашения, он разрешается алишпанским судом на основе параграфа 10 закона 1848 г. и за крестьянином остается право обжалования; в особо сложных конфликтах, когда алишпанский суд не может принять решение, создается особая комиссия из лиц, пользующихся доверием обеих сторон, обязанная вынести определенное решение.

Шагом вперед было положение указа, заставлявшее помещиков доказывать документально свои права на спорные земли. Другие положения указа уточняли права урбарияльного крестьянина. Они определяли, что именно является урбарием, свободным от всех требований помещика, в частности, включая в урбарий то, что было присоединено из домениальных земель и внесено в налоговые списки

Издание такого указа было попыткой уточнить расплывчатый мартовский закон 1848 г. и уничтожить наиболее вопиющие злоупотребления и произвол помещиков.

Указ, подписанный Кошутом, мог бы сыграть положительную роль, если бы его претворение в жизнь не извращалось комитатской администрацией и если бы дела не залеживались в алишпанском суде.

Таким образом, и на этот раз интересы крестьянства не были удовлетворены, и по истечении нескольких недель вновь начались крестьянские выступления.

Правительство во главе с Кошутом не решилось на радикальное разрешение крестьянского вопроса, а полумеры не дали должного результата.

38 Kossuth Lajos. Osszes munkai. Kot.XIV, 768 old.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Австрийское правительство неоднократно подчеркивало свое желание сохранить законы 1848 г. в отношении крестьян. Уже в своей императорской прокламации от 20 октября 1848 г. Фердинанд заявил, что законы, уничтожающие барщину, являются «священными»; в своем воззвании «К сельскому населению», опубликованном 7 ноября 1848 г., он также заверял, что его императорские обещания являются неизменными. Виндишгрец проявлял большую активность. Даже в конце венгерской кампании он специально обратился к сельскому населению Венгрии и Трансильвании с воззванием, в котором указывал на лживость слухов, будто правительство хочет отобрать данные им уступки крестьянству. Andics Erzsebet. Kossuth harca az arulok es megalkuvok ellen a reformkorban es a Torradalom idejen. — «Emiekkonyv Kossuth Lajos». II, 85—86 old.

⁴¹ Barta Istvan. A kormány parasztpolitikája 1849-ben. — «Szazadok», 1955, 6 szám, 858 old.

⁴² Ibid., 859 old.

⁴³ Országos Levéltár Országos Hírdetelmi Bizottság, 2037, 1849.

⁴⁵ Barta Istvan. A kormány parasztpolitikája 1849-ben — «Sza-zadok», 1955, 6 szám, 868 old.

4. Деятельность Государственного собрания в Дебрецене. Усиление «Партии мира»

Путч в Тиссафюреде, который привел к победе сторонников Гёргея в армии, в свою очередь повлиял на положение в парламенте. Несмотря на отсутствие организационных связей между Гёргеем и руководством «Партии мира», события в Тиосафюреде не могли не создать базу для дальнейших более активных выступлений «Партии мира».

«Партия мира», выступление которой на первых заседаниях не встречало поддержки большинства Государственного собрания, стала завоевывать все более твердые позиции, тем более что ее выступления не находили в Дебрецене должного отпора как в Собрании, так и за его стенами.

Депутаты-оппортунисты стали открыто обвинять революционно настроенных депутатов во всех поражениях, которые потерпела революция. Наиболее четко точка зрения «Партии мира» была выражена в выступлениях Лайоша Ковача⁴⁶. Он утверждал, что палата депутатов должна ставить перед собой только одну задачу — заключение мира на базе сохранения всего революционного законодательства⁴⁷.

Горячие дебаты продолжались по вопросу о неявке ряда депутатов без уважительной на то причины в Дебрецен. Последний срок явки депутатов в Дебрецен был назначен на 1 февраля.

28 февраля была создана комиссия по проверке депутатских полномочий, но к этому времени вопрос уже имел совершенно не то значение, какое он мог иметь месяц тому назад. В конце января, когда Йожеф Мадарас внес предложение, это был акт бдительности, акт - охраны интересов революции. Теперь, месяц спустя, когда на Тиссе уже были сосредоточены войска и Бем очистил от врага значительную часть Трансильвании, принятие проекта о проверке мандатов создавало лазейку для депутатов-конъюнктурщиков, готовых вернуться по первым признакам успехов. Не этого добивались левые, не этого хотели и братья Мадарас.

Правые депутаты пользовались малейшим поводом для закрепления своих позиций. Они добивались продления срока явки, оказывали давление на комиссию по проверке мандатов и задерживали принятие какого-либо решения по этому вопросу. Однако все усилия «Партии мира» еще раз потерпели поражение. Им удалось лишь затянуть это решение на один месяц. К концу февраля палата депутатов приняла декрет, по которому депутаты, не явившиеся в Дебрецен к 1 марта и не представившие удовлетворительные объяснения этому, лишаются своих полномочий⁴⁸. Это решение было значительной победой левых.

Следующим вопросом, вызвавшим ожесточенные прения, был вопрос о политике революционного террора венгерского правительства по отношению к внутренним врагам революции.

В начале февраля на заседании парламента Ласло Мадарас выдвинул проект закона об организации чрезвычайных смешанных гражданских и военных трибуналов. Парламент должен был определить организационное устройство, характер дел, подлежащих их ведению, и т.д.⁴⁹

Левые требовали, чтобы суд решительно карал всех изменников родины, всех тех, кто сражается с оружием в руках против свободы и независимости своего народа, добровольно, без принуждения служит врагам. Такого рода преступления должны караться смертной казнью. В случае, если невиновность обвиняемого будет доказана, он должен быть немедленно освобожден. Этот проект, по требованию левых, парламент должен был принять срочно. В обстановке войны, жестоких классовых противоречий и белого террора эти мероприятия, вызванные суровой необходимостью, были вполне оправданны.

Однако «Партия мира» решительно выступила против организации чрезвычайных трибуналов. Дискуссия по этому вопросу продолжалась с 9 по 13 февраля. Правые рядом встречных предложений затягивали принятие решения. Так, депутат Иштван Безереди — помещик из комитата Толна — выступил против срочности обсуждения этого закона и предложил сохранить обычную парламентскую процедуру для его рассмотрения⁵⁰.

На заседании 9 февраля выступил депутат Лайош Ковач, представлявший «Партию мира». Он потребовал, чтобы каждый чрезвычайный суд, возникший где бы то ни было, утверждался парламентом⁵¹.

Стремясь добиться своих целей, «Партия мира» при обсуждении этого закона выдвигала своих наиболее видных деятелей и лучших ораторов. Тем не менее их предложения были отвергнуты. Поняв бесполезность борьбы против трибуналов в целом, «Партия мира» встала на путь сведения до минимума эффективности их действий.

Так, депутат Пал Ньяри потребовал, чтобы судебное разбирательство проходило открыто и, в случае невозможности осуществить это условие, разбор дела должен быть отложен. Это создавало реальную угрозу, что при рассмотрении важнейших преступлений военного характера — о диверсиях, шпионаже и т.д. чрезвычайные суды будут ограничены в своих действиях⁵².

«Партией мира» был внесен еще ряд других предложений, преследующих все одну и ту же цель.

Политический смысл этих предложений охарактеризовал депутат верхней палаты Эдён Бёти, представитель комитата Бихар. Он заявил, что создание судов с подобными ограничениями приведет к тому, что «будут суды, но осужденных никогда не будет»⁵³.

Вопрос о создании чрезвычайных трибуналов в дальнейшем возникал еще неоднократно, но каждый раз встречал препятствие со стороны «Партии мира».

Наступление «Партии мира» проявилось и в усилении пропаганды ее идей в печати. В 9 и 10-м номерах газеты «Вестник» появилась соглашательская статья Йокаи под заглавием «К народам венгерской родины», в которой говорилось о задачах войны за независимость и о взаимоотношениях между народом и королем⁵⁴. Резко выступая против политики австрийских Габсбургов, которые все действия народа именуют «бунтом», он в то же время апеллировал к королю, его обязанностям суверена.

Действия оппортунистов в печати стали предметом обсуждения парламента. Иोजеф Мадарас сделал запрос правительству — разделяет ли оно те положения, которые высказаны в статьях Йокаи. Выступивший 12 февраля Кошут пытался занять в этом вопросе нейтральную позицию, заявив, что Комитет обороны знает о содержании этих статей, но никакой ответственности за них на себя не берет.

В этот период военные действия шли с переменным успехом. Ни одна сторона не имела шансов на скорую победу. В одном из писем к Кошуту Чани писал, что австрийцы без помощи извне не в состоянии удушить венгерскую революцию, но и венгры не в силах завершить военные действия победой. Эта трезвая оценка говорит о способности Чани разобраться в сложившейся обстановке. Однако находясь в Трансильвании, Чани почти ничего не знал о том, что происходило в это время в Дебрецене, не мог знать, что положение было там еще намного труднее и тяжелее, чем предполагал он. К этому времени деятельность «Партии мира» стала реальной угрозой для революции. «Партия мира», представлявшая правое крыло либерального среднего дворянства и развивающейся буржуазии, вместо продолжения борьбы за национальную независимость Венгрии встала на путь соглашения с австрийским правительством, выставив только одно условие — отказ последнего от требования полной капитуляции. «Партия мира» считала, что согласия Австрии на это условие она сможет добиться лишь в результате нескольких крупных побед, к которым нужно стремиться.

В основе такой политики «Партии мира» были опасения дальнейшего полевения Кошута и возможных с его стороны уступок крестьянству. В страхе перед потерей феодальных привилегий либералы готовы были пойти на потерю национальной независимости и соглашение с монархией.

«Партия мира» все больше и больше передвигалась вправо и смыкалась с контрреволюцией. В своей борьбе против линии Кошута и левых «Партия мира» не гнушалась никакими средствами вплоть до клеветы и фальсификации. Она разработала генеральный план наступления против левых и их лидера Ласло Мадараса. Свои наступательные действия она начала клеветнической кампанией против него лично.

Находясь на посту начальника полиции, Ласло Мадарас конфисковал имущество предателя родины графа Эдёна Зичи, казненного Гёргеем за сношения с Елачичем, и согласно закону объявил аукцион для продажи конфискованного имущества. «Партия мира» использовала это для обвинения Мадараса в хищении драгоценностей из имущества Зичи.

На заседании парламента 17 марта с запросом выступил Габор Казинци. Он потребовал от Мадараса ответа, было ли представлено на аукционе все конфискованное у Зичи имущество или только часть его⁵⁵. Мадарас ответил, что ценности, представленные на аукционе, список которых опубликован в газете, являются только частью конфискованного у Зичи имущества. Остальная часть была переплавлена и представляет основной капитал ипотечного банка⁵⁶. Наиболее ценные предметы были инвентаризированы и переданы на хранение в министерство финансов.

Правые депутаты начали доказывать незаконность конфискации имущества. «Нам не подобает, — говорил Безереди, — делать то, за что мы ругаем наших врагов».

Выражая интересы правых депутатов, Лайош Ковач заявил: «Если такие конфискации и продажи имущества на аукционе имеют место по указу правительства, тогда неизвестно, чье же имущество может быть в безопасности?»⁵⁷

Этот факт еще раз свидетельствует о походе правых против всех революционных мероприятий правительства. Одновременно он показывает, какие приемы использовали правые депутаты в целях дискредитации своих политических противников. Ласло Мадарас, наиболее популярный лидер левых, стал одной из жертв их клеветнических обвинений, в результате чего он в дальнейшем был отстранен от своей должности.

«Партия мира», нанося удар левым, имела дальнейшей целью свести на нет все завоевания революции. Она активно обсуждала вопрос о создании собственной газеты, свободной от влияния правительства и левых. Такой газетой стала редактируемая М. Йокаи газета «Эшти лапок» («Вечерний листок»), которая стала выходить еще 22 февраля 1849 г.⁵⁸

Используя эту газету, «Партия мира» совершенно открыто вела борьбу против принципов революционной войны и подвергала нападкам деятельность Кошута. Газета с возмущением писала о том, что аристократ Гёргей вынужден подчиняться бедному адвокату Ко-шуту⁵⁹.

Левые со своей стороны требовали от правительства решительных действий в защиту завоеваний революции. Их печатный орган «Дебреценский листок» («Debreceni Lapok»), издание которого продолжалось только с 27 февраля по 4 апреля, защищал идею республики, полного разрыва с Габсбургами. «Борьба за свободу не щадя своей жизни — это наш девиз. Под этим знаменем собираются наши единомышленники», — писал Иोजеф Мадарас в первом номере газеты⁶⁰. Ведущие сотрудники этой газеты — Иोजеф Мадарас, Даниэль Ираньи и другие выступали с большей решительностью, требовали роспуска парламента, где перевес сил был явно на стороне «Партии мира», и избрания нового революционного парламента.

Левые добивались роспуска Государственного собрания с тем, чтобы окончательно разгромить «Партию мира» и установить революционную диктатуру.

Эти планы левых были вполне оправданы, это был единственный способ защиты революционных завоеваний. Однако осуществить свои планы левые не могли. «Партия мира» бурно росла, и рост её выражал сплочение дворянских и буржуазных элементов, считавших, что задачи революции 15 марта 1848 г. выполнены и надо идти на соглашение с Габсбургами, чтобы приостановить дальнейшее развитие движения народных масс. Колеблющаяся часть венгерского дворянства боялась лишиться своих владений как в результате крестьянских выступлений, так и в случае возможной победы контрреволюции. Призрак поражения в затягивавшейся войне усиливался в связи с относительным спадом западно-европейского революционного движения.

В то же время левые не представляли идейно и социально единого целого, в силу чего они не могли добиться разрешения острейших социальных вопросов, в первую очередь крестьянского и национального. А это приводило к тому, что у левых не было должной связи с народом и широкой народной поддержки, несмотря на энтузиазм и патриотизм народных масс. Лишь отдельные из них — Танчич, Петефи и Вашвари более или менее правильно нащупывали пути для разрешения этих вопросов.

После долгих колебаний левые приняли требования Михая Танчича по аграрному вопросу. 25 марта 1849 г. «Общество равенства» опубликовало воззвание, в котором объявило о своем вступлении в борьбу за равенство прав народа и одновременно за «облегчение, по возможности, участи бедняков». В качестве ближайшего средства осуществления этого требования была провозглашена конфискация поместий предателей родины для распределения их среди неимущих. Воззвание содержало также требование роспуска парламента на период военных действий, реорганизации правительства и передачи исполнительной власти в руки Кошута, отстранения Гёргея от командования.

Кошут отказался принять требований левых, хотя и признавал их справедливость. Он считал, что роспуск парламента может быть осуществлен только в результате военных побед. Но для этой цели нужно было укрепить армию, и он пошел, как уже сказано выше, на назначение Гёргея главнокомандующим, вместо того чтобы устранить его.

Однако натиск левых оказал влияние на Кошута. 25 марта он выступил в Парламенте с большой речью, направленной против «Партии мира». Он обвинял ее в защите тех депутатов, которые не явились после переезда парламента в Дебрецен, игнорируют свои депутатские обязанности и становятся тем самым центром притяжения контрреволюционных сил. Кошут заявил о своем отъезде в действующую армию и выразил пожелание, чтобы никому из депутатов-дезертиров не были возвращены полномочия. «Тот, кто не разделял с нами опасности в войне, потерял право решать судьбу нации».

Одновременно в своей речи Кошут предостерег «Партию мира» от дальнейших раскольнических действий, которые с неизбежностью приведут к тяжелому внутреннему разладу⁶¹. «Партия мира» получила решительный отпор со стороны депутатов парламента, но роль ее продолжала оставаться значительной.

46 Лайош Ковач в молодости принадлежал к оппозиции, с 1845 г. — сторонник Сечени, во всем следовавший его политике. В 1848 г. был секретарем министерства общественных работ, возглавляемого Сечени, был депутатом первого Государственного собрания (от Надьбаньевского округа), отстаивая в нем позицию большинства.

47 Kovacs Lajos. A bekepart a magyar forradalomban. Budapest, 1883, 43—44 old.

48 «Kozlony», 1849, februar 27,

49 Ibid., februar 10.

50 «Kozlony», 1849, februar 10.

51 Ibid., februar 13.

52 Ibid., februar 14,

53 Ibidem,

54 В одном из номеров «Kozlony» было напечатано, специальное обращение к читателям: «Комитет национальной обороны узнал, что в официальном «Kozlony» появляются такие статьи, которые ни в отношении содержания, ни в отношении своей формы не соответствуют серьезности официального органа и не отражают действительного мнения правительства». «Kozlony», 1849, februar 2. См. также: «A szabadsagharc fovarosa Debrecen 1849». Szerk. Szabo Istvan. Debrecen, 1948, 378 old,

55 «Kozlony», 1849, piarciusi 20.

Р. А. Авербух

56 Ibidem,

57 Ibid., marcius 20.

58 См. Dezsényi Bela, Nemes Gyorgy. A magyar sajto 250 éve. Kot.I. Budapest, 1954, 111 old.

59 Kovacs Lajos. Op.cit., 64—66 old.

60 «Debreceni Lapok», 1849, februar 27.

М.: Наука. 1965

61 «Kozlony», 1849, marcius 30.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009-2010

5. Весенний поход и опубликование «Декларации независимости»

Перелом в ходе военных действий был следствием целого ряда мероприятий, проведенных венгерской армией: реорганизовано командование, временно сглажены разногласия между Гёргеем и Кошутом, армия пополнилась свежими силами и насчитывала уже до 100 тыс. человек. Выдвинулась плеяда талантливых командиров, выросших в ходе борьбы, таких, как Дамьянич, Клапка, Надь Шандор и др. Снова широкой волной развернулось партизанское движение. Указом от 25 января 1849 г. Комитет обороны потребовал от всех муниципалитетов на территориях, оккупированных врагом, не признавать назначенных им комиссаров, прекратить всякие отношения с лицами, признававшими новую администрацию, и относиться к ним как к врагам. Комитет обороны призывал венгров в оккупированной зоне укрывать все запасы продовольствия от врага, а в случае невозможности — уничтожать их, развивать партизанское движение и решительно бороться с предателями родины.

Венгерское командование разработало новый стратегический план, целью которого было разгром врага. Энгельс в статье «Борьба в Венгрии» высоко оценивает состояние венгерских войск. Он пишет, что тяжеловесность императорской армии «предаст ее в руки легких мадьярских конных отрядов»⁶². Венгры были недостаточно вооружены, но они действовали с использованием всех выгод местности, с учетом всех возможностей.

План, разработанный в ставке венгерского главнокомандующего, предусматривал нанесение фронтального удара армии Виндишгреца и окружение ее.

2 апреля сильной артиллерийской канонадой венгерская армия открыла свое наступление у Хатвана. Главную роль играл седьмой корпус под командованием Андраша Гашпара (впоследствии генерала). Несмотря на превосходство сил австрийцев, венгерская армия одержала ряд побед. Однако атака генерала Шлика усложнила ее положение. На помощь седьмому корпусу пришли войска под командованием Дамьянича и Высоцкого.

Особая роль в спасении седьмого корпуса принадлежала польскому легиону под командованием Высоцкого и девятому батальону, получившему впоследствии название «красношапочников»⁶³.

4 апреля при Тапио-Бичке венгры одержали новую победу. Первыми вступили в бой с неприятелем войска генерала Клапки, применившего гибкую тактику обходов и фланговых ударов. Эта победа была закреплена в битве при Ишасеге 7 апреля; большую помощь войскам Клапки оказали войска Дамьянича. Отдельные части выступили на помощь наступающим полкам, не дожидаясь письменного приказа⁶⁴.

Победы, одержанные венгерской армией в первых числах апреля, имели огромное значение. Они показали силу революционного духа венгерской армии, показали выдающуюся организующую роль Кошута и выдвинули таких овеянных славой генералов, как Дамьянич и др.

Апрельские победы стали угрозой для существования австрийской монархии. Правительство Австрии решилось на заключение военного союза с царской Россией. Начались переговоры об условиях вступления царских войск в австрийскую империю и об обеспечении поддержки интервенции со стороны других европейских правительств⁶⁵.

Одновременно австрийское правительство стремилось к уничтожению революционных завоеваний внутри страны, и прежде всего к ликвидации венгерской конституции.

4 марта австрийский император опубликовал манифест о роспуске рейхстага и ввел новую конституцию для «единой и неделимой австрийской монархии». Эта конституция лишала Венгрию национальной независимости, растворяла ее в австрийской монархии.

Одним росчерком пера уничтожались даже те сословно-конституционные права, которые существовали до революции 1848 г.

Это был вызов борющемуся за независимость венгерскому народу. Провозглашение новой конституции ликвидировало последнюю возможность соглашения и с неизбежностью должно было повлечь за собой решительные контрмеры со стороны венгерских патриотов.

Этой контрмерой была предложенная Кошутом «Декларация независимости», которая имела целью санкционировать отделение Венгрии от Австрии. Этот шаг Кошут считал необходимым как ответ на узурпаторские действия Габсбургов. В письме к Бему от 17 марта Кошут писал: «Все связи, все возможности соглашения прерваны. Лучше самая ожесточенная война, война до последней капли крови»⁶⁶. Декларация должна была также разрешить внутривластный кризис, нанести удар «Партии мира». В письме к Чани 1 апреля Кошут клеймил предательскую роль «Партии мира», охарактеризовав ее сторонников как «людей, защищающих свою шкуру»⁶⁷. Кошут считал, что объявление Декларации явится ударом по предательству.

Прежде чем осуществить замысел о полном разрыве с Австрией, Кошут вступил в переговоры по этому вопросу с Гёргеем, который после Вацовского воззвания от 4 января не изменил своего отношения к Комитету обороны и к Кошуту. Он по-прежнему не терял надежды на возможность переговоров с Габсбургами и старался сорвать решительную позицию Кошута и его сторонников о доведении борьбы до окончательной победы. Успехи венгерской армии на фронте несколько сгладили противоречия между Кошутом и Гёргеем. Но все же Гёргей, не заявляя открыто о своем нежелании разрыва с Габсбургами, привел ряд аргументов против Декларации. Он ссылаясь на настроения в армии, командный состав которой против разрыва с монархией, на общие интересы, исторически сложившиеся между Австрией и Венгрией, на последний успешный поход венгерской армии, создавший реальные возможности для переговоров с Габсбургами⁶⁸.

На совещании высшего командного состава армии Кошут приветствовал героев победы и произнес речь в защиту Декларации. Никто из участников совещания, в том числе и Гёргей, не выступил против Декларации. Это создало у Кошута убеждение, что прежние колебания Гёргея изжиты⁶⁹.

Вернувшись 12 апреля в Дебрецен, Кошут в тот же вечер созвал Комитет обороны и заявил о том, что армия поддерживает Декларацию и поэтому нет оснований медлить с ее обнародованием.

Сторонники «Партии мира», входившие в Комитет обороны, добились отсрочки обсуждения этого вопроса. Не дожидаясь вторичного заседания Комитета обороны, Кошут выступил 13 апреля на заседании парламента с обоснованием необходимости объявления Декларации. Перечислив все преступления габсбургского двора в отношении венгерского народа, а именно — отказ признать законы 1848 г., подстрекательство всех народов против венгров, призыв царских войск на подавление революции, захват столицы и, наконец, манифест от 4 марта, вычеркнувший Венгрию из существующих наций⁷⁰, Кошут заявил, что единственно достойным ответом на все это явится принятие «Декларации независимости» — лишение Габсбургов венгерского престола.

Однако не только «Партия мира», но и подавляющее большинство дворянских депутатов выступило против Кошута. Они оценивали победы как недостаточные для объявления независимости от Австрии, но вполне достаточные, чтобы оказать на австрийское правительство известное давление при возможных мирных переговорах. Тогда Кошут решил искать другие пути для проведения своего плана.

Используя настроение воодушевления, царившее в Дебрецене в связи с победами, он собрал 14 апреля массовое собрание в реформатской церкви. Здесь были депутаты Государственного собрания, солдаты, несколько дней тому назад сражавшиеся с врагами и приехавшие по делам во временную столицу, жители города Дебрецена, которые до сих пор скептически относились к эвакуированному из столицы правительству, а ныне, под влиянием побед, вновь поверили в наступление «лучших дней». В этой обстановке ораторы правой оппозиции не решались выступить против Кошута. И Декларация была принята с энтузиазмом. По словам Танчича, в момент голосования правые депутаты покинули зал заседания и, удалившись в укромный уголок, обсуждали происходящие события. Здесь были Пал Ньяри, Лайош Ковач, Габор Казинци, Янош Палфи, Рудольф Сунёг и др.⁷¹

Лайош Ковач впоследствии писал, что день 14 апреля, когда утверждена была «Декларация независимости», стал трагическим днем для «Партии мира». Роспуск ее был неизбежным, так как все ее программные требования оказались разрушенными этим актом.

Однако «Партия мира» не сложила оружия. Лидеры ее не теряли надежды. Тот же Лайош Ковач писал: «Внешне наше положение казалось как нельзя хуже, внутренне — все изменилось к лучшему. Задача наша заключается в том, чтобы выждать, как сложатся дела в дальнейшем. Итак — мы ждали»⁷².

Оценка Лайоша Ковача правильна в том отношении, что борьба, предшествовавшая принятию Декларации, выявила с особенной четкостью не только крепнущую организацию и целенаправленность «Партии мира», но и рост ее влияния на центр, т.е. на колеблющуюся часть депутатов.

«Декларация независимости» была актом большого исторического значения. Она отражала чаяния венгерского народа об освобождении от габсбургского ига. Содержавшийся в ней исторический обзор взаимоотношений Венгрии и Австрии, всех преступлений австрийского правительства против конституционных прав венгерского народа, в том числе использование доходов страны и крови народа для подчинения экономических интересов Венгрии выгодам австрийской монархии, ярко определил неизбежность разрыва Венгрии с габсбургской монархией.

Декларация провозгласила Венгрию «свободным и независимым европейским государством», а дом Габсбургов, «запятнавший себя предательством и клятвопреступлением... низложенным, лишенным трона и изгнанным».

«Пусть венгерский народ помнит... пусть каждый венгр помнит,— восклицал Кошут, подчеркивая патриотическое значение Декларации,— что мы стоим на переломе,— или мы увидим осуществившимся все то великое и прекрасное, о чем мы мечтали для нашего отечества, или мы должны навеки исчезнуть, умереть смертью трусливых народов, для которых гений истории несет только одно благодетельное — гибель»⁷³. Во главе Венгрии Декларация устанавливала власть Национального собрания до окончательной разработки конституции, а Лайошу Кошуту в качестве правителя-президента поручалось образование ответственного министерства⁷⁴.

После опубликования Декларации Кошут писал Ласло Чани: «Вопрос назрел. Нельзя было медлить его решением. Я должен был покончить с коварством. Свершилось. Мне кажется, моя политика верна»⁷⁵. Политика Кошута была верна, ибо она опиралась на прогрессивность борьбы Венгрии за независимость.

Принятие Декларации было выражением сплочения демократических сил во имя утверждения наивысшего достижения национально-освободительной борьбы — объявления Венгрии свободным самостоятельным государством, независимым от Габсбургов.

Вместе с тем Декларация была мощным ударом против «Партии мира», готовой ради своих корыстных классовых целей идти на соглашение с Австрией, предать национальные интересы.

Однако Декларация не выдвинула широкой социальной платформы; в этом была ее основная слабость, тормозившая проведение буржуазно-демократических преобразований, обеспечивающих реальную основу национального освобождения. Утверждая суверенность и политическую самостоятельность Венгрии, Декларация не обуславливала эту самостоятельность какими-либо буржуазно-демократическими изменениями и тем самым лишила ее социальных и экономических корней.

Тем не менее «Декларация независимости» оказала большое влияние на ход военных действий.

С исключительным упорством венгерские войска преодолевали все препятствия. Начатые 9 апреля бои за овладение г.Вац завершились победой. Войска Дамъянича в кровавых уличных боях заняли город. 16—17 апреля войска Бема прорвались через Железные ворота в район реки Темеш и заняли Караншебеш. 19 апреля венгерские войска, несмотря на сильный огонь картечи противника, заняли Надьшалло. Путь к Комарому был расчищен. 21 апреля он был освобожден. Эта победа открывала дорогу к освобождению Пешта — столицы Венгрии. Вступление венгерских войск в Пешт 24 апреля было блестящим завершением весеннего похода. Однако эти победы венгерского народа не привели к полному разгрому неприятельских армий.

62 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.186.

63 8 апреля 1849 г. венгерское революционное правительство разрешило особо отличившимся полкам носить красные шапки, и в течение ближайшего времени этим правом стали пользоваться 12 батальонов.

64 Hadtortenelmi Leveltar. Az 1848—1849 magyar for-radalom es szabadsagharc iratai. Рапорты генерала Дамъянича о битвах 4 и 7 апреля и полковника Месароша о битве 8 апреля 1849 г.

65 Подробно ход переговоров и условия сговора см. в кн.: Р.Авербух. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг. М., 1936, гл.III.

- 66 «Briefe Ludwig Kossuth an Josef Bern 1848, Marz bis Jimi». Herausgegeben von Aladar Makray. Pest, 1870, S.2.
- 67 «A szabadsagharc fovarosa», 426 old.
- 68 Ibid, 444—445 old.
- 69 Ibid., 447 old.
- 70 «Kozlony», 1849 aprilis 17; см. также: Kossuth Lajos. Os-szes munkai. Kot.XIV, 873 old.
- 71 Михай Танчич. Мой жизненный путь. М., 1952, стр.290.
- 72 Kovacs Lajos. Op.cit., 88—89 old.
- 73 Ludwig Kossuth. Gesammelte Werke. Band I. Leipzig, 1850, S.199
- 74 Полностью Декларация напечатана на венгерском языке в «Kozlony», 1849, aprilis 17. На французском языке: D.Iranyi et Ch.L.Chassin Histoire politique de la revolution de Hongrie 1847—1849 Deuxieme partie Paris, 1860, p.366—389.
- 75 Rëvész Imre. Tronfosztas es Kossuth. — «Emiekkonyv Kossuth Lajos» Kot. I, 425 old.

Глава 6. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Правительство Семере

«Декларация независимости», принятая при поддержке народных масс, могла стать средством их дальнейшей мобилизации и углубления революции, но этого не случилось. Разрешение социальных вопросов, проведение буржуазных преобразований отодвигалось на задний план. Так, по-прежнему не был радикально разрешен важнейший вопрос революции — крестьянский. Политика в национальном вопросе также носила противоречивый характер.

Добиваясь национальной независимости от Австрии, революционное венгерское правительство в то же время ничего не предпринимало для предоставления национальных прав невенгерским народам, входившим в состав Венгрии.

Кошут рассчитывал, что принятие Декларации ослабит влияние «Партии мира» в парламенте. Однако и этого не произошло. Правые усилили борьбу за власть. Победы, одержанные на фронтах, создавали у подавляющего большинства Государственного собрания представление о том, что борьба за независимость окончена и в дальнейшем ведении войны уже нет необходимости. А это содействовало поправлению социально противоречивых элементов и объективно усиливало их влияние в Собрании.

Руководящие деятели «Партии мира» обратились с посланием к Францу-Иосифу, в котором заявляли о своем несогласии с Декларацией и выражали монарху свои Верноподданные чувства, Кошут не приложил энергичных усилий к разгрому «Партии мира» и тем самым все больше отдалялся от левых — своих собратьев по оружию¹.

Первым открытым враждебным актом «Партии мира» было демонстративное заявление об отставке со стороны военного министра Месароша ввиду несогласия его с Декларацией. Правые депутаты потребовали, чтобы парламент выразил благодарность Месарошу за его прошлую деятельность и присвоил ему звание вице-фельдмаршала. Предложение это было принято, и отставка Месароша была временно отклонена².

Обнародование Декларации поставило вопрос о судьбе Собрания. Левые в лице Ласло Мадараса стремились использовать сложившуюся благоприятную обстановку для роспуска правооппортунистического парламента, «Партия мира» в этом вопросе дала бой левым.

На заседании 14 апреля в ответ на предложение левых о роспуске парламента представители «Партии мира» заявили, что правительство неправомерно совершить этот акт: распустить Собрание могут только сами депутаты.

Позиция правых в этом вопросе одержала верх³. Парламент продолжал работать, выдвинув лозунг — ни одного левого в правительство. Как правильно пишет Ревай, «...военные победы скрепили поворот революции вправо»⁴.

Формированию правительства предшествовал обмен письмами между Кошутом и Семере по вопросу о компетенции и степени ответственности правительства и правителя. Семере, делая вид, что не хочет по личным мотивам брать на себя обязанности главы правительства, в то же время добивался четкого закона, утверждающего круг полномочий кабинета. Особенно интересовался он компетенцией главы будущего правительства и правителя. Семере считал, что кабинет не должен зависеть ни от Государственного собрания, ни от Кошута. Кошут же осторожно и в самых дружеских тонах указал на то, что политическая обстановка очень сложна для издания подобного закона и что министерство должно быть ответственным перед представителями «его величества народа»⁵.

Новое министерство было составлено в основном из представителей центра и правых. Председателем стал Семере, взявший и портфель министра внутренних дел. Министром иностранных дел, промышленности, торговли и земледелия стал Казимир Баттьяни, министром культуры — Михай Хорват, а финансов — Ференц Душек, крайний реакционер. Ласло Чани, Вукович⁶ и действительные сторонники венгерской независимости получили малозначащие портфели министров путей сообщения и юстиции. После ухода Месароша в отставку военным министром стал Гёргей, до его прибытия в Дебрецен его заменял Клапка. Ласло Мадарас, подвергшийся клеветническим обвинениям со стороны правых, в новое правительство не вошел. Отказавшись от своего мандата депутата Государственного собрания, Мадарас выступил перед своими избирателями с намерением добиться выражения доверия с их стороны. Это доверие ему было оказано, и Мадарас вновь был ими избран депутатом.

Так желание «Партии мира» было выполнено: в правительство не вошел ни один левый депутат⁷. «Партия мира» могла рассчитывать, что правительство не будет слишком радикальным и что программа кабинета Семере будет приемлема для нее. «Партия мира» учитывала поведение Семеро в Комитете обороны, где он выступал против левых, его позицию в борьбе Кошута с Гергеем.

2 мая Семере выступил в Государственном собрании с программной речью, в которой подчеркнул, что «министерство считает себя революционным правительством... с республиканским и демократическим направлением»⁸. Эта речь взволновала правую часть парламента, но дальнейшие события внесли в ее ряды успокоение.

Через несколько дней члены «Партии мира» заявили на заседании Государственного собрания, что они «без оговорок искренне принимают все тезисы программы Семере в полном объеме и что в руках Семере они считают революционную власть чем-то совсем иным, чем в руках Мадараса и его соратников».

Председателем Собрания избран был Кошут, однако «Партия мира» все предпринимала, чтобы ограничить его участие в правительственных делах. Уже 2 мая Кошут был вынужден подписать декларацию, согласно которой все распоряжения, указы, декреты и назначения, сделанные президентом, вступают в силу лишь в том случае, если на них имеется подпись одного из министров⁹.

Расширение компетенции министров означало уменьшение реальной власти Кошута, стремление подорвать авторитет человека, являвшегося символом борьбы венгерского народа, вынесшего на своих плечах всю тяжесть этой борьбы.

Семере считал, что революция завершена, победы обеспечили независимость Венгрии и, следовательно, надо стабилизировать положение, не только не стремясь к углублению революции, но и ликвидируя некоторые ее завоевания. Военные победы, с одной стороны, страх среднего дворянства перед возможностью выступлений крестьян, тщетно надеявшихся на выполнение ранее данных обещаний, с другой стороны, толкали среднепоместное дворянство вправо. И это правое крыло среднего дворянства и было классовой базой правительства Семере.

В целях укрепления своей власти правительство Семере приняло ряд мер к насаждению такой администрации на местах, которая отвечала бы его действительному направлению. Несмотря на отстранение Ласло Мадараса, полиция еще оставалась оплотом радикальных левых элементов, так же как и чрезвычайные суды. Поэтому правительство в первую очередь обратило свое внимание на эти органы. Полиция и все другие органы, созданные Комитетом обороны для борьбы с контрреволюцией и тесно связанные с местными самоуправлениями, были ликвидированы. Из комитатов было отозвано 16 правительственных комиссаров, и прежняя феодальная администрация этих комитатов была освобождена от революционного контроля¹⁰. Мотивируя указ о комиссарах, Семере заявил: «Поскольку борьба и враг удаляются и лихорадочное состояние уменьшается, начинают возвращаться мир и тишина»¹¹.

На ответственные посты правительство стало назначать явных сторонников «Партии мира». Так, Лайош Ковач был назначен государственным секретарем министерства общественных работ и транспорта, Жигмонд Кемень — советником министерства внутренних дел, Пал Ньяри возглавил Пештский комитат.

Министр юстиции Вукович сначала сократил число чрезвычайных судов до 10, затем оставил только один Пештский, уволив подавляющее большинство судей и судейских чиновников. Правительство запретило партизанам предавать чрезвычайным судам предателей родины. Проводя в области управления под прикрытием левых лозунгов реакционную политику, Семере в области экономической проводил мероприятия, диктуемые задачами буржуазного развития страны, выгодные правящим классам, но ущемляющие интересы трудящихся. Подушный налог был отменен, его заменило повышение на 2% налога на доходы. Чиновники и работающие по найму должны были платить в соответствии с заработком. Если раньше предприниматели должны были платить 10% с капитала и представлять для определения облагаемой суммы свои бухгалтерские книги, то теперь ставка понижалась до 7,5% с представлением лишь декларации о доходах. Ремесленники и лица свободных профессий облагались в размере 10% своего заработка.

Отмена прогрессивности обложения, декларированной предыдущими финансовыми законами, была направлена по существу на поощрение буржуазных накоплений. В то же время этот принцип был на руку землевладельческой знати¹².

Такой же характер содействия развитию нарождавшихся буржуазных отношений носила политика правительства Семере в области торговли.

Принятие «Декларации независимости» заставило считаться с фактом разрыва с Веной и известного нарушения ранее существовавших экономических взаимоотношений с Австрией.

Казмер Баттьяни 13 июня 1849 г. в своем циркуляре, излагающем основные принципы торговой политики, провозгласил полную независимость венгерской торговли и промышленности в отношении Австрии. «Венгерское правительство, так же, как оно само решает все вопросы внешнего и внутреннего управления, само решит все правила внешней торговли»¹³.

Принципы свободы торговли, которая была важнейшим условием капиталистического развития Венгрии, должны были лечь в основу экономической политики правительства Семере, однако даже в этом циркуляре были сделаны оговорки, что в торговой политике «необходимо придерживаться тех требований, которые диктуются трезвой защитой лишь постепенно развивающейся промышленности нашей страны». Этот циркуляр подчеркивал стремление расширять внешнеторговые связи, намечал некоторое смягчение ранее существовавших таможенных ограничений.

1 Andics Erzsebet. Kossuth harca az arulok es megalkuvok elkn a reformkorban es a forradalom idejen. — «Emiekkonyv Kossuth Lafoe». II. Budapest, 1952, 118 old.

² «Kozlony», 1849, aprilis 18, 103 old.

³ Ibid., aprilis 7, 296—297 old.

4 Иोजеф Реваи. К. Маркс и венгерская революция 1848—1849 rr. Budapestini, 1951, стр.35

5 Deak Imre (szerk.) 1848 anogyani a kortarsak iattak (A sza-badsagharc tortenete levelekben). Budapest, 1943, 358—369 old.

⁶ «Kozlony», 1849, majus 3, 349 old.

⁷ Ibid., majus 10, 374—375 old.

⁸ Spira Gyorgy. A magyar forradalom 1848—49-ben. Budapest, 1959, 504 old.

⁹ «Kozlony», 1849, majus 3, 344 old.

¹⁰ Комиссар Иштван Фиат, направленный в комитат Толна, 22 мая запрещал крестьянам «попирать известные права» помещиков под страхом такого же наказания, как за измену. B a r t a Istvan. A kormány parasztpolitikája 1849-ben.— «Szazadok», 1956, 1—2 szam, 43 old.

¹¹ «Kozlony», 1849, majus 16, 106 szam.

¹² Характерно, что министр финансов, вынося новый закон на обсуждение Собрания, обещал в ближайшее время представить закон о возмещениях убытков дворян в связи с отменой барщины.

¹³ Merei G., Magyar iparfejidoes 1790—1848, Budapest, 1951, 382—383 old,

2. Народ и правительство

Одна из важнейших проблем всех буржуазных революций — переход к капиталистическим формам в сельском хозяйстве, разрешение крестьянского вопроса — продолжала оставаться осью всех событий данного периода.

В то время как венгерское правительство и Государственное собрание топтались на месте с разрешением крестьянского вопроса, в комитатах усиливался нажим на крестьянство со стороны правительственных комиссаров, комитатских чиновников, вербовщиков и другой местной администрации.

В это время пополнение армии уже не могло ограничиться призывом добровольцев. Администрация прибегала к мобилизациям. Указанные законом 12 сентября 1848 г. правила публичной жеребьевки по спискам всех военнообязанных неоднократно нарушались в интересах более обеспеченной части населения. Так, в г.Сентеш администрация включила в списки военнообязанных только сыновей городской бедноты, явно охраняя от военной службы зажиточные семьи и заманивая бедноту обещанием Кошута наградить каждого нового солдата участком земли. Широко практиковалась «замена» а деньги: богатый рекрут мог за известную сумму наснять для отправки в армию вместо себя другого человека. С усилением военной опасности усилились и прямые злоупотребления, вызывавшие острое недовольство крестьян. Так, в комитате Крашшо были случаи облав ночью. В других комитатах забирали бедняков, отцов семейств, оставляя 3—4 неженатых сыновей богача.

Таким образом, значительная часть пополнения венгерской армии, набранная осенью 1848 г. и затем в период правительства Семере, состояла из бедноты, кровно заинтересованной в получении земли. Естественно, что задержка в разрешении крестьянского вопроса отражалась как на настроении войск, так и на всех военных делах этого периода.

Национальная гвардия с ее имущественным цензом из силы «охраны порядка» постепенно превращалась в военные отряды для защиты отечества. Служба в ней из привилегии зажиточных слоев города и деревни становилась для них тяжелой обязанностью. Администрация комитатов прифронтовых областей привлекала к этой службе в принудительном порядке и неимущее население. Эти оторванные от своих хозяйств национальные гвардейцы, озабоченные прокормлением семьи, рвались домой на сельскохозяйственные работы.

Помимо военной службы, всей своей тяжестью ложились на плечи крестьянства постой, обязанность прокормления войск, гужевая повинность. Крестьянство, вложившее в весенние победы огромную долю, надеялось на то, что они принесут и разрешение всех их нужд. Однако этого не получилось, и крестьяне то там, то тут все настойчивее выступают со своими требованиями. В марте крестьяне села Олапатак комитата Гёмёр потребовали возвращения своей земли, захваченной графом Карой Андраши. В селе Банкут комитата Бекеш крестьяне самовольно решили этот вопрос. В комитате Йешт, после его освобождения, крестьяне Поделили имущество предателей и засеяли их земли.

В Домбоварском районе (в комитате Толпа) крестьяне в мае 1849 г. продолжали так толковать мартовские законы, что «...нет больше ни господ, ни князей, ни помещиков...». «Права помещиков перестали почитать», — писал управляющий имениями Эстергази правительственному комиссару¹⁴. В комитате Толпа крестьяне громили помещичьи имения. Крестьяне некоторых сел пытались скрыть свой скот от поставок. Командир одной из бригад 19-й дивизии венгерской армии видит причины недовольства крестьян «прежде всего в бессовестности и шантаже чиновников»¹⁵.

Сообщения о крестьянских «беспорядках» в конце мая и июне поступали в министерство также из комитатов Веспрем, Комаром и др.

В некоторых комитатах желлеры отказывались от заключения договоров о работе на помещичьих землях.

Так крестьянство, убежденное, что вместе с освобождением страны должно прийти освобождение от феодального гнета, пыталось снизу осуществить свои чаяния.

Но правительство Семере и не думало выполнять обещания, данные крестьянам. На неоднократные сообщения правительственных комиссаров о волнениях крестьян Семере отмечал предложением принимать энергичные меры против «анархических беспорядков...».

«Социалистические и коммунистические направления должны быть оттеснены более высокой целью и это: завоевание и обеспечение нашей независимости..., святая неприкосновенность личности и собственности»¹⁶.

Некоторые правительственные комиссары, понимая тесную связь между настроениями крестьянства и боеспособностью армии, все же настаивали на неотложной необходимости удовлетворения крестьянских требований. К пониманию этого пришли и левые, ранее, за исключением Танчича, в основном поддерживавшие Позицию правительственного большинства.

Один из самых радикальных вождей мартовской молодежи Вашвари обратился к Семере с докладом о положении дел в деревне. Он писал о падении энтузиазма, о разочаровании народа в связи с тем, что победы не принесли удовлетворения материальных нужд, что надо награждать героев, инвалидов за их жертвы, выполнить ранее данные обещания. Вашвари считал, что государство может себе позволить за счет огромных необрабатываемых земель, принадлежащих изменникам, наделить хотя бы небольшое количество людей в каждом комитате из числа рядовых венгерской армии. Доклад Вашвари показал, что мартовцы правильно понимают непосредственную связь между проблемой обороны и крестьянским вопросом. Но правительство Семере не склонно было прислушиваться и к таким, даже не слишком радикальным советам.

Поняв, что правительство Семере на деле проводит политику, совершенно не соответствующую интересам революции, левые развернули борьбу против него. В газете «15 марта» одна за другой публиковались осуждающие правительство статьи. «О, революционное, республиканское, демократическое правительство! До чего это три красивых атрибута, если бы ты имел право их носить! — пишет газета. — Республика — красивое слово. В Париже народ завоевал ее своей кровью, но другой класс выхватил из рук народа плоды этой победы и народ вновь очутился в таком положении, что он должен горевать о своем состоянии»¹⁷.

Газета разоблачала и реакционный характер административных и судебных «реформ» правительства Семере. Но дальше критики левые пойти не могли, так как у них не было до сего времени прочной опоры в народе. Когда левые потребовали, чтобы Государственное собрание в связи с докладом Вашвари обсудило вопрос о полном уничтожении феодальных привилегий, а Государственное собрание, как и следовало ожидать, по-прежнему затягивало разрешение этого вопроса, левые стали поспешно искать путей для укрепления своих связей с народом.

Газета «15 марта» писала о настоятельной необходимости разрешения вопроса об освобождении крестьян, указывала на возрастающую неудовлетворенность крестьянства своим положением, на бесчисленные просьбы об уничтожении остатков феодальных повинностей, издании нового закона, который упорядочил бы земельные отношения. Газета писала, что это возбудило бы патриотизм и содействовало бы успешной защите независимости.

В то же время в среде радикальной левой раздавались голоса, требующие раздела земли¹⁸. Ласло Мада-рас обратился к лозунгу, выдвинутому Танчичем в 1848 г., — раздел земли мятежников¹⁹. Танчич в июне выступил с серией листовок «Forraddlom», в которых требовал раздела всех крупных помещичьих землевладений, считая максимумом владение в 2000 хольдов (около 900 десятин). Такие и меньшие не подлежат разделу. Земли высшего духовенства, дворцовые и земли изменников должны быть разделены между «крестьянами, не имеющими ни земли, ни крова и не знающими никакого ремесла». Прожиточный минимум для таких крестьян, по мнению Танчича, могут обеспечить 10—15 хольдов земли, в зависимости от ее плодородности. Эти земли должны отводиться таким желлерам, которые в родной деревне никакой земли не имеют. Для желлеров, имевших свои хижины, Танчич считал достаточными участки размером в 6—8 хольдов. В вопросе о разделе земли Танчич исходил, во-первых, из того, что распределение земли преследует не принцип наделения каждого равными долями, а принцип наделения возможно большего числа нуждающихся такими долями земли, которые могли бы их прокормить. Во-вторых, он считал, что земля не должна принадлежать никаким владельцам, только государству. «Земля всей отчизны, — писал он, — принадлежит в целом государству, и каждый гражданин имеет равное право пользоваться таким участком, на котором он сможет заработать себе на пропитание»²⁰.

Все это представляло собою заметный сдвиг в крестьянской политике левых, хотя Танчич оставался одиночкой в своих наиболее крайних требованиях, по существу даже перераставших задачи буржуазной революции (пользование, а не владение землей).

Многочисленные крестьянские выступления, сопровождавшие весенние победы, заставили наконец правительство Семере подойти к проблеме земельных отношений. Семере был вынужден разработать новый закон. Проект закона был подготовлен Вуковичем и рядом других депутатов Собрания к концу мая.

Однако Кошут, не сумев оказать необходимое сопротивление давлению парламентского большинства, согласился распустить Государственное собрание на каникулы, что означало отсрочку обсуждения законопроекта до 2 июля. Это могло казаться Кошуту тем более допустимым, что 31 мая правительство возвращалось в освобожденную столицу.

На первый взгляд могло показаться, что отсрочка обсуждения не имеет существенного значения. На самом же деле этот месяц имел громадное, можно, не боясь преувеличения, сказать, решающее значение, так как снова, как и осенью 1848 г. при обсуждении закона о виноградниках, на этот раз в масштабах все страны, решался вопрос: кому будет принадлежать урожай — помещикам или крестьянам? Решался таким образом основной вопрос революции для крестьянства.

Отдавая себе довольно ясный отчет в значении сроков обсуждения закона, газета «15 марта» 31 мая горько сетовала на «невнимание правительства к важнейшему предмету настоящей сессии». Она указывала на то, что «народ ждет не дождется, чтобы Государственное собрание выполнило свои обещания, которые оно повторяло каждый раз, когда требовало принесения новых жертв». Газета предупреждала об опасности, которой «может грозить отсрочка»²¹.

Исследовавший историю закона венгерский историк Иштван Барта указывает, что текст законопроекта не сохранился. Судя по отдельным замечаниям в воззваниях, в выступлениях Кошута и других, дело шло об уничтожении монополии помещиков по продаже вина, мяса, табака и т.д., о полной ликвидации урбарийальных отношений и обязанностей, об отводе крестьянам лесных вырубок, пастбищ, о компенсации помещикам. Наиболее подробные данные об этом законопроекте дает Вукович в своих воспоминаниях. При обсуждении текста на заседании Совета министров 20 июня Вукович, Карой Надь и некоторые другие защищали интересы крестьянства, Жигмонт Перени и Казмер Баттьяни отстаивали права помещиков; Семере занимал промежуточную позицию. Новый закон явился шагом вперед по сравнению с сентябрьским, поскольку он включал статьи о выкупе повинностей за счет государства²². Наряду с принципами выкупа закон предусматривал также отмену всех повинностей домениальных желлеров, а также уничтожение так называемых малых королевских прав. Но проект так никогда и не был включен для обсуждения в повестку дня Государственного собрания.

Не менее остро стояла в это время и национальная проблема, тесно переплетавшаяся с крестьянским вопросом и вопросами защиты венгерской независимости. Особенно сложным было переплетение национальных и аграрных отношений в Трансильвании. Секеи в это время отказывались от несения рекрутчины, утомленные непрерывными войнами. Борьба крестьян-румын против помещиков-венгров принимала, особенно под влиянием австрийской пропаганды, характер борьбы против венгерских властей.

Защищать в Трансильвании венгерскую независимость в этой обстановке обостренных классовых и национальных противоречий было невозможно. Надо было создать какой-то перелом. Кошут и Бем это понимали и попытались добиться соглашения с румынским населением. Проект специального закона (*projet de pacification*) предусматривал хотя бы частичное удовлетворение требований крестьян, а также узаконение румынского языка в местных самоуправлениях и церковных делах.

Переговоры с румынами начались весной 1849 г. Для переговоров Кошут направил в Трансильванию Иона Драгоша, румынского депутата Государственного собрания, поручив последнему добиться добровольного вступления румын в венгерскую армию, чтобы бороться за общую свободу. Кошут предупреждал румын, что, сражаясь на стороне Австрии, они останутся в «печальном рабстве»²³. Наряду с венгерским языком, Кошут предлагал в школах, местных учреждениях, в культурной и церковной жизни узаконить применение родного румынского языка.

Миссия Драгоша, вызывавшая вначале благоприятный отклик со стороны румынского крестьянства, закончилась трагически, убийством Драгоша 9 мая. После гибели Драгоша румынские радикалы во главе с Балческу попытались исправить положение. Они обратились непосредственно к Бему и Кошуту, со стороны которых встретили полную поддержку как своим требованиям, так и идее создания румынского легиона.

14 июля 1849 г. *projet de pacification* был опубликован. Важнейшие его положения сводятся к следующему: по закону валахи будут именоваться румынами; венгерский язык остается государственным лишь в той мере, в какой это необходимо для сохранения единства страны; языком управления комитатов будет язык большинства населения, так же как языком команды в соответствующих воинских частях. Преподавание в школах для румын будет вестись на румынском языке.

Как видно из сказанного, к этому времени Кошут существенно изменил свою позицию в национальном вопросе, проявив неизмеримо большую терпимость, чем в предреволюционный период, когда он придерживался по этому вопросу более консервативных взглядов, чем даже Сечени.

Самым серьезным обещанием были статьи проекта, направленные на разрешение крестьянского вопроса: распространение отмены повинностей на майоратских крестьян, обещание рассмотреть жалобы на захват земли помещиками. Была также достигнута договоренность между Кошутым и Балческу о создании румынского легиона.

В то время как наиболее дальновидные деятели венгерской революции и румынские радикалы пытались уязвить клубок национальных и социальных противоречий, обсуждая и оттачивая текст *projet de pacification*, в самой Трансильвании в результате провокаций вслед за Драгошем погиб лучший и наиболее последовательный представитель мартовской молодежи — Вашвари.

Еще с начала 1849 г. Вашвари объездил целый ряд комитатов, создавая партизанский отряд имени Ракоци. В мае 1849 г. он прибыл, возглавляя этот отряд, в Трансильванию.

Отряд состоял из 2 тыс. человек добровольцев. Там были венгры, немцы, румыны, цыгане, австрийские студенты и другая революционная молодежь, вплоть до 15—16-летних юношей. Были в отряде и пожилые добровольцы, и опытные солдаты, но оснащен был отряд плохо. Сам Вашвари был настолько болен, что друзья не хотели брать его в поход. Однако, передав командование офицеру Палу Бузго, он не оставил отряда. В горах отряд Вашвари очутился в западне без боеприпасов и продовольствия. Вашвари не терял мужества, всячески ободрял бойцов²⁴. Он пытался спасти отряд отступлением по пройденному пути, но дорога была отрезана превосходящими силами противника. Мужественный и храбрый, Вашвари до конца оставался преданным солдатом венгерской революции. Он погиб в неравном рукопашном бою со знаменем в руках. В этом бою погибла большая часть его подлинно интернационального отряда.

Вслед за соглашением с румынами правительство Семере пришло к пониманию необходимости смягчить и общие национальные Противоречия. Государственное собрание 28 июля 1849 г. приняло закон о национальностях, который повторял отдельные положения соглашения с румынами, но пользование национальным языком ограничивалось делопроизводством в пределах муниципалитета, т.е. в местном самоуправлении и в муниципальных отрядах национальной гвардии. Допускался родной язык в начальной школе, в суде, в церкви.

Так как национальные взаимоотношения переплетались с религиозной рознью, закон особо оговаривал права православной церкви и ее школ на материальную помощь со стороны властей. Была также объявлена амнистия тем солдатам австрийской армии — румынам, сербам и другим, которые добровольно сложат оружие. Принятие этого закона имело большое значение и, по существу, явилось принципиальной уступкой правительства Семере требованиям национальностей.

Только отдельные венгерские политические деятели понимали всю справедливость национальных требований народов, населявших Венгрию. Таковы были Вашвари, Петефи и отчасти Танчич. Интересно отметить, что горячий сторонник венгерской независимости и «гордый венгр» Ласло Телеки, бывший послом венгерского правительства в Париже, несмотря на далеко не левые взгляды, был близок к правильному пониманию значения союза национальностей, населявших Венгрию, для борьбы с Габсбургами.

Телеки писал Кошуту, что необходимо добиться полной искренности между нациями, что национальная рознь выгодна Габсбургам, что Венгрия и Трансильвания связаны пока королевской унией, действительного же единства наций можно достигнуть только их сплочением в тесный союз²⁵.

Медлительность венгерского правительства в разрешении крестьянского и национального вопросов сама по себе ослабляла венгерскую революцию. Усиление позиций «Партии мира» с приходом к власти правительства Семере и распространявшееся убеждение в окончательной победе революции в итоге весеннего похода дали возможность Габсбургам выиграть время.

Еще в апреле победоносные венгерские войска непосредственно угрожали Вене, столице Габсбургов, и австрийская контрреволюция не была уверена, удастся ли ее отстоять. Демократическая часть Вены надеялась на то, что приход венгров явится ударом по реакции. Императорские войска, вернувшиеся на австрийскую границу, были совершенно деморализованы. Сам генерал Вельден подчеркивал полную потерю боеспособности австрийских войск.

В такой обстановке взятие Вены могло оказаться решающим для гибели австрийской империи и для победы венгерской независимости.

Энгельс в статье, написанной в июле 1852 г., так оценивал положение в Венгрии в середине мая 1849 г.: «...Во Франции Учредительное собрание было распущено и к новым выборам везде готовились в атмосфере огромного возбуждения, а на восточной границе Германии венгры в результате ряда блестящих побед менее чем за один месяц отбросили от Тиссы к Лейте поток австрийского нашествия; со дня на день ожидалось, что они возьмут приступом Вену»²⁶.

Дипломатическая переписка между Веной и Петербургом в конце апреля — начале мая также отражает реальность угрозы Вене со стороны венгерской армии²⁷.

Однако генерал Гёргей, возглавлявший венгерские войска, не стремился к разгрому и уничтожению врага, так как считал венгерские силы для этого недостаточными. Гёргей полагал, что достаточно ряда успешных маневров, чтобы принудить Габсбургов к переговорам. Вместо общего наступления против австрийских войск он начал осаду Буды, надеясь, что Австрия в это время приступит к переговорам. Осада Буды продолжалась несколько недель. Только 21 мая 1849 г. Буда была взята.

Многие сочли эту победу венцом национально-освободительной войны, и авторитет Гёргея сильно вырос. Но время было непоправимо потеряно. По иронии судьбы день взятия Буды оказался и днем завершения переговоров двух императоров — Франца-Иосифа и Николая I.

Положение Венгрии в это время Энгельс характеризовал как очень тяжелое. С походом Гёргея на Буду, писал впоследствии Энгельс, последний шанс на спасение Венгрии был потерян. Австрийцы получили возможность оправиться от поражения, реорганизовать свои силы. Таким образом, осада Буды является поворотным моментом в венгерской войне 1848—1849 гг. Анализируя роль Гёргея в поражении венгерской революции, Энгельс писал: «...Если вообще когда-либо между Гёргеем и австрийцами действительно поддерживались изменнические отношения, то они, должно быть, имели место примерно в это время»²⁸.

Для борьбы за независимость Венгрии надо было мобилизовать крестьянство, создать широкое народное ополчение²⁹. Это хорошо понимали левые. Начал понимать это и Кошут. Но правительство Семере не хотело и не могло удовлетворить крестьянские требования, пойти на союз с левыми. Наоборот, 7 июля оно закрыло газету левых «15 марта», единственный орган, выражавший чаяния народных масс.

Правда, Кошут пытался несколько спасти положение и организовать союз с левыми. В конце июня он обратился к Шандору Петефи с просьбой мобилизовать народ Пешта для защиты столицы. Петефи согласился, объявил о созыве, народа у здания музея, на площади, известной по мартовским и сентябрьским дням. Но собрание не состоялось из-за недостатка в организации.

На единственном заседании в Пеште 2 июля Государственное собрание решило переехать в далекий Сегед. Петефи оставил Пешт и возвратился в Трансильванию. На всей территории Венгрии шли ожесточенные бои.

14 Barta Istvan. A kormány parasztpolitikája 1849-ben. «Sza-zadob, 1956, 1—2 szám, 43 old.

15 ГАЗО, материалы 19-й венгерской дивизии, донесение командира 2-й бригады от 11 июня 1849 г. Тут же он сообщает, что о таком поведении местных властей «смог бы дать немало справок и представить неопровержимые улики».

16 Barta Istvan. Op.cit., 48 old.

17 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 514 old.

18 Подобные требования ранее на страницах газеты «15 марта» не встречались

19 Spira Gyorgy. Kossuth Lajos forradalmi szovetsege es radikal is baloldallal es a nepi to megekkel — «Kossuth emiekkonyv...». Köt. II Budapest, 1952, 244 old.

20 Tancsics M Forradalom. Budapest, 1849, 55, 61 old.

21 Barta Istvan. Op.cit., 59 old.

22 Barta Istvan. Op.cit., 62 old.

23 Gergey-Fazekas E. Az 1849-es es 1868-as nemzetisegi torveny osszehasonlitasa a tortenelem halado eroinek szempontja-bol. — «Szazadob, 1948, 1—4 szám, 289 old.

24 В период вынужденного бездействия Вашвари занимался переводом «Икарии» Кабе.

25 Deak Imre. Op.cit., 245—246. 324—326 old.

26 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.97.

27 АВПР, Vienne, 1849 г, папка 186, лл.390—392.

28 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.14, стр.270.

29 Насколько серьезным было недовольство крестьян видно из того, что Кошут «для устранения беспорядков в наборе новобранцев» послал 8 июля 1849 г. в Цеглед, Кёрёш и Кечкемет специального уполномоченного. См. приказ на имя Местень за подписью Кошута, Цеглед, 8 июля 1849 г. Hadtortenelemi Leveltar. Az 1848—1849 evi magyar forradalom es szabadsagharc iratai.

3. Последние попытки венгерского правительства

добиться помощи со стороны Англии и Франции

Весенние победы явились новым стимулом для усиления попыток венгерского правительства добиться признания и помощи со стороны Англии и Франции.

Пульски, направленный Кошутом в Англию и неоднократно посещавший эту страну ранее, привез с собой рекомендательное письмо к видным представителям английской аристократии³⁰. В Париже он заручился рекомендациями английского буржуа Уильяма Сандфорда к представителям английских промышленных кругов³¹.

Приехав в Лондон в конце февраля 1849 г., Ференц Пульски удивился тому, что «все здесь шло обычно, как будто нет никаких революций на континенте; везде экипажи и ливреи; английский народ все еще гордился своей аристократией»³². Пульски подчеркивает, что чартистское движение он нашел менее значительным, чем это предполагали эмигрантские круги в Париже.

Обнаружив, что официальным путем ему не удастся встретиться с лордом Пальмерстоном, венгерский посол направил все свои усилия на то, чтобы с помощью английских аристократов добиться неофициальной встречи с ним.

Первая встреча с Пальмерстоном показала Пульски, что Венгрии нечего надеяться на официальную помощь английского правительства. Как пишет Пульски, Пальмерстон с симпатией говорил о венгерском движении, но в то же время он отметил, что «Австрийская империя такое государство, которое, если бы его не существовало, надо было бы создать, так как оно — европейская необходимость и естественный союзник Англии на Востоке»³³. Пальмерстон посоветовал венграм воссоединиться с Австрией, ибо, по его мнению, в рамках европейской государственной системы немыслимы мелкие государства на том месте, где расположена Австрийская империя. Высказывая симпатии к делу Венгрии, Пальмерстон заранее предупредил Пульски, чтобы венгерское правительство ничего не ждало от Англии кроме сочувствия, самое большее — дружественного посредничества, чтобы умерить требования Австрии.

Пулюки приложил много усилий, чтобы завоевать как можно больше друзей для «венгерского дела», для того, как он пишет, «чтобы наше правительство, если мы останемся победителями, было бы признано де-факто»³⁴.

Кто же стал другом Венгрии в Англии? Как указывает Пульски, это радикально настроенные члены парламента, лорд Д.Стюарт, бывший губернатор Ионических островов, неоднократно проявлявший в своих выступлениях симпатию к полякам и венграм, писатель Монгтон Миле, известный археолог Дж.Д.Випан, либеральный политический деятель³⁵, и другие лица из высших аристократических кругов Англии, сочувственно относившиеся к Венгрии, и, наконец, Ричард Кобден, выступавший в защиту Венгрии и за противодействие России, организатор митингов протеста против царской интервенции в Венгрию. 23 июля 1849 г. в Лондоне состоялся митинг, на котором Кобден защищал право наций на самоопределение, предлагал отказать России в займе, призывал англичан поддержать Венгрию материально. Этот митинг принял резолюцию о необходимости признания английским правительством независимости Венгрии.

Но сочувствие всех этих людей не могло повлиять на политику английского правительства в отношении Венгрии, немогло помочь венгерской революции. По самому характеру своих убеждений посол Кошу-га в Лондоне не искал поддержки тех слоев английского народа, которые действительно сочувствовали венгерской революции, — рабочих Англии³⁶.

Политика английского правительства в отношении к венгерской революции меньше всего определялась настроениями радикалов, фритредеров, английских друзей Венгрии.

Правящие круги Англии боялись революций на континенте. Победа революции в Европе могла бы вызвать новую вспышку чартизма, национально-освободительная война Венгрии могла отозваться эхом в Ирландии.

Источники целиком подтверждают суждение К.Маркса о том, что в период революции 1848 г. оплотом реакции являлась не только царская Россия, но и Англия, господствовавшая над мировым рынком. Маркс прямо называет Англию «скалой, о которую разбиваются революционные волны»³⁷.

Английское правительство, будучи заинтересовано в существовании достаточно сильной Австрийской монархии, побаивалось подчинения Австрии царской России. Царский представитель в Лондоне Врунов в одной издаче в «Globe», «Observer», в некоторых популярных воскресных и провинциальных листках, всего в количестве 14. Однако в «Times», влияние которого на биржу он особо отмечает, его корреспондентам проникнуть не удалось.

В одной из своих депеш прямо пишет об этом: «Втайне английский кабинет считает весьма полезным и нужным, чтобы Россия пришла на помощь Австрии, но наряду с этим он считал бы неприятным и опасным фактом, если эта защита будет означать для России ее превосходство или даже полное главенство над австрийской монархией. Вот в немногих словах секрет беспокойства министерства и английского общества...», и далее «Это беспокойство охватило министерство и общественные круги чрезвычайно глубоко. Лучше всего характеризуют последнее положение слова, сказанные мне одним из влиятельных членов кабинета: «Мы видим Австрию, разоруженную и опустившуюся до уровня вассального государства России...»»³⁸. Но, убедившись, что царь не обуславливал своего вмешательства какими-либо уступками со стороны Австрии, английское правительство спокойно ждало конца в полной уверенности, что чем скорее Австрия использует помощь царя и покончит с венгерской революцией, тем вернее займет она свое место в европейском «равновесии сил».

Депеши Брунова говорят о том, как по мере развития событий в Венгрии правительство вигов показывает свое действительное лицо пособников реакции, скрывающихся под маской либерализма. Виги полностью оправдывают меткую характеристику Маркса: «...Поборники прогресса, фанатически преданные консерватизму; дельцы, отмеривающие гомеопатическими дозами реформы, великие мастера подкупа; ханжи в религии, тартюфы в политике»³⁹.

Брунов приводит слова английского министра Россела: «Благоразумие этой страны поднимается против всего того, что имеет красный цвет социализма — во Франции, в Италии, в любом другом месте... Я не думаю, чтобы у Вас были основания чего-либо опасаться. В наших интересах — держаться в стороне»⁴⁰.

И английское правительство вигов, благожелательно улыбаясь венграм, не менее благожелательно относилось к подавлению венгерской революции.

Не помогла Венгрии и Французская республика. Ласло Телеки и состоявшие при нем Ириньи и другие сначала возлагали большие надежды на министров французского правительства Бастида и Друэна де Люи; в дальнейшем Телеки строил все свои расчеты на переход власти к Ледрю-Роллену, вынашивая в то же время совершенно фантастические планы привлечения в венгерскую армию сына Луи Филиппа герцога фон Омаль⁴¹. Его расчеты на победу Ледрю-Роллена основывались, естественно, на неправильной оценке тогдашнего положения во Франции, характерной для его французского окружения.

Телеки в беседах с Друэном де Люи старался убедить последнего, что Венгрия ставит своей задачей защиту свободы и порядка, Австрия же выдрала дорогу, которая неминуемо приведет к революции. 1 мая 1849 г. Телеки заявил Друэну де Люи: «Если государства ничего не предпримут для противодействия интервенции, которая вместо спасения Австрии приведет к ее расстройству, мы вызовем к жизни революционную пропаганду, мы подыдем к восстанию поляков, немцев, так как в этом останется единственное средство нашего спасения; наша борьба тем самым все же не превратится в партийную борьбу, она останется национальной потому, что только таким путем мы можем спасти отечество. Тогда господин министр увидит, что такое революционная пропаганда, поддерживаемая победоносной, хорошо организованной армией в 200000 человек»⁴².

Телеки казалось, что ему удалось припугнуть французского министра, так как последний просил его встречаться с ним по возможности чаще, однако, не совсем доверяя благожелательности французского правительства, посол Венгрии усиленно старается воздействовать и на депутатов Национального собрания. Друэн де Люи обещал Телеки снестись с другими государствами, дабы подготовить посредничество между Австрией и Венгрией.

В надежде на помощь Французской республики Кошут отправляет французскому правительству письмо, называя Францию «братской республикой».

Венгерские представители во Франции (Ласло Телеки, Ириньи и в качестве секретаря Сарвади) встречались с представителями других борющихся и угнетенных наций, приняли участие в издании интернационального бюллетеня «La Tribune des Peuples». Пулюки, описывая ужин в честь первого номера этого бюллетеня, рассказывает, что «французские красные пили за здравие анархии и объявляли, что все правительства уже потому предатели, что существуют»⁴³. В числе присутствующих Пульскм особо отмечает Мицкевича и Герцена. С последним Пульски впоследствии был связан довольно тесной дружбой.

Наиболее радикальная часть французского общества несомненно симпатизировала венгерской революции. Франция могла наступлением на Австрию со стороны Италии оказать очень большую поддержку венгерской революции. Однако, как показали дебаты во французском парламенте в связи с вопросом о царской интервенции, Франция была очень далека от поддержки Венгрии.

Вопрос о Венгрии возникал в парламенте всегда, как только обсуждалась внешняя политика правительства. Еще в начале мая министр иностранных дел Франции обещал Национальному собранию принять все меры для дипломатического воздействия на Россию. Слова Друэна де Люи: «Если эти средства не помогут, то я попрошу палату дать в мое распоряжение другое оружие», насторожили русского и английского послов, но дальнейшие события должны были их успокоить⁴⁴.

В то время, когда Телеки в Париже ждал от Друэна де Люи и правительства Французской республики помощи венгерской революции, Нессельроде в разговорах с французским послом заявлял, что «время недовольств прошло», что царь одобряет политику Франции в Италии. Николай I фактически предоставлял Франции полную свободу действий в Италии взамен невмешательства в вопросе об интервенции в Венгрии. 4 мая 1849 г. Нессельроде заявил французскому послу, что революция в Венгрии представляет угрозу для России. Через несколько дней царское правительство сообщило в Париж о признании им Французской республики. В ответ на это французский министр иностранных дел Друэн де Люи, представитель реакционных кругов Токвиль, а также президент Луи Наполеон выступили с заявлениями, что отношения между Францией и Россией являются благоприятными.

Громовые речи радикалов в Национальном собрании в конце мая были только благожелательными декларациями сочувствовавших венгерской революции французских левых.

На заседании 22 мая представители социально-демократической партии (Горы) потребовали активной поддержки Францией венгерской революции. Сарран-младший упрекал правительство в забвении старых французских традиций помощи народам, борющимся за свою независимость. Сарран, цитируя манифест царя, комментарии петербургского официоза и обращение прусского короля к своим войскам, указывал на возникновение коалиции, которая имеет целью борьбу в интересах аристократии против демократий Европы. Депутат Гишар назвал противонародной подготовляющуюся Францией войну против Италии. Он требовал, чтобы депутаты не забывали опыта 1792 г., не забывали о существовании людей, лишь маскирующихся под республиканцев. Он говорил, что происходящее в Европе заставляет предполагать, что французское правительство предпочитает союз с абсолютными монархиями триумфу свободы во Франции и в Европе. Другой депутат левой, Жоли, указав на бесполезность дипломатических шагов, предпринятых министром иностранных дел в целях предотвращения царской интервенции в Венгрию, прямо потребовал войны с Россией⁴⁵. Ледрю-Роллен сравнил манифест царя с манифестом герцога Брауншвейгского во время похода иностранных армий против французской революции в 1792 г.⁴⁶ Левым в резкой речи возражал генерал Кавеньяк, предлагавший предоставить правительству свободу действий. После бурной дискуссии Жоли внес формулу перехода к порядку дня, осуждающую как противоречащий праву народов, провозглашенному французской революцией, договор между Пруссией, Австрией и Россией. Формула перехода предлагала правительству принять самые энергичные меры, чтобы заставить уважать принципы национальной независимости народов.

Так как формула Жоли встретила резкое сопротивление правых депутатов и правительства, соратник Ледрю-Роллена Флокон внес другую формулу перехода: «Национальное собрание, констатируя, что принцип национальной независимости в Европе и самая безопасность Французской республики поставлены под угрозу манифестами и передвижениями войск иностранных держав, обращает серьезное внимание исполнительной власти на эти обстоятельства и передвижения войск». Эта формула рекомендовала правительству «энергично защищать внутренние и внешние интересы Республики»⁴⁷.

Нажим левых был так силен, что и Друэн де Люи и Одиллон Барро вынуждены были неоднократно отвечать депутатам. Левые требовали войны. Однако после бурных дебатов Национальное собрание приняло предложение Кавеньяка о предоставлении правительству свободы действий.

После выступления Одиллона Барро, сообщившего, что Россия признала Французскую республику, запрос правительству был снят. Николай I подкупил французское правительство дипломатическим признанием.

Телеки, несмотря на свои умеренные воззрения, обманувшись в своих надеждах, поневоле тянулся к Ледрю-Роллену и другим французским радикалам, придавая им даже большее значение, чем они этого заслуживали. 24 мая 1849 г. Телеки писал Пульски: «Если нам может помочь красная кокарда, я приколю ее к своей шляпе; я боюсь, что мы не можем ожидать быстрой помощи ни от какой другой партии». В этом же письме он изъясляет уверенность в скором приходе к власти Ледрю-Роллена⁴⁸.

Но этот период заключал в себе, по словам К.Маркса, «самую пеструю смесь вопиющих противоречий: перед нами конституционалисты, открыто организующие заговоры против конституции, революционеры, открыто признающие себя сторонниками конституционных действий, Национальное собрание, желающее быть всесильным и неизменно ведущее себя попарламентски; Гора, видящая свое призвание в терпении и возмещающая свои поражения в настоящем предсказаниями побед в будущем; роялисты в роли *patres conscripti* (сенаторов. — Р.А.) республики, вынужденные обстоятельствами удерживать за драницей враждующие между собой королевские династии, приверженцами которых они являются, а во Франции поддерживать республику, которую они ненавидят...»⁴⁹

Партия порядка, находившаяся у власти во Франции в этот период, когда на всем европейском континенте побеждала контрреволюция, показала свое настоящее лицо, поддержав силы реакции против Венгрии. Единственное, на что она была способна, это принять резолюцию. 12 июля, в момент, когда венгерская революция была уже на краю гибели, Законодательное собрание приняло резолюцию, в которой объявляло интервенцию опасной для дела свободы.

Значительно правильнее, чем венгерское правительство и его эмиссары за границей, оценил возможную позицию английского и французского правительств в вопросе о независимости Венгрии царский дипломат Нессельроде, который писал: «Наше вторжение в Венгрию стало доминирующим фактором в европейской политике. Пальмерстон, конечно, не останется индифферентным, но ограничится депешами и нотами... признание французской республики... побудит этих людей выступать в примирительном и консервативном тоне всюду, где они будут действовать. Кроме того, Франция организовала интервенцию в Рим, следовательно, она не может помешать нашей интервенции в Венгрии»⁵⁰.

Англия и Франция не оправдали надежд Кошута и его правительства на поддержку венгерской революции. Сочувствовавшие Венгрии круги смогли только обеспечить убежище венгерским изгнанникам, тем немногим, кто успел скрыться и избежал зверской расправы со стороны австрийцев во главе с Гайнау.

30 Через семью жены он был рекомендован лорду Лэндсдоуну. Pulszky F. Eletek es korom. I. Budapest, 1884, 445 old.

31 Характерно, что Сандфорд рекомендует Пульски как знатока искусств и древностей, известного умеренными взглядами, который опроверг тяготевшие над ним обвинения в том, что он якобы был подстрекателем беспорядков в Вене в октябре прошлого года. Waldapfel E. A forradalom es szabadsagharc Geyei 1914-ig, Kat. III. Budapest, 1955, 145-146 old.

32 Pulszky F. Op.cit., 444 old.

33 Ibid, 446 old.

34 Ibidem.

35 Пульски называет в числе горячих друзей венгерских интересов редакторов газет и журналов, владельца типографии Дж.Эд.Тейлора и др. Статьи в пользу Венгрии печатались в газетах «Daily News», «Morning Advertiser», в журналах «Бхаштер», «Spectator».

36 Свое горячее сочувствие Венгрии рабочие продемонстрировали впоследствии во время приезда в Англию палача венгерской революции Гайнау он был подвергнут порке рабочими лондонских доков и атросами

37 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. стр.159.

38 АВГР, Londres, 1849, папка 107, донесение Брунова, 11 (23) июля

39 К Маркс и Ф.Энгельс Соч, т 8, стр 358

40 АВГР, Londres, 1849, папка 107, донесение Брунова, 9 (21) июля

40 Кошут серьезно рассчитывал на поддержку Франции. Он хотел организовать совместное выступление Франции, Венеции и Венгрии против армий Австрии и царской России.

41 Pulszky F. Op.cit., 474 old.

42 Ibid., 472 old.

43 Pulszky F. Op.cit., 437—438 old.

44 Haraszti Eva (Szerk. es bev.). Az angl kulpolitika amagy-ar szabadsagharc ellen. Budapest 1951, 196, 199—200 old.

45 «Moniteur», 1849, mai 23.

46 Ibidem.

47 «Moniteur», 1849, mai 23.

48 Pulszky F. Op.cit., 475 old.

49 К. Маркс и Ф.Энгельс Соч., т.8, стр.142.

50 Comte de Nesselrode. Lettres et papiers du Chancelier, L.IX. Paris, 1904, p.236.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

В ВЕНГРИИ 1848-1849

М. Н. Навин

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009-2010

4. Капитуляция венгерского командования при Вилагоше (13 августа 1849 г.)

Дипломатические переговоры между царским и австрийским правительствами завершились заключением военного договора. 21 мая в Варшаве состоялось свидание между Николаем и Францем-Иосифом; условия Николая были приняты. Было установлено общее количество царских войск, которые должны были действовать против Венгрии: 140 тыс. человек должны были переправиться через границу для вооруженного подавления революции. Значительные вооруженные силы направлялись в Галицию, в придунайские княжества в качестве резервов. Затем была подписана конвенция относительно содержания русских войск в Австрии: правительство Франца-Иосифа обязалось доставлять безвозмездно все необходимое продовольствие, фураж и подводы для русской армии в Венгрии. 27 мая 1849 г. в Венгрию вступила царская армия под командованием фельдмаршала князя Паскевича. Ко времени вступления царских войск почти вся Венгрия и Трансильвания были в руках революционного правительства Венгрии. Основные силы царской армии двигались из Галиции по направлению к Венгерской низменности, не встречая на первых порах никакого сопротивления. Но уже в июне начались первые столкновения, перешедшие в дальнейшем в неравную борьбу венгерской армии с объединенными силами двух интервенционистских держав — Австрии и России.

Внутреннее положение Венгрии осложнялось нараставшими серьезными разногласиями между правителем — президентом Кошутом и Гёргеем по вопросам ведения войны. Капитулянтские стремления Гёргея сказывались все больше, обостряя положение на фронтах.

Как пишет в своих воспоминаниях один из венгерских деятелей Силади, Гёргей не хотел принимать военных планов Кошута. Ему «казались смешными попытки руководить военными операциями на расстоянии»⁵¹.

Сделавшись военным министром, Гёргей продолжал оставаться в действующей армии и всячески интриговал против революционных генералов.

Взятие Буды не принесло Гёргею тех результатов, на которые он рассчитывал: Габсбурги не пошли ага примирение. Тогда он, под предлогом защиты государственных границ, поручил Клапке разработать стратегический план, распыляющий гонведскую армию, самый серьезней Оплот революции, и удалил от руководства армией таких революционеров, как Дембинский и Перцель, а Гуйона перевел с командной должности на комплектование резервов.

В то же время Гёргей пытается сговориться с «Партией мира» о полной ликвидации «Декларации независимости» и устранении Кошута. Как он пишет в своих воспоминаниях⁵², после взятия Буды он приехал в Дебрецен для переговоров с деятелями «Партии мира». Га-бор Казинци устроил на своей квартире тайное совещание. Присутствовало 15—20 человек, в том числе Месарош. Они интересовались в первую очередь отношением армии к «Декларации независимости», к которой сам Гёргей и его непосредственные подчиненные относились резко отрицательно. Гёргей считал, что и большинство солдат также против «Декларации». Он предлагал отменить «Декларацию» решением Государственного собрания, но, в связи с переездом в Пешт, созыв Собрания в это время не был возможен. Гёргей выдвинул идею военного переворота для устранения Кошута и отмены «Декларации». Отдельные члены «Партии мира» поддержали его позицию, однако большинство собравшихся запротестовали против «режима сабли»⁵³.

Передышку, полученную австрийской армией в связи с проводившейся Гёргеем в гонведе реорганизацией, она использовала для пополнения разгромленных частей войсками, вывезенными из Италии, и новобранцами. Велъдена в качестве главнокомандующего заменил Гайнау, тот самый, который за жестокость, проявленную при подавлении революции в Италии, был прозван «Гиеной Брешна».

К середине июня на западной границе императорские войска насчитывали 166 тыс. человек и более чем в два раза превосходили гонведскую армию.

Во главе частей венгерской армии Гёргей поставил командующих, еще те имевших необходимого для самостоятельных действий военного опыта. Войсками на западной границе командовали генералы Иожеф Шандор Надь, Эрне Пёльтенберг, полковник Лайош Ашбот и др.

Убедившись, что бои неизбежны, Гёргей предпринял попытку начать наступление. Однако он яе сделал ничего, чтобы обеспечить его успех. Наоборот, сидя в Пеште, он не принял нужных мер для объединения руководства военными операциями, для нанесения сильного стратегического удара по противнику. После первой победы дивизии полковника Дьердя Кмети у села Чорна (комитат Шопрон) 13 июня, где его войсками вместе с местными партизанами была разбита бригада австрийского генерала Франца Биоса, венгерские войска начали терпеть одно поражение за другим. Особенно тяжелым было двойное поражение у Жигарда (комитат Пожонь).

В первых боях 16 июня сказалась разобщенность между венгерскими корпусами, занимавшими плацдарм с трех разных направлений и вынужденными дважды форсировать реки (Ваг и Малый Дунай). Гёргей, приехав из Пешта 20—21 июня, возобновил бой, желая доказать, что одно его присутствие в армии может изменить положение к лучшему. Столкнувшись с объединенными силами русско-австрийских войск, венгры потерпели поражение. Это дало возможность Гайнау начать (наступление⁵⁴). В это время еще была возможность остановить австрийскую армию посредством искусных маневров на правом берегу Дуная, или предприняв наступление на Вену. Однако Гёргей вернулся в Пешт, оставив свои войска на прежних позициях. Разобщенные соединения венгерских войск продолжали с исключительным мужеством и храбростью сражаться с превосходящими силами австрийцев, но Гайнау, используя огромный перевес сил, разбил 28 июня Пельтенберга в Дьере, вынудив главные силы венгерской армии отступить до Комарома. С востока и северо-востока к центру страны продвигались войска Паскевича, и венгерским войскам пришлось оставить один за другим крупнейшие пункты: Эперьеш, Кашша, Мишкольци Токай.

Жаркие бои (велись в это (Время и в Трансильвании, где армия под командованием Бема, поддерживаемая местным населением, выигрывала сражения, отбиваясь от объединенных войск Габсбургов и царя. В конце июня к Бему прибыл Шандор Петефи. Несмотря на попытки Бема и друзей уберечь поэта от участия в сражении, он направился на место боя под Шегешваром и трагически погиб.

Военные поражения не могли не отразиться на положении и политике венгерского правительства. Правительство вынуждено было, едва возвратившись в столицу, через .месяц ее покинуть.

Каждый переезд создавал немалые трудности, в частности в (снабжении армии. В одном из писем Бему Кошут сообщает, что в связи с переездом в Сегед на 14 дней прекратилось печатание банкнот, и правительство не имеет необходимых денежных знаков как для снабжения армии, так и на содержание всего аппарата⁵⁵.

Внутри правительства углубились разногласия и колебания в вопросе о руководстве армией и военными действиями.

Несмотря на пошатнувшийся в связи с поражениями авторитет Гёргея, «Партия мира» поддерживала его все решительнее. Попытка Кошута в середине июля передать верховное командование в руки Бема не удалась. Бем поставил условием установление его диктатуры на два месяца. При этом он руководствовался необходимостью лишить правительство Семере возможности и впредь чинить ему на каждом шагу препятствия. Бем хотел обеспечить этим себе условия для борьбы за спасение революции. Неудивительно, что условие Бема не встретило поддержки в правительстве.

«Партия мира» всячески поддерживала Гёргея, требуя на закрытом заседании палаты передачи в его руки всей полноты власти, и связывала себя тем самым со всей его предательской политикой.

Между тем к этому времени капитулянтская политика Гёргея не могла оставаться совершенно неизвестной.

В начале июля офицеры одного русского эскадрона, попавшего при разведке в плен, пытались спастись, по собственной инициативе выдали себя за парламентаров и были доставлены к Гёргею. Они предложили ему от имени Паскевича капитулировать. Гёргей не подумал даже проверить полномочия парламентаров и дал им понять о своей согласии.

Паскевич, убедившись из инцидента с парламентарями в готовности Гёргея к капитуляции, предоставил своим генералам свободу действий в переговорах с ним.

Еще с конца мая командование царскими войсками знало, что австрийское правительство против какой бы то ни было амнистии даже таким венгерским офицерам, которые захотели бы перейти на сторону Габсбургов. Поэтому Паскевич, в связи с наведением Гёргея при встрече с «парламентарями», обратился к русскому дипломатическому представителю в Австрии генералу Бергу с просьбой выяснить полномочия Гайнау в отношении ведения и окончания войны.

В ответе Паокевичу Берг писал: «Барон Гайнау мне сообщил, что если такой авторитетный вождь восстания, как Гаргей, не открывая сражения и не пытаясь скрестить сабли, подчинится действительно своему верховному владыке и законному государю со всеми офицерами, которые его сопровождают, со всей кавалерией, которой он командует, со 100 и более пушками», то он «полагает, что можно гарантировать Гёргею жизнь и безнаказанность...»

Далее Берг пишет, что, по мнению Гайнау, «можно и должно дать деньги», но никоим образом не разоблачая его «(преступное и предательское поведение». Другим офицерам, которые последуют примеру Гёргея, можно обещать сохранить жизнь, но с условием, что они предстанут перед различными «комиссиями» для выяснения степени их вины.

Это письмо Берг до отправки Паскевичу показал Гайнау, передав ему заверенную копию⁵⁶.

Таким образом, можно считать установленным, что силы реакции заранее договорились во всех подробностях как о судьбе венгерских офицеров и солдат, сдающихся противнику, так и в отношении дальнейшей судьбы Гёргея.

Паскевичу все это было на руку. И капитулянтские стремления Гёргея и планы Гайнау в отношении его облегчали Паскевичу скорое окончание изнурительного венгерского похода, весьма мало популярного к тому же и в рядах его офицеров. Не случайно сам Паскевич признается, что «если бы Гёргей взял Кашша и Эперьеш, где есть порох, ядра и 20000 пудов провианта, я не мог бы продолжать кампанию в продолжение по крайней мере 25 недель»⁵⁷.

В то время когда «Партия мира» требовала передачи Гёргею всей полноты власти, он фактически уже начал переговоры о сдаче, не желая только капитулировать перед австрийцами.

Царский генерал граф Ридигер в одном из своих посланий Гёргею писал, что ничего, кроме отсутствия австрийских солдат при сдаче обещать не может. В то же время он соглашался поддержать Гёргея перед своим командованием. Гёргей не мог не понимать, что дружелюбное отношение русского офицерства к побежденным не может помешать осуществлению планов Габсбургов и царя, но он был чрезвычайно заинтересован в сдаче.

После поражения при Темешваре (9 августа) Кошут согласился передать власть Гёргею. Не дожидаясь полномочий от венгерского правительства, Гёргей 11 августа обратился к генералу Ридигеру с предложением капитулировать без всяких условий. Одновременно, он сообщил царскому генералу свой маршрут, давая ему тем самым возможность окружить всю свою армию⁵⁸. Гёргей не ограничился заявлением о полной капитуляции, он не только передал генералу Ридигеру списки генералов и офицеров, но и выдал всех гражданских лиц на милость победителей. На этих людей Гёргей в письме генералу даже не распространял своих «пожеланий»⁵⁹. Он сообщил противнику все известные ему данные о дислокации и численности всех венгерских войск, включая войска под командованием Бема⁶⁰.

Судя по донесению Ридигера о том, как проходила сдача войск Гёргея, венгерская армия далеко не была деморализована и разбита. Она еще представляла вполне боеспособную армию, которая могла бы прорваться в Трансильванию и соединиться с войсками Бема. Царские генералы спешили обезоружить медленно стягивающиеся войска, ибо «малейшее колебание могло бы увлечь неприбывшие корпуса... продолжать войну, о чем еще накануне были толки в войске Гёргея не только между нижними чинами, но даже между генералами...»⁶¹ Объединение войск Гёргея с войсками Бема, усиление армии 30 тыс. добровольцев-крестьян, которых обещал собрать Кошут, дали бы новую вспышку активных военных действий революционной армии. Но этого как раз не хотели ни Семере, ни Гёргей, ни «Партия мира». Сложив оружие под Вилагошем, передав свою далеко не разбитую армию на милость врага, Гёргей употребил весь свой авторитет и а быстрее прекращение войны, исход которой, по свидетельству современников, еще не был решен даже поражением при Темешваре. Естественно, что ни в мемуарах самого Артура Гёргея, ни в письмах его брата Иштвана, ни в буржуазной историографии мы не найдем полного разоблачения его предательской роли. Только сейчас историки получили возможность восстановить все факты безмерного предательства Гёргея.

51 Alexander Szilagyi. Die letzten Tage der magyarisehen Revolution. Pest, 1850, S.2.

52 Arthrir Gorgei. Mein LebPft nnd Wrrken in Ungaro и deft Jahren 1848 und 1849. Zweiter Band. Leipzig, 1852, S.115—116. Об этих воспоминаниях Энгельс пишет Марксу: «Гёргей... это — талантливый бывший лейтенант, который быстро становится генералом, но с которого еще не соскочила яичная скорлупа ротной службы и элементарных тактических мелочей.. Он дискредитирует самого себя...» К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.28, стр.68.

53 Arthur Gerger. Op.cit, S.120.

54 Spira Gyorgy. A magyar forradalom, 541 old.

55 Alexander Szilagyi. Op.cit., S.87.

56 Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Бумаги Менькова, № 5341, лл. 168—170; см. также ЦГВИА, ф. 7, оп. 3, д. 647, л. 398.

57 Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1018 Личный архив Паскевича, № 92, папка XV, № 147 В Собственноручная записка Паскевича царю.

58 Pach Zsigmond Pal. Kiadatlan Gorgey-iratok 1849 augusztus. abol. — «Szazadob, 1957, 1—4 szam, 203 old.

59 АВГР, канцелярия МИД, 1849 г № 1538, лл. 134—139, перевод письма Гёргея — графу Ридигеру от 13 августа.

60 ЦГВИА, Военно-ученый архив главного штаба (ВУА), № 5334. Дело по 1 отделению Управления генерал-квартирмейстера действующей армии, л.40.

61 Там же, №5351. Рапорт Ридигера Паскевичу от 4 августа (ст.ст.) 1849 г. полностью опубликован в книге Р.Авербух «Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг.».

5. Последние попытки вооруженного сопротивления силам реакции

Документы дают нам возможность установить, что, несмотря на нанесенный предательством Гёргея удар по освободительной борьбе венгров, вооруженное сопротивление силам реакции не прекратилось сразу же.

Немедленно после сдачи Гёргея, с согласия и с помощью командования победителей, были направлены руководителям отрядов венгерских войск, гарнизонов крепостей Арада, Комарома, Мункача письма, в которых Гёргей предлагал им следовать своему примеру.

Естественно, самый факт сдачи Гёргея, окруженного ореолом победителя и патриота, не мог не вызвать смятения в венгерских войсках.

Однако венгерские войска продолжали сопротивляться.

Сопротивлялся и итальянский легион, командир которого граф Монти 4 июля 1849 г. заверял Кошута, что итальянцы будут сражаться с деспотизмом так же храбро, как дрались их братья под знаменами Гарибальди⁶². Стремясь подавить это сопротивление, австрийское командование всячески содействовало доставке личных писем Гёргея, призывавших к безусловной сдаче, всем командирам венгерских отрядов⁶³.

Одним из первых в начале августа последовал за Гёргеем граф Вечей. Корпус из 8—10 тыс. человек, которым он командовал, отступал к Лугошу на соединение с отрядом Кмети. Однако, узнав о сдаче Гёргея, Вечей повернул в Барош-Иено и сообщил противнику о желании сдаться без всяких условий⁶⁴. Но далеко не все его подчиненные склонны были следовать за ним. После сдачи Вечей «по примеру Гёргея»⁶⁵ численность корпуса «значительно уменьшилась от непрерывного бегства не только нижних чинов, но и офицеров»⁶⁶.

Оставшиеся без подкреплений 3 тыс. венгров под командованием Кмети храбро сражались с превосходящими силами противника, но были разгромлены. Кмети бежал в Валахию.

Следует отметить, что, в противовес графу Вечей, Ричард Гюйон, командовавший другим отрядом в тех же местах, ответил на предложение сдаться категорическим отказом. Он написал командующему австрийскими войсками князю Лихтенштейну, что сложит оружие только в том случае, если Франц-Иосиф подтвердит данную Фердинандом конституцию Венгрии. «В противном случае, если даже все армии капитулируют, я буду до последней капли крови защищать права Венгрии и сражаться»⁶⁷.

Среди офицеров крепостных гарнизонов было немало лиц, склонных последовать примеру Гергея. В то же время немало было и действительных патриотов и защитников революции.

Комендант крепости Арад Дамъянич на предложение Шлика сдаться 12 августа ответил, что «гарнизон решил защищаться до последнего человека»⁶⁸.

14 августа Гергей направил Дамъяничу свое письмо. 15 августа Гайнау, взбешенный сопротивлением Дамъянича, дает распоряжение, чтобы после взятия крепости перевести ее гарнизон под конвоем в Темешвар и принять все меры «чтобы Дамъянич и его офицеры не могли бежать»⁶⁹.

Дамъянич вынес письмо Гергея с предложением о безусловной сдаче крепости на обсуждение военного совета. В военном совете не было единодушия. Дамъянич пытался получить отсрочку для окончательного ответа и вторично обсудить письмо Гергея с офицерами. Однако парламентар, прибывший с письмом, потребовал немедленной сдачи. Раненый Дамъянич с трудом вел переговоры. Он пытался выговорить хотя бы амнистию для гарнизона, но вынужден был сдаться без всяких условий.

Гарнизон Арада численностью около 4 тыс. человек едал крепость 17 августа, оставив противнику 143 орудия, значительные запасы продовольствия и обмундирования⁷⁰.

Под командованием полковника Лайоша Казинци из Мункача на соединение с Гёргеем шел сильный отряд⁷¹. Через 5 дней после сдачи Гергея главный штаб царских войск вынужден был направить специальные подкрепления для борьбы с этим отрядом. Одновременно главный штаб Паскевича направил для передачи Казинци письмо Гергея⁷². Однако Казинци не поверил ни сдаче Гергея, ни его письму и потребовал, чтобы его парламентарам дали возможность лично и наедине переговорить с Гёргеем⁷³.

Только после этой встречи отряд Казинци 25 августа⁷⁴ сложил оружие. Однако дух сопротивления и тут не угасал: «в ожидании сдачи» часть отряда «возмутилась» и один батальон во главе с офицерами ушел к местечку Надьбанья⁷⁵. Этот отряд причинил «победителям» немало беспокойств и еще 29 августа разыскивался ими.

Гарнизон крепости Мункач состоял из верных сторонников венгерской революции. Еще при первых слухах о возможности интервенции крепость стала готовиться к сопротивлению⁷⁷. Ее защитники не поверили ни сдаче мармий Гергея, ни его письму. Они послали парламентаров, чтобы убедиться в достоверности всего этого. Крепость сдалась только 26 августа 1849 г.

Дольше других держалась крепость Комаром, особенно важная по своему стратегическому положению, начальником гарнизона которой был генерал Клапка.

Клапка в своих мемуарах пытается оправдать себя, доказать объективную невозможность защитить крепость. Однако сохранившиеся в архивах документы вносят некоторые уточнения в эти утверждения.

3 августа его войска одержали блестящую победу над осаждающими, затем взяли Дьер, что угрожало Вене. Но Клапка не воспользовался плодами своих побед и вернулся в крепость. Еще до получения личного письма Гёргея Клапка заключил перемирие на 12 дней, причем была обусловлена отправка уполномоченных из Комарома к Гёргею и в Арад, чтобы выяснить положение вещей.

Клапка в своих мемуарах пишет, что 1 сентября Военный совет крепости, чтобы не навлечь на себя обвинения в бесцельном затягивании вой.ны, сообщил австрийскому командованию условия сдачи: всеобщая гражданская амнистия, амнистия сдающимся войскам, освобождение военнопленных, сохранение имущества сдающихся и др.⁷⁸ Но от Гайнау было получено вторичное письмо, исключавшее какие бы то ни было условия. «Я не сомневаюсь в том, — писал Гайнау, — что вследствие докладов, составленных на основании личных убеждений депутатами, посланными из крепости Комаром в мой военный лагерь..., гарнизон крепости Комаром прекратит всякое дальнейшее бесполезное сопротивление и подчинится законному правительству». Письмо заканчивается многообещающими словами, что «в случае незамедлительной сдачи крепости на милость победителя австрийским войскам Вы лично можете с полной уверенностью рассчитывать на мое великодушие...»⁷⁹

Но еще раньше Клапка вел переговоры с царскими генералами. Царские архивы сохранили интересные данные, докрывающие колебания Клапки. 21 августа Клапка заключил с австрийцами перемирие. 23 августа царский парламентар передал ему письмо Гёргея. При свидании с парламентаром, как сообщает 26 августа Медем в своем письме Нессельроде, «...Клапка, ознакомившись с письмом Гёргея, дал понять, что сомневается в его подлинности, но по секрету показал, что он решил склониться к сдаче и не задумался сообщить нашему офицеру, что он не является полностью хозяином положения, чтобы принять решение, могущее привести многих осажденных в крепости к нежелательному выступлению; что он хочет выиграть время, чтобы подготовить умы к капитуляции; что именно с этой целью он включил в число делегатов, посланных из Комарома, несколько знатных лиц города и что он попытается так подготовить дело, чтобы предложение о сдаче крепости исходило от них». Одновременно он предложил, чтобы отряд царского генерала Граббе подошел ближе к крепости⁸⁰.

Это поведение Клапки, может быть не без понятного пристрастия обрисованное Медемом, вместе с тем лишний раз позволяет увидеть всю сложность положения Клапки, те противоречия между его намерениями (первоначально пункты сдачи были сформулированы значительно шире, чем то, на что окончательно согласился Клапка) и объективной обстановкой, которая к концу сентября царил в крепости.

Вся дальнейшая биография Клапки показывает его готовность сражаться в рядах борцов национально-освободительного движения. У нас нет основания говорить о неверности этим идеалам и в Комароме. Но революционером-демократом Клапка не был. Долгая служба под началом Гёргея, капитуляция Гёргея не могли не оказать на него известное влияние, тем более, что распределение сил в городе складывалось также неравномерно. Наряду со значительной боеспособной частью гарнизона и демократической частью населения, в Комароме еще с января и особенно в последние два месяца все больше накапливалось дворянско-бюрократических элементов, влияние которых в конечном счете очевидно и решило судьбу крепости⁸¹.

5 сентября пала самая южная крепость Венгрии Петерварад из руки австрийцев попал генерал Киш.

27 сентября были подписаны «условия» капитуляции Комарома. 2 октября 1849 г. были сданы все его укрепления.

По окончании капитуляции венгерских войск, царское командование, по существу не связавшее себя никакими обещаниями, кроме обещания поддержать пожелания Гёргея, передало сдавшихся австрийцам.

Гайнау, заранее облеченный Францем-Иосифом всей полнотой власти, считал обязательным условием «умиротворения» Венгрии казнь всего высшего командного состава венгерских войск, членов правительства, депутатов Государственного собрания, мобилизацию в австрийскую армию гонимых и младших офицеров с разжалованием их в рядовые, жесточайшее наказание всех гражданских чиновников.

Началась массовая расправа. 6 октября были казнены 13 венгерских генералов, которые сдались вместе с Гёр-геем или под влиянием его писем. Лайош Аулих, Карой Вечей, Игнац Терек, Дьердь Ланер, Эрнё Пёльтенберг, Шандор Надь, Карой Кнезич, Карой Лейнинген-Вестербург и Янош Дамъянич были повешены; Эрнё Киш, Вильмош Лазар, Аристид Дежёфи и Йожеф Швейдель - расстреляны. В этот же день в Пеште был расстрелян Лайош Баттьяни, премьер-министр первого венгерского министерства, 10 октября был повешен Ласло Чани.

Суды неистовствовали. Из 475 обвиняемых арадский суд приговорил 231 человека к смерти, многих приговаривали к долгосрочной каторге, лишь 42 человека были освобождены. По всей Венгрии сотни людей были казнены, десятки тысяч заключены в тюрьмы, подвергнуты телесным наказаниям. Все бежавшие в Турцию, в том числе Лайош Кошут, правительство Семере в полном составе, генералы Бем, Дембинский, Перцель были заочно приговорены к виселице.

Иной была участь самого Гёргея. Царские архивы дают много разоблачительного материала, рисующего характер «милости», примененной к Гёргею. Выше упоминалось предложение Гайнау подкупить Гёргея. Этот метод окончания войны фигурирует и в письмах Паскевича. Один документ, а именно собственноручная записка Паскевича, говорит о том, что в разговоре с Гёргеем фельдмаршал обещал «сделать все возможное», чтобы «участь Гёргея была лучшей, чем участь других»⁸². А в одном из писем Паскевича царю прямо указывается на необходимость «предложить Гёргею и его семейству 100 тысяч или 10 тысяч червонцев пенсиону»⁸³. Гёргей был сослан в Клагенфурт, где оставался несколько лет. Позже он жил в своем имении в Вишеграде, недалеко от Будапешта. Там и умер в 1916 г.

Капитуляция венгерской армии при Вилагоше и последовавшее затем военное поражение Венгрии - последний этап венгерской революции. Национально-освободительное движение 1848-1849 гг. было подавлено. Его поражение определялось тем, что венгерским войскам приходилось сражаться с превосходившим их по численности противником. Однако был ряд внутренних причин поражения. Революция не удовлетворила интересы народных масс Венгрии, особенно крестьянства. Чем больше затягивалась война, тяжесть которой ложилась на плечи народных масс, тем больше росло недовольство крестьян, подчас выражавшееся в отказе от вербовки, от рекрутчины. Революция не удовлетворила интересы национальностей и столкнулась с сопротивлением последних. Под давлением событий правительство вынуждено было пойти на уступки - принять закон об урбариях, закон о национальностях, но все это было сделано слишком поздно, накануне поражения. Представители мартовской молодежи с энтузиазмом боролись за национальную независимость. Многие из них пали смертью храбрых. Но в то же время правительство Семере вело термидорианскую политику, уничтожая одно завоевание революции за другим. В обстановке подавления всякого сопротивления масс, создалась «Партия мира», ставшая оплотом реакции. Ее «героем» официально стал Артур Гёргей - главнокомандующий венгерскими вооруженными силами. В обстановке, когда армия еще могла бороться и оказывать сопротивление, когда не все возможности были исчерпаны, проводится один предательский акт за другим. И это завершило трагедию Венгрии.

С подавлением венгерской революции закончился этап буржуазно-демократических революций 1848-1849 гг. в Европе.

62 Hadtortenelmi Leveltar. Az 1848—1849-évi magyar forradalom es szabadsagharc iratai (Legiok), 1221, 186. 11 августа 1849 г. Кошут собственноручным письмом из Арада благодарит от имени нации графа Монти и итальянский легион за мужество, проявленное на полях сражений.

63 ЦГВИА, ВУА, д.5354, л.129, предписание коменданту гор.Мишкольц от 9(21) августа 1849г.

64 В конце июля, готовя крепость Арад к длительной осаде, "Датиъянич писал Кошуту об уклончивом ответе Вечей относительно передачи крепости части своих пушек.

См. Orszagos Leveltar, Minists-relnokseg. Письмо Дамъянича от 31 июля 1849 г.

65 ЦГВИА, ВУА, д. 5354, л.120.

66 Там же, л.111.

67 ЦГВИА, ф7, он3, д657, л543 Копия ответа Гуйона от 15 авг. 1849 г приложенная к депеше Берга Паскевичу.

68 Hadtortenelmi Leveltar Az 1848—1849 magyar szabadsagharc aradi vertanuir vonatkozo csaszan hadbirosagi vizsgalati iratok, iteletetek, 11324, Damamch 2d 226. Насколько серьезно готовился Дамъянич к защите Арада, видно из его письма Кошуту от 31 июля 1849 г в котором он сообщает, что принимает все меры к обеспечению крепости продовольствием и получению пушек от Вечей. Qrszagos Leveltar Ministerelnokseg.

69 Hadtortenelmi Leveltar , 11324, Damanioh, 2g, 280.

70 ЦГВИА, ф 14014, д и лл 83-93,

71 По архивным данным он состоял после сдачи Гергея из 8 тыс человек при 20 орудиях, в статье И.Н.Мельниковой «Закарпатская Украина и революция 1848 г.» указывается численность его в 15 тыс. человек. См. «Уч.зап.ин-та славяноведения», т.1,М., 1949 г., стр.276.

72 ЦГВИА, ВУА, д5354, л39

73 Там же, л126 Копия письма Казинци — Гротенгельму от 8(20) августа 1849 г.

74 Hadtortenelmi Leveltar Untersuchungsacten. № 1404 от 24 октября 1849 г.

75 Ibidem. *Vive Liberta и Век Просвещения, 2009-2010*

76 Находящиеся в Венгерском военно-историческом архиве документы раскрывают все подробности сопротивления войск этого 29 летнего командира корпуса Австрийцы упорно именовали Казинци генералом и требовали от него подробные сведения как о численности его отряда, так и о его боевых действиях. Показания Казинци проверялись специальным допросом трех его офицеров, о них доносилось Гайнау, и допрос Казинци, начатый 1 октября, был закончен только 11 октября Казинци был приговорен к расстрелу Hadtortepriu Leveltar Untersuchungsacten, IV.

77 ГАЗО, Материалы 19 и венгерской дивизии, донесение коменданта Дезд майора Баньяна от 4 июля 1849 г.

78 «Memoiren von Georg Klapka. April bis October 1849». Leipzig, 1850, S.247-249.

79 Ibid., S.254—256.

80 АВПР, Дела канцелярии министра иностранных дел, Vienne, папка 187, № 230.

81 Kemény G. Tarsadalom es nemzetiseg a szabadsgharc hadi lap jaiban. Budapest, 1957, 107 old.

82 Личный архив Паскевича, № 93. Собственноручная записка генерал-фельдмаршала Паскевича о разговоре его с венгерским генералом Гёргеем (на франц. яз.). Документ опубликован в кн.: Р.Авербух. Указ.соч., стр.315.

83 Документ опубликован в кн.: Р.Авербух. Указ.соч., стр.183.

6. Борьба венгерского народа за независимость в 1848-1849 годах и передовая русская общественность

Подавление венгерской революции 1848-1849 гг. и восстановление господства Габсбургов в Венгрии было итогом реакционной политики европейских держав, действовавших во главе с царской Россией.

Подавление венгерской революции имело важные последствия для судеб европейской революции в целом. Венгерская революция имела все возможности победить, и в результате ее победы ход революционного движения в восточной и средней Европе принял бы совершенно иное направление.

Создание независимой Венгрии могло бы привести к распаду габсбургской Австрии со всеми вытекающими последствиями: к созданию независимой Австрии в качестве одного из революционных центров в Европе, к воссоединению Италии, восстановлению Польши. Победоносная революция в Венгрии разрушила бы всю восточноевропейскую систему государств. Поход Николая I сделал все это невозможным. «В годы революции подавление Венгрии русскими войсками было таким же решающим событием для Восточной и Средней Европы, каким июньский бой в Париже был для Запада...»⁸⁴

Поход Николая I в Венгрию по-разному был воспринят двумя различными лагерями русского общества: монархической, бюрократической Россией, Россией биронов и аракчеевых, оплота реакции в Европе, с одной стороны, и Россией демократической, из среды которой вышли Радищев, декабристы, Герцен и др.⁸⁵

Естественно, что на стороне Николая стояла вся бюрократическая и крепостническая Россия, для которой подавление европейской революции означало торжество самодержавия и незыблемость дворянских привилегий. С другой стороны, представители русского общества, сочувствие которых было на стороне угнетенных народных масс России, разделяли освободительные идеи революции 1848 г. и национальные стремления угнетенных народов других стран и резко осуждали царскую интервенцию.

Царская интервенция в Венгрии была непопулярна и среди простых русских людей, и среди солдат николаевской армии, находившейся в Венгрии. Наборы в армию вызывали значительное недовольство. Участились побеги рекрутов, несмотря на то, что вместо одного бежавшего забирали из того же села двоих⁸⁶. Высочайшим указом от 25 февраля 1849 г., объявленным в приказе по действующей армии, предписывалось за побег за границу карать как за побег к неприятелю - смертью. Но побеги все учащались⁸⁷.

Любопытный материал, характеризующий настроения русских солдат во время венгерского похода, дает обследование судебных дел, прошедших через военные суды действующей армии в 1848-1849 гг.⁸⁸

Обследование этих материалов вскрывает большое количество дел о побегах. Мотивировки, приводимые в судебных делах, говорят о тяжелом положении солдат в русской армии, о побоях, в результате чего дезертирство было частым явлением. Русские солдаты уходили в Австрию и Пруссию, а подчас перебегали к венграм и даже сражались в их рядах.

Так, Иван Петров 18 июня перешел к венграм, прослышав, что «в Венгрии солдатам живется лучше»⁸⁹.

О случаях перехода русских солдат на сторону венгерской революции, о желании некоторых «воевать за венгерское дело» говорят и венгерская революционная печать того времени и материалы венгерских архивов⁹⁰.

Так, командующий военным округом полковник Игнац Черен доносит Кошуту в июне 1849 г., что 13 русских солдат, прибывших из Дебрецена, заявили о своем желании вступить в ряды венгерской армии⁹¹.

Освобожденные из венгерского плена фельдъегеря показали, что ряд пленных русских солдат присягал в Крмароме на верность венгерскому правительству⁹².

«За побег и служение в рядах венгерских мятежников» военно-полевые суды приговорили к расстрелу или шпицрутенам рядовых Овсянова, Яковлева, «флейтщика» егерского полка Ивана Васильева, профоса того же полка Кузьму Коншина, денщика Моисея Стельмаха и других, а также «переданных из Австрии» уроженцев Любинской, Радомской, Каменец-Подольской губерний поляков - русских подданных⁹³.

За бегство к «мятежным венграм» был приговорен к смертной казни захваченный с оружием в руках рядовой Абсамиков⁹⁴. Эта же участь постигла рядового Корнея Журомского, который, оказавшись по болезни в одном из венгерских городов, попытался навсегда остаться в Венгрии⁹⁵.

Особенно любопытно одно дело, свидетельствующее о популярности венгерского восстания среди населения пограничных областей России,- дело о жителях Августовской губернии Викентии Юшкевиче, Шимоне Мазурайтисе и Казимире Юшкевиче, которые намеревались отбить от конвоя конскриптов (рекрутов) и бежать с ними за границу, чтобы принять участие в венгерском мятеже⁹⁶. На допросах в сентябре 1849 г. Казимир Юшкевич показал следующее: «Наслушавшись рассказов о том, как хорошо живется в Венгрии, он решил туда бежать, но считал, что неплохо захватить с собою некоторое количество вооруженных людей, и, прибегая к целому ряду махинаций, переодевшись даже в офицерскую форму, он пытался освободить рекрутов и увести их с собою. Ему удалось раздобыть оружие (7 ружей, 2 пистолета, 3 палаша, пушку, порох, патроны и пистоны)». Интересно, что Юшкевич высказывал всегда твердую уверенность в том, что у венгров ему и его сообщникам будет хорошо.

Все они были задержаны, причем во время ареста Казимир Юшкевич оказал вооруженное сопротивление. Военно-полевой суд приговорил их к расстрелу.

Хотя переходы солдат на сторону венгерских революционеров не носили ни массового, ни, тем более, организованного характера, самый факт подобных побегов говорит о том, что в русской армии среди солдат находились люди, сочувственно относившиеся к венгерской революции. По свидетельству офицера Алабина, русские солдаты объясняли поход царской армии в Венгрию необходимостью «немцев за уши из грязи вытаскивать»⁹⁷.

Особенно непопулярен был венгерский поход среди передового офицерства. Сохранившиеся записки русских офицеров - участников венгерской кампании свидетельствуют о наличии среди них оппозиционных настроений. Большинство считало, что поход не может быть оправдан, что Австрия, как обычно, ответит на помощь ей черной неблагодарностью.

Передовое офицерство подвергало критике царское командование за бездушное отношение к рядовому составу армии.

Бездушное отношение проявлялось и к офицерам. По свидетельству поручика А.Л.Берниковского, на его запрос генералу о своем назначении, последовал ответ: «Ваше назначение - оставайтесь и погибайте».

В письмах и высказываниях русских офицеров непрерывно сквозит неудовлетворенность и недовольство той ролью, которую они играли в Венгрии, и симпатия к борющемуся народу. «Со вступлением в пределы Австрии начало выражаться и нерасположение наших войск к австрийцам. Между офицерами нередко можно было слышать вопросы, зачем мы идем спасать фальшивых австрийцев?»⁹⁸ Офицер Лихутин пишет: «Мы пришли помогать австрийцам и помогли им - и вдруг наши симпатии оказались, по-видимому, на стороне тех, во вред которых мы действовали»⁹⁹.

Желая объяснить этот факт, Лихутин указывает, что чувство великодушия к побежденным имело место, но что решающим моментом, определяющим настроение офицерства, было сознание несправедливости совершаемого¹⁰⁰.

Передовым русским офицерам импонировали храбрость противника, его беззаветная убежденность в правоте своего дела, организованность и порядок, царившие в венгерской армии. Об этом свидетельствуют воспоминания участника похода офицера Алексеенко и др. Офицер Берниковский пишет об овации, устроенной русскими офицерами пленному венгерскому главнокомандующему Гёргею.

Сцена сдачи знамен и оружия венграми после поражения произвела тягостное впечатление и оказала большое революционизирующее влияние на русскую армию. Передовое офицерство сознавало, что венграм нанесено не только военное поражение, но надолго похоронены их надежды на национальную независимость, а последние вызывали горячее сочувствие русской армии. Офицер Фатеев пишет: «1 августа (ст.ст.) было несчастным днем для венгерцев. Шестимиллионный храбрый, благородный народ потерял в этот день надолго, если не навсегда, надежду отстоять с оружием в руках свою свободу против деспотической власти Австрии»¹⁰¹. Далее Фатеев говорит: «Все солдаты и офицеры русской армии, без различия, словно чувствовали сожаление по поводу того, что они были сообщниками великого несчастья, постигшего венгерцев»¹⁰².

Передовое русское офицерство было возмущено действиями царского правительства и командования, которые передали всех сдавшихся русской армии венгров австрийскому правительству.

Офицер Богдановский с глубоким сочувствием к побежденным описывает сцену братания русских офицеров с офицерами крепости Мункач и с возмущением описывает сцены ареста молодого коменданта крепости австрийскими властями¹⁰³.

Отдельные русские офицеры по политическим мотивам переходили на службу в венгерскую армию.

Сражавшийся на стороне венгров русский офицер П.Васильев показал на суде, что под командованием Бема служило более 60 русских солдат и офицеров¹⁰⁴.

При передаче венгерских пленных австрийскому командованию, царские сатрапы разыскивали среди них офицера Руликовского, который, как показывают венгерские источники, перешел на сторону венгров с группой солдат и сражался в рядах венгерской армии. Позже Руликовский был осужден русским военным судом и казнен¹⁰⁵.

Таким образом, передовая часть русской армии понимала позорный смысл кампании и симпатии ее были не на стороне союзников - австрийцев, а на стороне боровшихся за свое освобождение и независимость венгров.

Об этих симпатиях пишет в своем дневнике даже состоявший при штабе Паскевича барон Л.П.Николаи, впоследствии царский флигель-адъютант. «Весьма замечательно то сочувствие, которое возникает между нашими людьми и венгерцами, и, напротив того, невольная антипатия, которая испытывается к австрийцам...»¹⁰⁶

Эти симпатии не остались незамеченными и австрийцами¹⁰⁷.

Недовольство политикой царского правительства и командования в Венгрии не вылилось в открытое массовое выступление, однако настроение в русской армии свидетельствовало о глубоком возмущении ее своей миссией и об искреннем сочувствии противнику.

Царское правительство, организуя интервенцию, предвидело возможность революционизирующего влияния ее на русскую армию. Этим объясняются строжайшие приказы Николая I и Паскевича и в начале, и в конце интервенции строго наблюдать, чтобы «воинские чины», особенно офицеры, «имели сколько можно менее сношений с жителями, тем паче с городскими, которых превратный образ мнений, мятежом посеянный, может иметь вредное влияние...»¹⁰⁸ «ибо легко от этого сближения и наша молодежь заразиться может»¹⁰⁹.

Естественно, что передовые русские люди тем более не могли не сочувствовать революционным движениям 1848-1849 гг. Белинский, Герцен, Чернышевский были в то время властителями дум лучшей части русского общества и высоко держали знамя борьбы против самодержавия и крепостничества.

Бакунин, живя за границей, принимал активное участие в революционной борьбе на Западе; несмотря на ошибочность своих взглядов в славянском вопросе и панславистские настроения, он считал, что славяне должны поддержать венгерскую революцию. Вот что писал он в «Воззвании к славянам» еще в 1848 г. «Отдаться революции всецело и безусловно..., быть друзьями и союзниками всех народов и партий, сражающихся за революцию», всех, «которые сражаются за свою независимость и вместе с тем за свободу всех, а потому в союзе против одного общего врага, против заговора деспотов... Куда идет теперь Виндишгрец? В Венгрию. После того, как он бомбардировал Прагу и убил в ней свободу, после того, как он бомбардировал Вену и в ней убил свободу, он идет в Венгрию, чтобы и там убить свободу.

Что же мы должны делать?

Это ясно: мы должны заявить в Венгрии, что мы за мадьяр и против Виндишгреца»¹¹⁰.

Из кружков этого времени внутри России наибольшую известность получил кружок Буташевича-Петрашевского. Кружок этот объединял и мирных фурьеристов и сторонников революционных действий. На своих пятницах члены этого кружка резко критиковали самодержавно-крепостнические порядки, ставили целью добиться ограничения самодержавия, освобождения крестьян, свободы печати, реформы суда и т.д.

Как показывают показания петрашевцев и отобранные у них документы, эти представители революционной русской интеллигенции сочувствовали венгерскому народу в его борьбе за независимость. Момбелли, поручик лейб-гвардии Московского полка, в найденной в его бумагах записке «Рассуждение о настоящем положении европейских государств» писал: «Если восторжествуют Россия и Австрия, то абсолютный деспотизм разольется по всей Европе, поглотит всю Европу и тогда страдания человечества продлятся, может быть, еще на столетия, пока человечество, доведенное до крайней степени, не вспомнит о своих правах и средствах... Надеюсь, что правое дело восторжествует, что страдания человека скоро прекратятся, заменятся общим благосостоянием и довольством, деспотизм погибнет навеки и люди будут братьями»¹¹¹.

Другой участник кружка петрашевцев Спешнев был связан с поляком Хоецким (Хоенцким), судившимся за участие в восстании, а намерение Черносвитова ехать в пограничную Венгрии Молдавию, о чем говорил Петрашевский в своих показаниях, вызвало целый ряд подозрений у членов следственной комиссии.

В 1848 г. деятельность петрашевцев значительно активизировалась. Участились собрания кружка, отдельные его члены (Спешнев, Момбелли, Черносвитов) считали возможной революцию в России. Это движение знаменовало собой отход от идеологии дворян-революционеров, боящихся участия народных масс, к идеологии революционно-демократической интеллигенции, которая по мере роста крестьянского движения все более убеждалась в необходимости привлечения к революции широких трудящихся масс.

Петрашевцы, боровшиеся с самодержавным строем в России, враждебно относившиеся к феодально-крепостническому строю и национальному угнетению, не могли не сочувствовать идеям венгерской революции. Политические взгляды Момбелли, Спешнева и других наиболее радикальных петрашевцев требовали от них поддержки национально-освободительного движения, каким была венгерская революция. Петрашевцев, за которыми царские жандармы давно следили, царь распорядился арестовать как раз накануне интервенции в Венгрию. Несомненно, если бы они продолжали свою деятельность или имели бы возможность свободно выражать свои взгляды, мы бы увидели, что они так же сочувственно отнеслись к венгерской революции, как это делали Герцен и Чернышевский.

Герцен и Чернышевский, два крупнейших представителя русской революционной демократии, явились современниками венгерской революции.

А.И.Герцен был свидетелем всех революционных событий во Франции. Интерес Герцена к этим событиям и его отношение к ним были обусловлены позицией, которую он занимал в русском общественном движении. Центральным вопросом этого движения был вопрос об уничтожении крепостничества, вопрос о буржуазной революции. Обращаясь к этой теме русской истории, Ленин выдвигал вопрос «о различии интересов либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской буржуазной революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, «о соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции»¹¹². Именно этот вопрос, по определению Ленина, и был поставлен Герценом. И «Колокол», вольный русский журнал, издававшийся Герценом за границей с 1857 г., «встал горой за освобождение крестьян»¹¹³.

То обстоятельство, что в русской буржуазной революции Герцен стал выразителем демократической республиканской тенденции, сделало близкими для него цели и задачи венгерской революции. Он стал горячим ее сторонником.

В 50-х годах Герцен жил в Лондоне, встречался с Кошут и был близок с ним. Отношение Герцена к венгерской революции, к ее вождям, а также к политике самодержавной России, подавлявшей революцию, отражено в ряде его работ. Переписка Герцена с руководителями венгерской революции, как справедливо замечает Нидерхаузер, говорит о том, что их отношения все время были очень теплыми и дружескими¹¹⁴. Герцен поддерживал переписку с деятелями венгерской эмиграции;

Кошут высоко ценил дружбу с Герценом и его семьей, считая воспоминания о встречах с ними самыми дорогими. Кошут высоко ценил также деятельность Герцена, неоднократно подчеркивал значение той борьбы, которую вел великий революционер-эмигрант. Журнал, издаваемый Герценом, Кошут назвал «страшным Колоколом». «Даже царь Александр II находил, - писал Кошут, - на своем письменном столе каждый новый журнал «Колокола», стучавшего в двери его самовластья кулаком свободы, устанавливая перед его лицом зеркало совести, отражающее его собственные преступления, страдания его народа и постыдную испорченность абсолютистской правительственной системы»¹¹⁵.

Тепло о своих встречах с Кошут отзывается и Герцен, тот человек, который, по словам В.И.Ленина, «спас честь русской демократии»¹¹⁶. В статье «Горные вершины» Герцен вспоминает о встрече с Кошут и дает его портрет.

«Я застал Кошута, - пишет Герцен, - работающего за большим столом; он был в черной бархатной венгерке и в черной шапочке. Кошут гораздо лучше всех своих портретов и бюстов, в первую молодость он был, вероятно, красавцем... в печально кротком взгляде его сквозил не только сильный ум, но глубоко чувствующее сердце; задумчивая улыбка и несколько восторженная речь окончательно располагали в его пользу. Говорит он чрезвычайно хорошо, хотя и с резким акцентом, равно остающимся в его французском языке, немецком и английском. Он не отделяется фразами, не опирается на битые места, он думает с вами, выслушивает и развивает свою мысль, почти всегда оригинально... Может, в его манере доводов и возражений виден адвокат, но то, что он говорит, серьезно и обдуманно»¹¹⁷.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ и НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА в ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009-2010

Герцен противопоставляет Кошуту, реальному трезвому политику, фанатика революционного восстания - Мадзини, в оценке Герцена, недостаточно учитывавшего обстановку того времени в Италии.

«Кошут принес с собой из Венгрии не общее достояние революционной традиции, не апокалипсические формулы социального доктринеризма, а протест своего края, который он глубоко изучил, - края нового, неизвестного ни в отношении к его потребностям, ни в отношении к его дико свободным учреждениям, ни в отношении к его средневековым формам. В сравнении со своими товарищами Кошут был специалист». Это был человек, учитывающий реальные возможности осуществления своей программы национального освобождения Венгрии от ига Габсбургов.

В 50-е годы, в тот период, к которому относятся воспоминания Герцена о Кошуте, основным вопросом, над которым задумывались все участники и руководители европейской революции 1848 г., был вопрос о сроках нового революционного подъема, который мог бы принести осуществление их планов и надежд.

«Разговор Кошута со мной..., - пишет Герцен, - принял серьезный оборот: в его взглядах и в его словах было больше грустного, нежели светлого, наверно он не ждал революции завтра. Сведения его о юго-востоке Европы были огромны: он удивлял меня, цитируя пункты екатерининских трактатов с Портой»¹¹⁸.

Герцен не только описал свой содержательный разговор с Кошутым, но и отметил гибель всех расчетов Кошута на содействие Англии в деле освобождения Венгрии. «Без сомнения, Кошут приехал в Лондон с более сангвинистическими надеждами, да и нельзя не сознаться, что было от чего закружиться голове», - пишет Герцен, имея в виду те внешние проявления внимания, которые имели место в момент появления Кошута в Лондоне. «Но, проживши в Лондоне год, другой, - продолжал Герцен, - и видя, куда и как идет история на материке и как в самой Англии остывал энтузиазм, Кошут понял, что восстание невозможно и что Англия - плохая союзница революции»¹¹⁹.

В другом месте Герцен пишет: «Эмигранты 1849 г. не верили еще в продолжительность победы своих врагов... Они твердо верили, что их поражение - минутная неудача, и не перекладывали платья из чемодана в комод»¹²⁰.

В других своих статьях Герцен рассматривает дальнейшую судьбу Венгрии, по-прежнему находившуюся в полном порабощении Габсбургами. Как истинный революционный демократ он ненавидел угнетение во всех его формах, в том числе и угнетение национальное, широко применявшееся царским правительством России.

В 1859 г., во время итало-франко-австрийской войны, когда в лице Италии снова заговорили угнетенные Австрией народы и снова воскресли надежды на их освобождение, Герценом была опубликована в «Колоколе» статья «Война»¹²¹, направленная против Габсбургов, их национальной политики, против онемечивания различных народов, подчиненных Австрии. «Немецкие публицисты выдумали для австрийской империи, - пишет Герцен, - всемирно-историческое призвание, оно, видите, именно состоит в образовании полудикого юго-востока Европы. Но какое значение имеет австрийская цивилизация, и что она сделала кроме того, что ввела ту же полицию и те же наказания во все страны? Ну, если не в политическом, то в торговом и экономическом отношении?.. Королевско-имперская цивилизация состоит в постоянном гнете всего народного и в онемечивании. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотят вовсе образовываться в немцев. Между ними и немцами лежит та *incompatibilite humeur* [«несходство характеров»], по которой разводят мужа с женой. Мы знаем, что значит насильственно образовывать, это - одна из гибельнейших идей, в силу

которой бездушной дрессировке и фельдфебельской выправке дается вид благодеяния. Маленьких детей не гоняют больше в школу розгой»¹²².

Герцен в этой статье, защищая идею полного раскрепощения угнетенных национальностей, перечисляет все преступления австрийской монархии по отношению к угнетенным ею народам. По словам Герцена, перед злодейскими преступлениями австрийской империи в Чехии бледнеют дела протестантской Англии в Ирландии. Австрийские правители вешали, секли, морили в тюрьме, жгли людей, жгли книги, а в итоге «аристократическая помесь и часть мещан» сделали немцами, а народ остался чешским, и как только «палач приподнял свою руку и дал жертве немного отдохнуть», а именно, к началу XIX в., появилась чешская литература.

Гневно бичует Герцен политику угнетения австрийского правительства по отношению к мадьярам. «Но что же приняли, например, от австрийцев мадьяры, - задает вопрос Герцен. - Я в мире не знаю ничего противоположное немцам, как мадьяры с их полудикой разметистой волей, к которой так идет их отвага, с этой жизнью в лесах, с их дурными независимыми комитатами. Это какое-то кованое племя, до того упругое, что сам Меттерних не мог никогда его сломить»¹²³.

Обращаясь к столкновениям и конфликтам между мадьярами и славянами в 1848 г., Герцен указывает на австрийскую династию, как на основную причину их антагонизма; австрийская монархия ссорила и раздувала их неприязнь, и только тогда, когда габсбургская династия после революции стала всех подводить под один знаменатель, то народы поняли, кто их настоящий враг. «Зловещая династия Габсбургов, - пишет Герцен, - является какой-то карой людям за их стремление к независимости, она постоянно противодействует всему человеческому - старым вольностям и новой свободе, постоянно усмиряет, подавляет, морит»¹²⁴.

Герцен желает поражения австрийской монархии, крушения власти Габсбургов - источника национального и политического угнетения. Политика Николая I, спасшего Австрию, вызывает у Герцена, так же как и у Кошута, суровое осуждение¹²⁵. «И когда Венгрия восстала, - пишет Герцен, - Австрия дышала на ладан, и совсем перестала бы дышать, если бы не преступная рука Николая.

Николай, помогая Австрии, изменил столько же России, сколько Гёргей, помогая ему, изменил Венгрии»¹²⁶.

Свое сочувствие венгерскому народу и осуждение царской интервенции резко выражал и другой революционный демократ - Н.Г.Чернышевский. В.И.Ленин писал о нем: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя - через препоны и рогатки цензуры - идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹²⁷.

В своих статьях, посвященных событиям западноевропейской истории, а именно: классовой борьбе во Франции в 1815-1848 гг., национально-освободительной борьбе в Италии и Австрии¹²⁸, он проявил решительный и последовательный демократизм, глубокое понимание задач и проблем буржуазно-демократических революций, презрительное отношение ко всякого рода соглашательству и оппортунизму.

«Дневник» молодого Чернышевского знакомит нас с переживаниями передовых студентов Петербургского университета. Глубоко сочувствуя

угнетенному русскому народу, они жадно искали ответа на «проклятые вопросы» русской действительности в революционных событиях 1848 г. Чем больше обострялась классовая борьба, тем глубже вдумывался молодой Чернышевский в тяжелое положение трудящихся классов, тем более уверенно он становился защитником революции. Июньские дни. 1848 г. в Париже не поколебали, а укрепили революционное мировоззрение Чернышевского. Они помогли сформироваться его философскому материализму и революционным убеждениям. Он понял важность разрешения социальной проблемы «Не в том дело - будет царь или нет, будет конституция или нет, - а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь у другого»¹²⁹.

Чернышевскому и его друзьям становилась все яснее основная сущность и задача революции 1848 г., его сочувствие было целиком на стороне трудящегося народа. Наоборот, успехи контрреволюции во Франции и в Германии возбуждали в нем огорчение и негодование.

В «Дневнике» Чернышевский отразил свое отношение к венгерской революции и в особенности к политике Николая I.

В записях от 19 мая 1849 г. мы встречаем яркие высказывания Чернышевского, когда ему, студенту университета, приходилось отстаивать свои революционные взгляды на деятельность венгерских вождей от нападков со стороны профессоров. Чернышевский передает разговор с профессором Срезневским о событиях в Венгрии. «Кошут, - говорил Срезневский, - ренегат во всех отношениях, желал гибели Венгрии». «Я защищал, - пишет о себе Чернышевский, - насколько, казалось мне, позволяло приличие, а может быть и более»¹³⁰. Защита Кошута со стороны Чернышевского была, очевидно, настолько убедительной, что заставила задуматься и Срезневского, последний, по словам Чернышевского, «с какой-то сердечностью» простился со своим «юным собеседником»¹³¹.

В записях 11 июля 1849 г Чернышевский так характеризует свои политические взгляды «а) Теория - красный республиканец и социалист. Более приверженец, по-прежнему, Луи Блана; б) Практика - друг венгров. Желая поражения там русских и для этого готов был многим пожертвовать»¹³². В последней фразе особенно ярко проявляется отношение Чернышевского к революционной борьбе венгерского народа, а также его пораженческие настроения. Он считал, что поражение России должно было облегчить свержение самодержавия. Сочувствие событиям в Венгрии и резко отрицательная позиция по отношению к политике Николая I тесно связывались у Чернышевского со всей концепцией его революционных взглядов. В записях от 7 августа Чернышевский отмечал. «Победа над венграми прискорбна. Сначала поверил, после несколько не поверил, после снова поверил, теперь более верю, чем нет, что Гергей в самом деле сложил оружие. Должно узнать подробности как, отчего, что значит» 133.

В данных высказываниях, как и в других, проявилось горячее сочувствие великого русского революционера-демократа к борющейся Венгрии.

К вопросу о борьбе Венгрии за независимость в 1848-1849 гг. Чернышевский возвращался и позже, в 60-х годах. В борьбе с российским абсолютизмом, пережитками крепостничества и национальным гнетом Чернышевский обращался к оценке роли габсбургской монархии. Он, как близкий друг, принимал к сердцу борьбу венгров против произвола и национального угнетения, царившего в стране. И, бичуя национальную политику Габсбургов, он одновременно наносил удар шовинистической политике царизма.

В отдельных статьях, а также в международных обзорах «Политика» журнала «Современник» Чернышевский вновь обращался к теме о борьбе венгров за

независимость в 1848-1849 гг. и о взаимоотношениях между славянскими народами, жившими на территории австрийской империи, и венграми.

В статье «Национальная бестактность» Чернышевский выступает против системы «разделяй и властвуй» габсбургской династии и подчеркивает стремление последней разжигать в своих контрреволюционных целях антагонизм между венграми и славянами

«Меттерниховская система, - пишет Чернышевский, - вооружала венгров на кроатов и сербов и кроатов на венгров.

Для какой национальности было полезно то, что она поддалась тактике Меттерниха? Много ли выиграли, например, кроаты и австрийские сербы тем, что защищали австрийцев против венгров?»¹³⁴

Его перу принадлежат также высказывания, высоко оценивающие те достижения, которые были завоеваны в Венгрии в 1848 г. Определяя значение революции 1848 г. и законодательства той эпохи, он подчеркивал, что в 1848 г. Венгрии удалось добиться не только независимости, но и свободы и демократического устройства, что политический строй, установившийся в марте 1848 г., давал «демократическому элементу перевес над аристократическим, господствовавшим до той поры, и был построен на самых свободных основаниях»¹³⁵.

С исключительной яркостью характеризует Чернышевский и ту обстановку, которая создавалась в Венгрии в период февральского патента 1861 г., когда вновь ожили революционные настроения, и когда опять стал ощутим национальный антагонизм между венграми и славянами, разжигаемый Габсбургами¹³⁶. Говоря о роли этого национального антагонизма, Чернышевский высказал свои опасения. «Сами по себе кроаты слишком слабы: если они не в союзе с венграми, они в полной зависимости от Вены. Но они воображают, что без помощи венгров получают все, что желают. И вот кроатский сейм решает, что вопрос об отправлении депутатов на венгерский сейм он отлагает до будущего времени, а сам вступает в переговоры с Веной. Многое может измениться до наступления кризиса, но, судя по началу, надобно опасаться, что будет повторена кроатами ошибка, сделанная ими в 1848 г. Вена будет длить переговоры до последней минуты, чтобы удерживать кроатов в разъединении с венграми, когда понадобится помощь кроатов для войны с венграми, Вена обещает кроатам все, чего они хотят, - и начнут те же самые подвиги, какие совершал Елачич в 1848 году, с той же наградой, в случае победы над венграми»¹³⁷.

Таким образом, и в статьях, написанных в 60-х годах, проводятся Чернышевским те же идеи, которые его вдохновляли в 1848-1849 гг., а именно: горячее сочувствие к борьбе Венгрии за независимость. Эти статьи характерны также глубоким пониманием тех препятствий, которые стояли на пути Венгрии к ее освобождению.

Венгерских и русских революционеров объединяло в то время сознание несбыточности их надежды и планов. Их поколение не увидело осуществления своих планов. хотя немало сделало для торжества своих идей. Не увидело их и поколение 80-90-х годов. И только когда во главе русской революции встал пролетариат, т.е. единственный класс, до конца заинтересованный в последовательном проведении принципов демократии, возглавляемый коммунистической партией, эти принципы были воплощены в жизнь.

85 См. В.И.Лени. Соч., т.21, стр.85.

86 ЦГВИА, ф.7. Военно-походная канцелярия, оп.3, д. № 628. 1849 г., л.160.

87 Указ вызван был как раз участвовавшими побегами солдат из расположенного на границе 4-го пехотного корпуса и объявлен в приказе по действующей армии 25 марта 1849 г. за № 48.

88 Материалы этих судов заслуживали бы специального исследования, но размеры данной работы не позволяют уделить им достаточно места.

89 ГАЗО, материалы 19-й венгерской дивизии, донесение командования от 18 июня 1849 г.

90 См. А.В.Федоров. Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848-1849 годов. - «Вопросы истории», 1957, № 2, стр.90.

91 Там же, стр.95.92 ЦГВИА, ф.7, оп.3, Д.680, л.4.

93 ЦГВИА, ф.531, оп.1-3.

94 ЦГИАЛ, Военно-судные дела, связка 697, д. № 111.

95 ЦГИАЛ, Военно-судное дело, связка № 698, № 119.

96 Там же, связка № 699, № 141.

97 П.Алабин. Русские в Венгрии в 1849 г. - «Русская старина», 1882, июль.

98 А Берниковский. Венгерский поход 1849 г. - «Русский архив», 1885, № 12.

99 М.Лихутин. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875, стр.247.

100 М.В.Лихутин. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875, стр.247.

101 «Русская старина», 1912, май, стр.399.

102 Там же, стр.401.

103 Н.Богдановский. Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях. - «Русская старина», 1893, январь, стр.243-244.

104 ЦГВИА, ф395, 1851 г., оп286/510, св.1804, д. 756.

105 См А.В.Федоров. Указ.соч., стр.94. 106 «русская старина», 1877, сентябрь-декабрь, стр.399.

107 Приводим в этой связи любопытную заметку царя с ответом Паскевича Николай пишет «Австрийский император говорит, что армия русская имела большое расположение к венгерцам. Сказано нашему неаполитанскому министру, который отвечал, что не любовь к венграм, а ненависть к немцам Правда ли это? Разобрать». «Неправда, - отвечает Паскевич, - потому что армия не успела даже узнать этот народ, ибо так скоро были венгры сдавлены нашими войсками, что и некогда было» «Доброжелательство» к венграм Паскевич объясняет свойственным русским людям человеколюбием в отношении к побежденным (ЦГИАЛ № 59, б/даты).

108 ЦГВИА. Военно-учебный архив, № 5368, лл. 14 и 14 об.

109 М.М.Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т.VI, СПб. 1899, стр.331.

110 М.А.Бакунин. Собр.соч., т.III, стр.60-61.

111 См. «Петрашевцы», т.III. М.- Л. 1928, стр.75.112 В.И.Ленин. Соч., т.18, стр.12.

113 Там же.

114 Э.Нидерхаузер. Герцен и Венгрия. В кн.: «Конгресс венгерских историков 6-13 июня 1953 г.» (я на правах рукописи), т.III, стр.538.

115 «Kossuth Lajos iratai. Tortenelmi tanulmanyok». Budapest. 1895, 251 old.

116 В.И.Ленин. Соч., т.18, стр.13.

117 А.И.Герцен. Собр.соч. в 30 томах, т.XI. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр.24-25.

118 А.И.Герцен. Собр.соч. в 30 томах, т.XI, стр.27.

119 Там же, стр.28.

120 Alexander Herzen. Erinnerungen. Zweiter Band. Kompass - Verlag, 1866, S.70,

121 Работая над этой статьей, Герцен писал Ференцу Пульски: «В ближайшем № «Колокола» я буду говорить о войне и о Венгрии и, если Вы желаете, переведу Вам свою статью» (письмо от 6 мая), и «Я закончил свою довольно длинную статью о войне и я убежден в том, что Вы и Кошут будете довольны несколькими строками, которые я посвящаю Венгрии» (см. Э.Нидерхаузер. Герцен и Венгрия, стр.541-542).

122 Герцен А.И. Полн.собр.соч. и писем. Под ред. М.К.Лемке, т.10. Пг., 1919, стр.5.

123 Герцен. А.И. Полн.собр.соч. и писем. Под ред. М.К.Лемке, т.10, стр.6.

124 Там же, стр.7.

125 Понимая, что война против Венгрии не пользовалась популярностью в России, зная страх царя перед революцией, Герцен полагал даже что «если бы в 1849 г. Паскевич и Ридигеры довели до Зимнего дворца настроение русских войск и офицеров в Венгрии », интервенция была бы сорвана. А.И.Герцен. Избранные философские произведения, т.II М., 1948, стр.289-290.

126 Герцен А.И. Собр.соч. в 30 томах, т.XI, стр.27.

127 В.И.Ленин. Соч., т.17, стр.97.

128 в этом отношении показательны следующие статьи Н.Г.Чернышевского «Июльская монархия», Полн.собр.соч., т.6. Пг., 1918, стр.53-151, «Кавеньяк» Полн.собр.соч., т.4, стр.1-49. «Предисловие к нынешним австрийским делам». Полн.собр.соч., т.8, стр.79-106.

129 Н.Г.Чернышевский. Полн.собр.соч., т.1 М., 1939, стр.110.

130 Там же, стр.277.

131 Там же стр.227.

132 Там же, стр.307.133 Там же, стр.297.

134 Н.Г.Чернышевский. Полн.собр.соч., т.VII. М., 1950, стр.779.

135 Н.Г.Чернышевский стр.482.

136 Бела Фогараш. Н.Г.Чернышевский о Венгрии. – «Вопросы истории», 1953, № 7, стр.129.

137 Н.Г.Чернышевский. Полн.собр.соч., т.VI, М., 1949. стр.536-537.

Заключение

Венгерская революция 1848-1849 гг. была заключительным этапом общеевропейской резолюции, начавшейся в феврале 1848 г. Это была буржуазная революция, в которой участвовали плебейские массы городов и крестьянство.

Но руководящая роль в борьбе за освобождение от экономического и политического гнета Габсбургов принадлежала, ввиду слабого развития торгово-промышленной буржуазии, среднепоместному дворянству, вступившему с начала 20-х годов XIX в. на путь капитализма. Основные задачи революции заключались в ликвидации феодальных отношений в городе и в деревне и в завоевании независимости Венгрии.

Наиболее последовательным и решительным представителем обуржуазившегося дворянства был Кошут, ставший с момента наибольшего развития революции общенациональным лидером освободительного движения. Кошут возглавил национально-освободительную борьбу, целью которой было завоевание независимости, и на определенном этапе даже установил союз с революционно-демократическим лагерем и плебейскими массами. Но либеральное дворянство в силу своей классовой природы не могло стать подлинно революционной силой.

Широкие народные массы города и деревни на всем протяжении национально-освободительной и революционной борьбы играли активную роль в революции и стали силой, содействующей дальнейшему ее углублению. То были ремесленники, подмастерья, рабочие мануфактур и фабрик, городская беднота и крестьянство. Эти массы возглавлялись выдающимися вождями «мартовской молодежи» Вашвари и Петефи, а также Михаем Танчицем, горячим и последовательным защитником интересов крестьянства. Однако малочисленность пролетариата определяла слабость плебейского крыла, которое не могло в силу объективных причин занять руководящую роль в революции. Левое крыло Государственного собрания, возглавляемое Мадарасом, руководившее на определенном этапе национально-освободительным движением и представлявшее интересы обедневшего дворянства, дворянской интеллигенции и части буржуазии города, в силу национального и идейного разброда не могло решить острейшие социальные вопросы.

Крестьянство активно участвовало в национально-освободительной борьбе на всех ее этапах. Но вместе с тем оно ни на один день не прекращало борьбы за свои классовые интересы - за полную ликвидацию феодальных отношений. Изданный в 1848 г. аграрный закон не удовлетворял крестьянство, поскольку он лишь частично и непоследовательно решал его коренные требования. Сменяющие друг друга венгерские правительства вкладывали удовлетворение

классовых требований крестьян до победы над внешним врагом. Более того, правительства беспощадно подавляли местные крестьянские движения. И только накануне полного поражения национально-освободительной борьбы, означавшей одновременно и разгром революции в Венгрии, правительство пришло к решению сделать еще один шаг по пути уничтожения феодальных привилегий, но уже было поздно.

Борьба венгров за свою национальную независимость встретила сочувствие представителей тех народов, которые сами страдали под гнетом абсолютизма и воспринимали борьбу в Венгрии как часть общеевропейской борьбы за свободу. В самой Венгрии наиболее интернационалистски была настроена та часть венгерской революционной молодежи, которая возглавлялась Петефи и Вашвари.

Сложным был характер национально-освободительной борьбы народов Венгрии - сербов, хорватов, румын и др. Переплетаясь с борьбой социальной, она была направлена в первую очередь против венгерских магнатов, представителей господствующей нации. Австрийский двор использовал эти сложные условия, чтобы направить гнев трудящихся сербов, хорватов, словаков, румын и других против венгерской революции. Только наиболее прогрессивная часть интеллигенции и крестьянства понимала, что лишь в совместной борьбе трудящихся всех народов можно добиться победы над феодализмом и свергнуть национальный гнет.

В своем развитии венгерская буржуазная революция прошла ряд этапов. Она началась с мартовского движения 1848 г. почти одновременно с революциями в западноевропейских государствах. Мартовские дни слили венгерскую революцию с тем потоком революционного движения, который охватил в середине XIX в. Францию, Германию и Австрию. В эти дни в «12 пунктах» была фактически сформулирована программа борьбы за национальную независимость и буржуазные реформы. Одновременно этот этап был периодом массовых митингов, демонстраций, протестов против господства Габсбургов, массовых выступлений крестьян против феодализма, стачечного движения подмастерьев. Именно на этом первом этапе революции выдвинулась «мартовская молодежь» - боевой и наиболее радикальный отряд внутри венгерской оппозиции.

С мая вплоть до сентября продолжался второй этап революции. Это было время, связанное с деятельностью первого министерства, возглавляемого Баттьани, вождем либерального дворянства. Продолжались массовые социальные движения. В обстановке острейшей политической борьбы проводились выборы в Государственное собрание. Дальнейшее обострение политической борьбы в стране, социальные движения усиливали внутри Государственного собрания позицию радикального крыла, возглавляемого Мадарасом. Шло размежевание классовых сил. Кошут занимал в министерстве, в Государственном собрании все более левые позиции.

К сентябрю размежевание классовых сил внутри страны достигло своего апогея. С сентября 1848 г. до апреля 1849 г. революция продолжает идти по восходящей линии, диаметрально противоположной пути других европейских революций в это же время. Западноевропейские революции потерпели ряд поражений: Париж в июне 1848 г. Вена в октябре 1848 г., восторжествовала реакция в Пруссии.

Международная политическая обстановка складывалась так, что венгерская революция выросла в своем значении до эпицентра революционных сил, противостоящих реакции в Западной Европе. Новая волна массового движения, гигантский рост популярности Кошута, возглавившего вооруженные силы венгерского народа, созданные для борьбы с контрреволюцией, создание

Государственного комитета обороны и венгерской армии явились центральными событиями этого периода, третьего этапа революции.

Полевание Кошута, объединение его в этот период с радикалами и плебейскими массами сделали его, как писал Ф.Энгельс, истинно революционным человеком, «который отваживается от имени своего народа принять вызов на отчаянную борьбу...»¹

Четвертый этап начинается с «Декларации независимости». Эта Декларация имела большое политическое значение как акт протеста против господства Габсбургов. Но она не соответствовала действительной расстановке классовых сил в венгерской революции. Силы революции в это время уже были ослаблены разногласиями среди руководства по вопросу о путях борьбы за национальную независимость и особенно нерешенностью основного вопроса буржуазной революции, крестьянского вопроса, ошибками венгерских революционеров в национальном вопросе. Борьба против вооруженных сил австрийского императора, возглавляемых Виндишгрецем и Елаичем, осложнялась слабостью радикального крыла венгерской революции.

Термидорианская политика Семере внутри страны, консолидация сил реакции, союз Габсбургов с царизмом, измена командования венгерской армии - все это вместе взятое привело к поражению революции и национально-освободительной борьбы.

Установленный после подавления революции реакционный режим правительства Шварценберга, названный по имени австрийского министра внутренних дел Баха баховской системой», характеризовался национальным угнетением и бесправием еще большим, чем это было до революции 1848 г. Австрийский деспотизм совершенно не считался с требованиями своих народов. Страна была наводнена тайной полицией и жандармами. Жесточайшая политическая цензура стала господствовать над печатью. Правительство опиралось на союз с высшим католическим духовенством. В 1855 г. этот союз был скреплен конкордатом, передавшим школы, обучение, всю

Духовную жизнь католическому духовенству. «Как до революции, так и после нее, - писал Энгельс, - Австрия оставалась самым реакционным государством Германии, наиболее неохотно вступавшим на путь современного развития; к тому же она была единственной сохранившейся специфически католической великой державой»².

Однако ни расправа с участниками движения, ни жестокая реакция не могли уничтожить влияния венгерской революции на хозяйственную жизнь Венгрии. Революция, несмотря на незавершенность, нанесла удар по феодализму. Правительству так и не удалось восстановить полностью крепостнические отношения. Фридрих Энгельс охарактеризовал в 1851 г. завоевания революции в этой области, указывая, что правительству «никогда не удастся восстановить феодальное порабощение крестьян. Если Австрия в настоящий момент снова сравнительно спокойна и даже сильна, то это главным образом объясняется тем, что громадное большинство народа - крестьяне - извлекло действительную выгоду из революции...»³

Начавшееся разрушение феодальных отношений в дальнейшем нашло свое конкретное выражение в законе 2 марта 1853 г. Закон санкционировал отмену крепостных порядков. Договорные крестьяне, сидевшие на доменах помещиков, получили право освободиться от крепостничества посредством выкупа. Вместе с тем закон охранял права помещика, сохранял помещичьи латифундии и политическую власть помещика. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Венгрии шло «по прусскому пути», по которому, по определению В.И.Ленина, «крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное,

юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы...»⁴

Венгерское крестьянство, освободившись от крепостной зависимости, не получило земли и обязано было обрабатывать помещичьи земли. Усилился процесс дифференциации крестьянства и образования сельскохозяйственного пролетариата.

Так создавался переходный период от феодализма к капитализму, когда сельское хозяйство соединяло «в себе черты и барщинной и капиталистической системы»⁵.

Революция дала толчок также для развития промышленности. Основной отраслью промышленности Венгрии в 50-60-е годы была пищевая промышленность, переработка продуктов сельского хозяйства. Развивалось сахарное производство, а также производство спирта, увеличивалось количество мельниц, наблюдался переход от ручного труда к машинному. С 1852 по 1863 г. количество паровых машин увеличилось с 42 до 308, развивалось железнодорожное строительство. Процесс промышленного переворота начал принимать конкретные формы.

Общественные сдвиги выразились в развитии торговой и финансовой буржуазии, в росте капиталовложений в предприятия, в расширении связей венгерской буржуазии с австрийской. С ростом промышленности развивался и пролетариат. К 1867 г. количество рабочих достигло 300 тыс.

Значение революции не ограничивается только сказанным. Являясь заключительным этапом общеевропейской революции, движение 1848-1849 гг. явилось началом вековой борьбы венгерского народа за освобождение.

Историческое наследие 1848-1849 годов сказалось в Венгрии в величайшем историческом событии, явившемся результатом победы Великой Октябрьской социалистической революции в России: в возникновении в 1919г. Советской Венгрии. В тезисах «К 40-й годовщине образования Коммунистической партии Венгрии» подчеркивается связь революции 1848 г. с дальнейшим развитием рабочего движения. «Венгерское рабочее движение, как интернационалистское движение, берегло и развивало прогрессивные национальные традиции. Оно сознавало, что условием общественного освобождения рабочего класса является как тесное сплочение с международным рабочим движением, так и завоевание национальной независимости. Оно выступало в роли носителя и продолжателя прогрессивных национальных традиций буржуазной революции 1848 г., национально-демократического наследия Кошута, Петефи и Танчича, народной и национальной борьбы за демократические преобразования»⁶.

Идейное наследие 1848-1849 гг. явилось вдохновляющим и на другом величайшем историческом этапе - в период второй мировой войны и полного разгрома германского фашизма. Освободительные идеи 1848-1849 гг. вдохновили рабочих и крестьян Венгрии на борьбу против империализма и фашизма, за образование народно-демократического строя, за социалистическую революцию. Победа советского народа и его армии в войне 1941-1945 гг. явилась решающим фактором в освобождении стран Центральной и Юго-Восточной Европы от фашистского ига и образования народно-демократических республик, в том числе венгерской. Опираясь на поддержку всех стран социалистического лагеря, народно-демократическая Венгрия достигла больших успехов как в экономической, так и в политической жизни.

В статье «Горные вершины» Герцен вспоминает, как он и Кошут вместе провели один месяц в одном из курортов Англии - в Вентноре. Перед разлукой семьи Кошута и Герцена были на детском празднике. «Оба сына Кошута прекрасные, милые отроки, танцевали, - пишет Герцен, - вместе с моими детьми...

Кошут стоял у дверей и как-то печально смотрел на них, потом, указывая с улыбкой на моего сына, сказал мне: «Вот уж и юное поколение совсем готово нам на смену. Увидят ли они?» Я (т.е. Герцен. - Р.А.) именно об этом и думал. «А пока пусть попляшут», - прибавил он и еще грустнее стал смотреть. Кажется, что и на этот раз мы думали одно и то же. А увидят ли отцы? И что увидят? Та революционная эра, к которой стремились мы, освещенные догорающим заревом девяностых годов, к которой стремилась либеральная Франция, юная Италия, Мадзини, Ледрю-Роллен, не принадлежит ли уже прошедшему? Эти люди не делаются ли печальными представителями былого, около которых закипают иные вопросы, другая жизнь. Звуки церковного колокола тихим утром праздничного дня, литургическое пение, и теперь потрясают душу, но веры все же в ней нет»⁷.

100 лет тому назад царское правительство России выступило в позорной роли душителя венгерской революции, и лучшие люди России при всех своих симпатиях к венгерскому народу, боровшемуся за освобождение, не могли оказать ему действенной помощи.

Полувеком позже, когда на арену революционной борьбы вышел русский рабочий, занявший ведущее место в международном рабочем движении, сформировалась та реальная и единственная сила, которая способна была свергнуть власть эксплуататоров и установить власть трудящихся. Задолго до русской революции ее вождь В.И.Ленин неоднократно в различной связи возвращался к вопросу о венгерской революции 1848 г., указывая, что царизм не только свой народ держит в рабстве, но и посылает войска усмирять другие народы, восстающие против своего рабства⁸. Со свержением царизма в России и господства буржуазии и помещиков открылись новые горизонты и для других народов. В наше время русский народ выступил в роли освободителя Венгрии от реакционнейшего фашистского режима и не только помог венгерскому народу довести до конца дело, начатое в 1848 г., но и помог подняться до таких вершин, о которых не могли даже и мечтать деятели революции 1848 г.

Реализован прочный союз венгерского и советского народов, первые камни которого были заложены великой дружбой русских революционеров-демократов и венгерских деятелей 1848-1849 гг.

1 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.175.

2 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.21, стр.435.

3 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.40.

4 В.И.Ленин. Соч., т.13, стр.216.

5 В.И.Ленин. Соч., т.3, стр.160.

6 «Новая и новейшая история», 1959, № 1, стр.152.

7 А.И.Герцен. Собр.соч. в 30 томах, т.XI, стр.30.

8 См. В.И.Ленин. Соч., т.4, стр.361-352.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ и НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
в ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009-2010

Обзор источников и литературы

В основу данного исследования положены методологические принципы анализа буржуазных и буржуазно-демократических революций, сформулированные К.Марксом, Ф.Энгельсом и В.И.Лениным в их классических работах.

К.Маркс и Ф.Энгельс были активными участниками революции в Германии, современниками венгерской революции. Войну между Австрией и Венгрией Энгельс называл «эпилогом движения 1848 года»¹. К.Маркс и Ф.Энгельс внимательно следили за развитием венгерской революции, за всеми этапами национально-освободительной борьбы венгерского народа.

В статьях, напечатанных в «Новой рейнской газете»: «Борьба в Венгрии»², ««Kolnische Zeitung» о борьбе мадьяр»³, «Война в Италии и Венгрии»⁴, «Венгрия»⁵, они подчеркивали исключительное значение борьбы венгерского народа против Габсбургов и указывали на народный характер войны в Венгрии и на исключительную роль партизанского движения.

Как правило, о событиях в Венгрии писал Ф.Энгельс. Источниками для его статей были, главным образом, австрийские газеты и бюллетени. Он отмечал впоследствии: «В свое время мы на основании австрийских сводок удивительно верно изобразили в «Neue Rheinische Zeitung» ход венгерской войны и блестяще, хотя и осторожно, делали предсказания»⁶.

Размер данного обзора не позволяет подробно остановиться на содержании всех статей Ф.Энгельса, относящихся к нашей теме. Нам важно подчеркнуть основную направленность этих статей. Ф.Энгельс, политически анализируя события, уделяет особое внимание соотношению сил борющихся сторон. Seriously занимаясь военными вопросами, Энгельс считал своим долгом дать анализ военной стороны национально-освободительной борьбы венгров, поскольку это была борьба с контрреволюцией с помощью организованных и достаточно мощных армий.

Как военный теоретик Энгельс подчеркивал исключительное военное мастерство венгров, их преимущества в ведении партизанской войны, искусство кавалерийского боя. Он высоко оценивал деятельность Комитета обороны в организации вооруженных сил венгерской революции, анализировал шаг за шагом весь ход военных действий.

Победы венгров весной 1849 г. подтвердили всю справедливость его анализа. Национально-освободительная борьба настолько заинтересовала Ф.Энгельса, что позднее он задумал написать книгу. 10 июня 1854 г. он писал К.Марксу: «Серьезно штудирую теперь венгерскую кампанию и рассчитываю к октябрю изучить все источники; книгу напишу непременно этой зимой»⁷.

Основные методологические указания для анализа и освещения венгерской революции с марксистских позиций дали исторические работы К.Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»⁸, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»⁹ и Ф.Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии»¹⁰.

На примере Франции К.Маркс определил движущие силы буржуазных и буржуазно-демократических революций, роль в них пролетариата и крестьянства, роль вооруженного восстания и массовых движений.

Ф.Энгельс в работе «Революция и контрреволюция в Германии» подверг анализу отдельные этапы борьбы венгерского народа за свою независимость. Он высоко оценивал национально-освободительный характер этой борьбы и сурово осуждал венгерских руководителей за проявленные ими колебания в вопросе объединения с австрийскими революционерами в борьбе против Габсбургов.

Огромное значение для понимания сущности венгерской революции имеет «Введение» Ф.Энгельса к работе К.Маркса «Классовая борьба во Франции»... написанное много позднее самой работы, а именно в 1895 г. Это введение является блестящим примером диалектического анализа экономического развития, а также политической борьбы, как выражения столкновения общественных классов. В этой работе Ф.Энгельс подчеркивал, что революции 1848-1849 гг. по существу были «революциями меньшинства», оценивая тем самым эти революции как революции буржуазные. В разных странах по-разному они дали толчок промышленному развитию. Таковы же результаты революции в Венгрии.

Владимир Ильич Ленин неоднократно обращался к рассмотрению характера и движущих сил европейских революций 1848-1849 гг. На основе оценки Марксом и

и Энгельсом основных проблем европейских революций В.И.Ленин анализировал важнейшие вопросы русской революции 1905-1907 гг., ее движущие силы, роль крестьянства, буржуазии, пролетариата.

Для понимания вопросов экономического развития европейских стран в рассматриваемый период важны и некоторые работы В.И.Ленина, непосредственно не касающиеся революций 1848-1849 гг. К этим работам относятся «Развитие капитализма в России»¹¹, «Капитализм в сельском хозяйстве»¹² и др. Они дают возможность путем сравнительного анализа определить уровень развития капитализма в Венгрии, роль рынка и городов, развитие капитализма в сельском хозяйстве. Для понимания сущности аграрных отношений и характера аграрного закона 1848 г., изданного Пожоньским собранием, большое значение имеет статья В.И.Ленина ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»¹³. Посвященная рассмотрению реформы 19 февраля 1861 г. в России эта работа с исключительной яркостью освещает политику господствующих классов России, стремившихся сохранить свои привилегии. Вследствие тех же стремлений господствующих классов Венгрии аграрный закон 1848 г., несмотря на уничтожение барщины, оставил крестьян нищими, забытыми и по-прежнему подчиненными помещикам-крепостникам. В.И.Ленин отметил исключительную устойчивость феодальных отношений в Венгрии. В статье «Железо в крестьянском хозяйстве»¹⁴, используя данные статистики, относящиеся к 1895 г., В.И.Ленин указал на огромное значение в хозяйстве Венгрии крупных латифундий. Достаточно сказать, что через несколько десятков лет после революции 4 тыс. магнатов имели свыше тысячи десятин собственной земли каждый, а все вместе - почти третью часть всей земельной площади страны. Одновременно в Венгрии насчитывалось 1,5 млн. бедняцких хозяйств, владевших ничтожным наделом - менее трех десятин на каждое хозяйство. Для бедняцких и мелкокрестьянских хозяйств характерны были чрезвычайно низкая техника, ничтожное применение железных орудий труда и т.д. Хотя в результате поражения венгерской революции 1848-1849 гг. всецелие магнатов-крепостников и нищета и отсталость основной массы крестьянства сохранились, все же революция устранила преграды для капиталистического развития, установив частично капиталистические отношения между помещиками и крестьянами.

Особое значение для понимания национальной проблемы в многонациональной Венгрии имеют статьи В.И.Ленина, посвященные национальному вопросу, в частности статья «Социалистическая революция и право наций на самоопределение»¹⁵.

Основные положения марксизма-ленинизма, материалистическое понимание истории являются руководящими в разработке научных проблем венгерской революции и национально-освободительной борьбы.

* * *

При анализе проблем венгерской революции автор использовал разнообразные документальные материалы.

В Будапеште в Венгерском государственном архиве¹⁶ сохранились ценнейшие документы революции 1848- 1849 гг.: документы Комитета государственной обороны, Канцелярии правительства, министерства внутренних дел, министерства финансов. Наибольший интерес представляет переписка с комитатами, содержащая данные о положении на местах. Таковы дела: переписка министерства, бумаги Беницки, Берталана Семере, Ираньи, Эгреши, Миклоша Вая и др.

Так, в переписке министерства имеются решения комитатских собраний, поддерживающих мартовские требования; в бумагах Беницки - документы о

вооруженной борьбе венгерского народа за независимость и об участии в этой борьбе лиц других национальностей, о расправе Габсбургов с побежденными революционерами. Дела военных судов, находящиеся в этом архиве, содержат протоколы допросов и приговоры вождям освободительной борьбы¹⁸.

Эти документы говорят не только о зверской расправе с побежденными, не только об их биографических данных. Гайнау не мог простить талантливым венгерским полководцам австрийских военных поражений. С холодной жестокостью он требовал от своих чиновников, чтобы они добивались от арестованных венгерских генералов и высшего офицерства подробных данных о всех сражениях, в которых те принимали участие. Интересны в этом отношении трехкратные допросы Лайоша Казинци. Протоколы допросов раскрывают перед историками картину подготовки и осуществления стратегических операций венгерской революционной армии.

В этом же Военно-историческом архиве содержатся материалы о военных походах, об иностранных легионах и др.¹⁹ Особенно интересен материал об итальянском легионе под командой графа Монти. Сохранилось письмо Кошута из Арада, в котором он в последние дни борьбы благодарит Монти и итальянский легион от имени венгерской нации за храбрость в боях и за преданность Венгрии²⁰.

Интереснейшие документы, говорящие о влиянии венгерской революции, в частности событий 15 марта 1848г., на пестрое по национальному составу население северных областей Австрийской монархии, сохранились в Государственном архиве Закарпатской области УССР (ГАЗО).

Эти материалы характеризуют отношение к революции как национальных, так и социальных групп, сочувствие украинского крестьянства аграрным мероприятиям венгерского правительства (закону 18 марта). Есть данные о вооруженной борьбе венгерского народа и польских легионов в этих областях, о настроении рядовых в армиях интервентов, в частности о переходах австрийцев и солдат царской армии на сторону гонведа. В фондах местных управлений и монастырей имеется ряд документов по истории борьбы крестьян против феодальных повинностей и материалы, характеризующие реакционную роль духовенства.

Большой интерес представляют фонды Архива внешней политики России (АВПР) в Москве - Архив канцелярии министра иностранных дел, донесения царских послов Медема и Фонтона из Вены и Брунова из Лондона.

Донесения Медема и Фонтона освещали основные факты, связанные с революционными событиями в столице австрийской монархии Вене, и давали подробную информацию относительно того, что происходило в крупнейших частях Австрийской монархии - Сербии, Хорватии, Венгрии. В донесениях подробно освещаются действия Елачича, которого послы, естественно, всячески превозносят, действия вооруженных сил венгерской революции, в частности в последние месяцы венгерской независимости.

В донесениях Брунова из Лондона подробно освещается отношение не только Пальмерстона и консерваторов, но и широких кругов английского общества к венгерской революции на разных ее этапах. С исключительной четкостью вскрывается двойственность английской внешней политики, на словах защищавшей конституционную Венгрию, на деле поддерживавшей ее душителей.

Донесения царских консулов добавляют отдельные штрихи к эпизодам борьбы Венгрии за независимость. Так, в донесениях консула из Фиуме сообщаются подробности захвата Фиуме отрядом хорватских войск.

Материалы Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), особенно собрания так называемого Военно-ученого архива и личного

фонда П.К.Менькова, адъютанта штаба царской армии, находившейся в Венгрии, содержат богатейшие данные как о вооруженной борьбе венгров за свою независимость, так и о настроениях населения, об огромном энтузиазме венгерских патриотов в борьбе с силами реакции, о героическом сопротивлении венгерских солдат и части офицерства после сдачи при Вилагоше.

Ряд документов ЦГВИА, например переписка Паскевич-Берг-Гайнау, Паскевич-Николай I, письма Гёргея и другие раскрывают предательскую роль Гёргея, задолго до Вилагоша фактически подготовившего сдачу венгерской армии на милость победителя. Эти документы частично дублируются, частично пополняются материалами архива Паскевича, хранящегося в Ленинградском отделении Центрального исторического архива.

Особый интерес представляют документы о капитуляции отдельных венгерских отрядов и гарнизонов в августе-октябре 1849 г.: о сдаче Вечей, о рассылке с парламентарями в сопротивлявшиеся отряды и крепости писем Гёргея с предложением военачальникам последовать его примеру.

В материалах ЦГВИА, как в указанных выше фондах, так и в делах военно-походной канцелярии (фонд № 7л) и, особенно, военно-судной части при командующем Варшавским военным округом (фонд № 531 л), содержатся данные, свидетельствующие о страхе царизма перед проникновением в Россию революционных идей, о борьбе с их влиянием на русских солдат и офицеров, а также некоторые данные об участии русских солдат и офицеров в венгерской революции.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в личном фонде графов Паниных под № 919 и № 944, 1849-1850 гг., значатся «Записки неизвестного лица». Эти рукописи, не имеющие подписи, написаны, видимо, автором, который, несомненно, был хорошо информирован о событиях в Сербии в 1849 г. «Записки» дополняют дошедшие до нас официальные материалы о влиянии революций 1848 г. и особенно венгерской революции 1848-1849 гг. на Сербию и Сербскую Воевину, о надеждах сербов на национальную независимость. Подробно освещается развитие отношений между сербами и венграми вплоть до вооруженного столкновения между ними.

Отмечая исключительную ценность современных событиям документов, в то же время следует учесть ряд особенностей этих материалов. Для большинства документов характерна тенденциозность оценок как политических деятелей, так и событий. Возвеличение реакционных деятелей сочетается с недооценкой глубины и важности революционных событий. В то же время порой стремление всячески преувеличить собственные заслуги диктовало авторам официальных документов переоценку фактических сил венгров.

Большое значение для данного исследования наряду с неопубликованными архивными документами имели публикации, изданные как в СССР, так и за рубежом²¹. Таковы публикации в «Красном архиве» 1931-1938 гг. под редакцией автора настоящей работы, в которых отражено внешнеполитическое положение венгерской революции, опасности, угрожавшие Венгрии со стороны европейской реакции. Эти документы рисуют также поведение контрреволюционных сил внутри самой Венгрии и связь их с господствующими классами европейских государств.

Документы венгерской революции 1848-1849 гг. публиковались за границей еще в XIX в. Первая публикация была осуществлена в 1849 г. Ласло Салаи²². В этой книге опубликованы документы, относящиеся к дипломатической миссии Салаи и Денеша Пазманди (младшего) во Франкфуртский парламент. Наибольший интерес представляют верительная грамота представителей Венгрии, речь Гагерна во Франкфуртском парламенте о прибытии миссии, приветствия, а также документы, освещающие провал всего этого дела.

В 70-80-х годах XIX в. буржуазный венгерский историк Пап Денеш опубликовал отчеты о заседаниях венгерского Государственного собрания²³ - выборки из официального органа венгерского правительства «Бюллетень» («Kozlony»), характеризующие как заседания Пештского государственного собрания, которое работало с июля по декабрь 1848 г., так и деятельность Государственного собрания в Дебрецене в 1849 г. Эти отчеты - ценнейший источник для изучения политической борьбы групп и партий в ходе венгерской революции.

Аналогичные материалы опубликованы в Вене в конце 80-х годов в книгах Адлерштейна²⁴.

Эти книги также содержат протоколы венгерского Государственного собрания, отражают весь круг вопросов его деятельности. Однако речи депутатов частично приводятся полностью, частично - в выдержках.

К публикациям примыкает «Хроника истории венгерской освободительной борьбы 1848 года», изданная в Будапеште в 1899 г.²⁵ Это хронологический перечень основных событий, составленный из выдержек и цитат, главным образом из газетного материала. Ценность этой хроники состоит в том, что каждое событие освещается выдержками из самых различных венгерских газет того времени. «Хроника» охватывает события по всей территории Венгрии.

Однако только в Венгерской Народной Республике с наибольшей полнотой публикуются документы национально-освободительной борьбы 1848-1849 гг.

К столетию венгерской революции были опубликованы отчеты о заседаниях Государственного собрания в Дебрецене²⁶. Эта публикация дает возможность проследить рост влияния «Партии мира», борьбу левых, а также Кошута, с ее требованиями, и восстановить картину политической борьбы в парламенте.

Венгерские ученые за последние годы проделали также большую работу по публикации документов, освещающих массовые выступления, позицию различных социальных групп и крестьянства в ходе венгерской революции, которые игнорировались буржуазными историками. Так, сборник Эмбера²⁷ составлен из архивных материалов (как центральных, так и местных венгерских архивов), подробно освещающих в хронологическом порядке крестьянское движение в 1848 г. по всем комитатам Венгрии. По территориальному принципу, с соблюдением хронологической последовательности опубликованы здесь официальные сообщения местных административных органов о крестьянских выступлениях, переписка комитатских властей с правительством, жалобы помещиков судебным органам и т.д. По этим материалам можно проследить влияние крестьянского движения на деятельность законодательных органов Венгрии.

Материалы, освещающие позицию крупной землевладельческой аристократии, опубликованы Э.Андич в особом сборнике документов²⁸. В этом сборнике подобраны документы венгерской контрреволюции в борьбе с выступлениями масс. В сочетании с другими публикациями это помогает восстановить картину политической борьбы внутри Венгрии в период революции.

Литературное наследство Лайоша Кошута стало доступным в первые же годы после революции. Уже в 1849-1851 гг. были изданы на немецком языке книги «Людвиг Кошут и новейшая история Венгрии»²⁹ в 3 томах и «Собрание сочинений» в 3-х томах³⁰. Однако полное собрание сочинений Кошута подготовили только в современной Венгрии. Из опубликованных до сего времени 15 томов четыре (с XI по XIV включительно) относятся непосредственно к периоду перед и во время революционных событий 1848-1849 гг.³¹ В хронологическом порядке приводятся богатая переписка Кошута, его статьи, его выступления в государственных собраниях Пожоньском, Пештском и Дебреценском, в Комитете обороны.

Эти материалы дают возможность проследить все изменения политических стремлений Кошута, его отношение к другим деятелям венгерской революции, например, к Баттьяни, Семере, Гёргею, Чани, все колебания венгерского правительства в главнейших вопросах революции крестьянском и национальном.

Значительный вклад в изучение вопроса о внешнеполитическом положении Венгрии 1848-1849 гг. внесли венгерские ученые, опубликовавшие документы из архивов СССР, Австрии и Англии. Наибольшее количество документов собрано в приложении к монографии Э.Андич «Союз Габсбургов с Романовыми»³². В этой книге опубликованы, главным образом, документы Архива внешней политики России, Ленинградского центрального государственного исторического архива, Львовского государственного архива, содержащие данные о взаимоотношениях Австрии и России.

О политике Англии в отношении венгерской революции говорит ряд документов, опубликованных Е.Гарастн в книге «Внешняя политика Англии в ее борьбе против венгерского освободительного движения»³³.

Для изучения уровня хозяйственного развития предреволюционной Венгрии автор пользовался официальными статистическими материалами, опубликованными в свое время Мартином Швартнером и Элеком Феньешем, а также австрийскими статистическими сборниками и специальными статистическими исследованиями. Работа Швартнера³⁴ дает представление о распределении земли и характере землевладения, о занятиях и плотности населения Венгрии с конца XVIII в.

Статистические сборники, составленные Феньешем, дают за соответствующие годы общие данные о территории, населении, состоянии сельского хозяйства, ремесел, торговли предреволюционной Венгрии³⁵. Аналогичные материалы содержатся в работах некоторых немецких и австрийских статистиков, показавших состояние венгерского сельского хозяйства перед самой революцией 1848 г. Мы имеем в виду книги Дица³⁶, Шмидта³⁷ и Гирша³⁸.

Отдельные статистические данные для исследования уровня хозяйственного развития Венгрии того периода имеются и в статистических сборниках, изданных перед и после второй мировой войны³⁹. Естественно, все вышеуказанные статистические материалы требуют тщательной взаимопроверки и критического анализа.

* * *

Существенное значение для изучения событий 1848- 1849 гг. имеют венгерские газеты этих лет⁴⁰.

Особую ценность для данного исследования имели, естественно, демократические газеты, в первую очередь «15 марта»⁴¹ и «Рабочая газета»⁴².

Газета «15 марта» выходила под редакцией журналиста и писателя Альберта Палфи, друга Петефи. Это была наиболее радикальная политическая газета того времени, достаточно широко освещавшая политическую жизнь всей Венгрии. Она выражала, в основном, интересы мелкой городской буржуазии, интеллигенции, ремесленников, относительно мало интересовалась положением крестьянства. Газета политически остро боролась с соглашательскими колебаниями венгерского правительства. В газете широко отражено революционное движение в Пожоне, в Пеште, в других городах и комитатах. Массовое движение в Пеште в сентябрьские дни полнее всего отражено именно в этой газете. Особенно острыми ее статьи делаются с началом вооруженной борьбы с Габсбургами. Недаром после перехода власти к термидорианскому правительству Семере газета вскоре была запрещена. В документах Венгерского государственного архива имеется постановление от 7 июля 1849 г. за подписями Кошута и Семере о закрытии

газеты «... за ежедневную публикацию все более дерзких статей против правительства...»⁴³

Позиция «Рабочей газеты» соответствовала революционно-демократической позиции ее редактора Танчича, представителя левого крыла венгерской революции, сторонника наиболее радикальных мер разрешения крестьянского вопроса. Характерно, что Петефи, будучи другом Палфи, все же охотнее помещал свои статьи-призывы к борьбе не в газете «15 марта», а в «Рабочей газете».

«Рабочая газета» отражает эволюцию взглядов Танчича влево по мере обострения классовой борьбы в революционной Венгрии. Аграрная программа газеты отвечала большинству чаяний крестьянства (отмена виноградной десятины и других феодальных повинностей, возврат незаконно захваченных земель, конфискация земли предателей в пользу крестьян и т.д.). Однако, как мы уже отметили, Танчич не дошел до требования безвозмездного и полного передела помещичьей земли между крестьянами. У него также не было должной четкости в понимании социальных взаимоотношений: он приравнивал крестьян к рабочим и именно поэтому назвал свою, по сути крестьянскую газету, - «Рабочей газетой».

Из других изученных газет наиболее полные официальные материалы - приказы и распоряжения правительства, отчеты и решения Государственных собраний как Пешта, так и Дебрецена и т.п. - печатала газета «Бюллетень»⁴⁴, выходившая под редакцией журналиста Адольфа Дюрмана, до революции ведшего иностранный отдел в «Пештской газете» («Pesti Hirlap») Кошута. Ценность «Бюллетеня» как источника состоит в том, что он на каждом этапе отражал мнение правительства. Кроме того, «Бюллетень» значительно детальнее и полнее других газет освещал вооруженную борьбу революционной Венгрии с силами интервентов.

Газета рассылалась в населенные пункты, списки которых государственные почтмейстеры представляли редакции газеты через главную почту.

Умеренно радикальной можно считать выходившую в Пеште газету «Народная жизнь - Радикальный листок» (Nepelen-Radical Lap). При основании этой газеты путем слияния двух газет 18 июля 1848 г. издатели сформулировали свою программу как «завоевание свободы и равенства законным путем», защита свободы печати и частной собственности⁴⁵.

Для изучения предреволюционной Венгрии интерес представляет газета «Наше Отечество»⁴⁶. Газета интересна систематической публикацией цен на сельскохозяйственную продукцию. Это позволяет сделать вывод об экономическом положении масс, об обнищании крестьянства, что дает некоторый материал для характеристики революционной ситуации в Венгрии накануне 1848 г.

Официальная правительственная «Пештская газета» на немецком языке⁴⁷ проавстрийского направления является неплохим источником для получения фактических данных об австро-венгерских отношениях, дипломатических миссиях и переговорах. В ней имеется также информационный материал о революциях 1848 г. во Франции, в Вене, в Берлине. Наибольший интерес для данного исследования представляли номера газеты, содержащие информацию о выступлениях Лайоша Кошута в Государственном собрании в сентябре-октябре 1848 г.

Некоторый интерес представляли зарубежные газеты. Так, например, по французской правительственной газете «Moniteur» можно проследить позицию некоторых социальных групп и партий Франции в венгерском вопросе. В майских номерах 1849 г. имеются подробные отчеты о заседаниях Национального собрания с прениями по вопросу об отношении к независимой Венгрии. Речи

политических лидеров и министров - Одилона Барро, Друэна де Люи, депутатов левой Гишара, Жоли и Ледрю-Роллена, генерала Кавеньяка и др., проекты резолюций дополняют как официальные дипломатические документы того времени, так и мемуары и переписку современников.

* * *

Почти все выше охарактеризованные источники (неопубликованные и опубликованные документы, газеты того периода) отражали события революционной и национально-освободительной борьбы так, как они представлялись различным политическим партиям, социальным группам, принимавшим в этой борьбе непосредственное участие. Несколько иной, более субъективный оттенок лежит на переписке и дневниках непосредственных участников событий. Эти источники ценны тем, что показывают взгляды и воззрения основных руководящих деятелей венгерской революции, влияние тех или иных событий на эволюцию их взглядов, позволяют глубже уяснить позиции и роль каждого политического деятеля на всех этапах революции и в значительной степени дополняют официальные и газетные источники.

Еще в конце XIX в. историки получили большие возможности для суждения о взглядах Михая Танчича. Собрание его сочинений в 12 томах начало выходить еще при его жизни⁴⁸. В этом издании, являющемся библиографической редкостью даже в Венгрии⁴⁹, опубликованы как дореволюционные работы Танчича, так и его статьи в «Рабочей газете» в годы революции, его обращения к народу и т.д. Здесь же опубликованы и его мемуары, о которых мы будем говорить особо.

Сочинения Шандора Петефи были изданы через много лет после его гибели. В 4-томном русском издании сочинений этого выдающегося венгерского поэта и активного участника революции 1848-1849 гг., вождя мартовской молодежи, наряду со стихами мы находим его статьи, а также дневник и письма⁵⁰. Эти материалы характеризуют роль самого Петефи в революционной борьбе 1848-1849 гг., отражают детали ряда важных событий этой борьбы, как например, выступление масс 15 марта, критическое отношение революционной молодежи к министерству Баттьяи. Материалы о выборах в Государственное собрание в июне 1848 г. раскрывают всю картину подавления воли масс правящими кругами, комитат-скими и городскими властями, основные этапы национально-освободительной войны.

Буржуазные историки почти не уделяли внимания документам, непосредственно выражавшим мысли и чаяния вождей наиболее революционного крыла национально-освободительного движения. Вот почему особенно важно отметить, что только в народной Венгрии стало возможным опубликовать речи и статьи Вашвари⁵¹, самого юного из выдающихся деятелей венгерской революции, погибшего в боях 1849 г.

Для нашей работы наиболее ценны: выступление Вашвари «О свободе печати и о сотрудничестве между нациями» перед рабочими типографии 15 марта 1849 г., в которой Вашвари разоблачил габсбургскую политику национального угнетения (принцип «divide et vincas») и призывал к борьбе за демократические свободы⁵², и речь в Комитете общественной безопасности в защиту необходимости создания национальной гвардии и с требованием вооружения ремесленной молодежи⁵³.

В этом собрании сочинений Вашвари опубликовано также его обращение к солдатам, где он призывает к борьбе с Габсбургами, связывая независимость Венгрии с раскрепощением крестьянства и др.

Идеология крупнопомещичьей венгерской аристократии нашла свое отражение в опубликованных в 1886 г.

«Беседах» Ференца Деака⁵⁴. Автор был в начале 1848 г. одним из крайне правых членов Государственного собрания. На определенном этапе революции он стал умеренным либералом. По мере развития революции Деак становился все более и более реакционным, пока не перешел в декабре 1848 г. в лагерь Габсбургов.

Переписка между руководящими деятелями венгерской революции публиковалась частично еще в XIX в. в приложениях к мемуарам и т.п.

В годы второй мировой войны Деак Имре опубликовал выборочно переписку между членами венгерского правительства, королем и Елачичем, Кошутом и Ласло Телеки, Ласло Чани, Семере⁵⁵. В Народной Венгрии вышло из печати 3-томное издание писем⁵⁶, охватывающее широкий круг лиц, - письма политических деятелей венгерской революции, живших в разных областях и районах страны, письма частных лиц, касающиеся тех или иных вопросов жизни Венгрии 1848-1849 гг., письма иностранцев, с которыми встречались или переписывались эмиссары венгерского правительства за границей. Эта переписка, изданная Э.Вальдапфель, охватывает широкий круг проблем. В ней нашли отражение все основные политические события внутри страны. По ним можно судить, как реагировали современники на мартовские события, на различные законы Пожоньского сейма, на политическую обстановку во время первого министерства. В письмах также освещаются отдельные моменты национально-освободительной войны. Ряд писем показывает деятельность эмиссаров в Париже и Лондоне, их борьбу за завоевание симпатий к венгерской революции.

* * *

Венгерская революция 1848-1849 гг., естественно, отразилась и в мемуарной литературе. До нас дошло значительное количество воспоминаний современников революции - венгерских политических деятелей, очутившихся в эмиграции, военных, уцелевших от репрессий дипломатов, а также представителей передового русского офицерства. Естественно, что некоторая часть мемуаров носит на себе отпечаток вольного или невольного стремления авторов приукрасить свою роль в глазах соотечественников и европейского общественного мнения, что несколько искажает действительный ход событий. Перед исследователем стояла серьезная задача - тщательно проанализировать мемуары каждого, сопоставить порой самые разнообразные источники, чтобы выявить подлинную конкретную историческую действительность и роль мемуариста в революционных событиях.

Наиболее широко и полно охвачена жизнь революционной Венгрии 1848-1849 гг. в мемуарах Михая Танчича. На русском языке эти мемуары, законченные Танчичем в конце 70-х годов XIX в., опубликованы под заглавием «Мой жизненный путь»⁵⁷.

Эти мемуары представляют ценный источник для историка. Они богаты фактическим материалом. Из 62 глав 11 охватывают месяцы революционно-национальной борьбы.

Еще в годы революции мартовцы опубликовали воспоминания Альберта Ньяри о дне 15 марта⁵⁸. Студент юридического факультета Ньяри был вождем студенческой молодежи, активно выступавшей в мартовские дни. В его воспоминаниях сквозит революционный дух, пафос молодежи, стремившейся под влиянием европейских революций покончить с габсбургским абсолютизмом, с феодальным строем. Ньяри противопоставляет настроения студенчества реакционным настроениям большинства профессуры. Этот дневник дает ряд ярких деталей к характеристике мартовской молодежи и всех событий, связанных с самыми первыми шагами венгерской революции.

Книга, изданная Иожефом Мадарасом в 1883 г.⁵⁹, не представляет собой обычных мемуаров - дневников, записей хронологического порядка. Это сборник воспоминаний об отдельных событиях, об отдельных этапах революции, о некоторых ее организациях и руководителях. Разделы, посвященные 1848-1849 гг., составляют только часть книги. Особая ценность записок И.Мадараса в том, что автор, будучи выразителем интересов левого крыла венгерской революции, активным участником как Пештского, так и Дебреценского собраний, освещает роль и деятельность левых, в частности роль своего брата Ласло Мадараса, характеризует очень важные события. Так, в статье «Клуб равенства 1848 г.» раскрываются задачи клуба и его деятельность в борьбе за свободу печати, за уничтожение избирательного ценза, других ограничений прав личности. Интересна статья «Законопроект о вооруженных силах», рисующая картину борьбы за национальную венгерскую армию, страницы, рассказывающие об обстановке министерского кризиса в сентябре 1848 г. Однако наибольшую ценность для историка представляет та часть этих мемуаров, в которой И.Мадарас подробно описывает историю борьбы левых с «Партией мира» в последние месяцы революции.

Ференц Пульски, соратник Кошута и эмиссар венгерского правительства в Лондоне, оставил два тома своих мемуаров, из которых второй том непосредственно относится к венгерской революции⁶⁰. Знатный венгерский вельможа, член венгерского правительства, имевший связи в среде английской аристократии и промышленных кругов, Пульски в своих мемуарах запечатлел отдельные события революции 1848 г. в Венгрии и в Австрии. Характерно для этого политического деятеля искреннее стремление к объединению революционных сил Австрии и Венгрии для борьбы против Габсбургов. Выехав из Вены в момент, когда революция в Вене была почти задавлена, Пульски в декабре 1848 г. был отправлен Кошутом через Париж в Англию. Его записки вскрывают всю двойственность отношения английских правящих кругов к судьбам венгерской революции и упорные попытки венгерского правительства добиться поддержки англичан и признания независимости Венгрии. Приложенные к мемуарам письма Телеки и Казмер Баттьяни дополняют материалы о внешнеполитических трудностях венгерской революции.

Воспоминания жены Ференца Пульски, Терезы⁶¹ дают некоторые штрихи для характеристики личности Пульски и его деятельности в Вене, а также в Лондоне в последние месяцы существования независимой Венгрии.

Артур Гёргей писал свои воспоминания⁶² в Клагенфурте непосредственно после своего предательства. Гёргей, естественно, стремился присвоить себе все успехи в вооруженной борьбе, сваливая на других все неудачи, а также пытался скрыть свою предательскую роль в революции. Если судить по этим мемуарам, Гёргей был великим полководцем. Буржуазная историография, а в дальнейшем и историография фашистской Венгрии в полном соответствии с этим и создавали Гёргею ореол национального героя.

Учитывая это, мы тем не менее должны отметить, что мемуары Гёргея дают богатейший материал для изучения военной стороны национально-освободительной борьбы.

Дьердь Клапка, генерал венгерской армии, сдавший врагу крепость Комаром, также по свежим следам написал свои воспоминания о революционной войне⁶³. В этой книге подробно описываются действия различных военных соединений во время весенних побед в апреле 1849 г. Клапка превозносит Гёргея, умаляя роль тех полководцев, которые поддерживали Кошута.

Оправдывая свое предательство в Комароме, Клапка утверждает, что гарнизон был деморализован, он вынужден был даже расстреливать своих солдат

и офицеров и не мог далее сопротивляться. Между тем официальные документы, как показано в нашей работе, говорят о сознательной и длительной подготовке и продуманном плане сдачи крепости.

Александр Силади, офицер-патриот, оставил нам драматическое описание последних дней национально-освободительной войны⁶⁴. Эти воспоминания характеризуют отношения между Гёргеем и Кошутом, все увеличивавшийся антагонизм между ними.

Воспоминания и записки полковника гонведов и комиссара правительства в северных областях Венгрии Лайоша Беницки⁶⁵ освещают национально-освободительную борьбу в комитатах, населенных в основном словаками, и военные действия весной и летом 1849 г. Эти воспоминания показывают также, какое влияние оказывали революционные действия рабочих горняцких районов на венгерскую администрацию, как менялись политические взгляды и настроения самого Беницки, кадрового венгерского офицера, правительственного комиссара.

Так же как воспоминания Беницки, известный интерес представляют мемуары Шандора Телеки⁶⁶. В них имеются материалы для характеристики Бема, одного из крупнейших полководцев национально-освободительной войны, и действий его в Трансильвании.

Мемуары Лайоша Ковача⁶⁷ отличаются тем, что автору их не приходится прикрывать своих ошибок в революции. Он был и остался активным защитником программы примирения с Габсбургами и австро-венгерского союза. Политический характер его мемуаров ярко выражен. Он настроен против Кошута, против Мадарасов. Его воспоминания рисуют картину борьбы партий и групп в Дебреценском парламенте, укрепление и повышение удельного веса «Партии мира», борьбу ее против «Декларации независимости». Эти мемуары вскрывают всю неприглядную роль венгерских реакционеров в последние месяцы национально-освободительной борьбы венгерского народа.

Борьба австрийского правительства против революции в Венгрии в 1848 г. раскрывается в мемуарах австрийского дипломата Гюбнера⁶⁸. Это источник для характеристики всей обстановки, определившей дворцовый переворот, «отречение» Фердинанда и объявление 18-летнего его племянника австрийским императором и венгерским королем.

События в Венгрии, завершавшие революционную волну первой половины XIX в. в Западной Европе, вызвали отклики у передовых представителей русской общественной мысли. М.Бакунин был активным участником революции 1848 г. в Германии и всячески призывал славян к участию в венгерской революции. В полном собрании сочинений М.А.Бакунина⁶⁹ опубликовано его «Воззвание к братьям - славянам» 1848 г.

С огромной симпатией относился А.И.Герцен к деятелям венгерской революции. Живя в эмиграции, он встречался с Кошутом, переписывался с Пульски. В статье «Война», напечатанной в «Колоколе»⁷⁰, а также в работе «Горные вершины» Герцен с необычайной теплотой отзывался о борьбе Венгрии за независимость и подчеркивал огромное значение венгерской революции в борьбе с реакцией в Европе.

Н.Г.Чернышевский, еще будучи юношей, писал в своем «дневнике»⁷¹, что он друг венгров, подразумевая под этим свое сочувствие революционно-демократической борьбе за национальную независимость. Позже он еще более четко характеризовал в своих статьях в «Современнике» национально-освободительный характер венгерской революции.

Естественно, что борьба венгерского народа за независимость вызвала ту или иную реакцию в довольно широких кругах русского общества.

С огромной симпатией относились к венгерской революции не только самые передовые русские мыслители того времени, как Герцен, Бакунин, Чернышевский, но и либерально настроенное офицерство.

В своих воспоминаниях, записках, статьях, относящихся к Венгрии 1849 г., Лихутин⁷², Берниковский⁷³, Фатеев⁷⁴, Богдановский⁷⁵, Шепелев⁷⁶ и другие офицеры восхищаются мужеством и храбростью венгров, их благородством, и одновременно весьма презрительно относятся к австрийским войскам и их командованию. Не случайно симпатии русского офицерства к венграм вызвали недовольство австрийского императора.

Указанные выше мемуары вместе с воспоминаниями некоторых других русских военных и дипломатов дополняют историческую картину национально-освободительной борьбы Венгрии.

* * *

Истории революционных событий 1848-1849 гг. уделялось в венгерской литературе большое внимание.

Первыми их летописцами были оказавшиеся в эмиграции деятели венгерской революции Михай Хорват и Даниэль Ираньи.

Книги Хорвата, активного деятеля национально-освободительной борьбы Венгрии в 1848-1849 гг., министра культов и просвещения в правительстве Семере: «25 лет из истории Венгрии (1823-1848)»⁷⁷ и «История борьбы Венгрии за независимость в 1848-1849 гг.»⁷⁸, написанные под непосредственным впечатлением пережитого, дают главным образом политическую историю дореволюционной и революционной Венгрии. Они богаты фактическим содержанием, подробным изложением деятельности законодательных органов, по существу представляют хроникальное описание, разработанное в духе признания прогрессивной роли и политического значения революции.

Однако Михай Хорват в своих работах не затрагивал классового содержания революции и вопросов классовой борьбы. Революция была сведена к борьбе единой «венгерской нации» с австрийцами. Хорват поддерживает созданную в период революции либеральным дворянством легенду о добровольном отказе дворян от своих привилегий и освобождении крестьян от крепостных повинностей в 1848 г. Как в этом вопросе, так и в других Хорват фактически рассматривает революцию с позиции либерального венгерского дворянства.

Работу по истории венгерской революции создал один из наиболее радикальных деятелей революции-Даниэль Ираньи, который начал свою деятельность в рядах мартовской молодежи, был секретарем первого кабинета министров, депутатом Государственного собрания, принимал активнейшее участие во всей революционной борьбе и был заочно приговорен габсбургской реакцией к смертной казни. Написанная им вместе с французским историком и публицистом Шарлем Луи Шассэном книга «Политическая история венгерской революции 1847-1849 гг.»⁷⁹ проникнута ненавистью к Габсбургам, преданностью идеям борьбы за национальную независимость. «Политическая история» Ираньи и Шассена содержит не только богатейший фактический материал о всей политической борьбе за эти годы, но и характеризует позиции отдельных партий, дает характеристику политических деятелей. Авторы безоговорочно одобряют деятельность Кошута, не останавливаясь на его колебаниях. В работе уделяется серьезное внимание деятельности левого крыла.

Эта книга являлась первой и единственной в XIX в. историей венгерской революции, подробно освещавшей с радикальных позиций все основные перипетии борьбы бурных революционных лет.

В 1867 г. на основе союза австрийского и венгерского господствующих классов была создана двуединая австро-венгерская монархия, в которой Венгрия получила некоторую самостоятельность. В связи с этим вновь ожили национальные стремления. Кошут провозглашался национальным героем, казненные генералы - героями и мучениками. День 15 марта, начало революции, отмечался как национальный праздник торжествами и «патриотическими» манифестациями. В последующие годы такое отношение к революции закрепилось и в исторической литературе.

Особое место среди историков революции 1848-1849 гг. занял Эрвин Сабо, видный деятель рабочего движения, лидер крайне левого и антимилитаристского крыла социал-демократии, противник официального оппортунистического направления в партии. С одной стороны, его фундаментальная работа «Общественная и партийная борьба в венгерской революции 1848-1849 гг.»⁸⁰, изданная через 3 года после смерти автора, содержит теорию революции и классовых отношений в Венгрии, противоречащую марксизму и разделявшуюся в течение многих лет официальной оппортунистической социал-демократией. Основное содержание революции Сабо видел в борьбе среднепоместного дворянства против магнатов- представителей крупного землевладения и Габсбургов, игнорируя буржуазный характер революции. Автор доказывал, что революция 1848 г. ничего не изменила в развитии венгерской экономики. В предисловии к избранным сочинениям Маркса и Энгельса Сабо сделал ряд критических замечаний по вопросу о характере революции и хозяйственной жизни Венгрии⁸¹. Так, Сабо считал неправильным положение Маркса о развитии капитализма в Венгрии в 40-х годах XIX в. По оценке Эрвина Сабо, уровень развития Венгрии в период, предшествовавший революции, оставался таким же, как во времена турецкого нашествия.

С другой стороны, труд Эрвина Сабо разрушал легенду, господствовавшую в литературе того времени, о добровольном отказе от привилегий со стороны венгерского дворянства. Как правильно утверждал Сабо, только под давлением массовых революционных выступлений оно встало на путь освобождения крестьянства. Законодательство 1848 г. ставило своей задачей сохранить политическую гегемонию за венгерским дворянством. Принципы народного представительства и свободы печати, противоречащие власти дворянства, игнорировались. Для этого сохранялся высокий имущественный ценз при выборах в Законодательный орган; с той же целью вводились многочисленные ограничения для периодической печати и т.д.

Эрвин Сабо правильно трактует роль Кошута как представителя оппозиционного среднего дворянства, который в 1847 г. стремился противодействовать крестьянской революции, а во время самой революции сознательно затягивал разрешение крестьянского вопроса на том основании, что несвоевременно заниматься им в тот момент, когда всей нации грозит опасность.

Резкий поворот в оценке революции 1848 г. произошел после пролетарской революции 1919 г. в Венгрии. Венгерская буржуазия заняла крайне реакционные позиции, она все более клонилась к фашизму, и в эти годы возникли «труды», которые отрицали значение и роль революции 1848-1849 гг., борьбы за национальную независимость. Все события 1848 г. рассматривались только с точки зрения отношения Венгрии к габсбургской династии, затушевывалось прогрессивное значение борьбы Венгрии против Габсбургов. По мнению авторов этих «трудов», революция не ставила своей задачей разрыв с габсбургской династией, только деятельность Кошута, который был фантазером, привела к этому разрыву. Таким образом, эти историки пересматривали основные выводы и оценки национальной историографии довоенного времени. Кошута они

превратили из национального героя в мечтателя, доходившего в своей политике до самых крайних пределов. Всячески возвеличивалась роль и личность Гёргея. Крайне левое крыло деятелей революции подвергалось резкой критике.

В 1936 г. вышел пятый том коллективного труда по истории Венгрии, посвященный революции 1848 г., написанный Дьюлой Секфю⁸². В этой книге мы не найдем научного анализа событий, в ней перемешаны психологические выкладки и идеалистические построения. Автор, как правило, дает характеристики и оценки исторических лиц не с позиции их исторической роли, а с точки зрения психологии их поступков. Классовая оценка тех или иных политических деятелей совершенно отсутствует. Так, успех выступлений Кошута в Альфельде, большое его влияние в Государственном собрании и, наконец, роль Кошута в Комитете обороны автор объясняет личным обаянием Кошута и его ораторским талантом. Борьбу за избрание того или иного депутата в Государственное собрание в 1847 г., т.е. накануне революции, автор изображает, как вековую борьбу за влияние того или иного крупного семейства в комитатах. Выдвижение на выборах 1836, 1839 гг. молодых деятелей - Мора Перцеля или Ференца Пульски - автор изображает как результат личных интриг, между отдельными семействами в комитатах. Секфю фальсифицирует наиболее значительные факты политической борьбы, даты революции. Так, событиям 15 марта, знаменующим начало революции, автор уделяет буквально несколько строк и относит их к не имеющим политического значения. «15 марта, как аполитичный символ свободолюбия и национального чувства, преодолевающего препятствия, навсегда остался в памяти венгров»⁸³. Деятельность мартовской молодежи сводится лишь к упоминанию имен. Секфю подчеркивает, так же как и авторы довоенного времени, добровольность жертв дворян в интересах крестьян, а также во имя национального освобождения. Деак сказал помещикам: «верно, что вас ожидает нужда и нищета, но вы видите, что при нынешнем положении обстоятельное обсуждение подобных вопросов не представляется возможным»⁸⁴. В ответ на такие призывы «классовый интерес, - пишет автор, - растворился в более значительном интересе национальной обороны, и добрые помещики сами отказались от прав, обеспеченных кодексом Вербеци»⁸⁵.

Крестьянские движения, которые на некоторых этапах революции достигали большой силы, автор называет «нарушением» общего патриотического подъема, «мелочью, о которой не стоит говорить»⁸⁶. Петефи трактуется, как «поэт свободы, который не был политиком»⁸⁷. Всячески, с привлечением цитат, подчеркивается одиночество и оторванность венгерского народа, который погибал, «идя навстречу новому Мохачу»⁸⁸.

Оценивая значение 1848 г., автор указывает только на его национальный смысл и на то, что эта революция была совершена образованными интеллигентными людьми. «1848 г. был национальным движением, - пишет автор, - и народ сел и городов подчинился национальному руководству интеллигентных классов, как в большей или меньшей степени то же самое произошло и в рядах невенгерских национальностей. Этим объясняется, что венгерский, сербский, валахский простой народ, независимо от общественных экономических интересов, принимал участие в тех национальных по своему характеру движениях, которые были начаты интеллигентными кругами этих народов весной 1848 г., той весной, когда всюду появлялись бутоны, из которых затем выросли кровавые розы»⁸⁹.

Автор считает, что массы неспособны на самостоятельные действия и совершенно не учитывает роль крестьянских движений в революции, движение плебейских масс городов.

Что касается трактовки царской интервенции, то, по мнению Секфю, главное здесь - рыцарское слово царя Николая, данное им императору Францу о том, что он всегда будет другом семейства Габсбургов. Огромную роль в этот период автор отводит Гёргею, выставляя его капитуляцию как спасение армии и нации.

* * *

На разборе отдельных направлений венгерской историографии (Хорвата, Ираньи, Сабо, Секфю) необходимо было остановиться несколько подробнее, чтобы показать, на чем воспитывалось современное поколение историков и как много нужно было преодолеть для того, чтобы подойти к подлинно научному анализу событий 1848 г.

Историки современной народно-демократической Венгрии упорно трудятся над созданием научной истории революции 1848-1849 гг., идя по пути преодоления множества легенд, националистических представлений, идеалистических концепций. Они поставили перед собой задачу пересмотреть ряд важнейших проблем революционного движения 1848-1849 гг., особенно тех, которые более всего подвергались фальсификации со стороны фашистских, а также буржуазных и социал-демократических историков.

Современная историческая наука углубила и расширила рамки исследований; историки не ограничиваются рассмотрением политической истории, они исследуют экономические и социальные отношения, аграрный вопрос,

Крестьянское и рабочее движение, национальную проблему и т.д. Разработка архивов, ставших доступными после победы народно-демократической революции, дала возможность расширить документальную базу и воссоздать правильную картину самого хода политической борьбы.

Главой исторического фронта народно-демократической Венгрии был Йожеф Реваи. Его работы «Лайош Кошут»⁹⁰, опубликованная в 1945 г., и «Путь революции 1848 года»⁹¹, вышедшая к столетию революции, были первыми марксистскими работами. Его обобщающий труд «Маркс и венгерская революция 1848-1849 гг.»⁹² был написан им в фашистской тюрьме в 1932 г. и опубликован позже, когда Венгрия стала народно-демократической. Естественно, автор, сидя в тюрьме, не мог пользоваться архивами, не мог охватить в деталях всю картину революции. Но его работа была написана не только с учетом прямых высказываний Маркса и Энгельса о ее событиях, но и с методологических позиций марксизма. В своей небольшой, но содержательной книжке Реваи раскрывает диалектику важнейших революционных событий, развития революции по восходящей и нисходящей линии. Он правильно оценивает политических деятелей революции, останавливаясь на характеристике представителей левого крыла, правильно определяет характер и значение революции.

Вышеупомянутые работы Йожефа Реваи поставили перед историками Венгрии задачу создания подлинно научной истории венгерской революции 1848-1849 гг.

Большое научное значение имеют работы члена венгерской Академии наук Эржебет Андич. В книге «Церковная реакция во время революции 1848-1849 годов в Венгрии»⁹³ автор разоблачает реакционную роль католической церкви в революции. Вместе с тем отмечается участие в революционном движении сельских священников. В книге «Борьба Кошута против предателей и оппортунистов в эпоху реформ и революции»⁹⁴ Андич вскрывает реакционную роль как духовной, так и светской аристократии, прослеживает борьбу Кошута не только с крупным дворянством, но и с тем оппортунистическим течением, которое сложилось в среде среднего дворянства и положило начало «Партии мира». Автор правильно отмечает, что борьба Кошута в марте-мае 1849 г. была

направлена на противодействие бонапартистскому перевороту, к которому шла «Партия мира».

Современные венгерские историки продолжают изучать вопрос о вмешательстве царской России в дело венгерской революции. В работе «Союз Габсбургов с Романовыми»⁹⁵ Эржебет Андич прослеживает историю теснейшего союза реакционнейших властителей тогдашней Европы с Мюнхгрецкого соглашения 1833 г. и показывает, как крепнет этот союз Габсбургов и Романовых по мере роста революционного движения в Европе, и как, в конечном счете, он приводит к интервенции и подавлению венгерской революции. Книга основана на изучении богатого архивного материала, причем использованы также архивы СССР.

Вышедшая в 1949 г. книга академика Д.Эмбера «Крестьянское движение в Венгрии в 1848 году»⁹⁶ дает очерк положения крестьянства ко времени революции и довольно подробную картину крестьянских волнений на всей территории Венгрии.

Историки народно-демократической Венгрии не прошли мимо такого крупного революционного органа, как Государственный комитет обороны. Дьёзё Эмбер дает историю Комитета национальной обороны, ставшего на определенном этапе революции органом исполнения и контроля. Наиболее крупной из этих работ является его статья «Кошут во главе Государственного комитета обороны», напечатанная в сборнике «К 150-летию со дня рождения Кошута», изданном в 1952 г. В этой статье рассказывается история Комитета обороны, вскрывается борьба течений в нем, выясняется роль института правительственных комиссаров, их деятельность, а также значение новой политической администрации и Комитета обороны в создании гонведской армии, одерживавшей блестящие победы в борьбе против армий интервентов⁹⁷.

Некоторые историки народно-демократической Венгрии изучают историю рабочего движения и роль рабочего класса в революции. Так, академик Деже Немеш, видный политический деятель и историк, опубликовал статью «Рабочие в революции 1848-1849 гг.»⁹⁸, которая рассматривает экономическое и правовое положение рабочих. Автор подчеркивает широкое применение в цехах, в мануфактурах, на шахтах женского и детского труда, наличие жестокой эксплуатации. Содержанием статьи является характеристика выступлений подмастерьев, а также рабочих в процессе самой революции. Автор рассматривает движение подмастерьев Пешта в апреле 1848 г., дает оценку взаимоотношений плебейских масс с радикалами, подчеркивая слабость и разобщенность трудящихся масс.

Статья Д. Немеша явилась первым исследованием, посвященным данному вопросу.

Современные венгерские историки уделяют внимание вопросам борьбы политических течений и партий в период революции. Истории образования «Партии мира» и ее роли в революции посвящена статья Моца «Партийная борьба и политика правительства 1848-1849 гг.», напечатанная в сборнике статей «Революция и освободительная борьба 1848-1849 гг.»⁹⁹

Ряд исследователей народно-демократической Венгрии занимается специальными проблемами экономического развития, аграрных отношений как до 1848 г., так и в ходе революции. Значительное внимание уделяется цеховым отношениям, выступлениям ремесленников и подмастерьев в 1848 г.

Работа Д.Мереи «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Венгрии 1790-1848 гг.»¹⁰⁰ исследует историю аграрных отношений с конца XVIII в. вплоть до самой революции. В центре его исследования - анализ крупноместного хозяйства со всеми его особенностями, его интенсификация под влиянием

рыночных отношении, зачатки капиталистических отношений в сельском хозяйстве Венгрии и связанное с этим усиление эксплуатации крепостного крестьянства. В основу исследования положен богатый статистический материал.

В работе «Развитие промышленности в Венгрии с 1790 г. по 1848 г.»¹⁰¹ Д.Мереи подробно рассматривает промышленное развитие Венгрии с конца XVIII в., привлекая статистические данные, подвергает анализу состояние различных отраслей промышленности, подчеркивает экономическую зависимость Венгрии от Австрии, указывает на своеобразие развития венгерской промышленности, на ее исключительную отсталость и в то же время относительное развитие легкой и особенно пищевой промышленности. Автор этого исследования указывает на наличие предприятий, насаждаемых владельцами крупных поместий на своих землях, основанных на крепостном труде, прослеживает начало развития капиталистических предприятий мануфактурного типа. Автор останавливается также на проблемах внешнего и внутреннего рынка, на торговых связях Венгрии. В книге имеются разделы, характеризующие экономику Венгрии в период самой революции; кризис, переживаемый Венгрией накануне революции; влияние последнего на положение трудящихся масс.

Тому же автору принадлежит специальная работа «Венгерская цеховая система накануне 1848 г.». Автор, основываясь на многочисленных статистических и архивных материалах, подробно характеризует состояние цеховых промыслов накануне революции, положение подмастерьев и учеников, борьбу их против эксплуатации, за улучшение условий труда. Автор указывает на усиливающееся разложение цеховых отношений, на попытки цеховой верхушки удержать свою гегемонию, на обострение борьбы как внутри цеховых организаций, так и со свободными ремесленниками, с контарями. Этот интересный очерк в известной мере заполняет пробел в исследовании положения трудящихся масс накануне революции, а также рисует борьбу за улучшение их материального и правового положения.

В работе Э.Ледерер «Возникновение промышленности в Венгрии»¹⁰² освещаются вопросы роста капиталистических отношений с первых десятилетий XIX в. Автор подробно описывает формы докапиталистических предприятий, постепенное проникновение капиталистических отношений в экономику Венгрии. Эта работа ценна тем, что она на основе конкретного материала разрабатывает теоретическую проблему возникновения и развития капитализма в Венгрии.

Статья Бели Шарлоша «Революционная борьба пештских рабочих и их программа в 1848 году»¹⁰³ посвящена специальному рассмотрению интересных страниц движения пештских рабочих и ремесленников в апреле 1848 г., а также их программных требований, сформулированных в процессе стачечной борьбы. Заслуга автора в том, что он обнаружил в архивах и полностью опубликовал прокламацию «Хлеб народу», документ, сформулировавший, наряду с социальными требованиями, программу борьбы против австрийского абсолютизма, за национальное освобождение. Эта прокламация отражала требования, которые отстаивали ремесленники и рабочие наиболее крупного промышленного центра Венгрии.

Дьёрдь Шпира в статье «Венгерское крестьянство и дворянское руководство в первой буржуазной революции»¹⁰⁴ подробно рассматривает классовую политику дворянского руководства, обострение политической обстановки после издания аграрного закона в марте 1848 г. Тщательно прослеживая изменения политики дворянства, автор подчеркивает, что в сентябре, в период вторжения бана Елачица в Венгрию произошло полевение части венгерского дворянства, что и привело к образованию Комитета обороны.

В более позднем исследовании «О расслоении крестьянства комитата Пешт накануне 1848 г.»¹⁰⁵ Дьёрдь Шпира проанализировал положение крестьянства комитата Пешт на основе переписей 1770 и 1828 гг., показал процессы расслоения крестьянства и постепенного измельчания крестьянских участков.

Дьёрдь Шпира исследовал также роль словацких шахтеров в национально-освободительной борьбе 1848-1849 гг. и подчеркнул их исключительную активность¹⁰⁶.

Но центром исследований Шпиры является разработка проблемы политической истории революции: подробный анализ основных этапов революции, деятельность Кошута и т.д.

Работа Дьёрдя Шпиры «Союз Лайоша Кошута с левыми радикалами и народными массами в Венгерской революции 1848-1849 гг.»¹⁰⁷ является итогом серьезного изучения внутривенгерской жизни Венгрии этого периода.

Основное содержание этой обстоятельной статьи - последовательный разбор отдельных этапов революции, рассмотрение политической борьбы в государственных собраниях, роли Кошута на различных этапах революции. Д.Шпира, привлекая большой документальный материал, исследует славный период деятельности Кошута, когда он, объединившись с левыми радикалами, а также плебейскими массами, развивает широкую деятельность по мобилизации революционных сил и становится подлинным руководителем национальной обороны.

По богатству фактического материала, по кругу рассматриваемых вопросов фундаментальным трудом является книга Д.Шпира «Венгерская революция 1848-1849 гг.»¹⁰⁸ Автор последовательно излагает все основные события революционной борьбы венгерского народа за национальную независимость. Перед глазами читателя проходит вся история революции, классовая борьба внутри страны, рассмотренные с марксистских позиций. Однако было бы желательно усилить критический анализ политики Кошута и Баттьани на различных этапах революции. Автор хорошо знаком с венгерскими архивами, является одним из крупнейших знатоков документального материала по истории революции 1848-1849 гг.

Ряд специальных проблем венгерской революции рассматривает в своей статье «Руководители венгерской освободительной борьбы и Октябрьское восстание в Вене»¹⁰⁹ Иштван Барта. Центральное место занимает здесь анализ взаимоотношений руководителей венгерской освободительной борьбы и австрийских революционеров. Колебания Кошута в создании единого фронта с австрийскими революционерами для борьбы против империи Габсбургов анализируются автором с большой тщательностью.

В другой статье Иштвана Барта, «Крестьянская политика правительства в 1849 г.»¹¹⁰, подробно рассматриваются судьбы крестьянства на последних этапах революции. Автор подробно останавливается на тех обстоятельствах, которые в конце концов заставили венгерское правительство пойти на уступки и издать закон «Об урбариях» в июне 1849 г. Однако эти уступки были сделаны слишком поздно и не могли предотвратить поражения.

Большую работу проделали историки народной Венгрии для пересмотра национальной проблемы в революции, которая больше всего подвергалась фальсификации со стороны буржуазной и фашистской лженауки.

В исследовании Золтана Тота «Кошут и национальный вопрос в 1848 году»¹¹¹ подчеркивается, что ожесточенная вооруженная борьба против Габсбургов могла бы получить большую силу, если бы был создан единый союз многочисленных национальностей, населявших Венгрию. Между тем венгерское революционное правительство, пришедшее к власти в марте-апреле 1848 г., долгое время не

решалось провести мероприятия, которые привлекли бы национальные меньшинства. Так, имелась возможность создания румынских и польских легионов, установить единство действий с сербами и др. Однако венгерское правительство тормозило создание единого фронта всех национальностей против Габсбургов. Автор проявляет некоторую непоследовательность, стремясь затушевать ошибочность политики Лайоша Кошута в этом вопросе.

Тому же вопросу посвящены книги Ковача. В подробной биографии Юзефа Бема¹¹² говорится об участии выдающегося польского генерала и революционера в освобождении Венгрии. Книга рассказывает об организаторской и полководческой деятельности Юзефа Бема в Трансильвании. Фактически же в этой книге говорится о союзе двух народов - польского и венгерского в борьбе за освобождение от абсолютистского ига. Дружба молодого венгерского поэта и революционера Шандора Петефи с испытанным бойцом Юзефом Бемом символизирует этот союз.

В другой работе - «Попытки примирения венгров и южных славян»¹¹³ - Ковач характеризует взаимоотношения между венграми и южными славянами, указывает на многочисленные попытки установить соглашение между южнославянскими народами и Венгрией при посредничестве деятелей польской эмиграции.

Исследование Э.Арато «Национальный вопрос в истории Венгрии», охватывающее в двух томиках период с 1790 до 1848 г.¹¹⁴, явилось шагом вперед в преодолении националистических ошибок венгерской историографии. Автор, привлекая большой документальный материал, показывает сложность переплетения национальных и классовых противоречий в предреволюционные годы.

Борьба, происходившая в эти годы, предрешала подъем национального движения и обострение противоречий в революции. Ценность работы Арато состоит в анализе национальных противоречий в тесной связи с изучением классовой борьбы и социальных движений в национальных областях Венгрии.

Историки народно-демократической Венгрии обратили внимание на важную проблему - деятельность левого крыла революции, мартовской молодежи - и роль отдельных ее представителей: Шандора Петефи, Пала Вашвари, Даниэля Ираньи, а также на деятельность левых депутатов Государственного собрания, из которые наиболее стойким и последовательным был Ласло Мадарас.

Шандор Фекете в своей работе «Мартовская молодежь»¹¹⁵ дает историю возникновения этого течения, повествует о деятельности мартовской молодежи на протяжении всей революции, создании «Общества равенства», характеризует программу этого общества. В книге дается правильное определение значения «Общества равенства». Однако в ней недостаточно вскрывается классовая ограниченность руководителей этого общества, непонимание ими значения союза венгерского народа с венгерскими народами для борьбы против Габсбургов, их ошибки в крестьянском вопросе и т.д.

В предисловии к изданному им же собранию избранных сочинений Пала Вашвари, Шандор Фекете дает анализ идей молодого революционера и борца, его философских, исторических и политических взглядов¹¹⁶.

Велико значение работ Фекете, характеризующих роль левого крыла и мартовцев, но все же их еще недостаточно для того, чтобы полностью выявить слишком долго затушевываемые стороны революционной борьбы. Традиции замалчивания роли мартовской молодежи, стремление выдвинуть единственного вождя и руководителя революции - Лайоша Кошута - слишком глубоко внедрились в историческую литературу Венгрии. Необходимы дальнейшие усилия историков и

ряд специальных работ для того, чтобы полностью восстановить роль и значение левых вождей революции и всего радикального крыла в целом.

В статье Лайоша Фаркаша и Гезы Радо «Кошут и военная промышленность в период освободительной борьбы»¹¹⁷ рассматриваются вопросы, связанные с подготовкой к обороне Венгрии, а также с организацией военной промышленности для обороны страны, указывается на роль революционного правительства, и в частности Кошута, в мобилизации всех необходимых ресурсов для обороны, в создании отдельных предприятий по производству вооружения, боеприпасов, военного снаряжения. Вопросам организации обороны посвящена коллективная статья Балаша, Боруша и Надя «Кошут - организатор революционной обороны»¹¹⁸. В ней затрагивается не только материальная, но и организационная сторона борьбы.

Интересной по содержанию является книга Яноша Варги «Борьба народных ополченцев и партизан против Елачича осенью 1848 г.»¹¹⁹ В этой книге рассматривается начальный этап национально-освободительной борьбы - две битвы при Пакозде и одна при Озоре в сентябре 1848 г. Эти битвы завершились победой венгерских войск над войсками противника. Елачич должен был отступить. Значение работы Яноша Варги в том, что он убедительно, на основе многих конкретных фактов показал, что победы венгерских войск определялись высоким духом гонимой армии и в особенности действиями партизан. Варга подчеркивает, что война превратилась в столкновение самого населения с контрреволюционными войсками. Война все более и более становилась народной. И этот факт определил победу на данном этапе борьбы.

Тому же автору принадлежит небольшая статья о Гёрге¹²⁰. Автор рассматривает весь жизненный путь Гёргея и определяет классовую основу его воззрений:

происхождение, воспитание, обучение в высшем военно-саперном институте - все вело его к признанию австрийского духа и к пиетету перед австрийской военщиной. Его стремление завершить войну при помощи соглашения с Австрией имело глубокую классовую основу.

Жигмонд Пах написал исследование «Публикация писем Гёргея, относящихся к августу 1849 года»¹²¹, в котором с большой убедительностью доказал предательство Гёргея.

Вопросы внешнеполитической обстановки, в которой протекала революция, а также влияние освободительной борьбы Венгрии на политику европейских держав и царской России освещены в статье Юлии Кениереш «Освободительная борьба и международная политика»¹²². В ней автор подчеркивает, что борьба венгерского народа нарушила равновесие сил великих держав, обострила скрытые противоречия между ними и реально угрожала распаду австрийской монархии. Автор справедливо отмечает также, что одной из причин вмешательства царской России в дела Венгрии было и то, что независимая Венгрия подорвала бы влияние царизма на Балканах.

Близким к вышеуказанной теме является монографическое исследование Евы Гарасти «Внешняя политика Англии в борьбе против национально-освободительного движения Венгрии»¹²³. Используя большой документальный материал, извлеченный главным образом из архива британского министерства иностранных дел, автор специально останавливается на политике Англии в 1848-1849 гг. и на отношении Англии к царской интервенции.

Автор правильно отмечает, что точка зрения английской дипломатии на освободительную борьбу венгров против австрийцев в первый ее период заключалась в стремлении содействовать примирению обеих сторон. Однако после блестящих побед венгров английские правящие круги изменили свою

позицию и всеми силами помогали царской России и Австрии в подавлении венгерского восстания¹²⁴. Автор отмечает также двуличную политику английского премьера Пальмерстона, который, сохраняя маску нейтралитета, не только оказывал поддержку интервенционистской политике царизма, но и всячески подстрекал другие страны - Францию и Турцию - не препятствовать политике царизма в Венгрии.

В Советском Союзе научная разработка революции 1848-1849 гг. в Венгрии только начинается.

Еще в 1923 г. в сборнике, посвященном 75-летию революции 1848 г., Е.Варга написал краткий популярный очерк о венгерской революции, где подчеркнул ее значение и особенности ее в сравнении с революциями в других странах¹²⁵.

Затем в течение десятилетия советская историография не занималась вопросами истории венгерской революции.

Только в 1935 г. вышла из печати книга «Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией», написанная автором настоящей монографии¹²⁶. На основе архивных материалов в книге прослеживается роль царизма в подавлении венгерской революции. Ряд других исследований того же автора, касающиеся отношения передовой русской общественности к венгерской революции, переведены на венгерский язык под общим названием «Освободительная борьба венгерского народа в 1848-1849 гг. и передовая русская общественность»¹²⁷.

Б.Л.Ландору принадлежит интересная статья, посвященная вопросам внутреннего развития венгерской революции 1848-1849 гг.¹²⁸, З.Липпаю - краткий очерк, где рассмотрены предпосылки революции и основные ее этапы, напечатанный в 2-томном издании Академии наук «Революция 1848-1849 гг.»¹²⁹ Молодой исследователь И.И.Орлик написал работу, посвященную крестьянским движениям в период революции 1848 г.¹³⁰

1 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.6, стр.175.

2 Там же, стр.175-186.

3 Там же, стр.324-329.

4 Там же, стр.409-412.

5 Там же, стр.560-560.

6 См письмо Ф.Энгельса - К.Марксу от 6 июля 1852 г. Соч., т.28, стр.68.

7 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч, т.28, стр.309.

8 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.7, стр.5-110.

9 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.115-217.

10 Там же, стр.3-113, 114-115. Ленин. Соч., т.2, т.1, т.16.

12 В.И.Ленин. Соч., т.4, стр.94 и сл.

13 В.И.Ленин. Соч., т.17, стр.93-101.

14 В.И.Ленин. Соч., т.19, стр.276-277.

15 В.И.Ленин. Соч., т.22, стр.132-146.

16 Magyar Országos Levéltár. Budapest.

17 Hadtörténelmi Levéltár. Budapest.

18 Hadtörténelmi Levéltár Az 1848-1849 évi magyar szabadság-harc aradi vertanwra vonatkozó csaszari hadbirosagi vizsgalati iratok, 113/24.

19 Az 1848-1849 évi magyar forradalom es szabadsagharc iratai (Legiok).

20 Ibidem.

21 Подробно см. библиографию.

22 Ladislaus Szalay. Diplomatische Aktenstücke zur Beleuchtung der ungarischen Gesandtschaft in Deutschland. Zurich, 1849.

23 Pap Denes (szerk.). A magyar nemzetgyules Pesten 1848-ban. I-II. Budapest, 1881; Pap Denes (szerk.). A parlament Debreczen-ben 1849. I-II. Lipcse, 1870.

24 Joh. Janotycky v. Adierstein. Chronologisches Tagebuch der magyarischen Revolution. I-III. Wien, 1851.

25 «A magyar szabadsagharcz tortenete napi-kronikakban (1848)». Egybeszedte Kery G. Budapest. 1899.

26 «A szabadsagharc fovarosa Debrecen 1849, januar-majus». Szerk. Szabo Isvan. Debrecen, 1948.

Р. А. Авербух

РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

В ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Учен. Библиотека Век Просвещения, 2009-2010

- 27 Ember Gyozo. Iratok az 1848-i magyarorszagi parasztmoz-galmak tortenetehez. Budapest, 1951.
- 28 Andics E. A nagybirtokos arisztokracia ellenforradalmi szere-pe 1848-49-ben. Kot. II. Budapest, 1952.
- 29 Kossuth L. Kossuth Ludwig und Ungarns neueste Geschich-te, Band 1-3. Mannheim, 1849.
- 30 Ludwig Kossuth. Gesammelte Werke, Band 1-3. Leipzig, 1850-1851.
- 31 Kossuth Lajos Osszes munkai. Kot.XI (szerk. es bev. Bar-ta Istvan). Budapest, 1951; Kot.XII (szerk. Sinkovics Istvan). Budapest, 1957; Kot. XIII (szerk. Barta Istvan). Budapest, 1952; Kot. XIV» (szerk Barta Istvan). Budapest, 1953.
- 32 Andics E. A Habsburgok 6s Romanovok szovetsege. Buda-- pest, 1961.
- 33 Haraszi E. (szerk. es bev.). Az angol kflpolitika a magyar szabadsagharc ellen. Budapest, 1951.
- 34 Martin Schwartner. Statistik des Konigreichs Ungarn. Of en, 1798.
- 35 Fenyes. A. Statistik des Konigreichs Ungarn. 1-3. Pest, 1843-1849; Fenyes E. (Osszegyujt). Magyarorszag leirasa. Pest 1848; Fenyes E.A. Magyar birodalom statistikai, geographiai es torteneti tekintetben. Pest, 1847.
- 36 H.Ditz. Die ungarische Landwirtschaft. Leipzig, 1867. 37 F.Schmidt. Statistik des Oesterreichischen Kaiserstaates. Wien, 1860.
- 38 A.Hirsch. Ungarns Grundbesitzverhaltnisse. Agrarstatistische Untersuchung. Halle a/S. 1893.
- 39 «Magyar Statisztikai kozlemenyek uj sorozata». Budapest, 1936; «Magyar Statisztikai es Evkonyv». Budapest, 1948.
- 40 Список газет см. в библиографии.
- 41 «Marcius Tizenotodike», Pest. С 19 марта до конца 1848 г. вышло 276 номеров, в 1849 г.-67 номеров.
- 42 «Munkasok Ujsaga», Pest. Выходила со 2 апреля 1848 г. по 2 января 1849 г. Вышло всего 33 номера.
- 43 Orszagos Leveltar. Miniszterelnokseg Orszagos Honvedelmi Bizottmany.
- 44 «Kozlony». Pest, Debrecen. В 1848 г. вышло 203 номера, за 1849 г. сохранились в библиотеке Института марксизма-ленинизма в Москве (ИМЛ) № 1-49 и 153-160.
- 45 «Nepelem - Radical Lap», Pest.
- 46 «Hazank», Gyor, 1847. В нашем распоряжении были № 16-151 этой газеты за 1847 г.
- 47 «Pesther Zeitung». В нашем распоряжении были № 641-755 за 1848 г. и разрозненный комплект за 1849 г., хранящиеся в ИМЛ.
- 48 Tancsics M. Muvei, 1-12. Pest. 1873-1875.
- 49 В СССР имеется один экземпляр в библиотеке Института марксизма-ленинизма.
- 50 Петефи Шандор. Собр. соч., т.1-4. М., 1952-1953.
- 51 Vasvari Pal. Valogatott irasai. Budapest, 1956.
- 52 Vasvari Pal. Valogatott irasai. Budapest, 1956, 285-266 old.
- 53 Ibid., 288-291 old.
- 54 Deak Ferencz. Beszedei (szerk. es bev. Konyi Mano). Budapest, 1886.
- 55 Deak Imre (szerk.). 1848 ahogyan a kortarsak lattak. A szabadsagharc tortenete levelekben. Budapest, 1943.
- 56 Wa1dapfel E. (szerk.). A forradalom es szabadsagharc le-velestara. I-III. Budapest, 1950-1965.
- 57 Михай Танчич. Мои жизненный путь. Перев. с венг. М., 1952.
- 58 Nyari A. A magyar forradalom napjai. Pest, 1'848.
- 59 Madarasz J. Einlekirataim 1831-1881. Budapest, 1883.
- 60 Franz Pu1szky. Meine Zeit, mein Leben. Bd.I-II. Press-burg - Leipzig, 1881 (Pulszky Ferenz Eletem es korom. I-II Budapest, 1884).
- 61 Terese Pulszky. Aus dem Tagebuche einer ungarischen Dame. Leipzig, 1850.
- 62 Arthur Gergei. Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849. Band I-II Leipzig, 1852.
- 63 Klapka G. Der Nationalkneg in Ungarn und Siebenburgen in den Jahren 1848-1849 Bd.I. Leipzig, 1851.
- 64 Alexander Szilagyi. Die letzten Tage der magyarischen Revolution. Pest, 1860.
- 65 Beniczky Lajos banyavideki kormánybiztos es honvedezredes visszaemlekezesei es jelentesei az 1848/49-iki szabadsagharcrol es a tot mozgalomrol. Budapest, 1924.
- 66 Teleki S Ernlekek Bemrol. Budapest, 1951.
- 67 Kovacs Lajos. A bekepart a magyar forradalomban. Budapest, 1883.
- 68 Hubner, comte de. Une annee de ma vie. 1848-1849. Paris,
- 69 М.А.Бакунин. Собр.соч., т.III. М., 1935.
- 70 А.И.Герцен. Полн.собр.соч. и писем. Под ред. М.К.Лемке. Пг, 1919.
- 71 Н.Г.Чернышевский. Полн.собр.соч., М., 1949-1950.

- 72 М.Д.Лихутин. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875.
- 73 А.Л.Берниковский. Венгерский поход 1849 г. - «Русский архив», 1885, № 12.
- 74 В.Т.Фатеев. Настроение русской армии на полях Венгрии в 1848-1849 гг. - «Русская старина», 1912, № 5.
- 75 Н.Богдановский. Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях. - «Русская старина», 1893, январь.
- 76 Шепелев Сдача Косинчи. Эпизод из венгерской кампании 1849 г. - «Исторический вестник», 1904, т.XCVII.
- 77 M.Horvath. Funfundzwanzig Jahre aus der Geschichte Ungarns 1823-1848. Bd.I-II. Pest, 1867.
- 78 Horvath M. Magyarorszag fuggetlensegi harcanak tortenete 1848 es 1849. Kot1-2. Pest, 1863-1867.
- 79 Iranyi D., Chassin Ch.L. Histoire politique de la revolution de Hongrie 1847-1849. Part I-II, Paris, 1859-1860.
- 80 Szabo Ervin. Tarsadalmi es partharcok a 48-49-es magyar forradalomban. Budapest, 1921.
- 81 «Marx es Engels valogattot muvei. A forditast atnezte Szabo Ervin. Kot. 2. Budapest, 1905-1909.
- 82 Szekfu Gyula. Magyar tortenete. V. Budapest, [1936].
- 83 Szekfu Gyula. Magyar tortenete. V, 394 old. Дело идет о речи Деака на предпоследнем заседании Государственного собрания 30 декабря, накануне сдачи Пешта австрийцам
- 84 Szekfu Gyula. Magyar tortenete. V. 395 old.
- 85 Там же.
- 86 Ibidem.
- 87 Ibid., 433 old.
- 88 Ibidem.
- 90 R  vai J. Kossuth Lajos. Moszkva, 1944.
- 91 Revai J. 1848 utjan. Budapest, 1948.
- 92 Иожеф Реваи. Маркс и венгерская революция 1848-1849 гг. Budapestini, 1951.
- 93 An dies Erzsebet Az egyhazi reakcio 1848-1849 ben. «Forra-dalom es szabadsagharc 1848-1849». Budapest, 1948. Русский перевод: Эржебет Андич. Церковная реакция во время революции 1848- 1849 гг. в Венгрии. Budapestini, 1961.
- 94 Andics Erzsebet. Kossuth harca az arulok es megalkuvok ellen a reformkorban es a forradalom idejen. «Kossuth Lajos emiek-konyv». II. Budapest, 1952. Французский перевод: Erzsebet A n d i c s. Kossuth en lutte centre les ennemis des reformes et de la revolution. Budapestini, 1954.
- 95 Andics E. A Habsburgok es Romanovok szovetsege. Az 1849. evi magyarorszag-i cari intervencio diplomaciai elotortenete. Budapest, 1961.
- 96 Ember Gyozo. Magyar paraszttmozgalmak 1848-ban. Budapest, 1949.
- 97 Ember Gyozo. Kossuth a Honvedelmi Bizottmany elen.- «Emiekkonyv Kossuth Lajos». I. Budapest, 1952.
- 98 Nernes D. A munkassag az 1848-1849-es forradalomban. «Forradalom es szabadsagharc 1848-1849». Budapest, 1948.
- 99 Mod A. Partharcok es a kormány politikája 1848-1849-ben «Forradalom es szabadsagharc 1848-1849». Budapest, 1948.
- 100 Merei Gyula. Mezogazdasag 6s agrartarsadalom Magyarországon 1790-1848. Budapest, 1948.
- 101 M  rei G. Magyar iparfej  des 1790-1848. Budapest, 1951.
- 102 Lederer E. Az ipari kapitalizmus kezdetei Magyarországon... Budapest, 1952.
- 103 Sarlos B. A pesti munkassag forradalmi harca es programja 1848-ban. - «Szazadok». Budapest, 1955. 1 szam.
- 104 Spira Gyorgy. Parasztsagunk es az elso magyar polgari forradalom, nemesi vezetese. - «Szazadok», 1948, 1-i szam.
- 105 Spira Gyorgy. A Pest megyei parasztság 1848 elotti retegezodesehez. - «Szazadok», 1958, 5-6 szam.
- 106 Spira Gyorgy. Szlovak banyaszok az 1848-49-i magyar szabadsagharcban. Magyar torteneti kongresszus. Budapest, 1954.
- 107 Spira Gyorgy. Kossuth Lajos forradalmi szovetsege a radikal  s baloldallal es a nepi tomegekkel. «Ernlekkonyv Kossuth Lajos szuletensenek 150. evfordulo jara». II. Budapest, 1952. Французский перевод: Spira G. L'alliance de Kossuth avec la gauche radicale et les masses populaires de la revolution hongroise de 1848-1849. Budapest, 1953.
- 108 Spira Gyorgy. A magyar forradalom №48-49-ben. Budapest, 1959.
- 109 Barta I. A magyar szabadsagharc vezetői es a becsi oktoberi forradalom. - «Szazadok», 1951, 1-4 szam. Немецкий перевод: Barta I. Die Anfdhrer des ungarischen Freiheitskampfes und d. Wie-ner Oktoberaufstand. Budapestini, 1962.
- 110 Barta Istvan. A ken-mány parasztpolitikája 1849-ben.-«Szazadok», 1955, 6 szam; «Szazadok», 1956, 1-2 szam.

Р. А. Авербух
РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
в ВЕНГРИИ 1848-1849

М.: Наука. 1965

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009-2010

- 111 Toth Zoltan. Kossuth es nemzetisegi kerdes 1848-1849-ben. «Emiekkonyv Kossuth Lajos szuletésének 150. év. fordulojara». II. Budapest, 1952. Русский перевод: Золтан И.Тот. Кошут и национальный вопрос в 1848-1849 гг. Budapestini, 1954.
- 112 Kovacs Endre. Bern Jozsef. Budapest, 1954.
- 113 Kovacs Endre. Magyar delszlav megbekelési torekvesek 1848/49 ben. Budapest, 1958.
- 114 Arato Endre. A nemzetisegi kerdes tortenete Magyarorszagon. I. 1790-1840. II. 1840-1848. Budapest, 1960.
- 115 Fekete Sandor. A marciusi fiatalok. Budapest, 1950.
- 116 Fekete Sandor. Vasvari Pal. Budapest, 1951.
- 117 Parkas Lajos, Rado Geza. Kossuth es szabadsagharc hadiipara. - «Szazadok», 1952, 3-4 szam.
- 118 Balazs Jozsef, Borus Jozsef, Nagy Katman. Kossuth, a forradalmi honvedelem szervezoje. «Emiekkonyv Kossuth Lajos». I.
- 119 Varga Janos. Nepfelkelo es gerillaharcok Jellasics ellen 1848 oszen. Budapest, 1953.
- 120 Varga Janos. A Gorge; kerdeshez.- «Valosag». 1960, N 2.
- 121 Pach Zs. Kiadatlan Qorgey-iratok 1849 augusztusabol. - «Szazadok», 1957, 1-4 szam.
- 122 Kenyeres Julia. A szabadsagharc es a nemzetkozi politika. «Forradalom es szabadsagharc 1848-1849» Budapest, 1948.
- 123 Haraszti Eva. Az angol kflpolitika a magyar szabadsagharc ellen. Budapest, 1951.
- 124 Ibid., 77 old.
- 125 E.Варга. Венгерская революция 1848-1849. В кн.: «1848- 1849 гг. К 75-летию революции 1848 г. Сборник статей». М., 1923.
- 126 Р.Авербух. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848-1849 гг. М., 1935.
- 127 «A magyar nép 1848-1849 függetlenségi harca es az orosz tarsadalom halado eroi «Magyar orosz tarsadalmi kapcsolatok». Budapest, 1956.
- 128 Б.Л.Ландор. Венгерская революция 1848-1849 гг. и царская интервенция.- «Исторические записки», 1940, № 9
- 129 З.Липпаи. Национально-освободительная война в Венгрии 1848-1849 гг. В кн.: «Революция 1848-1849 гг.», т.I. М, 1952.
- 130 И.И.Орлик. Крестьянское движение в Венгрии в первые месяцы буржуазной революции 1848-1849 гг. - «Новая и новейшая история», 1959, № 4.